

ISSN 0321-0391

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

Том 83

4

Москва
2023

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

Том 83 № 4

Октябрь—Ноябрь—Декабрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН В 1937 Г.

МОСКВА
2023

Научная подготовка журнала осуществляется Институтом всеобщей истории РАН в сотрудничестве с Государственным Эрмитажем и Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова

Международный редакционный совет

Председатель акад. РАН *М.Б. Пиотровский* (Санкт-Петербург)

проф. *Э. Андерсен* (Осло), проф. *К. Антонетти* (Венеция),
проф. *Г. Бауэрсок* (Принстон), проф. *Д. Браунд* (Эксетер),
проф. *А. Брессон* (Чикаго), проф. *Г.-И. Герке* (Фрайбург),
акад. РАН *Н.Н. Казанский* (Санкт-Петербург), проф. *Ф. де Каллатай* (Брюссель),
проф. *П. Калльери* (Болонья), акад. РАН *В.И. Молодин* (Новосибирск),
акад. РАН *В.С. Мясников* (Москва), проф. *Г. Парцингер* (Берлин),
проф. *Х. Ремесаль Родригес* (Барселона), проф. *С. Розен* (Стокгольм),
проф. *Ч.Б. Роуз* (Филадельфия), проф. *Н. Симс-Вильямс* (Лондон),
проф. *П. Функе* (Мюнстер), проф. *М. Хадзопулос* (Афины),
проф. *А. Ханиотис* (Принстон), проф. *Ш. Шакед* (Иерусалим),
проф. *Д. Шарпен* (Париж)

Редакционная коллегия

Главный редактор член-корр. РАН *А.И. Иванчик* (Москва)

д.и.н. *А.Ю. Алексеев* (Санкт-Петербург),
к.и.н. *И.С. Архипов* (ответственный секретарь, Москва),
д. филол. н. *Л.С. Баюн* (Москва), д.и.н. *А.О. Большаков* (Санкт-Петербург),
д.и.н. *А.А. Вигасин* (Москва), к.и.н. *В.А. Головина* (зам. главного редактора, Москва),
член-корр. РАН *Н.П. Гринцер* (Москва), к.и.н. *М.М. Дандамаева* (Санкт-Петербург),
к.и.н. *А.А. Ильин-Томич* (Майнц), д-р *Г.М. Кантор* (Оксфорд),
д.и.н. *В.Д. Кузнецов* (Москва), к. филол. н. *П.Б. Лурье* (Санкт-Петербург),
к.и.н. *Е.В. Ляпустина* (Москва), к.и.н. *И.А. Макаров* (Москва),
к.и.н. *В.И. Мордвинцева* (Москва), к.и.н. *А.В. Муравьев* (Москва),
к.и.н. *А.А. Немировский* (Москва), д.и.н. *А.В. Подосинов* (Москва),
д.и.н. *С.Ю. Сапрыкин* (Москва), д.и.н. *А.В. Седов* (Москва),
к. филол. н. *И.С. Смирнов* (Москва), к.и.н. *С.В. Смирнов* (Москва),
д.и.н. *А.М. Сморгачев* (Москва), к. филол. н. *С.А. Степанцов* (Москва),
д.и.н. *И.Е. Суриков* (Москва), член-корр. РАН *И.В. Тункина* (Санкт-Петербург)

Заведующая редакцией *А.В. Иванова*

E-mail: vdi-red@yandex.ru

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORY AND PHILOLOGY
INSTITUTE OF WORLD HISTORY

JOURNAL OF ANCIENT HISTORY

Volume 83 Issue 4

October—November—December

PUBLISHED QUARTERLY

FOUNDED IN 1937

MOSCOW
2023

The content is prepared in the Institute of World History (Russian Academy of Sciences)
in cooperation with the State Hermitage and the Lomonosov Moscow State University

International Council

Prof. *Mikhail Piotrovsky* (Chairman, Saint Petersburg)

Prof. *Øivind Andersen* (Oslo), Prof. *Claudia Antonetti* (Venice),
Prof. *Glen Bowersock* (Princeton), Prof. *David Braund* (Exeter), Prof. *Alain Bresson* (Chicago),
Prof. *François de Callatay* (Brussels), Prof. *Pierfrancesco Callieri* (Bologna),
Prof. *Angelos Chaniotis* (Princeton), Prof. *Dominique Charpin* (Paris),
Prof. *Peter Funke* (Münster), Prof. *Hans-Joachim Gehrke* (Freiburg),
Prof. *Miltiades Hatzopoulos* (Athens), Prof. *Nikolai Kazansky* (Saint Petersburg),
Prof. *Vyacheslav Molodin* (Novosibirsk), Prof. *Vladimir Myasnikov* (Moscow),
Prof. *Hermann Parzinger* (Berlin), Prof. *José Remesal Rodríguez* (Barcelona),
Prof. *C. Brian Rose* (Philadelphia), Prof. *Staffan Rosén* (Stockholm),
Prof. *Nicholas Sims-Williams* (London), Prof. *Shaul Shaked* (Jerusalem)

Editorial Board

Prof. *Askold Ivantchik* (Editor-in-Chief, Moscow)

Prof. *Andrey Alekseev* (Saint Petersburg), Dr. *Ilya Arkhipov* (Moscow),
Prof. *Liliia Bayun* (Moscow), Prof. *Andrey Bolshakov* (Saint Petersburg),
Dr. *Maryam Dandamayeva* (Saint Petersburg), Dr. *Vera Golovina* (Moscow),
Prof. *Nikolay Grintser* (Moscow), Dr. *Alexander Ilin-Tomich* (Mainz),
Ph.D. *Georgy Kantor* (Oxford), Prof. *Vladimir Kuznetsov* (Moscow),
Dr. *Pavel Lurje* (Saint Petersburg), Dr. *Elena Lyapustina* (Moscow),
Dr. *Igor Makarov* (Moscow), Dr. *Valentina Mordvintseva* (Moscow),
Dr. *Alexey Muraviev* (Moscow), Dr. *Alexander Nemirovsky* (Moscow),
Prof. *Alexander Podossinov* (Moscow), Prof. *Sergey Saprykin* (Moscow),
Prof. *Alexander Sedov* (Moscow), Dr. *Ilya Smirnov* (Moscow),
Dr. *Svyatoslav Smirnov* (Moscow), Prof. *Andrey Smorchkov* (Moscow),
Dr. *Sergey Stepantsov* (Moscow), Prof. *Igor Surikov* (Moscow),
Prof. *Irina Tunkina* (Saint Petersburg), Prof. *Alexey Vigasin* (Moscow)

Head of the Editorial Office *Anna Ivanova*

E-mail: vdi-red@yandex.ru

DOI: 10.31857/S032103910026246-3

О СУДЬБЕ ДВУХ РЕЛЬЕФОВ ДРЕВНЕГО ЦАРСТВА ИЗ РАСКОПОК СЕЛИМА ХАСАНА В САККАРА

И. В. Богданов

Институт восточных рукописей Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: jwan.bgd@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9085-3351

Статья содержит комментарий к титулам и антропонимам на двух памятниках Древнего царства из раскопок Селима Хасана в Саккара: 1) рельеф в собрании Тайё (Токио) из гробницы *tfw*. На этом памятнике сохранились изображения двух носителей даров, горизонтальная легенда, а также титул и имя одного из персонажей: «начальник кузнецов-медников *ḥnh-wd3*, чье имя, когда он был молодой, — *msnj*»; 2) фрагмент архитрава, выставявшегося на французских аукционах, из гробницы *tmzw* с изображением вельможеской четы, их сына и дочери. Здесь сохранилось имя хозяина *tmzw*, часть титула и имени его сына *snḏm-jb=j*, а также легенда к фигуре дочери, сидящей у кресла: *mrjt-jt=s*. Оба памятника не были атрибутированы после исчезновения из гробниц, в которых они находились первоначально. В связи с разграблением памятников из раскопок Хасана в Саккара фиксация эпиграфических материалов представляется всегда насущным делом.

Ключевые слова: Египет Древнего царства, древнеегипетская эпиграфика, староегипетский язык, староегипетская антропонимика

ON THE FATE OF TWO OLD KINGDOM RELIEFS FROM THE SAQQARA EXCAVATIONS OF SELIM HASSAN

Ivan V. Bogdanov

Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

E-mail: jwan.bgd@yandex.ru

Данные об авторе. Иван Валерьевич Богданов — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела Древнего Востока ИВР РАН. Автор благодарит Д.О. Сычева и А.А. Ильина-Томича за помощь в работе. Статья отправлена в редакцию 19.06.2023.

The article contains a commentary on the titles and anthroponyms on two Old Kingdom reliefs from the excavations of Selim Hassan at Saqqara: 1) A relief in the Taiyo collection (Tokyo) from the tomb of *tfw*. This monument preserves the images of two offering-bearers, a horizontal legend, as well as the title and name of one of the persons: “chief of blacksmiths-coppers *ḥnh-wd3*, whose young name is *msnj*”. 2) A fragment of an architrave exhibited at French auctions from the tomb of *tmzw* depicting a noble couple, their son and daughter. The name of the owner *tmzw*, part of the title and the name of his son *snḏm-jb=j*, as well as the legend for the figure of his daughter *mrjt-jt=s* sitting by the armchair, are preserved here. Both monuments were not attributed after their disappearance from the tombs in which they were originally located. In connection with the looting of the monuments from Hassan’s excavations at Saqqara, the identification of epigraphic material always seems to be an urgent matter.

Keywords: Old Kingdom Egypt, ancient Egyptian epigraphy, Old Egyptian language, Old Egyptian anthroponymy

Атрибуция памятника подразумевает определение ряда пунктов или характеристик, формирующих его досье: владелец памятника и родственные источники, происхождение и датировка, история открытия и, возможно, «одиссея» этого артефакта — т.е. время и обстоятельства поступления в коллекции, смены владельца и т.п.

Критерии и способы определения любой из перечисленных задач имеют ограничения. Самый сложный пункт — «одиссея», поскольку данные о памятнике, оказавшемся на аукционе, как правило, весьма скудны. Но в этом и заключается задача исследователя — найти связующую нить между несколькими пунктами досье памятника. Поскольку речь идет именно об эпиграфике, т.е., как правило, текстовой информации на любом предмете, кроме папируса, то ключ к разгадке можно получить, применяя целый спектр методов. Набор поисковых средств формирует специфическую методологию процесса атрибуции.

Прежде всего важна работа с просопографией, т.е. с данными по именам, а также связанными с ними титулами и документацией, иными словами, с персональными досье древних египтян. Специфические титулы и антропонимы, совпадающие на разных памятниках, могут дать основания для их синхронизации. Топонимика, встречающаяся в надписях, а также наличие специфических титулов, характерных для определенной местности, дают возможность установить происхождение предмета. Помимо прочего, и стилистические критерии, а также особенности оформления различных элементов текста — титулов, жертвенных формул и фразеологизмов — дают возможность уточнить и место происхождения, и датировку предмета.

Объектами данного исследования стали два фрагмента рельефов из раскопок Селима Хасана в Саккара, волею судеб оказавшиеся в частных собраниях. Поскольку в последних публикациях место происхождения этих рельефов не было определено, я бы хотел здесь уделить место комментарию к эпиграфике этих памятников в связи с их атрибуцией и другими вопросами.

1. РЕЛЬЕФ В СОБРАНИИ ТАЙЁ (ТОКИО) ИЗ ГРОБНИЦЫ *tfw*

Первый фрагмент рельефа, который привлек мое внимание, был недавно издан в японском музейно-антикварном журнале *MEnoME*¹. В этой публикации значится, что рельеф хранится в коллекции Восточного археологического искусства Taiyo Co., Ltd. (Kyobashi, Chuo-ku, Tokyo). Приводится справка о материале — известняк, а также о размерах рельефа: 34 см х 33 см.

Рельеф является частью сцены подношения даров хозяину гробницы. Несмотря на то что в публикации *MEnoME* указана датировка XVIII династией (XVI — начало XIII в. до н.э.), совершенно очевидно, что этот рельеф относится к эпохе Древнего царства. Более пристальный взгляд на этот артефакт позволяет установить и его происхождение. Он является обломком рельефной сцены с изображением дароносцев из гробницы *tfw* в некрополе к западу от Ступенчатой пирамиды в Саккара². Эта гробница была исследована в 1930-е годы Селимом Хасаном, однако окончательная публикация гробницы была осуществлена уже после его смерти Заки Искандером в 1975 г.³ Когда попал в Японию фрагмент рельефа Тайё — неизвестно.

Рельеф *in situ* состоял из трех регистров процессий дароносцев, идущих слева направо. На обломке из собрания Тайё сохранилась часть нижнего, третьего регистра с двумя фигурами мастеров, несущих на блюдах яства. Правая часть, с фигурой первого мастера с его титулом и именем, отрезана наискось.

1.2. Надписи согласно публикации Хасана

1.2.1. Горизонтальная легенда с титулом хозяина гробницы:

[*hrj-s*]št3 *n(j) wdt-mdw nbt n(j)t [nswt]* «секретарь всех указов [царя]».

На фрагменте Тайё сохранилась лишь вторая часть надписи: [...] *n wdt-mdw nbt n(j)t* [...].

Этот титул свидетельствует, что его владелец служил в сфере законодательства⁴.

1.2.2. Первая фигура и легенда к ней:

jmj-r3 bdtjw «начальник кузнецов-медников»⁵ *nwnw*.

Его образ, имя и титул на рельефе Тайё не сохранились. Но я остановлюсь на этом персонаже, поскольку он важен для датировки гробницы. Он изображен также в сцене приношений на западной стене часовни *pth-htp* II / *tfj* в Саккара⁶ с тем же титулом:

¹ *MEnoME* 2021, 55; URL: www.ancientart-taiyo.com/e_relief.html; дата обращения: 21.10.2023.

² *PM* III.2, 605; Hassan 1975a, 105–106, 112, pl. 86A.

³ *PM* III.2, 605, LX (план); Hassan 1975a, 105–113, pl. 83–86; Harpur, Scremin 2008, xvii (план).

⁴ Jones 2000, 617–618 [2265]; Hannig 2003, 868–869.

⁵ Jones 2000, 111–112 [455]; Hannig 2003, 93.

⁶ Saqqara D 64, западная стена (Paget, Pirie 1898, pl. 38, с ошибочной подписью «North wall»). См. Chauvet 2015, 63–64, fig. 1; Harpur, Scremin 2008, 238 [351].

jnj-r3 bdtjw «начальник кузнецов-медников» *nwnw*.

Иероглифы в легенде к его фигуре носят следы вторичной обработки, знак совы не детализирован, да и имя выписано иначе, хотя это наверняка один и тот же человек — его имя слишком необычно для староегипетской антропонимики⁷, да и титул и соседство гробниц свидетельствуют в пользу этого отождествления. Он был членом контингента мастеров, строивших гробницы как для *pth-htp* II, так и для *tfw*⁸. Сановник *pth-htp* II / *tfj* был визирем при царе *wnjs*, исполняя при этом массу других должностей, а *tfw* носил титулы *hrj-tp nswt* «поверенный царя» и *[hrj-s]š3 n wdt-mdw nbt nt [nswt]* «секретарь всех указов [царя]». Мاستабу *pth-htp* II следует точно датировать концом долгого правления царя *wnjs*⁹; *tfw*, вероятно, был похоронен тогда же¹⁰.

Поскольку строительство гробницы уже делало любого рабочего участником заупокойного ритуала, то он имел право изобразить себя в качестве жреца культа того человека, на которого он временно трудился. Снедь, которую несут для *pth-htp* II на пару *jnj-r3 kstjw* «начальник ваятелей» *nfr-hnt* и *jnj-r3 bdtjw* «начальник кузнецов-медников» *nwnw*, — это их творческий труд, воплощенный в продуктовых дарах. Равным образом и в гробнице *tfw* продукты, которые несут в корзинах начальники кузнецов, являются символами плодов их профессиональной деятельности. Разумеется, в других фазах ритуального процесса, помимо строительства и отделки гробниц, они могли и не принимать участия, разве что в качестве платы за свою работу они получали заслуженный продуктовый паек, потребление которого означало жертву хозяину гробницы. Иное мнение высказывает В. Шове¹¹: «начертание имен и титулов могло быть добавлено к сцене задним числом, когда лица, имевшие беспрепятственный доступ к гробнице, тайно (или явно) оставляли свою “подпись” как напоминание об их вкладе в памятник, иначе оставшемся бы анонимным, и таким образом косвенно извлекали выгоду из культа своего покровителя, как и любой другой второстепенный персонаж, изображенный в гробнице». На мой взгляд, идея представления конкретного строителя в образе заупокойного жреца или прихожанина воплощалась не только через инициативу художника, а изначально входила в программу изображения культового пространства, составленную самим хозяином мастабы. В результате решительно все действия, совершаемые мастером или иным служащим, — доставка материала, творческий труд, потребление пайка и т.д. — автоматически включались в ритуал частного культа в качестве его фаз, но изобразить их мастер мог каким угодно образом: как за реальной

⁷ Помимо указанных гробниц, имя *nwnw* встречается еще на одном памятнике (CG 1617: Borchardt 1964, 88, Bl. 83, см. *PN* I, 206.9; Scheele-Schweitzer 2014, 495 [2079]), принадлежавшем *hk3 hrt(jw)-ntr jt-šrj rn=f nfr nwnw* «управляющему кладбищенскими ремесленниками *jt-šrj*, чье имя, когда он был молодой, — *nwnw*».

⁸ Связь *tfw* с семьями *pth-htp* II и *pth-htp* I не доказана, хотя и вполне возможна, см. Krämer 2019, 159–160.

⁹ Harpur 1987, 274 (400); Strudwick 1985, 88; Harpur, Scremin 2008, 262. Ср. *PM* III.2, 600: «Isesi to Unis».

¹⁰ *PM* III.2, 605: «End of Dyn. V»; Harpur, Scremin 2008, 477: «the reign of Unis».

¹¹ Chauvet 2015, 63–64. С другой стороны, М. Одлер принимает участие кузнецов в ритуальных подношениях за реальность (Odler 2023, 236–237).

профессиональной работой, так и за символическими занятиями (например, в сцене подношения продуктов). Начальник кузнецов *nwnw* представил себя как заупокойного жреца хозяев сразу двух гробниц в некрополе к западу от Ступенчатой пирамиды в Саккара, поскольку принимал участие в возведении обоих памятников. На рельефе Тайё символическими дароносцами представлены и двое его коллег.

1.2.3. Вторая фигура и легенда:

jmj-r3 bdtjw ḥnh-wd3 rn=f nfr msnj «начальник кузнецов-медников *ḥnh-wd3*, чье имя, когда он был молодой¹², — *msnj*».

Эта легенда содержит сразу два имени, принадлежащих одному человеку — начальнику медников *ḥnh-wd3/msnj*.

Мужское имя *ḥnh-wd3* означает «жив и счастлив»¹³; на памятниках Древнего царства оно отмечено четыре раза¹⁴; помимо гробницы *tfw*, оно встречается также на памятниках *mhw*¹⁵, *ḥnh-wd3/jtj*¹⁶, *jtj/tj*¹⁷.

Его второе имя *msnj*¹⁸ тоже отмечено только у мужчин. Мне известно несколько персонажей с таким именем времен Древнего царства, из них пять внесены в справочник К. Шееле-Швайцер:

1. В гробнице *tfw* в Саккара (ныне — фрагмент Тайё).

2. В гробнице *mhw*¹⁹: *shd hmw-k3 špsj nswt nbj rn=f nfr msnj* «инспектор заупокойных жрецов, царский вельможа *nbj*, чье молодое имя *msnj*».

¹² Интерпретация *rn=f nfr* как сочетания «имя + псевдопричастие» следует из женского варианта *rn=s nfr.tj* (во фразе *hntj-k3w=s rn=s nfr.t(j)* «чье имя, когда она была молодой» *jkw*: Altenmüller 1998, 103 (b), Taf. 13; ср. *ibid.*, 163, Taf. 53). Х. Альтенмюллер, впрочем, трактует *nfr.t(j)* как характеристику «wenn sie vollkommen ist», подчеркивающую супружескую роль *hntj-k3w=s*. Впрочем, в большинстве случаев между двумя именами (из которых второе часто является гипокористиком) употребляется формула *rn=s nfr*, перевод которой «чье молодое имя» остается стандартным.

¹³ Ср. имя *snb-wd3* «здоров и счастлив»: Scheele-Schweitzer 2014, 652 [3151]; Altenmüller 1998, Taf. 61.

¹⁴ *PN* II, 270.26; Scheele-Schweitzer 2014, 295 [688], с переводом «es lebe der, der heil ist». Чтение этого имени в гробнице *d^cw* (Davies 1902, 2, pl. 4 = Kanawati 2007, pl. 71: до нашего времени не сохранилось) маловероятно; Канавати читает его как приписку *ḥnh-wd3?* ... «live and well? ...», что вполне приемлемо, судя по диспозиции текста.

¹⁵ Altenmüller 1998, 44, 54, 59, 61, 180, Taf. 60: *z3b zš* «судейский писарь» *ḥnh-wd3*.

¹⁶ Притолока Kunsthistorisches Museum, Wien ÄS 8524a+b (Junker 1947, 127, Abb. 59; Hölzl 1999, 75–82): *zš nswt hftj-hr* «писарь царской канцелярии непосредственно» *ḥnh-wd3 rn=f nfr* «его молодое имя» *jtj*.

¹⁷ Сын владельца гробницы *jtj/tj* (Giza D.207, URL: www.giza-projekt.org/Inschriften/D%20207/Eingang.html; дата обращения: 21.10.2023).

¹⁸ Нет у Х. Ранке; Scheele-Schweitzer 2014, 405–406 [1445]: *Ms(j).n=j (?)* «den ich geboren habe (?)».

¹⁹ Altenmüller 1998, 47, 70, 75, 94, 153, 253, Taf. 8, 46, b, 97, a (*hm-k3 msnj*). Саккара (TPC). Х. Альтенмюллер считает, что пояснение *rn=f nfr* следует отнести к предшествующему имени: «Aufseher der Totenpriester und Königsedler, mit schönem Namen Nebi (II.), (namens) Meseni (Nr. 48)».

3. В гробнице QH 34n²⁰: старший сын *hr-hwj=f: dmj/msnj* (носил светский и священный титулы высшего ранга *smr-w^ctj hrj-hbjt* «единственный друг, жрец—носитель священных книг», а также воинскую должность *jmj-r3 3w* «начальник варваров»).

4. В гробнице G 2001²¹: старший сын *ttw/k3=j-nswt: hrj-tp nswt (pr-^c3)* «(дворцовый) поверенный царя» *ttw/msnj* или *msnj/ttw*.

5. В гробнице *jntj* в Дешаше²²: служащий *ms(j).n(=j)*.

К этому списку следует добавить данные по следующим лицам²³:

6. *zš ^c nswt* «писарь царской канцелярии» *msnj*²⁴.

7. *z3b r3-nhn* «судейский, уста Нехена» *msnj*²⁵.

8. *hrt(j)-ntr* «рабочий некрополя» *msnj*²⁶.

9. *mhnk zš* «приглашенный»²⁷ художник» *msnj*²⁸.

Для имени *msnj* известен и женский вариант — *mst.n=j* «рожденная мной», отмеченный на трех памятниках из Саккара:

1. *hkrt nswt (w^ctt), špst nswt hm(t)-ntr hwt-hr* «(единственное) украшение царя, царская аристократка, жрица Хатор (*t3zt rn=s nfr*, чье молодое имя) *mst.n=j*²⁹.

2. *hmt-ntr hwt-hr* «жрица Хатор» *mst.n=j*³⁰.

3. *rht nswt hmt-ntr hwt-hr* «знакомая царя, жрица Хатор» *jntj rn=s nfr* «чье молодое имя» *mst.n=j*³¹.

Итак, мужское имя *msnj/ms(j).n(=j)* можно читать и как бессодержательное сокращение *msnj*, и как перфектную относительную форму *ms(j).n=j* «рожденный мной», что подтверждается женским вариантом *mst.n=j* «рожденная мной». Из данных по

²⁰ Edel 2008, I, 626, 652 (Abb. 5), 630, 655 (Abb. 10), 635, 659 (Abb. 16); Taf. 27, 29, 32.

²¹ Simpson 1980, 14, pl. 20, a, 28, a—b, fig. 18, 24. Датировка: *ppj II nfr-k3-r^c I* (Brovarski 2006, 91).

²² Kanawati, McFarlane 1993, 16, pl. 29. Датировка: *dd-k3-r^c/jzzj* или ранее, см. также Martinet 2019, 1007: «Fin V^e dynastie».

²³ См. также жертвенник в Legros 2016, 54, n. 191, 249, fig. 30: *hrj-hbjt ms[n]j* (прорисовка).

²⁴ Жертвенник AII-0054. Berger-El-Naggar 2005, 21, fig. 3. Датировка: конец Древнего царства.

²⁵ Подголовник *h3tj-^c hmtj-bjtj smr-w^ctj jmj-r3 ... hk3-jb=j* (Alnwick 526: Birch 1880, 77: только транскрипция с искажением одного или двух последних титулов и имени); текст с именем *msnj* воспроизведен на его подошве.

²⁶ Слуга *ppj-nht/hk3-jb=j* из гробницы QH 35d: Edel 2008, II, 746, 789 (Abb. 4), Taf. 36. Датировка: 2-я половина правления *ppj II*.

²⁷ Ср. Jones 2000, 449 [1680].

²⁸ Гробница *jbj* в Дейр эль-Гебрави (Davies 1902, I, pl. 14 = Kanawati 2007, 48, pl. 72; Kanawati, Woods 2009, 17, fig. 14. Датировка: *ppj II nfr-k3-r^c I*). Эта сцена в деталях, в том числе с персонажем с тем же титулом и именем, была воспроизведена в позднейшей гробнице другого *jbj* (TT 36: Kuhlmann, Schenkel 1983, I, 99; II, Taf. 103. Асасиф. Датировка: *psmtk I w3h-jb-r^c*).

²⁹ Ложная дверь CG 57206 (JdE38555): Quibell 1907, 24, pl. 16; Daoud 2005, 75, 258, pl. 27. Начало I Переходного периода. Учтено в справочнике Scheele-Schweitzer 2014, 406 [1446]. Этот единственный пример она трактует как *mst.n=j* «die ich geboren habe (?)».

³⁰ Жертвенник Saqqara 78 no-0589: Berger-El-Naggar, Labrousse 2005, 21, fig. 8. Датировка: конец VI—VIII династия.

³¹ Ложная дверь Munro Archive F.3 C.XLI; см. также Edel 1970, 49, Anm. f. Датировка: VIII династия.

имени *msnj/mst.n=j* следует, что малые имена модели *msj/mstj* могли принимать перфектную относительную форму. Надо добавить, что далеко не все малые имена, ядром которых является пассивное причастие, получали такое развитие.

Показательны формы имен с элементом *s3b/s3bt*, который часто рассматривается как имя «пестрый/пестрая», на деле же является образованием от глагола *s3b* с неизвестным значением³², но связанного с творением, подобно *jrj*, *rdj*, *mhj*, *s^cnh*, *kd*, *hnj*, *hwj*, и др., и отмеченного лишь в антропонимике Древнего царства:

(*j*)*s3b=j*³³ masc. В гебелейском архиве IV династии сохранился полный вариант этого имени в написании *js3b*, что свидетельствует о его глагольной основе;

(*j*)*s3b=j-n=f* masc. — в чтении К. Шееле-Швайцер: «Ein Bunter für ihn (den Vater)»³⁴ — на самом деле построен по модели имен *s^cnh=j-n=f* «мое создание принадлежит ему»³⁵, так как *=f* в антропонимах Древнего царства всегда означает либо ребенка, либо бога, но не отца. Ранний вариант этого имени с элементом (*j*)*s3b* (с *j*-аугментом) доказывает, что это перфектное образование от загадочного глагола *s3b*;

s3b-n=s masc. (в чтении К. Шееле-Швайцер: «Ein Bunter für sie (die Mutter)»)³⁶. Э. Эдель³⁷ трактует имя как *sdm.n=s*, исходя из того, что *s3b* во всех именах — глагол. С тезисом о глаголе *s3b* нельзя не согласиться, однако для этого имени я предлагаю чтение *nj-sw-s3b=j* «относящийся к тому, что я <сотворил>», и оно построено по модели имен *nj-sw-kd=j* masc. / *nj-sj-kdt=j* fem.³⁸

Равным образом, глагольной формой является и имя *s3b.n=j* (в чтении Шееле-Швайцер: *s3b-n=j* «Ein Bunter für mich») ³⁹, ибо из женского варианта *s3bt.n=j*⁴⁰ следует, что это перфектная относительная форма, а не форма NN-*n=j*.

Эти материалы демонстрируют, что все имена с элементом *s3b* следует классифицировать с осторожностью⁴¹, поскольку они относятся к разным моделям. Одним из

³² PN II, 27; Edel 1970, 50. Семантическая связь этого глагола с корнем *3b* «клеить» маловероятна.

³³ PN I, 299.11; Scheele-Schweitzer 2014, 267 [504], [506], 633 [3005]: «Kurzname von Bildungen mit *s3b*»; известно также имя *s3b=f*, встречающееся в документах I–IV династий (стела Cairo JdE34416: PM V, 86; Martin 2011, 44–45, pl. 14; и др.; Scheele-Schweitzer 2014, 634 [3013]; памятники из гробницы G 3033: PM III.1, 97; Penn Museum E. 13533; E. 13534; E. 13535; Cairo JdE60544; Brovarski 2016, 27–41; URL: giza.fas.harvard.edu/sites/969/full/; дата обращения: 21.10.2023, и др.). Его содержание неясно, грамматически же оно представляет собой модель имени *s^cnh=f* «да живет он» (PN I, 67.2, 13; II, 200; Scheele-Schweitzer 2014, 309 [769]; к структуре этого имени: Osing 1976, 167, Anm. 247), с глаголом *s3b* неясного значения в составе оппозитивной формы *sdm=f*.

³⁴ PN I, 299.14; Scheele-Schweitzer 2014, 267 [505], 634 [3009].

³⁵ PN I, 301.7; Scheele-Schweitzer 2014, 639 [3049].

³⁶ PN I, 299.15; Scheele-Schweitzer 2014, 634 [3010].

³⁷ Edel 1970, 50.

³⁸ Эдель понимал имена такого типа (на *ns*) как *sdm.n=s/sdmt.n=s* (Edel 1970, 50; см. также Fischer 1962, 333), однако есть и другие трактовки этой модели имен; к интерпретации модели *nj-sw-kd=j/nj-sj-kdt=j* см. Bogdanov 2022, 555–557.

³⁹ PN I, 299.12–13; Scheele-Schweitzer 2014, 633–634 [3006]–[3008].

⁴⁰ Ложная дверь Ägyptisches Museum, Berlin 11667: Fischer 1976, pl. 5; Daoud 1996, 99, Taf. 2. Датировка: 2-я половина V династии, ср. чтение Scheele-Schweitzer 2014, 636 [3022]: *s3bt-n=j* «eine Bunte für mich!».

⁴¹ Ср. Edel 1970, 49–50; Gundacker 2016, 103.

важных индикаторов для определения формы в разных моделях служит наличие или отсутствие слабой согласной *-j* в ауслауте глагола. Об этом свидетельствуют и материалы по другим малым именам, образованным от пассивных форм. Следует добавить, что парадигму для антропонимов составить невозможно, так как имена не принимали строгих форм, а лишь стремились к образованию той или иной пассивной формы, причем показательным является также исключение какой-либо формы в женском или мужском вариантах употребления. Например, некоторые женские малые имена, образованные от глагольных основ с III/IV infirma тяготеют к сокращенной форме на *-tj* (*jn^j*⁴² > *jntj*⁴³, *msj*⁴⁴ > *mstj*⁴⁵, и др.), которая вытесняет имперфектную относительную форму (*jnjt*⁴⁶; форма *msjt* вообще не встречается), мужские же предпочитают форму на *-j* (*jn^j*, *msj*). Впрочем, некоторые имена (как fem., так и masc.) с глагольной основой III/IV infirma стремятся к унифицированной форме, преимущественно на *-jt*: *mrj* masc./fem.⁴⁷ > *mrjt/mrjt(j)* fem./masc.⁴⁸, *hwj*⁴⁹ > *hwjt/hwj(j)* fem./masc.⁵⁰ В других случаях от основ на глаголы 2/3-rad., наоборот, форма гипокористика ж.р. в относительной форме несовершенного вида является предпочтительной (например, *s3bj*⁵¹ / *s3bw*⁵² masc. > *s3bt* fem.⁵³, *kdj* masc.⁵⁴ > *kdt* fem.⁵⁵; формы *s3btj*, *kdtj* fem. не засвидетельствованы). Таким образом, выбор формы гипокористика обусловлен не только глагольной породой или принципами образования моделей от пассивных форм причастия, но и обычаем, привычкой, благозвучием той или иной стандартной, например, перфектной относительной формы. В результате, несмотря на близость глаголов *msj* «рождать», *hwj* «исключать = создавать», *mrj* «любить» и подобных, традиции образования имен и гипокористиков от них пошли разными путями.

Легенда к третьей фигуре носителя даров утрачена еще *in situ*.

2. РЕЛЬЕФ С ФРАНЦУЗСКИХ АУКЦИОНОВ ИЗ ГРОБНИЦЫ *tmzw*

История еще одного памятника из раскопок Селима Хасана вновь ведет нас двумя путями: во Францию и в Саккара. В 1993 на аукционе Drouot-Richelieu в Париже был выставлен фрагмент рельефа с четырьмя фигурами: супружеской четы и двоих детей⁵⁶. В следующем году он вновь появился уже на аукционе Villefranche-sur-Mer (округ Ницца)⁵⁷. Экспертом на обоих аукционах был Slitine, который дал ему следую-

⁴² Scheele-Schweitzer 2014, 241 [326], 244 [339]–[340].

⁴³ Scheele-Schweitzer 2014, 247 [352]–[353].

⁴⁴ Scheele-Schweitzer 2014, 404–405 [1439]–[1440].

⁴⁵ *PN I*, 165.24; Scheele-Schweitzer 2014, 405 [1442].

⁴⁶ Scheele-Schweitzer 2014, 244–245 [342].

⁴⁷ Scheele-Schweitzer 2014, 378–379 [1276], 391 [1355].

⁴⁸ *PN I*, 159.20; Scheele-Schweitzer 2014, 381 [1284], 397 [1387].

⁴⁹ Scheele-Schweitzer 2014, 587–589 [2683], [2687].

⁵⁰ Scheele-Schweitzer 2014, 588 [2685]–[2686].

⁵¹ Scheele-Schweitzer 2014, 634–635 [3014]–[3015].

⁵² Scheele-Schweitzer 2014, 635 [3016]–[3017].

⁵³ Scheele-Schweitzer 2014, 636 [3020]–[3021].

⁵⁴ Scheele-Schweitzer 2014, 691 [3410].

⁵⁵ *PN I*, 337.13; Scheele-Schweitzer 2014, 691 [3415]–[3416].

⁵⁶ Coutau-Bégarie, Slitine 1993, 15–16 (112).

⁵⁷ Valentin, Slitine 1994, 13 (93).

шую характеристику: Fragment de linteau. Égypte. Nouvel Empire. Слитин ошибся оба раза, на самом деле этот кусок был вырублен из архитрава Древнего царства. Более того, можно установить и его происхождение.

На фрагменте рельефа запечатлено три имени. От легенды к фигуре хозяина сохранилась лишь часть его личного имени: *tmzw*; также видны имя его дочери *mrt-jt=s* и остатки имени его сына *snḏm-jb=j*.

Именно имя *tmzw* дает шанс атрибутировать рельеф как часть архитрава, открытого Селимом Хасаном в Саккара в 1930-е годы⁵⁸. Архитрав был обнаружен в двух фрагментах, разломанных почти пополам; между ними небольшой зазор, так что стыкуются оба блока неплотно. Правая часть архитрава сильно повреждена: утрачено начало 1-й и 2-й строк трехстрочной надписи.

Полный свод надписей архитрава, как он был представлен в публикации Хасана, таков:

2.1. Надпись к фигуре хозяина:

1. [...] *pth-ḥtp sn-ḏt=f šḥḏ pr-ʿ3 tmzw* «[...] *pth-ḥtp*, его брат от вечности⁵⁹, инспектор дворцовых людей *tmzw*».

От этой верхней надписи ныне сохранилась лишь часть имени хозяина: [...] *pth-ḥtp sn-ḏt=f šḥḏ pr-ʿ3 tmzw*.

2. [...] *ḳrs.t(j)=f m ḥrt-nṯr prt-ḥrw n=f m ḥb nb rʿ nb* «[...] чтобы он был похоронен в некрополе, и чтобы для него совершался ритуал вызова жертв на каждый праздник каждый день».

3. *wʿb nfr-swt-wnjs jmj-ḥt pr-ʿ3 jmj-r3 wpwt (pr-ʿ3) tmzw* «жрец пирамиды Прекрасны троны царя *wnjs*, следующий начальник дворцовых людей и начальник поручений (дворцовых людей) *tmzw*».

Имя *tmzw* уникально, хотя, согласно справочнику антропонимов Древнего царства К. Шееле-Швайцер, известно три имени, образованных от основы *tmz*:

1. *tmz*⁶⁰.
2. *tmzj*⁶¹.
3. *tmzw*⁶².

⁵⁸ *PM* III.2, 606; Hassan 1975b, 9, fig. 4, pl. 5.

⁵⁹ См. «Corpus of *sn-ḏt* in the Old Kingdom sources» в статье Moreno García 2007, 120–126. Интерпретация этого титула: *ibid.*, 126–136.

⁶⁰ Scheele-Schweitzer 2014, 734 [3708] «(= *tmz* (?)) der Windhund (?)» со ссылками на: 1) Posener-Kriéger, de Cenival 1968, pl. 38, A, 41, 72, G (*ḥntj-š*); 2) Martin 1979, 21 [17], pl. 22, с титулом *zš* «писарь»; ср. Piacentini 2002, 492.

⁶¹ *PN* I, 391.10; II.399; Scheele-Schweitzer 2014, 734 [3709] «*tmz.j* (= *tmz.j* (?)) der Windhund (+ hypokor. Endung -j) (?)» со ссылками на: 1) Posener-Kriéger, de Cenival 1968, pl. 14, B; 2) Roemer-Pelizaeus-Museum, Hildesheim 1875: Brinks 1978, 27, Abb. 1–2; Martin 1980, 13, 15–17; Kanawati 1987, 51, pl. 11, a, fig. 37, b; 3) Hassan, Kanawati 1996, 57, Pl. 26, 58 (жертвенник TNE 94: OT1); 4) Moussa, Altenmüller, 1977, 38, 47, Taf. 8; Harpur, Scremin 2010, 38 (43).

⁶² Scheele-Schweitzer 2014, 734 [3710] с переводом «der Windhund (+ hypokor. Endung -w) (?)» и ссылкой на Hassan 1975b, 9, fig. 4, pl. 5.

К этой сводке надо добавить рельеф Michael C. Carlos Museum / Emory University museum (Atlanta, Georgia) 2007.009.001⁶³, где запечатлены три фигуры мужчин, один из которых носит имя *tmz*[...]:

1. Большая фигура — несет рулон ткани: *smr-w^ctj hrj-hbjt* «единственный друг и жрец—носитель ритуальных свитков» [*mrj?*]-*ttj*.

2. Малая фигура — несет кадилъницу: *shd zš(w) pr md3t-ntr* «инспектор писарей дома божьих свитков»⁶⁴ *tmz*[...].

3. Малая фигура — несет кадилъницу(?): имя не сохранилось.

Значение лексемы *tmz* неизвестно, почти наверняка образованные от нее имена являются заимствованиями из древних ливийских или кушитских языков. Чтение К. Шееле-Швайцер основы всех трех имен как *tmz* (= *tzm* (?)) «der Windhund» является сомнительным, хотя чтение с метатезой *tzm* > *tmz* предпочитает не только она⁶⁵. Конечно, для Древнего царства нам известно много имен, образованных от названий животных, но здесь не тот случай: имя *tmz/tmzw/tmzj* никогда не детерминировалось знаком собаки, мало того — оно всегда упорно выписывалось как *tmz*, имя *tzm* «пес» в строгой орфографии вообще не встречается, так что метатеза *tzm* > *tmz* исключена. Семантическая связь *tmz* с *tms* «красный»⁶⁶ также невероятна, поскольку орфография *tms* надежно засвидетельствована уже Текстами пирамид.

По надписи в нижней строке становится понятным, что *tmzw* был также *w^cb nfr-swt-wnjs* «жрец пирамиды Прекрасны троны царя *wnjs*»⁶⁷, *jmj-ht pr-^c3*, *jmj-r3 wpwt (pr-^c3)*.

Интересно, что *tmzw* носил сразу три титула из иерархии дворцовых служащих: *shd* «инспектор» *pr-^c3*⁶⁸, *jmj-ht* «следующий начальник» *pr-^c3*⁶⁹ и *jmj-r3 wpwt* «начальник поручений» *pr-^c3*⁷⁰, где под *pr-^c3* понимается коллектив служащих дворца⁷¹, о чем свидетельствует его частое употребление как обособленного

⁶³ Burell 2011, 15 (2); URL: collections.carlos.emory.edu/objects/23991/relief-of-a-funerary-ceremony; дата обращения: 21.10.2023. Датировка: *ttj*.

⁶⁴ Титул отмечен еще только у двоих персонажей: *shntjw-k3=j* Рыжего (*dšr-šnjw*) и *sšm-nfr*: Jones 2000, 959 [3539]; Hannig 2003, 1190. Вариант титула с *pr-^c3* «дворцовый» — у *hwj.n-ph*: Jones 2000, 959 [3540]; Lloyd, Spencer, El-Khouli 2008, 9, 24, pl. 21.

⁶⁵ Например, Hassan 1975b, 9, 90; *PM* III.2, 606; Moreno García 2007, 125, и др.

⁶⁶ *Wb.* V, 369.7–12; Hannig 2003, 1447: *tms* «rot sein». Термин *tmsw* / *tmzw* «кровавая кара» (и подобное) отмечен в Книге врат XII, Sz. 97 (Hornung 1979, 399, см. Hornung 1980, 284), Амдуат XI, Nr. 818 (Hornung 1963, I, 191, II, 183) и многих других произведениях (*Wb.* V, 370.2–6; Sederholm 2006, 117–119, 189–203). См. также фразу *tmsw jrt=k* «кровавый блеск твоего ока» в гимне Ра на стеле *hr w3h-nh jnj-jt=f* II: MMA 13.182.3, стк. 6: URL: www.metmuseum.org/art/collection/search/544201; дата обращения: 21.10.2023). Безусловно, судя по орфографии, лексема *tmsw* в этих текстах семантически связана с кровью или кровавым цветом.

⁶⁷ Jones 2000, 373 [1380]. Титул, помимо архитрава *tmzw*, отмечен только на печати времен *dd-k3-r^c/jzzj* — *wnjs* (Ägyptisches Museum, Berlin 20386: Kaplony 1981, IIA, 327–328; IIB, Taf. 88 [*dd-k3-r^c 23*]; см. также Nuzzolo 2018, 435), а также в групповом обозначении *w^cbw-hntjw-š nw nfr-swt-wnjs* «жрецы и служители культа пирамиды Прекрасны троны царя *wnjs*» в надписи *jzj* (Edel 1979, 106–108, Abb. 1, Taf. 1. Конец VI династии).

⁶⁸ Jones 2000, 924–925 [3401]; Hannig 2003, 1182.

⁶⁹ Jones 2000, 285 [1032]; Hannig 2003, 130.

⁷⁰ Jones 2000, 93 [387]; Hannig 2003, 91.

⁷¹ Иначе: Brovarski 2016, 14–15.

индивидуального титула в архивах из Абусира. Таких случаев совмещения титулов из администрации «дворцовых» служащих-*pr-ʿ3* известно немало, однако именно должности *shd pr-ʿ3*, *jmj-ht pr-ʿ3* и *jmj-r3 wpwt pr-ʿ3*, по моим данным, вместе встречаются лишь в титулатуре трех лиц: *fktj*⁷², *k3pj*⁷³ и *pth-špss/špsj-pw-ptḥ/ḫmj*⁷⁴. Из них *k3pj* обладал еще целой серией чинов из сферы служащих дворца-*pr-ʿ3*: *jmj-r3 st* «начальника бюро» (*pr-ʿ3*), *jmj-r3 10* «начальника 10» *pr-ʿ3*, *hrj-pr* «завхоза» *pr-ʿ3*, а также из контингента *ḫntjw-š pr-ʿ3*: *ḫntj-š n(j) pr-ʿ3*, *shd* «инспектора» *ḫntjw-š pr-ʿ3*, *hrj-pr* «завхоза» *ḫntjw-š pr-ʿ3*, *jmj-r3 st* «начальника бюро» *ḫntjw-š pr-ʿ3*. По данным просопографии как частных памятников, так и папирусных архивов из заупокойных храмов *nfr-jrj-k3-rʿ* и *nfr=f-rʿ* в Абусире, реальные представители института дворцовых *ḫntjw-š* часто официально сокращали объект службы до *pr-ʿ3* — административной инстанции, под которой обязательно подразумевался коллектив, а не учреждение «дворец» как таковое. Среди *ḫntjw-š pr-ʿ3* можно также обнаружить носителей сразу трех иерархических должностей *shd ḫntjw-š pr-ʿ3*, *jmj-ht ḫntjw-š pr-ʿ3*, *jmj-r3 wpwt ḫntjw-š pr-ʿ3*: *jmj-st-k3=j*⁷⁵, *ḫnmw-ḫtp*⁷⁶, *nj-s(w)-kd=j* II⁷⁷, *jj-df3=j*⁷⁸. Вероятно, *tmzw* также был тесно связан с институтом дворцовых *ḫntjw-š*, хотя традиция оmissии самой должности из иерархических титулов⁷⁹ должна была иметь свои причины, например, объясняться ориентацией владельца иерархических должностей (*ḫntjw-š pr-ʿ3*) на стандарты экономических документов из заупокойных храмов, где титул *pr-ʿ3* употреблялся как обобщающее наименование привлеченных из дворцовых ведомств служащих, чтобы отличать их от местных *ḫntjw-š*, представителей сакрализованного персонала культа пирамид, по статусу близких «чистым» жрецам-*wʿbw*.

Текст свидетельствует, что *tmzw* был братом (*sn-dt=f*) вельможи *pth-ḫtp* II, частного владельца этого сектора некрополя; указанием отношений через ритуально-родственный титул *sn-dt=f* букв. «его брат (от) вечности» *tmzw* счел необходимым подчеркнуть принадлежность своей гробницы ритуальному пространству своего брата-сановника, т.е. нахождение на той культовой территории под доминированием мастабы *pth-ḫtp*, которой подчинялись соседние, более мелкие

⁷² Ложная дверь, надписи изданы в транскрипции: El-Batal *et al.* 2012, 50. Саккара. Датировка: 1-я половина VI династии. Чин *jmj-r3/jmj-ht* выписан в колонку: *m: r/ht pr-ʿ3*.

⁷³ G 2091; *PM* III.1, 69–70; Roth 1995, 97–104, pl. 41, *a–b*, 50–51, 153, *a–b*, 163. Гиза, Западное поле. Датировка: VI династия.

⁷⁴ Soleiman, El-Batal 2015, 24, 25, 28 (транскрипция, надписи с этими титулами изданы частично, см. *ibid.*, pl. 76, 77, 81–83). Саккара. Датировка: *ttj*.

⁷⁵ GWF; G 4351; *PM* III.1, 126–127; Junker 1943, 209–211, 215–216, Abb. 83. Датировка: конец VI династии.

⁷⁶ GWF; LG 38; *PM* III.1, 165; LD II, 88, *c*; Junker 1947, 63–65, Abb. 27–28; URL: <http://giza.fas.harvard.edu/sites/1800/full/>; дата обращения: 21.10.2023. Датировка: VI династия.

⁷⁷ GWF; *PM* III.1, 152; Junker 1944, 135 (Abb. 50), 138; рельеф Kunsthistorisches Museum, Wien ÄS7511: Hölzl 2000, 16–19. Датировка: конец VI – VIII династии.

⁷⁸ GWF; G 1313; G 1159; *PM* III.1, 61; URL: <http://giza.fas.harvard.edu/photos/13660/full/>; дата обращения: 21.10.2023; URL: <http://giza.fas.harvard.edu/photos/15152/full/>; дата обращения: 21.10.2023 (B11814_OS; B8407_NS). Титул *jmj-<r3> wpwt ḫntj(w)-š pr-ʿ3* высечен с пропуском *<r3>*. Датировка: начало VI династии.

⁷⁹ См. также Kaplony 1981, IIA, 413.

культовые памятники частных лиц. Благодаря этому родственному указанию архитравов можно датировать концом правления *wnjs* — самым началом VI династии.

2.2. Прочие надписи

2.2.1. Легенда к фигуре сына, который держится за его посох:

$z3=f$ *jmj-r3 wpwt pr-ʿ3* «его сын, дворцовый начальник поручений» *snqm-jb=j*⁸⁰.

На фрагменте с двух аукционов легенда к изображению сына сохранилась лишь частично:

$z3=f$ [*jmj-r3 w*] *p[wt] pr-ʿ3 sn[d]m-[jb=j]*.

2.2.2. Легенда к фигуре жены:

hmt=f mr(j)t=f «его жена, его любимая» *hr-rʿ* (имя значит, видимо, «достояние Солнца») оказалась отрезана от фрагмента слева. Имя женщины уникально, к употреблению в именах сущ. *hr* в специфическом значении «достояние, жалование» есть лишь косвенные параллели:

nfr-hr-ptḥ fem. «прекрасно достояние Птаха»⁸¹;

nfrt-hr-nswt fem. «красавица, пожалованная царем»⁸²;

k3=j-hr-ptḥ masc. «мой Ка — достояние Птаха»⁸³;

k3=j-hr-nswt masc. «мой Ка — достояние царя»⁸⁴.

2.2.3. Легенда к фигуре девочки, очевидно дочери, сидящей у кресла:

*mrjt-jt=s*⁸⁵.

Дальнейшая судьба фрагмента Villefranche-sur-Mer мне неизвестна, равно как и левой (с именем жены) и правой частей всего архитрава. Можно предположить, что этот кусок был вырезан из архитрава еще *in situ*, хотя сведений об условиях хранения памятника после расконсервации гробницы мне отыскать не удалось.

* * *

Эпиграфика исследованных в данной статье рельефов из Саккара добавляет новые данные, прежде всего в такой сложной области, как староегипетская антропонимика, и можно лишь сожалеть, что эти памятники, изданные в свое время весьма неудовлетворительно, ныне подвергаются разрушению.

⁸⁰ *PN I*, 316.21; Scheele-Schweitzer 2014, 656–657 [3180].

⁸¹ *PN I*, 199.13; Scheele-Schweitzer 2014, 479 [1962] «gut ist es bei Ptah» (Фрагмент ложной двери CG 1466 = JdE21766): Borchardt 1937, 155. Гелиополь / Кафр Гамус.

⁸² Kanawati 2002, 34, 40, pl. 52, cp. *PN I*, 203.2; Scheele-Schweitzer 2014, 492 [2057] «Gutes ist beim König».

⁸³ *PN I*, 340.21; Scheele-Schweitzer 2014, 708 [3505] «mein Ka ist bei Ptah» (много источников).

⁸⁴ Hassan 1936, 65, 67, fig. 63, cp. *PN I*, 430.8; Scheele-Schweitzer 2014, 708 [3506] «mein Ka ist beim König».

⁸⁵ *PN I*, 158.18; Scheele-Schweitzer 2014, 394 [1377].

Литература / References

- Altenmüller, H. 1998: *Die Wanddarstellungen im Grab des Mehu in Saqqara*. (Archäologische Veröffentlichungen, Deutsches Archäologisches Institut, Abteilung Kairo, 42). Mainz.
- Berger-El-Naggar, C. 2005: Cultes de reines et cultes privés dans le cimetière de la famille royale de Pépy Ier. In: L. Pantalacci, C. Berger-El-Naggar (éd.), *Des Néferkarê aux Montouhotep: travaux archéologiques en cours sur la fin de la VIe dynastie et la première période intermédiaire; actes du colloque CNRS-Université Lumière-Lyon 2, tenu le 5–7 juillet 2001*. (Travaux de la Maison de l'Orient et de la Méditerranée, 40). Lyon–Paris, 15–29.
- Berger-El-Naggar, C., Labrousse, A. 2005: La tombe de Rêhérychfnakht à Saqqâra-Sud, un chaînon manquant? *Bulletin de la Société Française d'Égyptologie* 164, 14–28.
- Birch, S. 1880: *Catalogue of the Collection of Egyptian Antiquities at Alnwick Castle*. London.
- Bogdanov, I.V. 2022: [The Family of an Egyptian Official of Busiris from the Late Old Kingdom]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 82/3, 541–565.
- Богданов, И.В. Семья египетского сановника из Бусириса конца Древнего царства. *ВДИ* 82/3, 541–565.
- Borchardt, L. 1937: *Denkmäler des Alten Reiches (außer den Statuen) im Museum von Kairo, Nr. 1295–1808*. 1. Teil. *Text und Tafeln zu Nr. 1295–1541*. (CG, no. 1295–1808). Berlin.
- Borchardt, L. 1964: *Denkmäler des Alten Reiches (außer den Statuen) im Museum von Kairo Nr. 1295–1808*. 2. Teil. *Text und Tafeln zu Nr. 1542–1808*. (CG, no. 1295–1808). Le Caire.
- Brinks, J. 1978: Die Grabstele des *nmj.wj* und der *hpj* in Hildesheim. *Göttinger Miszellen* 28, 25–33.
- Brovarski, E. 2006: False Doors and History: The Sixth Dynasty. In: M. Bárta (ed.), *The Old Kingdom Art and Archaeology: Proceedings of the Conference Held in Prague, May 31 – June 4, 2004*. Prague, 71–118.
- Brovarski, E. 2016: *Some Monuments of the Old Kingdom in the Field Museum of Natural History, Chicago*. (Bibliothèque d'étude, 166). Le Caire.
- Chauvet, V. 2015: Who Did What and Why: The Dynamics of Tomb Preparation. In: R. Jasnow, K.M. Cooney (eds.), *Joyful in Thebes: Egyptological Studies in Honor of Betsy M. Bryan*. (Material and Visual Culture of Ancient Egypt, 1). Atlanta, 63–78.
- Daoud, Kh.A. 1996: The False-Door of the Family of *skr-htp*. *Studien zur Altägyptischen Kultur* 23, 83–102.
- Daoud, Kh.A. 2005: *Corpus of Inscriptions of the Herakleopolitan Period from the Memphite Necropolis: Translation, Commentary, and Analyses*. (BAR International Series, 1459). Oxford.
- Davies, N. de G. 1902: *The Rock Tombs of Deir el Gebrâwi*. Pt. 1. *Tomb of Aba and Smaller Tombs of the Southern Group*. Pt. 2. *Tomb of Zau and Tombs of the Northern Group*. (Archaeological Survey of Egypt, 11–12). London.
- Edel, E. 1970: *Die Felsengräber der Qubbet el Hawa bei Assuan*. II. Abteilung. *Die althieratischen Topfaufschriften*. Bd.I. *Die Topfaufschriften aus den Grabungsjahren 1960, 1961, 1962, 1963 und 1965*. 2. Teil. (Fortsetzung). Wiesbaden.
- Edel, E. 1979: Zum Verständnis der Inschrift des *Jzj* aus Saqqara: zu Helcks Bearbeitung dieser Inschrift in ZÄS104, 89–93. *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde* 106/1, 105–116.
- Edel, E. 2008: *Die Felsgräbernekropole der Qubbet el Hawa bei Assuan. I. Abteilung*. Bd. I–III. *Architektur, Darstellungen, Texte, archäologischer Befund und Funde der Gräber [QH 24 – QH 209]*. Aus dem Nachlaß verfasst und herausgegeben von K.-J. Seyfried und G. Vieler. Paderborn.
- El-Batal, A., Khattab, F., Soleiman, S. 2012: *The Gisir El-Mudir Cemetery at Saqqara*. Vol. I. *The Tombs of Ia-Maat and Others*. Cairo.
- Fischer, H.G. 1962: Further Remarks on the Gebelein Stelae. *Kush* 10, 333–334.
- Fischer, H.G. 1976: *Egyptian Studies I. Varia*. New York.
- Gundacker, R. 2016: Weitere Zeugen für den Gebrauch des abhängigen Personalpronomens im Substantivalsatz. Zugleich ein Nachtrag zur Besprechung von K. Scheele-Schweitzer, „Die Personennamen des Alten Reiches. Altägyptische Onomastik unter lexikographischen und sozio-kulturellen Aspekten“, in *Bibliotheca Orientalis* LXXII, 2015, 637–647. *Göttinger Miszellen* 250, 101–109.
- Hannig, R. 2003: *Ägyptisches Wörterbuch I. Altes Reich und Erste Zwischenzeit*. (Hannig-Lexica, 4). Mainz am Rhein.
- Harpur, Y. 1987: *Decoration in Egyptian Tombs of the Old Kingdom: Studies in Orientation and Scene Content*. London–New York.

- Harpur, Y., Scremin, P.J. 2008: *The Chapel of Ptahhotep: Scene Details*. (Egypt in Miniature, 2). Reading.
- Harpur, Y., Scremin, P.J. 2010: *The Chapel of Niankhkhnum & Khnumhotep: Scene Details*. (Egypt in Miniature, 3). Reading.
- Hassan, S. 1936: *Excavations at Giza*. Vol. II. 1930–1931. Cairo.
- Hassan, S. 1975a: *Excavations at Saqqara 1937–1938*. Vol. II. *Mastabas of Ny-'ankh-Pepy and Others*. Cairo.
- Hassan, S. 1975b: *Excavations at Saqqara 1937–1938*. Vol. III. *Mastabas of Princess Hemet-R' and Others*. Cairo.
- Hölzl, R. 1999: *Reliefs und Inschriftensteine des Alten Reiches*. Bd. I. (Corpus antiquitatum Aegyptiacarum, 18; Kunsthistorisches Museum Wien, Ägyptisch-orientalische Sammlung). Mainz am Rhein.
- Hölzl, R. 2000: *Reliefs und Inschriftensteine des Alten Reiches*. Bd. II. (Corpus antiquitatum Aegyptiacarum, 21; Kunsthistorisches Museum Wien, Ägyptisch-orientalische Sammlung). Mainz am Rhein.
- Hornung, E. 1963: *Das Amduat. Die Schrift des verborgenen Raumes, herausgegeben nach Texten aus den Gräbern des Neuen Reiches*. Bd. I. Text. Bd. II. Die Kurzfassung. (Ägyptologische Abhandlungen, 7/1–2). Wiesbaden.
- Hornung, E. 1979: *Das Buch von den Pforten des Jenseits: nach den Versionen des Neuen Reiches*. 1. Teil. Text. (Aegyptiaca Helvetica, 7). Genève.
- Hornung, E. 1980: *Das Buch von den Pforten des Jenseits: nach den Versionen des Neuen Reiches*. 2. Teil. Übersetzung und Kommentar. (Aegyptiaca Helvetica, 8). Genève.
- Jones, D. 2000: *An Index of Ancient Egyptian Titles, Epithets and Phrases of the Old Kingdom*. Vol. I–II. (BAR International Series, 866/1–2). Oxford.
- Junker, H. 1943: *Giza VI. Die Maštaba des nfr (Nefer), kdfj (Kedfi), k3hjf (Kahjef) und die westlich anschließenden Grabanlagen*. Wien–Leipzig.
- Junker, H. 1944: *Giza VII. Der Ostabschnitt des Westfriedhofs*. 1. Teil. Wien–Leipzig.
- Junker, H. 1947: *Giza VIII. Der Ostabschnitt des Westfriedhofs*. 2. Teil. Wien.
- Kanawati, N. 1987: *The Rock Tombs of el-Hawawish. The Cemetery of Akhmim*. Vol. VII. Sydney.
- Kanawati, N. 2002: *Tombs at Giza*. Vol. II. *Seshathetep/Heti (G5150), Nesutnefer (G4970) and Seshemnefer II (G5080)*. (Australian Centre for Egyptology Reports, 18). Warminster.
- Kanawati, N. 2007: *Deir el-Gebrawi*. Vol. II. *The Southern Cliff. The Tombs of Ibi and Others*. (Australian Centre for Egyptology Reports, 25). Oxford.
- Kanawati, N., Hassan, A., 1996: *The Teti Cemetery at Saqqara*. Vol. I. *The Tomb of Nedjet-em-pet, Kaper and Others*. (Australian Centre for Egyptology Reports, 8). Sydney.
- Kanawati, N., McFarlane, A. 1993: *Deshasha: The Tombs of Inti, Shedu and Others*. (Australian Centre for Egyptology Reports, 5). Sydney.
- Kanawati, N., Woods, A. 2009: *Artists of the Old Kingdom: Techniques and Achievements*. Cairo.
- Kaplony, P. 1981: *Die Rollsiegel des Alten Reichs*. Vol. II A–B. *Katalog der Rollsiegel*. (Monumenta Aegyptiaca, 3^A–3^B). Bruxelles.
- Krämer, S. 2019: *Die Vergöttlichung von Privatpersonen: Untersuchungen zu persönlichen Glaubensvorstellungen und Erinnerungskultur im Alten Ägypten. Die Persönlichkeiten des Alten Reiches*. (Philippika, 120). Wiesbaden.
- Kuhlmann, K.P., Schenkel, W. 1983: *Das Grab des Ibi, Obergutsverwalters der Gottesgemahlin des Amun (Thebanisches Grab Nr. 36)*. Bd. I. Beschreibung der unterirdischen Kult- und Bestattungsanlage. 1. Teil. Text. 2. Teil. Tafelband. (Archäologische Veröffentlichungen, Deutsches Archäologisches Institut, Abteilung Kairo, 15). Mainz.
- Legros, R. 2016: *Stratégies mémorielles: les cultes funéraires privés en Égypte ancienne de la VIe à la XIIe dynastie*. (TMOM, 70). Lyon–Paris.
- Lloyd, A.B., Spencer, A.J., El-Khouli, A. 2008: *Saqqâra Tombs III. The Mastaba of Neferseshemptah*. (ASE, 41). London.
- Martin, G.Th. 1979: *The Tomb of Hetepka and Other Reliefs and Inscriptions from the Sacred Animal Necropolis, North Saqqâra, 1964–1973*. London.
- Martin, G.Th. 2011: *Umm el-Qaab VII. Private Stelae of the Early Dynastic Period from the Royal Cemetery at Abydos*. (Archäologische Veröffentlichungen, Deutsches Archäologisches Institut, Abteilung Kairo, 123). Wiesbaden.

- Martin, K. 1980: *Reliefs des Alten Reiches und verwandte Denkmäler*. 3. Teil. (Corpus antiquitatum Aegyptiacarum, 8; Pelizaeus-Museum, Hildesheim). Mainz.
- Martinet, É. 2019: *L'administration provinciale sous l'Ancien Empire égyptien*. Vol. I—II. (Probleme der Ägyptologie, 38/1—2). Boston.
- MEnoME 2021: 目の眼. *MEnoME* 535.
- Burell, M. (ed.) 2011: *Michael C. Carlos Museum: Highlights of the Collections*. Atlanta.
- Moreno García, J.C. 2007: A New Old Kingdom Inscription from Giza (CGC57163), and the Problem of *sn-dt* in Pharaonic Third Millenium Society. *Journal of Egyptian Archaeology* 93, 117—136.
- Moussa, A.M., Altenmüller, H. 1977: *Das Grab des Nianchnum und Chnumhotep: Old Kingdom Tombs at the Causeway of King Unas at Saqqara*. (Archäologische Veröffentlichungen, Deutsches Archäologisches Institut, Abteilung Kairo, 21). Mainz.
- Nuzzolo, M. 2018: *The Fifth Dynasty Sun Temples: Kingship, Architecture and Religion in Third Millennium BC Egypt*. Prague.
- Odler, M. 2023: *Copper in Ancient Egypt. Before, During and After the Pyramid Age (c. 4000—1600 BC)*. (Culture and History of the Ancient Near East, 132). Leiden—Boston.
- Osing, J. 1976: *Der spätägyptische Papyrus BM 10808*. (Ägyptologische Abhandlungen, 33). Wiesbaden.
- Paget, R.F.E., Pirie, A.A. 1898: *The Tomb of Ptah-Hetep*. (British School of Archaeology in Egypt and Egyptian Research Account, 2). London.
- Piacentini, P. 2002: *Les scribes dans la société égyptienne de l'Ancien Empire*, Vol. I. *Les premières dynasties. Les nécropoles memphites*. (Études et mémoires d'égyptologie, 5). Paris.
- Posener-Krieger, P., de Cenival, J.L. 1968: *The Abu Sir Papyri*. (Hieratic Papyri in the British Museum, 5). London.
- Quibell, J.E. 1907: *Excavations at Saqqara*. Vol. I. 1905—1906. Le Caire.
- Roth, A.M. 1995: *Giza Mastabas 6. A Cemetery of Palace Attendants Including g 2084—2099, g 2230+2231, and g 2240*. Boston.
- Scheele-Schweitzer, K. 2014: *Die Personennamen des Alten Reiches. Altägyptische Onomastik unter lexikographischen und sozio-kulturellen Aspekten*. (Philippika, 28). Wiesbaden.
- Sederholm, V.H. 2006: *Papyrus British Museum 10808 and Its Cultural and Religious Setting*. (Probleme der Ägyptologie, 24). Leiden—Boston.
- Simpson, W.K. 1980: *Giza Mastabas 4. Mastabas of the Western Cemetery*. Pt. 1. *Sekhemka (G 1029); Tjetu I (G 2001); Iasen (G 2196); Penmeru (G 2197); Hagy, Nefertjetet, and Herunefer (G 2352/53); Djaty, Tjetu II, and Nimesti (G 2337X, 2343, 2366)*. Boston.
- Soleiman, S., El-Batal, A.A. 2015: *The Gisir El-Mudir Cemetery at Saqqara*. Vol. IV. *The Tomb of Ptahshepses*. Pt. 1. *The Tomb Owner, Architecture and Dating of the Tomb*. Cairo.
- Strudwick, N. 1985: *The Administration of Egypt in the Old Kingdom: The Highest Titles and Their Holders*. London.

Каталоги аукционов / Auction catalogues

- Coutau-Bégarie, O., Slitine, C. (éds.) 1993: *Coutau-Bégarie et Associés. Archéologie Égyptienne et Gréco-Romaine, 1 décembre 1993. Drouot-Richelieu*. Paris.
- Valentin, A., Slitine, C. (éds.) 1994: *Archéologie méditerranéenne: Vente aux enchères publiques, Villefranche-sur-Mer, Citadelle, foyer de l'auditorium, le 26 juin 1994*. Paris.

DOI: 10.31857/S032103910029256-4

ОБ ОДНОЙ НЕОПУБЛИКОВАННОЙ АССИРИЙСКОЙ ПЕЧАТИ (ММА 1999.325.90)

А. А. Немировский

*Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия*

E-mail: sidelts@inbox.ru

ORCID: 0000-0001-8023-8817

Ассирийская печать ММА 1999.325.90 из Музея Метрополитен ранее не становилась предметом научной публикации. Как устанавливается по ее фотографии, опубликованной Х. Питтман в сетевом курсе по истории месопотамского искусства, печать относится к Среднеассирийскому периоду и содержит уникальную двухрегистровую композицию, на которой представлен триумф ассирийского царя над Касситской Вавилонией. Иконографические детали и параллели позволяют датировать ее XIII в. до н.э., а исторические соображения и сопоставление с царскими надписями побуждают соотносить со взятием Вавилона Тукульти-Нинуртой I. Печать является ценным источником для изучения среднеассирийской армии, а также искусства этого периода.

Ключевые слова: глиптика, Среднеассирийский период, Касситская Вавилония, фески, колесницы, Тукульти-Нинурта I

ABOUT AN UNPUBLISHED ASSYRIAN SEAL (MMA 1999.325.90)

Alexander A. Nemirovskiy

*Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia*

E-mail: sidelts@inbox.ru

Данные об авторе. Александр Аркадьевич Немировский — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, ведущий научный сотрудник НИУ ВШЭ.

Assyrian seal MMA 1999.325.90 from the Metropolitan Museum of Art has never been the subject of study previously. As can be established from its photograph, published by H. Pittman in an online course on the history of Mesopotamian art, the seal dates back to the Middle Assyrian period and contains a unique two-register composition, which represents the triumph of the Assyrian king over Kassite Babylonia. Iconographic details and parallels allow us to date it to the 13th century BC, and historical considerations and comparison with royal inscriptions prompt a correlation with the capture of Babylon by Tukulti-Ninurta I. The seal is a valuable source for the study of the Middle Assyrian army, as well as the art of this period.

Keywords: glyptics, Middle Assyrian period, Kassite Babylonia, fez, chariots, Tukulti-Ninurta I

ПЕЧАТЬ MMA 1999.325.90 И ВОПРОС О ЕЕ ПОДЛИННОСТИ

Предметом настоящей работы является необычайно редкая и ценная по содержанию ассирийская цилиндрическая печать из Музея Метрополитен (хранится в отделе искусства древнего Ближнего Востока, музейный номер MMA 1999.325.90). Она до сих пор не получала научной публикации и не вводилась в научный оборот, однако ее маломасштабная фотография и краткие сведения о ней представлены Музеем на его сайте¹, а Х. Питтман в рамках своего курса истории искусств древней Месопотамии (частично размещенного в сети²) опубликовала (без комментариев) большую высококачественную фотографию этой печати³, позволяющую составить о ней весьма полное представление и выполнить ее детальную прорись (рис. 1). Настоящая работа, не заменяя собой, разумеется, полной публикации этой печати, является ее предварительным исследованием.

Печать выполнена из розового халцедона, размеры ее невелики (высота 4 см, диаметр 1,4 см, поле композиции — 1,8 x 1,4 см), однако композиция при этом исключительно ценна и богата по содержанию (см. фотографию по адресу, указанному в прим. 3, и нашу прорись на рис. 1). В двух регистрах изображен военный триумф некоего царя: в нижнем регистре проходит его войско (легкая бездоспешная пехота и колесницы), в верхнем регистре ему сдается город, обнесенный стеной с башнями, причем царь восседает на колесном троне, запряженном вместо коней двумя покорившимися врагами, а перед ним стоит его вельможа, за которым припали к земле, изъявляя такую же покорность, еще два противника.

По сложности, богатству и характеру изображения и детальности прорисовки контуров эта печать очень необычна и напоминает скорее ассирийский рельеф с военными сценами, чем произведение глиптики. Достаточно сказать, что изображения самих по себе колесничных или пеших войск на дошедших ассирийских печатях встречаются крайне редко (даже боевые сцены с участием одной колесницы с героем единичны, см. ниже о печати de Clercq 310), а аналогов композиции, где было бы разом и то, и другое войско, и покоренный город, и царь на колесном

¹ URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/30006375>; дата обращения: 20.10.2023, с разрешения Музея воспроизведено в URL: https://dlmenetwork.org/library/catalog/met_327686; дата обращения: 20.10.2023.

² Pittman 2002.

³ URL: <http://www.arthistory.upenn.edu/spr03/422/April8/241.JPG>; дата обращения: 20.10.2023.

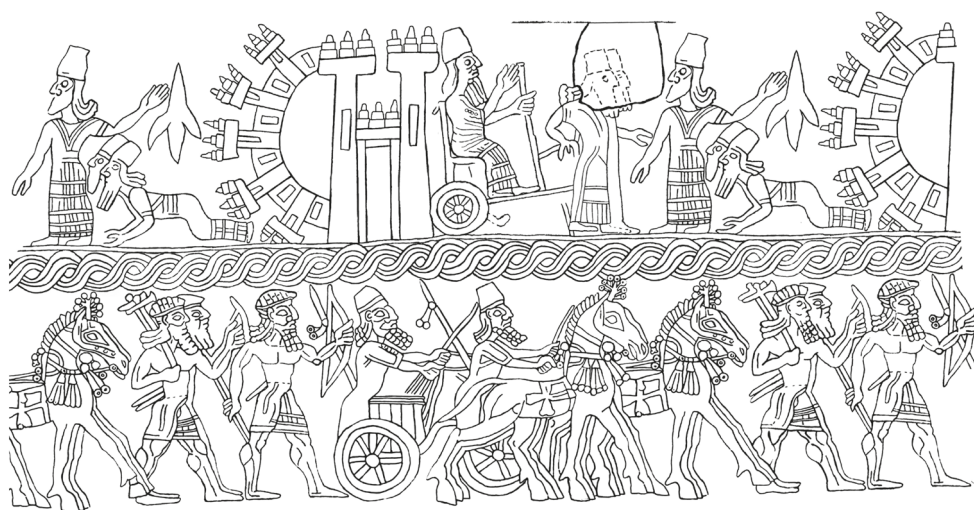

Рис. 1. Прорись печати ММА 1999.325.90. А.А. Немировский (по фотографии Х. Питтман)

троне, и изъявление покорности противником, мы не нашли. На данной печати еще и применено двухрегистровое построение изображения, что само по себе является немалой редкостью в переднеазиатской глиптике⁴. Наконец, как мы увидим ниже, композицию надо относить к среднеассирийскому периоду, а не к новоассирийскому, а дошедшие до нас от среднеассирийского времени печати с военными сценами буквально единичны, и то же самое относится к изображению колесниц (будь то в военных или охотничьих сценах). Так, в публикациях А. Мортгата и Т. Берана⁵, где с исчерпывающей для того времени полнотой было собрано около 240 среднеассирийских печатей, войска (какие бы то ни было) не представлены ни на одной из них, военные сцены — ни на одной, колесница — на одной, с охотничьей сценой⁶. В корпусах среднеассирийских печатей и оттисков из Телль-Биллы⁷, Телль-Римаха⁸ и Телль-Фехерий⁹ не обнаруживается ни военных, ни колесничных сцен. Насколько нам известно, можно говорить всего о трех, не считая рассматриваемого нами артефакта, среднеассирийских и воспроизводящих среднеассирийские печати с обсуждаемыми мотивами. На одной, среднеассирийской времен Ададнерари I, изображены три пеших воина (BN 367, наш рис. 2 ниже)¹⁰. На другой

⁴ В корпус переднеазиатских печатей последних веков II тыс. до н.э., опубликованный в Matthews 1990, вошло 626 печатей. Двухрегистровая композиция представлена только на 9 из них (№ 1, 155, 211, 274, 276, 519, 520, 553, 554 — 1,4% от общего числа).

⁵ Moortgat 1941; 1944; Beran 1957.

⁶ Moortgat 1944; Abb. 39 = VAT 9316.

⁷ Matthews 1991.

⁸ Parker 1977.

⁹ Bonatz 2021, 13–75, 103–109 и в целом.

¹⁰ = Matthews 1990, № 308. В Ward 1910 она фигурирует как печать *Bibliothèque Nationale* 952 = Ward 1910, № 1050, но со времен выхода каталога Л. Делапорта, где она описана под № 367 (Delaporte 1910, I, 207), на нее ссылаются как на BN 367 (см. рис. 2).

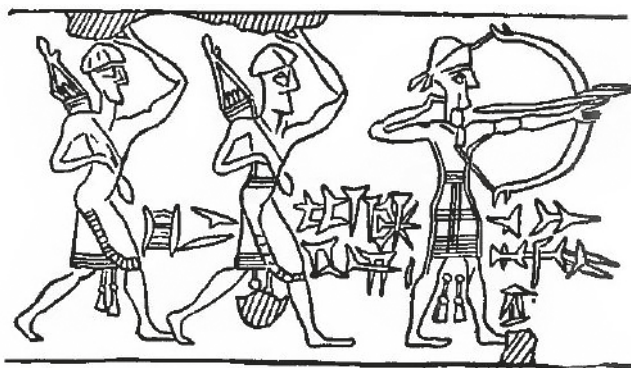

Рис. 2. Среднеассирийская печать (BN 367 [ранее *Bibliothèque Nationale* 952, см. прим. 10], по прориси Ward 1910, fig. 1050)

печати (de Clercq 310¹¹; среднеассирийская печать или левантийское воспроизведение среднеассирийских печатей) воин на колеснице атакует пехотинца, а под колесницей лежит другой пехотинец, уже поверженный. На третьей печати (бесспорно среднеассирийской, VAT 9316) изображена колесница в охотничьей сцене. В недавнем полном обзоре среднеассирийских изображений войск и военных сцен, предпринятом Л. Баттини, первые две из только что названных печатей не учтены (возможно, она не уверена в том, что какая-либо из них является ассирийской); в результате, по ее оценке, на среднеассирийских печатях военных сцен нет вовсе,

Д. Мэтьюз аргументированно определил ее как среднеассирийскую; по иконографическим параллелям (в том числе по «хвостикам» на затылке правого персонажа, в которых Д. Мэтьюз видит локоны, а Л. Делапорт, с нашей точки зрения более правильно, — завязки наголовья, Delaporte 1910, I, 207) она достаточно надежно датируется временем Ададнерари I (Matthews 1990, 97). Х. Питтман, одна из ведущих исследователей ассирийского и специально среднеассирийского искусства, также уверенно считает ее среднеассирийской (URL: <http://www.arthistory.upenn.edu/spr03/422/April8/422April8.html>; указание относится к прориси этой печати: URL: <http://www.arthistory.upenn.edu/spr03/422/April8/242.JPG>; дата обращения: 20.10.2023). В самом деле, на печати есть короткая клинописная надпись, при этом пешие воины на изображении — не только без доспехов, но и с обнаженным торсом, в одних юбках-килтах. На новоассирийских изображениях ассирийские пехотинцы защищены, как минимум, одеждой, покрывающей торс, а на знаменитой плакетке Rockefeller-Museum 38780 из Мегиддо из слоя VIIa (XIII — середина XII вв. до н.э.) ханаанские пехотинцы выступают так же, как на нашей печати, — с обнаженным торсом и в килтах.

¹¹ = Matthews 1990, № 569 (= Ward 1910, fig. 1060 = Martin 1940, № 11, p. 26–27). В Ward 1910, 329 и Martin 1940 эта печать определялась как среднеассирийская; ее датировка второй половиной II тыс. и близость ее к печатям из Касситской Вавилонии VA 553 и VA 6975 (об этих печатях см. Van Buren 1939, 39; 1954, 8, 32) подробно обоснованы в Moortgat 1930, 846–847. Д. Мэтьюз считает ее, по грубоватости стиля, одним из левантийских (сирийских) воспроизведений среднеассирийских композиций (Matthews 1990, 3, 97). В любом случае она оказывается передающей среднеассирийскую иконографию.

а колесница представлена только в охотничьей сцене на VAT 9316¹². Обращаясь ко всем прочим категориям среднеассирийских артефактов, она смогла найти только три из них с военными и колесничными сценами: рельеф, где к Тукульти-Нинурте I с двух сторон ведут пленников (Istanbul Museum 7802); уцелевший фрагмент круглой крышечки XIII в. из Ашшурского Нового дворца Тукульти-Нинурты I, на которой в верхнем регистре изображались поверженные враги, а в нижнем — пешее и колесничное войско (VA 7989); рельеф на «Сломанном обелиске» Ашшурбелкалы (середина XI в. до н.э.), где царь держит на веревке пленников¹³. На ассирийской печати VA 7847 изображен пылающий вражеский город («своя» сторона на ней никак не представлена), но среднеассирийская датировка ее спорна (см. ниже прим. 50).

Таким образом, от времен до 1050 г., не считая нашей MMA 1999.325.90, дошло всего четыре (если без двух разобранных выше печатей de Clercq 310 и BN 367 и без неопределенной по датировке VA 7847) — семь среднеассирийских изображений всех категорий на военные и колесничные темы. Когда на таком фоне появляется печать, где в двух регистрах есть все: и пешее войско, и колесничное войско, и царь на колесном троне, и павший вражеский город — в первую очередь может возникнуть подозрение, что это подделка. Хранители соответствующего отдела Музея Метрополитен (Дж. Аруз и Е. Ракич), как и Х. Питтман, без колебаний считают, что артефакт подлинный (заявляя его в этом качестве на сайте музея и в специальном курсе Х. Питтман). Экспертное мнение таких специалистов само по себе — веский довод в пользу аутентичности печати, однако мы считаем уместным разобрать этот вопрос детально, для чего необходимо обратиться к ее провенансу.

Согласно сообщению Музея (см. по ссылке в прим. 1), эту печать между 1893 и 1910 г. приобрел известный коллекционер Дикран Келекян (1868—1951), и с тех пор она оставалась в распоряжении его наследников, пока одна из наследниц, Н. Келекян, не подарила ее Музею в 1999 г. Такая история артефакта мало совместима с подозрением его в неаутентичности. Подделку уникальной печати и производят только для того, чтобы заявить ее как уникум. Между тем такого значения ей не придавал никто — ни ее владельцы из семейства Келекян, ни специалисты Музея. Н. Келекян не продавала эту печать Музею, а подарила ее ему, не извлекая из этого материальной выгоды и не придавая ей какой-либо особенной значимости, в числе других печатей; до того она безвестно хранилась в таком же качестве в коллекции семьи Келекян. В Музее также не расценили ее как нечто особенное (подтверждением чего служит то, что она до сих пор не получила научной публикации). Все это подразумевает, что и в саму коллекцию Келекян она попала в качестве заурядного образчика месопотамских печатей, в числе других таких же образчиков, и в Музей передавалась в той же роли. Кто стал бы осуществлять подделку уникальной печати, чтобы продавать (или хранить, или дарить) ее потом как нечто заурядное?

¹² Battini 2016, 38.

¹³ Другой, «Белый Обелиск» неизвестного ассирийского царя, содержащий ряд военных сцен, датируется ассириологами от времени Ашшурнацирапала I до Ашшурнацирапала II, т.е. между 1050 и 860 г. до н.э., и Л. Баттини его не привлекает; о вероятности его атрибуции именно Ашшурнацирапалу I см. ниже, прим. 21.

Далее, сомневаться в представленной семьей Келекян Музею ранней дате приобретения этой печати Дикраном Келекяном (между 1893 и 1910 г.) не приходится. Чего ради даритель стал бы выдумывать эту дату, если дар у него приняли бы и независимо от этого, а ничего сенсационного в этом даре не видел ни сам даритель, ни Музей? Предкам самой Н. Келекян тем более незачем было бы намеренно «удревнять» эту дату, потому что они эту печать никому не предлагали. К тому же выдумывание ранней даты ее приобретения не имело бы смысла ни для кого из них, поскольку никак не повышало бы в чьих-либо глазах ценности этой печати.

Между тем, как будет подробно прослежено ниже, целый ряд черт этой печати ведет в строго среднеассирийское время, и при этом в ней нет ни одной специфически новоассирийской черты. В частности, именно по-средне-, а не по-новоассирийски изображены пешие и колесничные войска. Чтобы подделать печать таким образом и не допустить при этом ни одной ошибки, то есть не совместить на печати специфически средне- и специфически новоассирийские черты, надо было бы на отличном академическом уровне знать разницу между теми и другими чертами и тщательно соблюдать эту разницу при подделке. Такой педантизм неправдоподобен сам по себе, а в данном случае еще и дополнительно невероятен, поскольку любой подделыватель ассирийских печатей естественно сбивался бы как раз на воспроизведение именно новоассирийских черт (особенно в передаче облика войск), так как новоассирийских изображений войск и прочих объектов, представленных на печати, дошло в тысячи раз больше, чем среднеассирийских; именно облик новоассирийских воинов до сегодняшнего дня оказывается для всех, кроме горстки узких специалистов, единственным обликом «ассирийских воинов» вообще, и, чтобы на этом фоне не сбиваться на воспроизведение черт именно новоассирийского войска, нужно было бы не просто отлично знать разницу во внешности между ним и войском среднеассирийским, но и быть энтузиастом воспроизведения строго среднеассирийского типа, несопоставимо менее известного. Существование такого фальсификатора не просто маловероятно, но до середины XX в. невозможно вообще, поскольку лишь в 1940–1950-х годах вышли работы, рассматрившие отдельно среднеассирийские печати (причем воинов на них нет)¹⁴, печать BN 367 с пешим войском не заявлялась как (средне)ассирийская и в первой половине XX в., печать de Clercq 310 с боем колесничего против пехоты предложил считать скорее ассирийской (и при этом ранней) У. Уорд в 1910 г., о крышечке VA 7989 (с пешим и колесничным войском) было сообщено впервые в 1938 г. в мало кому доступном берлинском музееведческом ежегоднике¹⁵; реально доступной она стала, по-видимому, лишь при публикации 1969 г.¹⁶

Лишь после всего этого открылась хотя бы теоретическая возможность создать обсуждаемую подделку, не впадая в анахронизмы, и для этого было бы нужно, чтобы фальсификатор детально проработал указанные работы, самостоятельно сравнил представленные там артефакты с новоассирийскими, в подробностях установил бы довольно тонкие различия между ними в изображении воинов

¹⁴ Moortgat 1942; 1944; Beran 1957.

¹⁵ Andrae 1938.

¹⁶ Moortgat 1969, pl. 244.

и дальше соблюдал бы эти различия при производстве своей подделки. Но печать была приобретена Дикраном Келекяном еще до 1910 г., когда даже теоретической возможности провести такую дифференциацию у предполагаемого фальсификатора не имелось.

Наконец, сама уникальность печати с учетом сказанного выше оказывается как раз аргументом в пользу ее аутентичности. Наша печать несет ряд элементов, каждый из которых и сам по себе крайне редок или уникален для печатей (изображение пехотного строя; изображение крепости; изображение колесничного строя; простершиеся перед тронном на животах враги), а уж сочетание их — тем более. Между тем фальсификатору, наоборот, естественно опираться на распространенные образцы, иначе его подделка будет вызывать очевидные подозрения у всякого осведомленного приобретателя, а неосведомленный ее уникальности вообще не оценит.

Таким образом, чтобы считать обсуждаемую печать поддельной, пришлось бы сочинять неправдоподобный во всех звеньях конспирологический сюжет, где фигурировал бы вставший на путь фальсификации высокопрофессиональный знаток ассирийских древностей (со специально среднеассирийскими пристрастиями), вознамерившийся изготовить и продать поддельную уникальную печать, которая действительно нашла себе место в частной и музейной коллекциях — но почему-то уже не в роли уникала, а лишь в качестве обычного, не привлекавшего внимания артефакта.

Мы так подробно останавливались на этом вопросе, чтобы в максимальной степени отвести возможные именно в силу уникальности нашей печати подозрения в ее адрес. Перейдем теперь к описанию и анализу ее самой.

СОДЕРЖАНИЕ И ДАТИРОВКА ПЕЧАТИ

В Музее Метрополитен нашу печать без специального анализа, вместе с прочими печатями, подаренными Н. Келекян, отнесли к новоассирийскому времени¹⁷; Х. Питтман, обратившая на нее внимание, аттестовала ее в своем курсе истории искусства древней Месопотамии как среднеассирийскую¹⁸. Вторая датировка, несомненно, верна (по меньшей мере по отношению к композиции на печати и подавляющему большинству ее деталей, а вероятно, и по отношению к самому артефакту), так как на печати выявляются специфически среднеассирийские черты, причем касающиеся ключевых элементов композиции¹⁹. Эти черты таковы:

¹⁷ URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/30006375>; дата обращения: 20.10.2023.

¹⁸ URL: <http://www.arthistory.upenn.edu/spr03/422/April8/422April8.html>; к URL: <http://www.arthistory.upenn.edu/spr03/422/April8/241.JPG>; дата обращения: 20.10.2023.

¹⁹ Есть ли на этой печати черты, которые можно было бы считать появляющимися только позже, в новоассирийский период (нам кажется, что нет), — вопрос, который для нас незначим по следующей причине. Если бы на печати наблюдалось смешение и таких элементов, которые могли возникнуть и применяться как актуальные только в среднеассирийскую эпоху, и таких, которые встречаются лишь в материалах глиптики, дошедших от более позднего, новоассирийского периода, этому были бы возможны два объяснения. (1) Элементы второго типа на самом деле встречались и в среднеассирийский период, просто при скудости дошедшей до нас глиптики того времени примеры

(А) Противники царя (двое простершихся перед ним на животах) изображены в характерном головном уборе — феске с уплощенным верхом (без выступа над этим верхом); в таких же фесках с уплощенным верхом изображены и сам царь, и его вельможа (повергающий к его ногам двух простершихся противников), и колесничие в нижнем регистре.

Однако такие фески представлены на памятниках как головной убор у двух групп лиц.

(а) У ассирийцев: у лиц помимо царя — практически исключительно в среднеассирийскую эпоху до середины XI в. включительно. Пехотинец и колесничий в таких фесках изображены на крышечке VA 7989 из ашшурского Нового дворца конца XIII в. до н.э.²⁰; многочисленные сановники в таких фесках изображены, в частности, на «Белом обелиске», при том что сам царь показан уже в другом головном уборе (см. ниже)²¹. В виде единственного исключения феска показана еще у одного жреца в первой половине IX в.²² У ассирийских царей феска встречается лишь в среднеассирийское время до начала XI в.: это Тиглатпаласар I на скальном рельефе у истоков Тигра, ок. 1100 г. до н.э.²³, и стоящий при исполнении ритуала царь на оттиске печати в документе VAT 9662+15473 из архива времени того же Тиглатпаласара I²⁴. По-видимому, подобной же феской, показанной в «зало-ме» назад (и, возможно, декорированной), является головной убор Тукульти-Нинурты I на оттиске печати документа VAT 18017²⁵. На «Белом обелиске» (середина XI в.) и в новоассирийскую эпоху цари Ассирии носят несколько иной

с ними в наше распоряжение не попали. Печать в этом случае — среднеассирийская или выполненная ассирийцами позднейшего времени реплика среднеассирийской (последнего в любом случае исключить нельзя). (2) Речь идет о несколько более вольном новоассирийском воспроизведении среднеассирийской глиптической композиции, куда при этом воспроизведении добавились какие-то новоассирийские черты. В обоих случаях получится, что за имеющимся артефактом стоит среднеассирийская печать со среднеассирийской композицией. Последняя нас и интересует.

²⁰ Moortgat 1969, pl. 244; Madhloom 1970, pl. V.3; Battini 2016, 37–38, fig. 4.1. Разделяемое Л. Баттини предположение, что колесничий на этой крышечке — царь, а пеший, показанный перед колесницей — его сановник, доказательств не имеет, но и при этом получится, что такие фески на данном изображении носит не только царь.

²¹ Sollberger 1974, pl. XLII–XLV, ср. Reade 2009, 244. «Белый обелиск» датировался от времени поздне-среднеассирийского Ашшурнацирапала I в середине XI в. до его тезки Ашшурнацирапала II в начале IX в., при предпочтительности самых ранних датировок, наиболее вероятно — временем Ашшурнацирапала I, в пользу чего приводится все больше детальных иконографических, исторических и историко-филологических аргументов (Reade 1975; Pittman 1996; Frahm 2009, 119–121; в частности, на множестве изображений времен Ашшурнацирапала II никто, кроме царя, за исключением одного жреца [BM 124548, см. ниже], фескоподобных головных уборов уже не носит, как и позднее).

²² BM 124548, рельеф времени Ашшурнацирапала II из Нимруда, см. Reade 2005, 15; 2009, 249 (с констатацией, но без объяснения этого непонятного обстоятельства).

²³ Meissner 1915, 97, Abb. 167; Börker-Klähn 1982 I, 177; II, Abb. 130; Reade 2009, 242, fig. 2.

²⁴ Moortgat 1944, 43–44, Abb. 46; Reade 2009, 242–243, fig. 3–4; Schmitt 2019, 398 и Abb. 11.

²⁵ Прорись Fischer 1999, 129, Abb. 1; комментарий Reade 2009, 241.

головной убор (на основе фески, но уже с характерным конусообразным выступом над ее верхом).

(б) У вавилонских вельмож и царей времени касситской династии, среди которых: вельможи на росписях из Дур-Куригальзу XIV–XIII вв.²⁶; царь, царевич или сановник на кудурру начала XII в. до н.э.²⁷; царь Мелишипак (начало XII в.)²⁸, бог на кудурру Louvre SB 5640 (с фески свисает длинная полоска, имеется низкий опоясывающе-налобный элемент)²⁹; персонаж, играющий на музыкальном инструменте, на близком к времени Мелишипака кудурру Louvre SB 35³⁰; статуи богов и богинь хранителей в виде знатных людей или государей в храме Инанны в Уруке, сооруженном при царе Караиндаше, конец XV в.³¹; сидящий персонаж на ряде кудурру конца II тыс.³² Вавилоняне следующих веков изображаются в головных уборах совершенно иных типов³³.

Ясно, что наша печать изображает не гражданскую войну между ассирийцами. Царь-победитель на печати не уничтожает и не карает врагов, а принимает их сдачу и запрягает их в свое ярмо, что соответствует действиям по отношению именно к покоренным, а не к мятежникам (тем более не к мятежникам-ассирийцам); на печати изображен взятый вражеский город, но ассирийцы не стали бы увековечивать взятие своего же города в ходе гражданской войны. Вообще ассирийские памятники показывают триумфы своих царей именно над

²⁶ Baqir 1946, 81–82, pl. XII–XIV; Tomabechi 1983, 129–131.

²⁷ Louvre SB 3226 (Morgan *et al.* 1900, 176; Hinke 1907, 40, 235; Ornan 2005, 228, Ill. 4; Reade 2009, 244–245, fig. 7).

²⁸ Изображен на двух кудурру (Louvre SB 23, SB 24, Seidl 1989, Taf. 11a–b) в плоско-верхой феске с высоким охватывающе-налобным элементом (Ornan 2005, 228, ill. 5). У новоассирийских царей на их фескоподобном головном уборе такой элемент тоже имеется, хотя почти всегда он намного ниже. Однако у Ашшурнацирапала II на изразцовой росписи из Нимруда BM 90859 (на сайте музея — <https://www.bmimages.com/preview.asp?image=00032452001>; дата обращения: 20.10.2023) этот элемент так же, как у Мелишипака, достигает спереди по центру верхней грани убора.

²⁹ Seidl 1989, Taf. 10b; Ornan 2005, 228, ill. 6.

³⁰ См. Moortgat 1969, 102–103.

³¹ Музей Пергамон, Берлин, VA 10983, Ornan 2005, 227, Ill. 1. Отметим, что многочисленные вельможи на росписях в Дур-Куригальзу и божества-охранители из храма Караиндаша изображены только в обсуждаемых плосковерхих фесках.

³² Louvre SB 31 (Seidl 1989, № 50), Louvre SB 793 (Seidl 1989, № 54), Louvre SB 21 (Seidl 1989, № 48, время касситского Мардукапалиддина I — вторая четверть XII в.). Характерно, что на аналогичных кудурру Louvre SB 27 (Seidl 1989, № 49) и Louvre SB 3224 (Seidl 1989, № 29) такой же персонаж сидит в вытянутом, сфероконическом головном уборе, и сравнение с Louvre SB 31, SB 793 и SB 21 показывает, что он развился из фески путем преобразования ее верха в вытянутый.

³³ Прежде всего в округло-островерхих шапках (ср. такие уборы уже у сидящего персонажа на кудурру Louvre SB 27 = Seidl 1989, № 49 и Louvre SB 3224 = Seidl 1989, № 29); в I тыс. в сфероконических шапках изображаются и цари Вавилонии, например Набупаллидин в начале IX в. на табличке BM 90922 и Мардукзакиршуми в середине IX в. на кудурру AO 6684. Уже в начале XI в. вавилонский царь Мардукнадинаххе выступает не в феске, а в «перьевой короне Мардука» (как с выступом наверху: кудурру BM 90841, — так и без выступа: кудурру Walters Art Gallery, № 21.10 = Seidl 1989, № 76).

иноземцами. А из всех многочисленных иноземных противников Ассирии, изображаемых на ассирийских и неассирийских памятниках II—I тыс. до н.э., фески носят только цари Касситской Вавилонии и ее вельможи, зато они — часто.

Таким образом, плосковерхие фески и на своих (включая царя), и на врагах, представленные на нашей печати, означают, что речь идет об ассиро-вавилонской войне, имевшей место не позднее конца касситской династии Вавилонии.

(Б) Как упоминалось, в плосковерхих фесках выступают колесничие в нижнем регистре, посвященном шествию «своих» войск (колесничих и пехоты), в то время как верхний регистр отдан непосредственному изображению триумфа над врагами. Все это находит очень близкую и комплексную аналогию в вышеупомянутом фрагменте крышечки XIII в. из Ашшура VA 7989: там композиция также двухрегистровая, в нижнем регистре выступает колесничий в феске (и пеший в феске), а в уцелевшей части верхнего видны тела поверженных врагов.

(В) Пехотинцы в нижнем регистре нашей печати изображены в округлых головных уборах (или, что менее вероятно, с особыми прическами) наподобие «беретов» и с обнаженным торсом. Такие пехотинцы показаны на одной среднеассирийской печати (BN 367, см. рис. 2). В новоассирийский период пехота не изображается ни с такими головными уборами / прическами, ни с обнаженным торсом (всегда в рубахах или доспехах).

(Г) На нашей печати изображены враги, повалившиеся в ноги царю. Как показывает сквозная проверка ассирийских царских надписей, образ «склонившихся к ногам царя» врагов использовали до 745 г. Ададнерари I (редко)³⁴, Салманасар I (чуть чаще)³⁵, Тукульги-Нинурта I (очень часто)³⁶, Ашшурешиши (редко)³⁷; потом он появляется несколько раз у Тиглатпаласара I³⁸, редко у Ашшурнацирапала II³⁹, систематически — у Салманасара III⁴⁰ и, наконец, редко — у Шамши-Адада V⁴¹. Таким образом, этот образ коррелирует (до 745 г.) либо со среднеассирийским периодом, а в его рамках особенно тесно — с XIII в. до н.э., либо с IX в. до н.э. Но IX в. и более поздние века исключаются в силу вышеизложенного (в частности, аргумента о плосковерхих фесках на царе и других персонажах, своих и чужих), остается среднеассирийский период, и особенно XIII в. до н.э., и внутри него (и за все время до 860 г. до н.э.) обсуждаемый мотив на печати с наибольшей (причем с резким отрывом) частотой представлен в надписях Тукульги-Нинурты I, см. численность дошедших случаев в прим. 34–41.

(Д) Налобное украшение колесничных коней на нашей печати (показано дважды в нижнем регистре) представляет собой нечто подобное кусту — от вертикального

³⁴ RIMA 0.76.1 (1–17).

³⁵ RIMA 0.77.1 (1–21; 40–46; 54–55); 0.77.17 (1–5).

³⁶ RIMA 0.78.1 (iii 1–7; iii 8–11; iii 21–23); 0.78.5 (23–32); 0.78.5 (48–49); 0.78.18 (24–25); 0.78.20 (1–10); 0.78.21 (1–10); 0.78.23 (38–39); 0.78.24 (32–33); 0.78.26 (7–16).

³⁷ RIMA 0.86.1 (1–7).

³⁸ RIMA 0.87.1 (vi 25–26; vi 37–38; viii 33).

³⁹ RIMA 0.101.40 (23); 0.101.70 (1–6).

⁴⁰ RIMA 0.102.2 (i 11–12); 0.102.4 (левая сторона 1–9); 0.102.6 (i 24–27); 0.102.8 (20–24); 0.102.10 (i 10–18); 0.102.11 (7–13); 0.102.12 (35–36); 0.102.14 (15–21); 0.102.28 (10); 0.102.30 (10); 0.102.38 (1'–4'); 0.102.95 (5–7).

⁴¹ RIMA 0.103.1 (i 15).

стержня расходятся веером семь «веточек» с круглыми украшениями на концах. Этой «веерной» форме более или менее близки именно среднеассирийские и среднеави-лонские дошедшие примеры: налобное украшение колесничного коня на печати се-редины XIV в. из Ура, среднеассирийского стиля⁴²; налобное украшение у колесни-чных коней на вышеупомянутой среднеассирийской крышечке из дворца Тукульти-Нинурты I в Ашшуре VA 7989 (низкий веерообразный элемент надо лбом, возможно — просто собранная в пучок часть челки); наголовное украшение колесничных коней на «Белом обелиске»⁴³ — «веер» из трех перьеобразных, довольно длинных элемен-тов, закрепленных на штырьке, украшенном крупной розеткой. Во всех этих случа-ях украшения «веерообразные»; их элементы расходятся кверху от одного стержня/ствола, как на нашей печати (и, возможно, на печати из Ура), или от одной розетки, как на «Белом обелиске», или из одной точки, как на крышечке из дворца Тукульти-Нинурты I. На новоассирийских изображениях представлены налобные украшения совсем иной формы⁴⁴: не «веерные», а «зонтичные» (середина VIII — первая половина VII в.; здесь элементы украшения свисают в виде зонтиков с вертикального стержня) или с основанием в виде «подковы», когда элементы украшения, выступающие вверх веером или гребнем, крепятся к подковообразной (позднее также крюкообразной) выгнутой вверх основе. Такие украшения изображаются начиная со времени Ашшур-нацирапала II, в IX—VIII вв.; после перерыва они снова входят в моду при Ашшурба-напале, BM 124866+125867; тот же вид украшения представлен на многих позднихетт-ско-арамейских памятниках начала I тыс. до н.э.⁴⁵ В более ранних «веерных» украше-ниях можно видеть как раз форму, из которой вырос данный тип за счет добавления выгнутой вверх опоры для самого «веера/гребня». Таким образом, форма налобного украшения на нашей печати также ведет нас во II тыс. до н.э.

(Е) Еще один датирующий признак — орнамент в виде «плетенки» волнисто-кольцевых элементов, присутствующий на нашей печати в качестве разделителя ре-гистров изображения. Этот орнамент был очень популярен (в том числе именно в функции разделителя) в среднеассирийское время (и не только в Ассирии)⁴⁶. На но-воассирийских печатях отыскать его, напротив, исключительно трудно (вместо него там используются гладкие линии, линии «елочкой», штриховые и подобные)⁴⁷. При этом и внутри среднеассирийской эпохи этот орнамент принадлежит прежде всего

⁴² Woolley 1951, № 611 = Nagel 1966, 83, Abb. 37. Деталей в этом случае различить нельзя, виден только довольно высокий лопаточкообразный или полуовальный эле-мент надо лбом коня.

⁴³ Sollberger 1974, pl. XLII–XLV; Madhloom 1970, pl. I. 1–1a; Littauer, Crouwel 1979, fig. 41.

⁴⁴ См., например, изображения, собранные в Madhloom 1970, pl. I–VIII; Dezsó 2012, pl. 1–18.

⁴⁵ Madhloom 1970, pl. XIV–XV.

⁴⁶ Примеры на применяемых ассирийцами печатях: в XIV — начале XIII — Beran 1957, Abb. 52, 53, 54, 58, 59, 60, 70, 73, 80, 81, 88, 89, 90, 91, 95, 96; в XIII в. (при Салманасаре — Тукульти-Нинурте) — Moortgat 1941, Abb. 77, 78, в XIII в. в целом (включая Ададнерари) — в Телль-Билле (Matthews 1990, fig. 41 Bi 34) и Телль-Римахе (Parker 1977, fig. 42c, 47). О митанийских печатях с этой плетенкой см. ниже, прим. 49, пример такой новохеттской печати — Martin 1940, pl. 10.

⁴⁷ Так, в каталоге всех корпусов из 401 новоассирийских и нововавилонских печатей коллекции Британского музея мы нашли всего одну печать с искомой плетенкой (Collon 2001, № 276 = BM 89227).

к раннему глиптическому этапу XIV — начала XIII в. (до Ададнерари I включительно), а на следующем этапе, образуемом глиптикой времен Салманасара I — Тукульти-Нинурты I, он представлен реже и по инерции, для этого этапа его появление было уже архаизмом, подразумевающим с наибольшей вероятностью применение печати, вырезанной на одной из предыдущих фаз⁴⁸. В XII в. и далее такие примеры уже остаются редчайшими исключениями. Это и неудивительно, поскольку обсуждаемый орнамент характерен для митаннийских печатей и воспроизведения их композиций ассирийцами⁴⁹.

Итак, по этому критерию нашу композицию с наибольшей вероятностью надо датировать в пределах XIV—XIII вв. до н.э., хотя не исключена и более поздняя датировка. Исследуемая композиция никоим образом не является воспроизведением мотивов, унаследованных от митаннийской глиптики или от типичных произведений среднеассирийской глиптики, использовавших плетенку. Практически все содержание нашей композиции — уникально, совершенно нехарактерно для дошедших образцов среднеассирийской глиптики. Это значит, что нашу плетенку в данном случае воспроизводили не по инерции (как привычный элемент или «в пакете» с иными привычными элементами), а по сознательному выбору именно такого бордюра для включения в очень необычную композицию. Подобный выбор мог бы быть сделан и намного позже прекращения традиции инерционного воспроизведения обсуждаемой плетенки в среднеассирийской глиптике (как последний раз показывает очень позднее появление ее на новоассирийской BM 89227, прим. 47); такая традиция выдохлась, самое позднее, к рубежу XIII/XII вв.

(Ж) Хорошо согласуется со среднеассирийской датировкой (хотя не требует ее категорически) и манера изображения зубцов на укреплениях сдавшегося города — с ярко выраженными тремя «ступеньками». Подобные «ступенчатые» зубцы (в том числе трехуровневые, то есть точно такие же, как на нашей печати) обычны для среднеассирийской глиптики и искусства в целом⁵⁰: ср. трехступенчатые (как и на нашей печати) зубцы на оттиске печати времени Тиглатпаласара I VAT 15468⁵¹, двухступенчатые — на уже упоминавшемся артефакте времени

⁴⁸ Moortgat 1941, 84–85. Среди десятков среднеассирийских печатей XII в., собранных в Moortgat 1944, примеров с такой плетенкой уже нет.

⁴⁹ Некоторые примеры обсуждаемой плетенки на классических печатях митаннийских типов: Kantor 1945/1999, fig. XIV. 4, 6, 11, 15, 16, 19, 20, 21; печати BM 130671 и BM 89569 (Matthews 1990, 28, fig. p, q). О применении печатей с такой плетенкой ассирийцами ср. Parker 1977, 267–268 (печати из среднеассирийского Телль-Римаха: печать fig. 42c — митаннийская, печать fig. 47 — ассирийская XIII в., но воспроизводящая митаннийский стиль), Matthews 1991, 27 (fig. 41 Bi 34 — оттиск митаннийской печати на документе из среднеассирийской Телль-Биллы).

⁵⁰ На изображающей сожжение вражеского города печати из Ашшура VA 7847 (= Weber 1920, № 531) зубцы высокие и закругленные. О. Вебер и вслед ему Э. Виггерманн расценивали эту печать как среднеассирийскую (Weber 1920, № 531, Wiggermann 2006, 97, о fig. 146), А. Моортгат, Т. Беран и Д. Мэтьюз ее таковой не считают, так как не включают в состав своих сводов среднеассирийских печатей (Moortgat 1941; 1944 + Beran 1957; Matthews 1990). Нам кажется, что, судя по высоким узким башням и прямым закругленным зубцам, она скорее новоассирийская.

⁵¹ Moortgat 1944, Abb. 45 = Andrae 1977, fig. 131 = Wiggermann 2006, fig. 147.

того же Тиглатпаласара VAT 9662+15473⁵². И VAT 15468, и VAT 9662+15473 — документы времени правления Тиглатпаласара I, оттиски на них по стилистическим соображениям датируются той же эпохой, XII — рубежом XII/XI вв.⁵³ На оттиске среднеассирийской печати Или-пады на его письме 1197 г. до н.э.⁵⁴ зубцы двухступенчатые. Кажется возможным, что двухступенчатыми зубцы были и на рельефах «Белого обелиска»⁵⁵. При этом верхние площадки башен, несущие «трехступенчатые» зубцы, на нашей печати изображены преувеличенно массивными по отношению к «телу» башен ниже этих площадок; у большинства башен они особенно преувеличены в высоту. Последняя черта также находит параллель на одной из среднеассирийских печатей, где у верхних площадок и показаны те же трехступенчатые зубцы, и преувеличена относительная высота⁵⁶. В новоассирийский период с подавляющим отрывом преобладают иные модели (башни с треугольными, намного реже прямоугольными или отсутствующими зубцами, а верхняя площадка не массивна по отношению к «телу» башни под ней — относительно невелика в высоту, при этом не шире или ненамного шире «тела» башни⁵⁷). Интересующие нас черты (ступенчатые зубцы, преувеличенная массивность верхней площадки, особенно в высоту) также встречаются на новоассирийских изображениях, но гораздо реже и почти всегда порознь, а не вместе⁵⁸.

⁵² Moortgat 1944, Abb. 46 = Wiggermann 2006, fig. 148.

⁵³ Moortgat 1944, 42–43; Wiggermann 2006, list of ill. 147, 148. Отметим, что из-за описки у Э. Виггерманна вкралась путаница: при описании своей fig. 147 [= VAT 15468] он проставил сигл другой печати — VA 7847, которая в действительности описана и представлена им как fig. 146, а при описании своей fig. 146 [= VA 7847] поставил, наоборот, сигл VAT 15468.

⁵⁴ Wiggermann 2006, fig. 142; приносим благодарность Б.Е. Александрову, обратившему наше внимание на этот артефакт.

⁵⁵ Эти рельефы выполнены очень грубо, сохранность памятника также оставляет желать лучшего, так что многие контуры на нем оказываются смазанными, и в недавней прорисовке укреплений, изображенных на этих рельефах, их зубцы показаны треугольными (Gillmann 2016, pl. CIV–CV). Однако при увеличении лучших опубликованных фотографий тех же изображений (Reade 1975, pl. XXVIII, XXX, XXXIa; Pittman 1996, 37, fig. 7) можно как будто заметить на ряде зубцов визуальные перепады между их нижними частями и вершинами; такие перепады отвечали бы скорее намерению изобразить зубцы как ступенчатые, чем как правильные треугольники.

⁵⁶ Оттиск VAT 15468 = Moortgat 1944, Abb. 45.

⁵⁷ В очень подробной сводке новоассирийских изображений укреплений, представленной в Gillmann 2016, таковы примеры на pl. I–II, IV–XXIV, XXVII–LV, LVII–LVIII, LX–LXI, LXIII–LXVII, LXIX, LXXII–LXXV, LXXVII–LXXI, LXXIV–XCIII, XCV, C, CIII (более 90% привлеченных Н. Гиллманном изображений).

⁵⁸ Трехступенчатые зубцы, но верхняя площадка относительно невелика — Gillmann 2016, pl. XXV–XXVI, XXXII 2, XCIV, аналогично зубцы на изразцовых изображениях Салманасара III (Andrae 1913, Taf. LXXXVIII); двухступенчатые зубцы, но верхняя площадка относительно невелика — Gillmann 2016, pl. III (= Madhloom 1970, pl. LII, 3), XCVI, XCVII, XCIX; преувеличенно массивные в высоту верхние площадки, но зубцы треугольные — Gillmann 2016, pl. LIX, LXII, LXVIII, LXXI, LXXXII. Лишь на Gillmann 2016: pl. LVI изображение близко к нашему (и еще ближе — к VAT 15468): трехступенчатые зубцы и преувеличенно массивная в высоту верхняя площадка, но при этом она почти не выдается в ширину сравнительно с «телом» башни (сходно — на VAT 15468, но не на нашей печати).

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ

Итак, композиция на нашей печати по происхождению среднеассирийская (саму печать тем самым надо считать либо среднеассирийской, что вероятнее всего, либо позднейшей репликой или весьма полным подражанием). При этом она уникальна по пышности, обилию деталей, масштабу глорификации изображаемого и тем самым явно посвящена какому-то экстраординарному событию: она исполнена в двух регистрах (очень редкая черта), на ней представлено и колесничное, и пешее войско (уникальная черта), а также крепость и царь с запряженными в колесный трон врагами (еще одна уникальная черта). Все это находит параллели в изображении на крышечке из ашшурского дворца Тукульти-Нинурты I: там тоже в нижнем регистре выступают колесничий и пеший, в верхнем представлено поражение врагов, и все вместе исполнено на предмете маленького размера (12 см в диаметре). Нанесение на маленькие предметы изображений, по содержанию походящих прежде всего на рельефы, говорит, возможно, о желании тиражировать мотивы монументальной глорификации; это также подразумевает некую экстраординарную ситуацию и необычайный размах практики по ее прославлению и увековечению.

Событие, которое рисует композиция на нашей печати, — это военный триумф среднеассирийского царя над Касситской Вавилонией, связанный с овладением неким ее городом, причем настолько важным, что царь представлен восседающим перед этим городом на колесном троне, и везти его будут вместо коней покоровшиеся ему представители Касситской Вавилонии и изображенного ее города; при этом наиболее вероятная датировка композиции — до исхода XIII в., судя по наличию «митаннийской плетенки», мотива «враги, повергшиеся ниц к ногам царя» и параллелей с изображением на крышечке из дворца Тукульти-Нинурты I. Твердый *terminus ante quem* для нашей композиции — середина XII в. (конец Касситской династии в Вавилонии: плосковерхие фрески на вавилонянах — примета именно касситской эпохи).

В конце XIV — конце XIII / первой половине XII вв. до н.э. имел место целый ряд ассиро-вавилонских столкновений, в том числе успешных для ассирийцев. Возникает вопрос: изображает ли наша композиция некую абстрактную победу Ассирии над Вавилонией или одну из реальных, а если да, то какую? Подчеркнем, что эта победа оказалась увековечена на печати с размахом, экстраординарным для всей ассирийской глиптической традиции и для всей среднеассирийской изобразительной практики в целом. По нашему мнению, отсюда напрашивается предположение: не идет ли речь об отражении реальной и настолько же экстраординарной победы Ассирии над Вавилонией соответствующего периода — о капитуляции Вавилона перед Тукульти-Нинуртой I? В самом деле, во всех прочих конфликтах XIV — первой половины XII в. ассирийцы как будто не завоевывали в Вавилонии крупные города; до и после Тукульти-Нинурты ассирийские захваты в ходе борьбы с Касситской Вавилонией касались только периферии последней (долина Среднего Евфрата, территория бывшего царства Аррапха и т.д.), как видно уже из «Синхронической истории» ABC 21 и подтверждается всеми прочими материалами.

Предложенное соотнесение, по нашему мнению, может быть подтверждено еще одним мотивом разбираемой композиции — «враги, впряженные в ярмо колесницы / колесного трона царя». На печати именно этот момент предстает кульминацией всей композиции, всего прославляемого ею ассирийского торжества. Между тем в надписях ассирийских царей, насколько нам известно, за все время до 1115 г. мотив впрягания врагов в колесницу выражен только у одного царя — и именно у Тукульти-Нинурты I, и он остается единственным ассирийским монархом, проводящим этот мотив активно, на весь период до 745 г.

Тукульти-Нинурта I не описывает (в отличие от Ашшурбанапала⁵⁹) акта реального запрягания врагов в свою колесницу (у самого Ашшурбанапала описан только один такой акт за все правление). Однако в своих надписях Тукульти-Нинурта для передачи установления своего владычества над покоренными использует две метафоры со значением, подразумевающим именно запрягание их в колесницу и выезд на них в этой колеснице.

Тукульти-Нинурта первым в Ассирии применяет в надписях выражение «наложить на них ярмо/дышло моего владычества (*nīr bēlūtiya*)»⁶⁰; это метафора, подразумевающая именно впрягание побежденных в колесницу (*nīr* — ярмо упряжки). Вне Ассирии эта метафора изредка употреблялась и ранее (в старовавилонском гимне Иштар, в Амарнском письме EA 296: 39)⁶¹, но в Ассирии ее впервые использовал именно он. После него это выражение до 745 г. употребляли только два царя — Тиглатпаласар I (RIMA 0.87.1 ii 54, 93, iii 85; 0.87.12 23') и Ададнерари III (RIMA 0.104.4 2').

Далее, тот же Тукульти-Нинурта I первым и единственным из ассирийских царей до 745 г. систематически употребляет метафору «я всхомутил/взнуздal их [покоренных] / наложил на них хомут/ узду (*rappu*, собственно шейная упряжь)» (RIMA 0 78.1 iii 41; 0.78.5 30; 0.78.23 37). Для современного читателя такие выражения ассоциируются с ездой на верховом коне, но Тукульти-Нинурта в XIII в. до н.э. (когда верховая езда была маргинальным явлением, редким занятием вестовых и разведчиков, а кавалерии еще не существовало, ср. Wiggermann 2006, 96) мог иметь в виду под этим выражением только запрягание в колесничную упряжку.

Таким образом, именно Тукульти-Нинурта при помощи различных терминов ввел — как минимум, на уровне прокламативных метафор — образ царя, запрягающего укрощенных врагов в свою колесницу. Между тем на нашей печати графически реализован именно этот образ.

Укажем также на значение, которое может иметь для нас оттиск печати Или-пады, ассирийского вице-царя Ханигальбата, на его письме T 02—32, написанном в связи со смертью Тукульти-Нинурты I в 1197 г. На оттиске⁶² изображен всадник в коническом шлеме, прибывающий в город, надежно опознающийся как Ашшур; рука всадника поднята в жесте поклонения. Эта композиция также экстраординарна для ассирийской глиптики. Как показал Э. Виггерманн⁶³, это объ-

⁵⁹ RINAP 5/1, Ashb 11 = Prism A, Ashb 23, 59, 60.

⁶⁰ RIMA 0.78.1 iii 4.

⁶¹ См. CAD N/2 263, *nīru* A b.

⁶² Wiggermann 2006, fig. 142.

⁶³ Wiggermann 2006, 99.

ясняется тем, что здесь передаются индивидуальные деяния и положение самого Или-пады, изображенного в виде всадника: смысл тот, что Или-пада спешит (откуда мотив именно верховой езды, применявшейся тогда в первую очередь курьерами и вестовыми) из своего наместничества в столичный Ашшур изъять городу и его божеству лояльность. Сцена призвана визуально передать и ревностную преданность Или-пады Ассирии (представленной ее столицей), и высокий статус самого Или-пады, демонстрируемого в виде единственной фигуры на печати, к тому же большого размера и в шлеме. Для нас здесь существенно, что, как показывает этот пример, при Тукульти-Нинурте I производились печати с уникальными композициями (а не сочетанием шаблонных элементов), призванными передать индивидуальные достижения, положение и качества владельца печати — а именно такова печать, исследуемая нами.

Подведем итоги. Мы считаем достаточно надежно доказанным, что композиция печати MMA 1999.325.90 была создана в среднеассирийский период, конкретнее — в XIII в. до н.э., уникальна по сравнению с дошедшими материалами глиптики и прославляет некую великую победу Ассирии над Касситской Вавилонией того времени. Весьма вероятным мы считаем, что это была вполне конкретная и реальная победа — взятие Тукульти-Нинуртой I Вавилона. То, как помпезно и экстраординарно эта победа отражена на печати, вполне согласуется с тем, как помпезно и экстраординарно это достижение было отражено в его надписях, титулатуре и придворном эпосе о нем (так называемый «Эпос о Тукульти-Нинурте»). Предложенное соотнесение согласуется и с активным употреблением Тукульти-Нинуртой ряда победных метафор, которые находят прямое графическое соответствие на печати: он первым стал часто применять заявление о том, что враги склонились к его ногам, и первым — заявления о наложении на них колесничного ярма и упряжи; среди его преемников до 745 г. лишь единичные цари употребляли хотя бы одно из двух последних выражений: Тиглатпаласар I и Ададнерари III, и даже первый из них правил слишком поздно для того, чтобы с ним можно было связывать нашу печать, а именно уже через полвека после падения Касситской Вавилонии и намного позже времени, на которое с большой вероятностью указывает «митаннийская плетенка». Поэтому нам кажется неслучайным, что уникальная композиция на нашей печати обнаруживает целую систему параллелей с изображением на крышечке из дворца Тукульти-Нинурты (применение мотивов, типичных для монументального рельефа, на маленьких предметах, двухрегистровая композиция с помещением пеших и колесничных воинов в нижний регистр и сцены поражения врагов — в верхний). Уникальность изображения на печати отражает уникальность статуса, который своей победе над Вавилонией придавал сам Тукульти-Нинурта. В любом случае, печать является ценным изобразительным источником для реконструкции облика и характера среднеассирийской армии.

Литература / References

- Andrae, W. 1913: *Festungswerke von Assur*. Leipzig.
Andrae, W. 1938: Aus den Grabungen der Deutschen Orient-Gesellschaft. *Berliner Museen* 59/2, 39–40.
Andrae, W. 1977: *Das wiedererstandene Assur*. München.

- Baqir, T. 1946: Iraq Government Excavations at 'Aqar Quf: Third Interim Report, 1944–1945. *Iraq* 8, 73–93.
- Battini, L. 2016: Middle Assyrian Drama in Depicting War: A Step towards Neo-Assyrian Art. In: L. Battini (ed.), *Making Pictures of War: Realia et Imaginaria in the Iconology of the Ancient Near East*. Oxford, 37–44.
- Beran, T. 1957: Assyrische Glyptik des 14. Jahrhunderts. *Zeitschrift für Assyriologie* 52, 141–215.
- Bonatz, D. 2021: *Middle Assyrian Seal Motifs from Tell Fekheriye (Syria)*. Boston.
- Börker-Klähn, J. 1982: *Alt Vorderasiatische Bildstelen und Vergleichbare Felsreliefs*. Bd. I–II. Mainz.
- Collon, D. 2001: *Catalogue of the Western Asiatic Seals in the British Museum: Cylinder Seals V: Neo-Assyrian and Neo-Babylonian Periods*. London.
- Delaporte, L. 1910: *Catalogue des cylindres orientaux et des cachets assyro-babyloniens, perses et syro-cappadociens de la Bibliothèque Nationale*. T. I–II. Paris.
- Dezso, T. 2012: *The Assyrian Army*. Vol. I. *The Structure of the Neo-Assyrian Army*. Pt. 2. *Cavalry and Chariotry*. Budapest.
- Fischer, C. 1999: Elitezugehörigkeit und Harmonieverständnis: Zu den mittelassyrischen Siegelabrollungen aus Kār Tukultī-Ninurta. *Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft* 131, 115–154.
- Frahm, E. 2009: *Keilschrifttexte aus Assur literarischen Inhalts*. Bd. 3. *Historische und historisch-literarische Texte*. Wiesbaden.
- Gillmann, N. 2016: *Les représentations architecturales dans l'iconographie néo-assyrienne*. Leiden.
- Hinke, W.J. 1907: *A New Boundary Stone of Nebuchadnezzar I from Nippur*. Philadelphia.
- Kantor, H. 1945/1999: *Plant Ornament in the Ancient Near East*. PhD thesis. Chicago.
- Littauer, M.A., Crouwel, J.H. 1979: *Wheeled Vehicles and Ridden Animals in the Ancient Near East*. Leiden.
- Madhloom, T.A. 1970: *The Chronology of Neo-Assyrian Art*. London.
- Martin, R.A. 1940: *Ancient Seals of the Near East*. Chicago.
- Matthews, D. 1990: *Principles of Composition in Near Eastern Glyptic of the Later Second Millennium B.C.* Freiburg.
- Matthews, D. 1991: Middle Assyrian Glyptic from Tell Billa. *Iraq* 53, 17–42.
- Meissner, B. 1915: *Grundzüge der babylonisch-assyrischen Plastik*. Leipzig.
- Moortgat, A. 1930: Der Kampf zu Wagen in der Kunst des alten Orients. Zur Herkunft eines Bildgedankens. *Orientalistische Literaturzeitung* 33, 841–854.
- Moortgat, A. 1941: Assyrische Glyptik des 13. Jahrhunderts. *Zeitschrift für Assyriologie* 47, 50–68.
- Moortgat, A. 1944: Assyrische Glyptik des 12. Jahrhunderts. *Zeitschrift für Assyriologie* 48, 23–44.
- Moortgat, A. 1969: *The Art of Ancient Mesopotamia. The Classical Art of The Near East*. New York.
- Morgan, J. de, Jéquier, G., Lampre, G. 1900: *Délégation en Perse. Mémoires*. T. I: *Recherches Archéologiques, Première Série, Fouilles à Suse en 1897–1898 et 1898–1899*. Paris.
- Nagel, W. 1966: *Der mesopotamische Streitwagen und seine Entwicklung im ostmediterranen Bereich*. Berlin.
- Oman, T. 2005: *The Triumph of the Symbol. Pictorial Representation of Deities in Mesopotamia and the Biblical Image Ban*. Göttingen.
- Parker, B. 1977: Middle Assyrian Seal Impressions from Tell al Rimah. *Iraq* 39, 257–268.
- Pittman, H. 1996: The White Obelisk and the Problem of Historical Narrative in the Art of Assyria. *The Art Bulletin* 78/2, 334–355.
- Pittman, H. 2002: *Survey of Mesopotamian Art and Culture: 2000 B.C. to 1st Century A.D.* A course at the University of Pennsylvania. URL: <http://www.arthistory.upenn.edu/spr03/422/index.html>; accessed on: 20.10.2023.
- Reade, J.E. 1975: Ashurnasirpal I and the White Obelisk. *Iraq* 37, 129–150.
- Reade, J.E. 2005: Religious Ritual in Assyrian Sculpture. In: B.N. Porter (ed.), *Ritual and Politics in Ancient Mesopotamia*. New Haven, 7–61.
- Reade, J.E. 2009: Fez, Diadem, Turban, Chaplet: Power-Dressing at the Assyrian Court. In: M. Luukko, S. Svärd, R. Mattila (eds.), *Of God(s), Trees, Kings, and Scholars: Neo-Assyrian and Related Studies in Honour of Simo Parpola*. Helsinki, 239–264.
- Schmitt, A. 2019: Symbolsockel aus Assyrien – eine Bilanz und Aktualisierung. In: D. Prechel, H. Neumann (Hrsg.), *Beiträge zur Kenntnis und Deutung altorientalischer Archivalien. Festschrift für Helmut Freydank zum 80. Geburtstag*. Münster, 383–408.
- Seidl, U. 1989: *Die babylonischen Kudurru-Reliefs. Symbole Mesopotamischer Gottheiten*. Göttingen.

-
- Sollberger, E. 1974: The White Obelisk. *Iraq* 36, 231–258.
- Tomabechi, Y. 1983: Wall Paintings from Dur Kurigalzu. *Journal of Near Eastern Studies* 42, 123–131.
- Van Buren, E. 1939: *The Fauna of Ancient Mesopotamia as Represented in Art*. Rome.
- Van Buren, E. 1954: The Esoteric Significance of Kassite Glyptic Art. *Orientalia* 23/1, 1–39.
- Ward, W.H. 1910: *The Seal Cylinders of Western Asia*. Washington.
- Weber, O. 1920: *Altorientalische Siegelbilder*. Leipzig.
- Wiggermann, F. 2006: The Seal of Ili-pada, Grand Vizier of the Middle Assyrian Empire. In: P. Taylor (ed.), *The Iconography of Cylinder Seals*. London, 92–99, 212–216.
- Woolley, L.C. 1951: *Ur Excavations*. Vol. X: *Seal Cylinders*. London.

DOI: 10.31857/S032103910024315-9

ДРЕВНЕЕВРЕЙСКИЕ ПРОРОЧЕСТВА О ВОССТАНОВЛЕНИИ ДИНАСТИИ ДАВИДА: ФОЛЬКЛОРНАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В БИБЛЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

И. А. Бессонов

Российский биотехнологический университет (РОСБИОТЕХ), Москва, Россия

E-mail: himins@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6292-3375

В статье рассматриваются библейские тексты, связанные с пророчествами о будущем восстановлении династии Давида, бытовавшими в еврейской традиции эпохи Вавилонского плена. Предполагается, что эта тема отражается не только в библейских текстах, прямо или косвенно говорящих о будущем восстановлении династии, но и в двух библейских повествованиях, рассказывающих о других исторических лицах. Так, история царя Манассии, приведенная в книге Хроник, могла быть составлена по модели, первоначально применявшейся к последним иудейским царям, Иехонии и Седекии. Аналогичным образом сон царя Навуходоносора, описанный в четвертой главе книги Даниила, может основываться на пророческой притче, рассказывавшей о судьбе династии Давида.

Ключевые слова: династия Давида, Иудейское царство, книга Даниила, Манассия, Иехония, Седекия, Библия и фольклор

HEBREW PROPHECIES ABOUT THE FUTURE RESTORATION OF THE DAVIDIC DYNASTY: FOLKLORE AND LITERARY TRADITION AND ITS REPRESENTATION IN BIBLICAL LITERATURE

Igor A. Bessonov

Russian Biotechnological University (ROSBIOTECH), Moscow, Russia

E-mail: himins@yandex.ru

Данные об авторе. Игорь Александрович Бессонов — доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации Российского биотехнологического университета (РОСБИОТЕХ).

The article deals with Biblical texts related to the prophecies about the future restoration of the Davidic dynasty, which existed in the Jewish tradition of the Babylonian Exile. It is assumed that this plot is reflected not only in biblical texts that directly or indirectly speak of the future restoration of the dynasty, but also in two biblical narratives that tell about other historical figures. Thus, the story of King Manasseh told in the Book of Chronicles may have followed the pattern originally applied to the last Jewish kings, Jeconiah and Zedekiah. Similarly, the dream of King Nebuchadnezzar, described in the fourth chapter of the Book of Daniel, may be based on a prophetic parable about the Davidic dynasty.

Keywords: Davidic dynasty, Kingdom of Judah, Book of Daniel, Manasseh, Jeconiah, Zedekiah, Bible and folklore

Предметом настоящей работы является попытка реконструкции древнееврейской традиции пророчеств о восстановлении династии Давида в той форме, в какой она возникла и бытовала после завоевания Иудеи Вавилоном во время походов Навуходоносора против Иерусалима в 597 и 587 г. до н.э. Литературными источниками, которые доносят до нас сведения об этой традиции и, возможно, ее отдельные элементы, являются книга Иеремии, книга Иезекииля, книга Царств, книга Хроник и книга Даниила. Время бытования этой традиции можно отнести к первой половине VI в. до н.э. — приблизительно от пленения царя Иехонии и депортации иудейской элиты в Вавилон в 597 г. до н.э. до смерти последних иудейских царей, Иехонии и Седекии, в Вавилонском плену.

Литература, в которой отражаются сюжеты, так или иначе связанные с этой традицией, в основном относится уже к более позднему историческому периоду. Наиболее ранними источниками, связанными с пророчествами о будущем восстановлении династии Давида, судя по всему, являются книги пророков, в первую очередь книга Иеремии и книга Иезекииля. Общеизвестно, что они, как и большинство библейских сочинений, составлялись в течение длительного времени, однако историческое ядро этих произведений восходит непосредственно ко временам пророков Иеремии и Иезекииля¹. Деятельность пророка Иеремии продолжалась с конца правления Иосии до разрушения Иерусалима вавилонянами и убийства вавилонского наместника Годолии (Иер 1 : 1–3). Последним историческим событием, упомянутым в книге Иеремии, является освобождение царя Иехонии из темницы вавилонским царем Амель-Мардуком в 561 г. до н.э. (Иер 52 : 31). Исходя из этого, можно предположить, что книга Иеремии была закончена в Вавилонии после этой даты. Другим пророческим сочинением, созданным в эпоху Вавилонского плена, является книга Иезекииля. Деятельность пророка Иезекииля приходится на 593/592–571 гг. до н.э.² Судя по всему, книга Иезекииля по дате своего создания также далеко не отстоит от времени жизни пророка и скорее всего относится к периоду Вавилонского плена. Другим важным источником информации об интересующей нас традиции является то, что можно назвать «древнееврейской историографией». Так, подробную информацию об истории израильского и иудейского государств мы можем найти в книге

¹ Blenkinsopp 1983, 153–169, 193–207.

² Zimmerli 1979, 11.

Царств, согласно популярной концепции, предложенной М. Нотом, являющейся частью т.н. «Второзаконнической истории». По его мнению, это цельное произведение, объединяющее книгу Иисуса Навина, книгу Судей и книги Царств, было составлено в середине VI в. до н.э. в Вавилонском плену³. Еще одно историческое произведение, рассказывающее об истории иудейской монархии, книга Хроник, вероятно, относится к более позднему историческому периоду — оно завершается рассказом о завоевании Вавилона Киром II и возвращении евреев из Вавилонского плена⁴.

Упоминания о восстановлении династии Давида в иудейской литературе времен Вавилонского плена можно разделить на несколько групп. Во-первых, это прямые пророчества Иеремии и Иезекииля о будущем восстановлении династии Давида, по своему посылу восходящие к данному пророку Натану божественному обещанию династии Давида во 2 Царств 7 : 12—16. Так, следующий пассаж Иеремии относится к раннему периоду деятельности пророка: «Вот, наступают дни, говорит Господь, и восстановлю Давиду Отрасль праведную, и воцарится Царь, и будет поступать мудро, и будет производить суд и правду на земле. Во дни его Иуда спасется и Израиль будет жить безопасно» (Иер 23 : 5)⁵. Большинство комментаторов полагают, что этот пассаж передает подлинное высказывание пророка Иеремии, отражающее традиционную богословскую традицию Иудейского царства⁶. Еще одно пророчество Иеремии, связанное с будущим восстановлением династии Давида, датируется временем осады Иерусалима Навуходоносором: «Вот наступят дни, говорит Господь, когда Я выполню то доброе слово, которое я изрек о доме Израилевом и о доме Иудином. В те дни и в то время возвращу Давиду Отрасль праведную, и будет производить суд и правду на земле. В те дни Иуда будет спасен и Иерусалим будет жить безопасно, и нарекут имя Ему: «Господь — оправдание наше!» Ибо так говорит Господь: не прекратится у Давида муж, сидящий на престоле дома Израилева» (Иер 33 : 14—17). Впрочем, этот пассаж рассматривается многими исследователями как поздний и относящийся к эпохе после Вавилонского плена⁷. Таким образом, мы видим, что книга Иеремии в принципе предполагает будущее восстановление династии Давида (хотя очевидно, что не все исследователи относят эти пассажи непосредственно ко временам пророка Иеремии). Аналогичные предсказания мы находим и в книге пророка Иезекииля: «Так говорит Господь Бог: вот, я возьму сынов Израилевых из среды народов, между которыми они находятся, и соберу их отовсюду, и приведу их в землю их <...>. А раб Мой Давид будет царем над ними и пастырем всех их, и они будут ходить в заповедях Моих, и уставы Мои будут соблюдать и выполнять их» (Иез 37 : 21—24). Вероятно, этот пассаж также относится еще к раннему периоду Вавилонского плена, судя по наименованию руководителя Израйля

³ Noth 1981.

⁴ McKenzie 2004, 29—33.

⁵ Библейские книги на русском языке за исключением оговоренных случаев цитируются по Синодальному переводу.

⁶ Lundbom 2004, 171.

⁷ Lundbom 2004, 537.

«царем» (מֶלֶךְ), в то время как в большинстве пассажей книги Иезекииля он именуется «князем» (נָשִׂיא)⁸.

Другой разновидностью предсказаний о восстановлении династии Давида являются предсказания о судьбах конкретных царей, в первую очередь последних иудейских царей Иехонии и Седекии, с именами которых долгое время были связаны пророчества и надежды на восстановление династии Давида и иудейской государственности. Первые упоминания пророчеств о восстановлении независимого Иудейского царства и возвращении Иехонии на престол датируются временем непосредственно после пленения Иехонии. Об этом упоминает уже книга пророка Иеремии: «В тот же год, в начале царствования Седекии, царя Иудейского, в четвертый год, в пятый месяц, Анания, сын Азура, пророк из Гаваона, говорил мне в доме Господнем пред глазами священников и всего народа и сказал: Так говорит Господь Саваоф, Бог Израилев: сокрушу ярмо царя Вавилонского; через два года Я возвращу на место сие все сосуды дома Господня, которые Навуходоносор, царь Вавилонский, взял из сего места и перенес их в Вавилон; и Иехонию, сына Иоакима, царя Иудейского, и всех пленных Иудеев, перешедших в Вавилон, Я возвращу на место сие, говорит Господь; ибо сокрушу ярмо царя Вавилонского» (Иер 28 : 1–4). Равным образом книга Иеремии сообщает о деятельности пророков среди изгнанников в Вавилоне — так, Иеремия пишет им: «Вы говорите: “Господь воздвиг нам пророков и в Вавилоне”» (Иер 29 : 15). Далее Иеремия предсказывает смерть пророкам Ахаву, сыну Колии, и Седекии, сыну Маасеи, «которые пророчествуют именем Моим ложь» (Иер 29 : 21), предрекая, что они будут казнены царем Навуходоносором. Это предсказание очевидным образом предполагает, что предсказания этих пророков носили антивавилонский характер и, вероятно, говорили о скором восстановлении независимости Иудеи. Равным образом Иеремия предрекает наказание свыше Шемае Нехеламитянину, который также пророчествовал в Вавилоне (Иер 29 : 31). Шемае написал в Иерусалим письмо с требованием запретить Иеремии пророчествовать, по той причине, что Иеремия предрек, что плен будет продолжителен (Иер 29 : 28) — судя по всему, Шемае придерживался противоположного мнения. Таким образом, можно предположить, что пророки, действовавшие в Вавилоне среди изгнанников, придерживались такого же мнения о скором восстановлении династии Давида, как и Анания, сын Азура, в это время действовавший в Иудее.

Иеремия весьма жестко высказывается о судьбе царской линии, происшедшей от Иоакима и его сына Иехонии. По словам пророка, «живу Я, сказал Господь: если бы Иехония, сын Иоакима, царь Иудейский, был перстнем на правой руке Моей, то и отсюда Я сорву тебя» (Иер 22 : 24). Равным образом неутешительны слова пророка о будущем Иехонии: «Так говорит Господь: запишите человека сего лишенным детей, человеком злополучным во дни свои, потому что никто уже из племени его не будет сидеть на престоле Давидовом и владычествовать в Иудее» (Иер 22 : 30). Напротив, пророк Иеремия или наследовавшая ему традиция усматривала некоторые перспективы в лице дяди Иехонии, последнего

⁸ Zimmerli 1983, 272.

иудейского царя Седекии, или его потомков⁹. Так, согласно пророчеству Иеремии, «и Седекия, царь Иудейский, не избегнет от рук Халдеев, но непременно будет предан в руки царя Вавилонского, и будет говорить с ним устами к устам, и глаза его увидят глаза его; и он отведет Седекию в Вавилон, где он и будет, доколе не посету его (וַיִּפְקֹדֵי יְהוָה)¹⁰, говорит Господь» (Иер 32 : 4–5). Указание на «посещение» Седекии в Вавилоне может говорить о грядущем изменении его судьбы к лучшему. Следующее пророчество, относящееся к судьбе Седекии, сообщает следующее: «Впрочем, слушай слово Господне, Седекия, царь Иудейский! так говорит Господь о тебе: ты не умрешь от меча; ты умрешь в мире, и как для отцов твоих, прежних царей, которые были прежде тебя, сожигали при погребении благовоения, так сожгут и для тебя и оплачут тебя: “увы, государь!”, ибо Я изрек это слово, говорит Господь» (Иер 34 : 4–5). Очевидно, что оказание подобных почестей скончавшемуся в темнице в Вавилоне царю представляется маловероятным, поэтому скорее всего здесь мы видим еще один намек на будущее возвращение Седекии на родину и на трон.

В книге Иезекииля мы также находим целый ряд указаний на будущие судьбы иудейской монархии. Центральное место в данном случае занимает пророческая притча (פְּשָׁט), содержащаяся в 17 главе книги Иезекииля. В ней изображается ливанский кедр, с которого прилетевший орел «снял верхушку» и «в городе торговцев положил ее» (Иез 17 : 4). Затем он сажает «у больших вод» виноградную лозу, которая разрастается, однако начинает тянуться к другому орлу (Иез 17 : 7). Далее притча разъясняется — верхушка кедра обозначает «царя и князей Израиля», высланных в Вавилон в 597 г. до н.э., а виноградная лоза — Седекию, которого Навуходоносор назначил иудейским царем после пленения Иехонии. Пророк предрекает ему поражение и неудачу как следствие нарушения присяги, принесенной им Навуходоносору (Иез 17 : 19). Далее он говорит о будущем восстановлении израильского царства: «Так говорит Господь Бог: и возьму я с вершины высокого кедра, и посажу; с верхних побегов его оторву нижнюю отрасль и посажу на высокой и величественной горе. На высокой горе Израилевой посажу его, и пустит ветви, и принесет плод, и сделается величественным кедром, и будут обитать под ним всякие птицы, всякие пернатые будут обитать в тени ветвей его» (Иез 17 : 22–23). Судя по всему, пророк говорит здесь о возвращении Иехонии или кого-то из его потомков в Иудею и о будущем восстановлении независимого иудейского царства.

Большой интерес также представляет один пассаж книги Царств, очевидно написанный в эпоху Вавилонского плена, ближе к середине этого периода. Это знаменитое завершение сочинения девтерономиста, автора гипотетической «второзаконнической истории», рассказывающее об освобождении Иехонии из темницы вавилонским царем Амель-Мардуком. В нем мы читаем, что вавилонский царь в год своего воцарения «вывел Иехонию, царя Иудейского, из дома

⁹ Pakkala 2006, 443–452.

¹⁰ Цитаты из библейских книг на языке оригинала приводятся по следующим изданиям и ресурсам: Biblia Hebraica Stuttgartensia. Stuttgart, 1997; Interlinear Septuagint (URL: <http://en.katabiblon.com/us/?text=LXX>; дата обращения: 13.11.2023).

темничного. И говорил с ним дружелюбно, и поставил престол его выше престолов царей, которые были у него в Вавилоне <...>. И содержание его, содержание постоянное, выдаваемо было ему от царя, изо дня в день, во все дни жизни его» (4 Царств 25 : 27–28, 30). Этот пассаж давно стал предметом полемики между сторонниками теорий, восходящих к Герхарду фон Раду¹¹ и к Мартину Ноту¹². Если первый полагал, что в данном случае мы видим намек на восстановление династии Давида и продолжение действия божественного обещания давидидам (2 Царств 7 : 11–16), то второй усматривал в нем всего лишь суеверное желание закончить повествование на хоть сколько-нибудь обнадеживающей ноте. Обе точки зрения имеют сторонников и среди современных исследователей. Так, Дж. Левенсон полагает, что речь в этом пассаже идет о заключении вассального договора между Амель-Мардуком и Иехонией, который получает свой статус как признанный вассальный царь, представитель еврейской диаспоры в Вавилоне¹³. Другие исследователи¹⁴ отмечают, что отсутствие упоминания сыновей Иехонии и указание на то, что «содержание постоянное выдаваемо было ему от царя изо дня в день, во все дни жизни его» (4 Царств 25 : 30), дают понять, что это была только личная милость царя по отношению к Иехонии, который уже скончался ко времени окончания сочинения девтерономиста. Как нам кажется, можно предложить версию, опирающуюся на обе традиции интерпретации этого пассажа: скорее всего, освобождение Иехонии из темницы породило всплеск надежд на немедленное восстановление династии Давида и воссоздание иудейского государства, пусть даже как вассала вавилонского царя. К моменту окончания сочинения девтерономиста Иехония уже скончался, надежды на восстановление независимости Иудеи угасли, поэтому автор сообщает об этом памятном событии, однако рассказывает о нем скорее как об историческом факте, не придавая ему какого-либо пророческого или религиозного смысла.

Как видно, в ранний период Вавилонского плена могли существовать разные фракции, поддерживавшие кандидатуры разных претендентов на будущий иудейский престол. Так, определенная группа изгнанников, вероятно, связанная с созданием первой редакции книги Иеремии, поддерживала кандидатуру Седекии. С другой стороны, описание ослепления Седекии и казни его сыновей и придворных (4 Царств 25 : 7), которое может основываться на слухах и вавилонской пропаганде, могло преследовать цель показать, что царская линия, происходящая от Седекии, оборвана, и единственная правомочная линия происходит от Иехонии, об освобождении которого говорится в последних стихах книги Царств¹⁵. Возможно, что этот пассаж книги Царств был результатом полемики между сторонниками двух царских линий давидидов, происходивших от Иосии — от его внука Иехонии и от его сына Седекии. По мнению Ю. Паккалы, «в ранний период изгнания должна была иметь место полемика относительно династической

¹¹ Von Rad 1947, 64.

¹² Noth 1957.

¹³ Levenson 1984, 356–358.

¹⁴ Begg 1986; Murray 2001, 263.

¹⁵ Pakkala 2006, 444.

линии. В первые годы после разрушения Иерусалима еще существовала надежда, что династия Давида вернется на трон, но при существовании двух линий возник спор о том, какая из них представляет династию»¹⁶.

Пророчества о возрождении династии Давида начинают исчезать из активного бытования и переходить в область мессианских пророчеств уже после окончания Вавилонского плена. Вероятно, последним непосредственным претендентом на эту роль был Зоровавель, внук Иехонии (1 Пар 3 : 17–19), роль которого как одного из руководителей еврейской общины Иерусалима выходит на первый план в книгах пророков Аггея и Захарии. После него мы не знаем других претендентов на престол Давида; все последующие еврейские претенденты на царство не будут прибегать к происхождению от Давида как к обоснованию своего статуса. Однако в литературе, бытовавшей в еврейской общине в более позднее время, мы встречаем два сюжета, которые, вероятно, могут быть непосредственно связаны с более ранней традицией преданий и пророчеств о восстановлении династии Давида.

Первым из них является рассказ о царе Манассии, содержащийся в книге Хроник. Согласно книге Царств, Манассия был одним из дурных царей, который обвиняется в возобновлении языческих практик, отмененных его отцом, и в пролитии невинной крови (4 Царств 21 : 1–17). Тем не менее Манассия правил дольше всех царей, описанных девтерономистом, — пятьдесят пять лет. Возможно, это несоответствие между его грехами и долгим правлением, которое должно было бы быть наградой за праведность, побудило автора книги Хроник переделать историю Манассии. В ней описывается, что в наказание за грехи Манассии «привел Господь на них военачальников царя Ассирийского, и заковали они Манассию в кандалы, и оковали его цепями, и отвели его в Вавилон» (2 Пар 33 : 11). В темнице Манассия «глубоко смирился пред Богом отцов своих. И помолился Ему, и Бог преклонился к нему, и услышал моление его, и возвратил его в Иерусалим на царство его» (2 Пар 33 : 12–13).

История Манассии выглядит откровенно странно. Интерес автора книги Хроник к исторически отдаленной личности еще ассирийской эпохи не вполне понятен. Рассказ о Манассии выглядит исторически неправдоподобным¹⁷. Мы не имеем никакой информации о пленении Манассии ассирийцами из других источников, книга Царств не содержит никакой информации об удивительном изменении в характере и политике царя. Равным образом Манассию в сугубо негативном контексте упоминает книга Иеремии: «И отдам их на озлобление всем царствам земли за Манассию, сына Езекии, за то, что он сделал в Иерусалиме» (Иер 15 : 4). О пленении Манассии ничего не сообщают и ассирийские источники¹⁸.

Возможно, что рассказ книги Хроник о Манассии имел какой-то переосмысленный автором литературный источник¹⁹, передающий молитву Манассии к Богу или богам (אל אלהיו) (2 Пар 33 : 18), — не вполне понятно, составленный монотеистом или политеистом. Тем не менее зависимость общего построения его

¹⁶ Pakkala 2006, 450–451.

¹⁷ Japhet 1985.

¹⁸ Gane 1997, 25.

¹⁹ Schniedewind 1991.

истории от литературных образцов послепленной эпохи слишком очевидна. По мнению исследователей, Манассия представляет собой тип или образ Израиля²⁰, а история его пленения, заключения и раскаяния имеет примечательные параллели с историко-этической концепцией книги Второзакония (Втор 4 : 30–31). Однако, как нам кажется, еще больший интерес представляют прямые параллели между историями Манассии и других иудейских царей — Иоакима, Иехонии и Седекии. Все указанные истории упоминают заковывание царя в цепи и его депортацию в Вавилон. Как известно, Вавилон никогда не был столицей Ассирийской империи и его появление в рассказе о Манассии очевидным образом указывает на непосредственное влияние рассказов о начале Вавилонского плена. Равным образом, интересна прямая лексическая перекличка между рассказом о Манассии и повествованиями об иудейских царях: וַיֹּאסְרוּהוּ בַנְחִשְׁתִּים וַיִּלְכְּוּהוּ בַכֶּלֶה «оковали его цепями, и отвели его в Вавилон» (2 Пар 33: 11) относительно Манассии, וַיֹּאסְרוּהוּ בַנְחִשְׁתִּים לְהַלְכֵהוּ בַכֶּלֶה «оковал его оковами, чтоб отвести его в Вавилон» (2 Пар 36 : 6) относительно Иоакима, וַיִּבְאוּהוּ בַכֶּלֶה וַיֹּאסְרוּהוּ בַנְחִשְׁתִּים «сковали его оковами, и отвели его в Вавилон» (4 Царств 25 : 7) относительно Седекии.

Таким образом, мы можем предположить, что автор книги Хроник, имея под рукой какой-то источник, упоминающий о молитве Манассии, применил к нему классический сюжет, связанный с именами Иехонии или Седекии²¹. Этот сюжет включает в себя отказ царя слушать пророков, пленение вавилонянами, заковывание в цепи, переселение в Вавилон и заключение в темницу — и затем покаяние и возвращение на царство. Судя по всему, он фигурировал в качестве готовой схемы, представляющей будущую судьбу этих царей, — схемы, которая не получила воплощения в исторической реальности. Упоминание книги Иеремии о том, что Господь «посетит» (דָּפַק) находящегося в темнице Седекию, очень близко к фрагменту той же самой схемы — мы видим здесь фактически предсказание эпизода, фигурирующего в книге Хроник применительно к Манассии. Аналогичные предсказания были связаны с судьбой Иехонии — притча пророка Иезекииля о высоком кедре говорит о возвращении ростков с его верхушки на гору Сион, а рассказ девтерономиста об освобождении Иехонии из темницы, возможно, является попыткой найти какое-то исполнение первоначальных ожиданий и пророчеств о возвращении Иехонии на царский трон. Судя по всему, в предсказаниях, надеждах и ожиданиях сформировался готовый сюжет, первоначально относившийся к Иехонии или Седекии (в зависимости от конкретных симпатий к тому или иному претенденту), который впоследствии был перенесен в более отдаленное прошлое Иудеи и применен к Манассии.

В еще более интересной форме традиция пророчеств о возрождении династии Давида, возможно, отразилась в книге Даниила. Можно предположить, что в четвертой главе книги Даниила содержится классическая пророческая притча, первоначально повествовавшая о будущем восстановлении династии Давида и царства Израиля. Четвертая глава книги Даниила относится к арамейским разделам

²⁰ Schniedewind 1991, 451–455; Henze 2016, 192.

²¹ Исследователи уже обращали внимание на параллели между историями Манассии и Иехонии и Седекии: Ben Zvi 2019.

книги — повествованиям о жизни пророка Даниила и его пребывании при вавилонском дворе. По мнению большинства исследователей, эти тексты восходят к периоду не позднее IV—III вв. до н.э.²² К наиболее древнему пласту книги Даниила традиционно причисляют раздел Дан 3 : 31 — Дан 6 : 28. Эта точка зрения основывается на анализе греческого перевода книги Даниила, первоначально вошедшего в состав Септуагинты — в рассматриваемом разделе он серьезно отличается от арамейского повествования, представленного в масоретском тексте книги Даниила, что позволяет заключить, что в основу перевода лег более ранний сборник историй о пророке Данииле, бытовавший в качестве отдельного произведения²³.

Повествование Дан 4 по своему жанру представляет собой классическую «придворную историю», близкую к рассказу, появляющемуся в Дан 2. Оно представлено в виде письма Навуходоносора, начинающегося со стиха Дан 3 : 31 и обращенного ко всем «народам, племенам и языкам». Далее следует история явившегося Навуходоносору сна, приводится беседа царя с пророком Даниилом и пересказ сна — царь видел во сне «великое дерево», имевшее черты мирового древа. Затем с небес спускается עֵיר וקֹדֶשׁ «святой страж»²⁴ (Дан 4 : 10), очевидно ангельское существо, который произносит приговор над этим деревом — оно будет срублено, и будет сохранен лишь его корень, который будет находиться в «узах железных и медных», «дабы знали живущие на земле, что Всевышний властвует над царством человеческим и дает его, кому хочет» (Дан 4 : 14). Даниил истолковывает этот сон, говоря, что дерево обозначает самого царя, а сон предрекает потерю Навуходоносором царства, удаление царя от людей, его метафорическое обращение в животное, и все это продлится семь лет, пока он не «познает власть небесную». Затем предсказание исполняется — Навуходоносор действительно лишается царства, находится в пустыне в животном облике, до тех пор пока разум не возвращается к царю и он не признаёт всемирный суверенитет Бога, после чего возвращается на царство.

История, изложенная в Дан 4, имеет достаточно сложный характер, очевидным образом опираясь на целый ряд вавилонских и иудейских фольклорных и литературных традиций²⁵. Мы сосредоточим свое внимание на рассмотрении сна Навуходоносора и его толкования пророком Даниилом, описанных в Дан 4 : 7—14. Судя по всему, в основе рассказа о сне Навуходоносора лежали вавилонские повествования о снах и откровениях последнего вавилонского царя Набонида (556—539 гг. до н.э.), полученных им от бога Сина и побудивших его сначала оставить Вавилон и отправиться в аравийскую Тейму, а затем, через десять лет, возвратиться в свою столицу²⁶. Повествование об этом, в частности, содержится

²² Kratz 1991; Collins 1993, 35—37.

²³ Albertz 2001, 179—183.

²⁴ Цитата приводится по переводу Российского Библейского общества; «страж» в данном пассаже в соответствии с традицией, также отразившейся в книге Еноха, обозначает ангельское существо.

²⁵ Haag 1983; Wills 1990, 85—121.

²⁶ Collins 1993, 217; Newsom 2014, 128—132.

в Харранской надписи Набонида²⁷, по мнению ряда исследователей непосредственно повлиявшей на традицию, отразившуюся в Дан 4²⁸. В ней Набонид повествует о том, как он из-за нечестия вавилонян по велению бога Сина покинул Вавилон и удалился в Аравию, где находился в течение десяти лет, пока не пришел указанный свыше срок его возвращения в Вавилон. На протяжении всего рассказа Набонид неоднократно упоминает свои сны – и явление Сина, повелевшего ему восстановить свой храм в Харране, и беспокойные сны, являвшиеся Набониду во время его пребывания в Аравии.

Вавилонская традиция, однако, никак не раскрывает нам содержания большинства снов Набонида, и описанный в Дан 4 сон Навуходоносора очевидно происходит из еврейской фольклорной и литературной традиции. Повествование о расположенном среди земли дереве и его последующем срубании выглядит как довольно сложный текст, происхождение которого мы попытаемся установить. Несмотря на наличие некоторых аналогий этой темы в ассирийском искусстве²⁹ и в «Истории» Геродота (I. 108), наиболее близкие аналогии появляются именно в еврейской традиции, в книгах Исаии и Иезекииля. В книге Исаии образ дерева возникает в повествовании о божественном наказании Иуды и соседних государств, которое осуществится во время ассирийского и вавилонского завоевания. Эту тему мы находим в Ис 6 : 12–13 и Ис 10 : 33–11: 1:

И удалит Господь людей, и великое запустение будет на этой земле. И если еще останется десятая часть на ней [и возвратится]³⁰, и она опять будет разорена; но как от теревинфа и как от дуба, когда они и срублены, остается корень (מַצְבֵּה) их, так святое семя будет корнем ее (Ис 6 : 12–13).

Вот, Господь, Господь Саваоф, страшною силою сорвет ветви деревьев, и величающиеся ростом будут срублены, высокие – повержены на землю. И посетит чашу леса железом, и Ливан падет от Всемогущего. И произойдет отрасль от корня Иессеева, и ветвь произрастет от корня его (Ис 10 : 33 – Ис 11 : 1).

Приведенные пассажи относятся к разным периодам эволюции книги Исаии. В Ис 10 : 33–34 деревья, срубленные Богом, описываются как «высокие» и «величающиеся ростом». Эти деревья изображают ближневосточные государства, которые будут уничтожены в результате прямого божественного вмешательства. Далее эта метафора продолжается – на месте срубленного дерева, символизирующего разгромленное Ассирией Израильское царство, появляется росток (טֶטֶל или נֹצֵר), обозначающий нового монарха Иудейского царства. Эта картина, вероятно, восходит к эпохе пророка Исаии и описывает ситуацию, сложившуюся в правление царя Езекии (716/715–687/686)³¹.

К более позднему периоду относятся стихи Ис 6 : 11–13. Текст 6 главы книги Исаии повествует о призвании пророка Исаии, произошедшем «в год смерти

²⁷ Pritchard 1992, 562–563.

²⁸ Newsom 2014, 129–132.

²⁹ Parpola 1993.

³⁰ Современные библейские переводы передают фразу וְהִתְהַלְכָה לְבַעַר как указание на повторное действие «снова нагрянет разорение» (перевод Российского Библейского общества), «it will be burned again» (New Revised Standard Version).

³¹ Young 2012, 177–180.

царя Озии» (Ис 6 : 1). Стихи Ис 6 : 12–13, по мнению большинства комментаторов, выдают признаки более поздних расширений этого пассажа, относящихся к эпохе после начала Вавилонского плена³². Наибольший интерес для нас представляет стих Ис 6 : 13, где оставшийся от дерева корень символизирует «святое семя» (זרע קדש), иудейскую общину, оставшуюся после вавилонского завоевания или вернувшуюся из Вавилонского плена³³, которая в будущем должна стать основанием для возрождения избранного народа.

Другим источником, активно использующим символические образы деревьев, является книга Иезекииля. Мы находим их в двух пассажах этого текста. В 31 главе книги Иезекииля рассказывается об уничтожении великого дерева, так же, как и дерево в Дан 4, имеющего черты мирового древа:

Вот, Ассур был кедр на Ливане, с красивыми ветвями и тенистой листвою, и высокий ростом; вершина его находилась среди толстых сучьев. Воды растили его, бездна поднимала его, реки его окружали питомник его, и она протоки свои посылала ко всем деревьям полевым. Оттого высота его перевысила все деревья полевые, и сучьев на нем было много, и ветви его умножались, и сучья его становились длинными от множества вод, когда он разрастался <...> И срубили его чужеземцы, лютейшие из народов, и повергли его на горы; и на все долины упали ветви его; и сучья его сокрушились на всех лощинах земли, и из-под тени его ушли все народы земли, и оставили его. На обломках его поместились всякие птицы небесные, и в сучьях были всякие полевые звери. Это для того, чтобы никакие деревья при водах не величались высоким ростом своим и не поднимали вершины своей из среды толстых сучьев, и чтобы не прилеплялись к ним из-за высоты их дерева, пьющие воду; ибо все они будут преданы смерти, в преисподнюю страну вместе с сынами человеческими, отшедшими в могилу (Иез 31 : 3–14).

Этот пассаж точно датирован «в одиннадцатом году, в третьем месяце, в первый день месяца» (21 июня 587 года до н.э.; Иез 31 : 1)³⁴, непосредственно во время осады Иерусалима. Его чтение традиционно вызывает затруднения у исследователей, так как обращение к фараону (Иез 31 : 18) подразумевает аналогию между деревом и Египтом, а упоминание Ассирии — между деревом и Ассирией. Комментаторы выходят из него либо рассматривая текст как повествование о судьбе Ассирии и, таким образом, урок Египту³⁵, либо предлагая альтернативные чтения, исключаяющие слово «Ассирия» (אַשּׁוּר) из этого пассажа³⁶. Вероятно, этот пассаж говорит одновременно о двух мировых державах, в той или иной степени уравнивая их между собой. Здесь высокое древо в равной степени оказывается символом имперской мощи и имперской гордыни.

Другой пассаж, появляющийся в Иез 17, соотносит с высоким древом уже не иноземные государства, а Иудейское царство. Этот текст был, судя по всему, написан до разрушения Иерусалима, но уже после отпадения Седекии от Вавилона. Иудейское царство сравнивается с ливанским кедром, а депортированная в Вавилон иудейская элита, и в первую очередь династия Давида, — с ее верхушкой. Седекия, назначенный Навуходоносором иудейским царем после пленения

³² Berges 2012, 84–89; Williamson 2018, 84.

³³ Williamson 2018, 85.

³⁴ Zimmerli 1983, 148.

³⁵ Bewer 1953, 164–165; Odell 2005, 392.

³⁶ Zimmerli 1983, 141–142.

Иехонии, сравнивается с виноградной лозой (יֵשׁוּעַ), растением, традиционно символизирующим Израиль, но менее царственным, чем кедр. Иезекииль предсказывает Седекии поражение и пленение в Вавилоне. Однако в будущем Иезекииль предрекает восстановление Иудейского государства и династии Давида, которое символизируется отростком кедра, вновь посаженным на горе Сион и превратившимся в величественное дерево (Иез 17 : 22–23). По мнению Я. Дугуида, речь идет о будущем возрождении независимости Иудеи и династии Давида³⁷; по мнению Р. Фостера, здесь говорится о возвращении Иехонии и этот пассаж был написан после освобождения Иехонии из темницы³⁸.

Таким образом, мы можем заключить, что образ дерева в еврейской пророческой традиции VIII–VI вв. до н.э. часто использовался для обозначения государства, причем этот образ нередко приобретал сложный характер, одновременно обозначая государство и его правителя. Примечательно, что акцент на изображении государства был даже более распространен, а правитель мог иногда изображаться как верхушка дерева (Иез 17 : 2) или отросток от корня дерева (Ис 11 : 1). В четвертой главе книги Даниила с деревом сопоставляется Навуходоносор, с корнем — тот же Навуходоносор, оказавшийся в состоянии болезни и изгнания. Какое происхождение может иметь эта образность? Вавилонские повествования о Набониде, упоминая его сны, представляют их совсем иначе — обычно это непосредственные явления богов, а не метафорические изображения будущих событий, подобные сну фараона, истолкованному Иосифом (Быт 41). Если даже в вавилонской традиции добровольное изгнание царя предвлялось сном (в своей Харранской надписи Набонид говорит, что покинул Вавилон по указанию бога Сина, но не сообщает о том, каким образом он это указание получил), то он скорее всего состоял в явлении Сина, предписавшего царю отправиться в Аравию на десять лет. В Дан 4 мы, напротив, находим развернутый сюжет, который, по всей видимости, имеет еврейское происхождение. Некоторые исследователи высказывали предположение, что его непосредственным источником стало символическое изображение фараона в Иез 31 в виде ливанского кедра³⁹. Разумеется, можно предположить, что автор сам сочинил сон Навуходоносора с оглядкой на литературные источники. Однако нам представляется, что он скорее заимствовал сюжет сна из известной ему литературной или фольклорной традиции, придав ему новый смысл. Чтобы обосновать эту точку зрения, мы продемонстрируем, что во многих случаях образность сна довольно плохо связана с приводимым толкованием.

Во-первых, некоторое несоответствие возникает в связи с наличием в нем двух структурных элементов — дерева и оставшегося от него пня или корня (שֵׁט). В Ис 6 : 13, пассаже, относящемся, по мнению большинства комментаторов, к эпохе после начала Вавилонского плена, срубленное дерево символизирует Израиль, а корень или пень — «святое семя», избранную общину, оставшуюся после вавилонского завоевания⁴⁰ (Ис 6 : 13). В другом пассаже книги Исаии мы видим

³⁷ Duguid 1994, 44–45.

³⁸ Foster 1958, 374–379.

³⁹ Porteous 1965, 66–67.

⁴⁰ Berges 2012, 87–89.

соотнесение корня и растущих от него отростков с династией Давида — отцом царя Давида Иессеем и царем Иезекией⁴¹ (Ис 11 : 1). Применение обоих образов (великого дерева и оставшегося от него пня) к одному и тому же лицу, царю Навуходоносору, выглядит как менее последовательное истолкование образности сна.

Во-вторых, обращает на себя внимание изначальный политический контекст образности сна Навуходоносора, который теряется в его толковании. Символизм царя и государства часто объединяется в образ дерева, но всегда в тех случаях, когда речь идет об общей судьбе государства и царя. Засыхание виноградной лозы означает разрушение Иерусалима и пленение Седекии (Иез 17 : 9); срубание ливанского кедра означает падение Ассирии и будущую гибель египетского фараона (Иез 31 : 18); произрастание отрасли «от корня Иессеева» — явление нового царя Иудейского царства, который должен возродить Израиль после ассирийского завоевания Северного царства⁴² (Ис 11 : 1–2). Однако ни в одном пассаже мы не встречаем примера, чтобы болезнь царя или его удаление от дел обозначались с помощью столь драматичной символики. Исходя из этого, мы можем предположить, что символизм Дан 4 связан не столько с историей конкретного царя, сколько с историей возглавляемого им царства.

Особый интерес вызывает оптимистический финал сна — после тяжелых испытаний, которые выпадут на долю царя или царства, символизируемых деревом, его ожидает возрождение. Примечательно, что если образ высоких деревьев может быть связан и с еврейскими, и с нееврейскими государствами, то образ пня или корня в Библии связан исключительно с иудейской монархией. Этот оптимистический финал выглядит тем более интересно, что он набросан в виде импрессионистского эскиза — мы видим только образ уцелевшего корня (Дан 4 : 12–14), возрождение которого предвидится, но прямо не предсказывается, в отличие от книги Исаии и Иезекииля.

Наконец, на непосредственную связь истории Навуходоносора и рассказов о пленении последних иудейских царей указывает еще один мотив, встречающийся во всех этих повествованиях, — пленение царя, его заковывание в цепи и заключение в темницу. Судя по всему, этот мотив относится к первоначальному пласту Дан 4, восходящему к гипотетическому протографу, легшему в основу как масоретского текста, так и перевода Септуагинты. Особый интерес для нас представляют два отрывка Дан 4 — рассказ о приговоре святых и стражей и толкование сна Навуходоносора, сделанное пророком Даниилом. Судя по всему, более оригинальный вариант приговора стражей сохранился в толковании сна пророком Даниилом (Дан 4 : 20). Соотнесение приведенного в Дан 4 : 11–14 приговора стражей с его цитированием пророком Даниилом в Дан 4 : 20 позволяет заключить, что фразы «пусть удалятся звери из-под него и птицы с ветвей его» (Дан 4 : 11) и «сердце человеческое отнимется от него, и дастся ему сердце звериное» (Дан 4 : 13), отсутствующие в рассказе пророка Даниила о сне царя, скорее всего являются редакторской вставкой. Это предположение подтверждает и обращение к греческому тексту книги Даниила, дошедшему до нас в составе перевода

⁴¹ Young 2012, 180.

⁴² Young 2012, 179–180.

Септуагинты, где указанные пассажи также отсутствуют. Появление подробного описания падения великого дерева в Дан 4 : 11 скорее всего является результатом влияния книги Иезекииля (Иез 31 : 12), а упоминание изменения «сердца» царя несомненно проистекает из приведенной далее истории Навуходоносора⁴³. Судя по всему, первоначальная форма приговора стражей сохранилась именно в стихе Дан 4 : 20: «срубите это дерево и истребите его, только главный корень его оставьте в земле, и пусть он в узах железных и медных среди полевой травы орошается росойю небесною, и с полевыми зверями пусть будет часть его, доколе не пройдут над ним семь времен».

Образы «полевой травы» (דְּתָאא דִּי בְרָא) и «небесной росы» (טל שמיא) появляются и в дальнейшем тексте истории Навуходоносора, описывающем его пребывание в отдалении от людей. Указание на пребывание с «полевыми зверями» (חיות בְּרָא) также связано с сюжетом дальнейшего повествования. Тем не менее мотив заключения корня дерева в «узы железные и медные» (אֶסְרֹר דִּי פִּרְלֹ וּנְחֶשׁ), который активно развивается в арамейском и греческом текстах, практически никак не проявляется в исполнении предсказания о судьбе Навуходоносора. В арамейском тексте книги Даниила этот мотив появляется в Дан 4 : 12 и Дан 4 : 20, но не находит никакого соответствия в исполнении предсказания о безумии Навуходоносора. Еще более интересное развитие этот мотив претерпевает в греческом тексте Дан 4. Там изображение судьбы корня дерева появляется в исполнении пророчества стражей, услышанного Навуходоносором во сне: «καὶ εἰς φυλακὴν παρεδόθη καὶ ἐν λέδαϊς καὶ ἐν χειροπέδαϊς χαλκαῖς ἐδέθη ὑπ' αὐτῶν (И он был брошен в темницу и связан цепями и медными оковами)» (Дан 4 : 17). Далее этот мотив появляется в толковании Даниилом сна царя: «εἰς φυλακὴν ἀπάξουσὶ σε καὶ εἰς τόπον ἔρημον ἀποστελοῦσὶ σε (Они бросят тебя в темницу и отошлют тебя в пустынное место)» (Дан 4 : 25). Он снова возникает в словах небесного гласа, услышанных расхаживающим по вавилонской стене Навуходоносором: «καὶ οἱ ἄγγελοι διώξονται σε ἐπὶ ἑτῇ ἑπτὰ (И ангелы будут преследовать тебя семь лет) <...> ἰδοὺ ἀντὶ τῆς δόξης σου δήσουσὶ σε καὶ τὸν οἶκον τῆς τρυφῆς σου καὶ τὴν βασιλείαν σου ἕτερος ἔξει (вот, вместо твоей славы они свяжут тебя и другой получит твой роскошный дом и твое царство)» (Дан 4 : 32).

Как видно, мотив заковывания в цепи является неотъемлемой составляющей этого рассказа — с него начинается описание того, что произойдет с корнем дерева. В греческом тексте этот мотив развивается вплоть до того, что корень дерева заключается в темницу, затем говорится о заключении в темницу самого царя или о его связывании ангелами. Однако в арамейском тексте книги Даниила мы вообще не видим исполнения этого предсказания, а в переводе Септуагинты оно присутствует только в виде краткого указания, не получающего дальнейшего развития («они бросят тебя в темницу» Дан 4 : 25). Мотив заковывания в цепи или заключения в темницу отсутствует и в вавилонских источниках, связанных с традицией, отразившейся в Дан 4. Его нет в Харранской надписи Набонида и в еще одном вероятном источнике Дан 4, пророчестве Навуходоносора о будущем падении Вавилона, приведенном Евсевием Кесарийским со ссылкой на халдейского

⁴³ Coxon 1986, 99–100.

историка Абидена⁴⁴. Равным образом его нет в кумранской Молитве Набонида (4Q242), произведении, которое сохранило наиболее близкую связь с вавилонской традицией⁴⁵. Исследователи затрудняются дать объяснение этому мотиву⁴⁶. Еще более интересен образ заточения в темницу, который достаточно последовательно проводится в греческом тексте, однако также не получает удовлетворительного объяснения в истории Навуходоносора.

Тем не менее образ заключения в цепи и заточения в темницу становится намного понятнее, если мы попытаемся рассмотреть его на фоне других библейских описаний царей, закованных в цепи или заключенных в темницу. Все эти описания связаны с разными личностями, но фактически только с одним событием — попаданием иудейских царей в Вавилонский плен. Мы встречаем его в целом ряде библейских пассажей, сообщающих нам о судьбах Манассии (2 Пар 33 : 11), Иоакима (2 Пар 36 : 6) и Седекии (4 Царств 25 : 7). Эпизоды, связанные с пленением и заковыванием в цепи, присутствуют в историях всех упомянутых царей — и в большинстве случаев мы также находим намеки на их будущее восстановление в своем первоначальном статусе. Как видно, схема историй этих иудейских царей очень напоминает сюжет сна Навуходоносора, приведенного в Дан 4.

Все указанные обстоятельства наводят нас на мысль о том, что первоначально рассказ об огромном дереве, его срубании и судьбе корня дерева был повествованием о судьбе иудейской монархии и ее последних царей. Срубание дерева и сохранение корня может обозначать уничтожение царства и оставление в живых его последнего царя и его сыновей, что может давать надежду на будущее возрождение царства. Равным образом, корень дерева, закованный в железные и медные цепи, мог символизировать как судьбы иудейских царей, так и судьбу всего еврейского народа, оказавшегося в Вавилонском плену. В еврейской фольклорной и литературной традиции сложилась готовая схема повествования, которая первоначально применялась к Иехонии и Седекии, а после их смерти — к легендарным повествованиям о царях прошлого, Манассии и Навуходоносоре. Частью этой схемы могло быть метафорическое изображение происходящих с царем событий, подобное сну Навуходоносора, изложенному в книге Даниила. Оно могло первоначально выступать не в виде вещего сна, мотив которого явно сложился под влиянием вавилонских преданий о Набониде и жанра «дворцовых историй», подобных истории Иосифа, а в виде пророческой притчи, адресованной упомянутым выше царям. Ее появление в книге Даниила выглядит вполне ожидаемо, учитывая, что арамейские тексты, повествующие о жизни пророка Даниила в Вавилоне, по мнению большинства исследователей, сложились в вавилонской диаспоре⁴⁷. Исследователи уже обращали внимание на весьма вероятную связь между легендами о Набониде и Дан 4⁴⁸, а также между преданиями времен персидского завоевания Вавилона и Дан 2 и Дан 5⁴⁹. Очевидно, что бытование в еврейской

⁴⁴ Wills 1990, 98–101.

⁴⁵ Henze 1999, 64–73.

⁴⁶ Newsom 2014, 140–141.

⁴⁷ Collins 1993, 47–50; Newsom 2014, 21–23.

⁴⁸ Von Soden 1935; Collins 1993, 217; Newsom 2014, 128–132.

⁴⁹ Davies 1976; Fröhlich 1996, 11–48.

диаспоре Вавилонии сюжета, первоначально связанного с будущими судьбами династии Давида и позднее соотнесенного книгой Даниила с вавилонским царем, также выглядит вполне вероятным.

Пророчества о будущем восстановлении династии Давида, вероятно, активно бытовали в продолжение первых десятилетий после начала Вавилонского плена. Освобождение Иехонии относится к 562 г. до н.э., и, вероятно, книга Царств была завершена вскоре после этой даты, когда надежды на восстановление автономии Иудеи под властью династии Давида еще сохранялись в народной памяти. После того как эти пророчества не исполнились, мы наблюдаем распад этой традиции. В книге Иеремии она сохраняется в виде отдаленных воспоминаний; в книге Царств автор пытается увидеть ее исполнение в освобождении Иехонии из темницы и получении им почестей от вавилонского царя. В книге Исаии и Иезекииля указанные тексты были осмыслены в национальном контексте, без привязки к конкретным историческим фигурам — сложно сказать, было ли такое осмысление исконным или сформировавшимся после угасания надежд на скорую реставрацию монархии. Наконец, в более полной форме приведенная история сохранилась в книге Хроник и в книге Даниила. В книге Хроник вся схема пророчества о судьбе Иехонии/Седекии была отнесена к Манассии — неисполнившиеся пророчества были перенесены в прошлое и осмыслены как исполнившиеся в прошлом, еще в ассирийскую эпоху. Наконец, в книге Даниила пророчество и его толкование, первоначально относившиеся к Иудейскому царству и Иехонии/Седекии, были переосмыслены как относящиеся к Навуходоносору и вплетены в цикл вавилонских легенд о Набониде. Ознакомившись с текстом Харранской надписи (или с восходящими к нему повествованиями), вавилонские евреи увидели в ней подобие легенды, содержащейся в их собственной легендарной традиции. В результате легендарные мотивы, содержащиеся в истории последних иудейских царей, в книге Даниила были вплетены в историю Навуходоносора, основанную на традиции, первоначально связанной с Набонидом, последним вавилонским царем.

Литература / References

- Albertz, R. 2001: The Social Setting of the Aramaic and Hebrew Book of Daniel. In: J.J. Collins, P.W. Flint (eds.), *The Book of Daniel. Composition and Reception*. Vol. I. Leiden—Boston—Köln, 171—204.
- Begg, C.T. 1986: The Significance of Jehoiachin's Release: A New Proposal. *Journal for the Study of the Old Testament* 11 (36), 49—56.
- Ben Zvi, E. 2019: Reading Chronicles and Reshaping the Memory of Manasseh. In: E. Ben Zvi, *Social Memory among the Literati of Yehud*. Berlin—Boston, 367—386.
- Berges, U.F. 2012: *The Book of Isaiah: Its Components and Final Form*. Translated by M. Lind. Sheffield.
- Bewer, J.A. 1953: Textual and Exegetical Notes on the Book of Ezekiel. *Journal of Biblical Literature* 72/3, 158—168.
- Blenkinsopp, J. 1983: *A History of Prophecy in Israel*. Philadelphia.
- Collins, J.J. 1993: *A Commentary on the Book of Daniel*. Minneapolis.
- Coxon, P.W. 1986: The Great Tree of Daniel 4. In: J.D. Martin, P.R. Davies (eds.), *A Word in a Season. Essays in Honour of William McKane*. Sheffield, 91—111.
- Davies, P.R. 1976: Daniel Chapter Two. *Journal of Theological Studies* 27/2, 392—401.
- Duguid, I.M. 1994: *Ezekiel and the Leaders of Israel*. Leiden—New York—Köln.

- Foster, R.S. 1958: A Note on Ezekiel XVII 1–10 and 22–24. *Vetus Testamentum* 8/4, 374–379.
- Fröhlich, I. 1996: “Time and Times and Half a Time”. *Historical Consciousness in the Jewish Literature of the Persian and Hellenistic Eras*. Sheffield.
- Gane, R.E. 1997: The Role of Assyria in the Ancient Near East during the Reign of Manasseh. *Andrews University Seminary Studies* 35/1, 21–32.
- Haag, E. 1983: *Die Errettung Daniels aus der Löwengrube. Untersuchungen zum Ursprung der biblischen Danieltradition*. Stuttgart.
- Henze, M. 1999: *The Madness of King Nebuchadnezzar: The Ancient Near Eastern Origins and Early History of Interpretation of Daniel 4*. Leiden–Boston–Köln.
- Henze, M. 2016: King Manasseh of Judah in Early Judaism and Christianity. In: G.J. Brooke, A. Feldman (eds.), *On Prophets, Warriors, and Kings. Former Prophets through the Eyes of Their Interpreters*. Boston, 183–228.
- Japhet, S. 1985: The Historical Reliability of Chronicles: The History of the Problem and Its Place in Biblical Research. *Journal for the Study of the Old Testament* 10 (33), 83–107.
- Kratz, R.G. 1991: *Translatio Imperii. Untersuchungen zu den aramäischen Danielerzählungen und ihrem theologiegeschichtlichen Umfeld*. Neukirchen-Vluyn.
- Levenson, J.D. 1984: The Last Four Verses in Kings. *Journal of Biblical Literature* 103/3, 353–361.
- Lundbom, J.R. 2004: *Jeremiah 21–36. A New Translation with Introduction and Commentary*. New York.
- McKenzie, S.L. 2004: *I & II Chronicles*. Nashville.
- Murray, D.F. 2001: Of All the Years the Hopes – or Fears? Jehoiachin in Babylon (2 Kings 25 : 27–30). *Journal of Biblical Literature* 120/2, 245–265.
- Newsom, C.A. 2014: *Daniel. A Commentary*. Louisville.
- Noth, M. 1957: Zur Geschichtsauffassung des Deuteronomisten. In: A.Z. Velidi Togan (ed.), *Proceedings of the Twenty-Second Congress of Orientalists, Held in Istanbul, September 15th to 22nd, 1951*. Vol. II. Leiden, 558–565.
- Noth, M. 1981: *The Deuteronomistic History*. Sheffield.
- Odell, M.S. 2005: *Ezekiel*. Macon.
- Pakkala, J. 2006: Zedekiah’s Fate and the Dynastic Succession. *Journal of Biblical Literature* 125/3, 443–452.
- Parpola, S. 1993: The Assyrian Tree of Life: Tracing the Origin of Jewish Monotheism and Greek Philosophy. *Journal of Near Eastern Studies* 52/3, 161–208.
- Porteous, W.N. 1965: *Daniel. A Commentary*. Philadelphia.
- Pritchard, J.B. (ed.) 1992: *Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament with Supplement*. Princeton.
- Rad, G. von 1947: *Deuteronomium-Studien*. Göttingen.
- Schniedewind, W.M. 1991: The Source Citations of Manasseh: King Manasseh in History and Homily. *Vetus Testamentum* 41/4, 450–461.
- Soden, W. von 1935: Eine babylonische Volksüberlieferung von Nabonid in den Danielerzählungen. *Zeitschrift für die Alttestamentliche Wissenschaft* 53, 81–89.
- Williamson, H.G.M. 2018: *Isaiah 6–12. A Critical and Exegetical Commentary*. Bloomsbury.
- Wills, L.M. 1990: *The Jew in the Court of the Foreign King*. Minneapolis.
- Young, R.A. 2012: *Hezekiah in History and Tradition*. Leiden–Boston.
- Zimmerli, W. 1979: *Ezekiel 1. A Commentary on the Book of the Prophet Ezekiel, Chapters 1–24*. Philadelphia.
- Zimmerli, W. 1983: *Ezekiel 2. A Commentary on the Book of the Prophet Ezekiel, Chapters 25–48*. Philadelphia.

DOI: 10.31857/S032103910019430-6

ИСТОЧНИКИ ИМПОРТОВ ВОСТОЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СВАТИЛИЩЕ ГЕРЫ НА САМОСЕ

А. В. Иванова

Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия

E-mail: annaivanova.rsuh@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2396-8615

Святилище Геры на острове Самос выделяется среди прочих большим количеством votivных приношений восточного происхождения, обнаруженных там во время раскопок. На основании анализа литературных, эпиграфических и археологических источников в данной статье делается предположение о путях проникновения восточных импортов в святилище. В качестве возможных вариантов приводятся торговля, обмен ремесленными технологиями, служба греческих наемников на восточных территориях и грабительские набеги. Паломничество иностранцев и миграция ремесленников с Востока в случае Самоса представляются менее вероятными и не находят прямого подтверждения в источниках.

Ключевые слова: архаическая Греция, межкультурные связи, святилища, votivные приношения, восточные импорты, храм Геры на Самосе

THE SOURCES OF ORIENTAL IMPORTS AT THE SAMIAN SANCTUARY OF HERA

Anna V. Ivanova

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: annaivanova.rsuh@gmail.com

Данные об авторе. Анна Владимировна Иванова — младший научный сотрудник Отдела сравнительного изучения древних цивилизаций ИВИ РАН.

During the excavations of Samian sanctuary of Hera large numbers of votive offerings of oriental origin were uncovered. The analysis of literal, epigraphic and archaeological sources allows us to conclude that the majority of such votives were imported by the means of trade, exchange of craftsmanship techniques, mercenary services of the Greeks in the East and pirate raids. Pilgrimage by foreign travellers and the migration of oriental craftsmen in the case of Samos seem to be less plausible and lack solid evidence.

Keywords: Archaic Greece, cross-cultural connections, sanctuaries, votive offerings, oriental imports, Heraion of Samos

С вятилище Геры на о. Самос выделяется среди других греческих святилищ архаического периода количеством приношений негреческого происхождения, среди которых явно доминируют изделия из бронзы. Импортные предметы составляют около 85% (примерно 350 предметов) от общего числа известных бронзовых вотивов¹. При этом преобладают импорты с территорий Передней Азии и Египта, составляя примерно 65% от общего числа. Наибольшее количество вотивов происходит из Египта: это большие полые антропоморфные статуи (60–80 см в высоту), маленькие полые статуэтки, изображающие богов, людей и животных, небольшие статуэтки, выполненные в технике литья по утрачиваемой модели со сплошным заполнением формы, отдельные элементы декора несохранившихся предметов интерьера, а также одно зеркало. Менее обильно, но достаточно разнообразно представлены вотивы, происходящие из новохеттских государств. В Герайоне обнаружены цилиндрические навершия булавы, элементы конской упряжи (декорированные рельефами шоры, налобные пластины и удила), вотивные щиты и пояса. Известны также маленькие фигурки животных, преимущественно козлов, которые служили навершиями скипетров или украшениями сосудов². К фригийским импортам относятся фибулы и пояса, от которых сохранились бронзовые накладки и пряжки. Вотивы, происходящие из Сирии, Ассирии и Луристана представлены небольшим количеством статуэток разного размера (5–30 см), выполненными преимущественно в технике сплошного литья и изображающими богов и людей. Одиннадцать вещей из Урарту составляют различные элементы декора — атташи и протоны бронзовых сосудов в форме головы быка, волюты и ножки тронов. Небольшая группа импортов с Кавказа представлена набором колокольчиков и несколькими статуэтками. Все находки датируются периодом приблизительно с VIII в. до конца VI в. до н.э.

Наличие такого разнообразного набора бронзовых вотивов импортного происхождения заставляет задуматься о том, какие причины повлияли на их появление в Герайоне. Географическое положение Самоса у побережья Малой Азии позволяет говорить о неизбежности контактов между столь близко расположенными территориями, однако специфика этих контактов требует уточнения. В данной статье рассматриваются пять типов взаимодействия греков с восточным миром в эпоху архаики, которые могли привести к перемещению значительного количества изделий восточного происхождения на греческие территории: торговля,

¹ Kilian-Dirlmeier 1985, 237.

² Jantzen 1972, 63.

миграция ремесленников с Востока на греческие территории, служба греческих наемников у восточных правителей, грабительские или пиратские набеги на прибрежные территории и паломничество, — и оценивается вероятность участия в них потенциальных посвятителей восточных приношений в Герайон.

Наиболее естественным способом поступления восточных импортов на Самос представляется торговый обмен: греческие торговцы, которые приобретали различные предметы роскоши в ходе своих поездок, или сами выступали в качестве посвятителей, или продавали свой товар соотечественникам, которые в дальнейшем могли передать некоторые вещи в Герайон. В данном контексте примечательна описанная у Геродота (IV. 152) история о путешествии самосского корабля к Геракловым Столпам. Самосцы, изначально направлявшиеся в Египет, но случайно оказавшиеся в доселе неизведанном (ἀκήρατον) Тартессе, по возвращении на родину продали привезенный товар по рекордной цене (ἀλονοοστήσαντες οὗτοι ὀλίγω μέγιστα δὴ Ἑλλήνων πάντων τῶν ἡμεῖς ἀτρεχεῖν ἴδμεν ἐκ φορτίων ἐκέρδησαν, «они же, вернувшись обратно, более всех греков, о которых мы знаем наверняка, обогатились от товаров»), а десятую часть вырученных средств потратили на подношения в храм Геры. Греческий текст позволяет сделать вывод, что сбыт товаров также происходил на Самосе, поскольку, во-первых, глагол ἀλονοοστέω предполагает именно возвращение домой, в исходную локацию, а во-вторых, других локаций, куда самосцы могли бы вернуться, в данном пассаже не упомянуто. Можно предположить, что подобный исход имели и путешествия на Восток, причем торговцы могли быть заинтересованы в приобретении экзотических товаров из наименее известных стран, поскольку стоимость данных вещей была выше.

Само путешествие самосцев в Египет в целом описывается в данной истории как обыденная практика. Дж. Бордман, который датирует этот эпизод 638 г. до н.э., делает вывод, что торговля Самоса с Египтом должна была в таком случае стать регулярной уже к середине VII в. до н.э.³ Подтверждением частых визитов жителей Самоса в Египет служит и факт их активного участия в жизни Навкратиса в середине VI в. до н.э., где ими был возведен храм в честь Геры (Hdt. II. 178), и упоминание самосцев в рассказе про гетеру Родопиду (Hdt. II. 135), который, впрочем, говорит нам скорее о том, сколь разнообразные формы могли иметь торговые операции.

Свидетельствами вовлеченности самосцев в торговую жизнь восточного Средиземноморья могут служить также находки самосской керамики в различных центрах за пределами исконно греческих территорий. Значительное количество фрагментов характерных сосудов было обнаружено в Навкратисе⁴, что служит еще одним доказательством присутствия самосцев в этом эмпории⁵. Фрагменты самосских сосудов также были найдены в поселении Аль-Мина⁶ в устье реки Оронт, в Ашкелоне⁷, в поселениях Баташ и Мецад Хашавьяху в южном Леванте⁸

³ Boardman 1980, 114.

⁴ Schlottzhauer, Villing 2006, 59, 62.

⁵ Подробнее о греках в Навкратисе см., например, Villing, Schlottzhauer 2006; Hockmann, Kreikenbom 2001; Moller 2001.

⁶ Слои с греческой керамикой датируются VII в. до н.э. (Boardman 1980, 48).

⁷ Mouritz 2018, 112.

⁸ Waldbaum 1994, 60.

и в киликийском городе Тарс в слоях VIII и VII веков до н.э., когда город был заново отстроен после разрушения Синнахирибом в 696 г. до н.э.⁹ Причем, если в Аль-Мине центры производства довольно разнообразны (Афины, Коринф, Эвбея и др.)¹⁰, то в южном Леванте преобладает керамика с островов восточной Эгеиды¹¹, что может свидетельствовать о более тесной связи между этими регионами.

Для Тарса и Аль-Мины точно установить форму греческого присутствия представляется довольно затруднительным. Основные типы сосудов, обнаруженные в этих поселениях — чаши, тарелки, кратеры и амфоры, — могли с равной степенью вероятности использоваться как обосновавшимися в этих городах греческими торговцами, наемниками и ремесленниками, так и импортироваться местным населением¹² через посредство греческих или местных торговцев. Баташ и Мецад Хашавьяху, напротив, могли служить местом постоянного проживания греков, поскольку в этих центрах засвидетельствовано существенное количественное преобладание греческих форм керамики над местными, а также обнаружены типично греческие кухонная керамика и светильники¹³, что позволяет скорее поддержать гипотезу о распространении определенной части греческой продукции на территории Малой Азии и Леванта непосредственно самими греками. Через эти области на территорию Греции могли поступать товары из Сирии, Ассирии, Финикии, новохеттских государств и таких удаленных территорий, как Урарту и Кавказ. Однако, если говорить о Самосе, то скромное количество находок непосредственно самосской керамики свидетельствует о гораздо менее активном взаимодействии Самоса с левантийскими регионами, чем с Египтом.

Другой способ проникновения на Самос предметов в восточной стилистике связан с гипотезой о миграции на территорию Греции ремесленников с Востока, которые приносили с собой ранее не известные грекам технологии и стилистические приемы. Стимулом к переселению могла стать военная экспансия Ассирии в VIII в. до н.э., спасаясь от которой, ремесленные мастера из Сирии, новохеттских государств и Урарту отправлялись в другие страны восточного Средиземноморья¹⁴. Подтверждением данной концепции стало обнаружение нескольких ремесленных мастерских на Крите IX—VIII вв. до н.э., принадлежавших выходцам из Месопотамии и Северной Сирии¹⁵, которые изготавливали различные предметы из золота и бронзы в восточном стиле¹⁶.

⁹ Подробнее см. Boardman 1965.

¹⁰ Boardman 1980, 47—48 для слоев VII в. до н.э.

¹¹ Mouritz 2018, 102.

¹² Краткий пересказ дискуссии см. Waldbaum 1994, 56—57.

¹³ Waldbaum 1994 и Niemeier 2001 идентифицируют эти поселения как места постоянного пребывания греческих наемников, хотя их расположение вдоль торговых путей позволяет предположить проживание там и представителей других профессий.

¹⁴ Burkert 1995, 21—25, хотя автор не исключает другие сценарии распространения технологий.

¹⁵ Boardman 1980, 56—60. Зафиксировано два этапа существования этих мастерских: в IX и в VIII в. до н.э.

¹⁶ Бордман находит параллели в ювелирных украшениях и сосудах из Северной Сирии, Урарту и Месопотамии (Boardman 1980, 57—58, 60).

Однако, исследования археологически засвидетельствованных на Самосе бронзолитейных мастерских выявили ключевое различие с мастерскими Крита: продукция критских мастеров имела ярко выраженную восточную стилистику¹⁷, а на Самосе, напротив, преобладали характерные греческие формы, и именно на них оттачивались новые технологии. Например, замена техники выколотки бронзовых листов на технику литья по восковым моделям коснулась в первую очередь протом в форме грифона, которые в большом количестве изготавливались и экспортировались самосцами начиная с VII в. до н.э.¹⁸ В новой технике были выполнены и бронзовые курорсы¹⁹. Маловероятно, чтобы восточные мастера занялись усовершенствованием греческих форм, учитывая их склонность к сохранению своего стиля²⁰ и наличие случаев копирования восточных предметов роскоши, наоборот, греческими мастерами. В то же время самосцы могли использовать импортные предметы в качестве образца для подражания, изучив привезенные торговцами товары или посетив наиболее доступные восточные ремесленные мастерские (например, египетские).

Косвенным аргументом в пользу того, что именно самосские мастера являлись основными импортерами и изделий, и новых технологий, могут послужить многократные упоминания самосцев в рассказах о появлении в Греции бронзового литья. У Павсания несколько раз упоминается, что именно самосцы Ройк и Теодор были первыми, кто освоил выплавку бронзы (VIII. 14. 8: διέχεαν δὲ χαλκὸν πρῶτοι καὶ ἀγάλματα ἔχωνεύσαντο Ῥοϊκὸς τε Φιλαίου καὶ Θεόδωρος Τηλεκλέους Σάμιοι; IX. 41. 1: καὶ σφᾶς, ὥς γε εἰκός, λέλθῃε Θεόδωρον καὶ Ῥοϊκὸν Σαμίους εἶναι τοὺς διαχέαντας χαλκὸν πρῶτους), а Плиний Старший уточняет, что именно они ввели использование восковых моделей (*Nat. Hist.* XXXV. 152: sunt qui in Samo primos omnium plasticen invenisse Rhoecum et Theodorum tradant, «есть те, кто говорит, что Ройк и Теодор на Самосе первыми из всех изобрели восковые формы», где plasticen — от греческого αἱ πλαστικάι τῶν τεχνῶν, искусство лепки из мягкого материала, в т.ч. воска). Деятельность Ройка и Теодора относится к более позднему времени (первая половина VI в. до н.э.), а их имена могли попасть в рассказы о внедрении бронзового литья в силу того, что это были два наиболее известных самосских ремесленника, построившие первую монументальную версию Герайона. Показательно, однако, что именно жители Самоса фигурируют в этой

¹⁷ В целом продукция восточных мастеров практически не подвергалась эллинизации кроме редких случаев. См. Boardman 1980, 58–60, где данный процесс рассматривается на примере бронзовых щитов, украшенных по центру рельефом в виде головы животного.

¹⁸ Kyrieleis 1990, 21–23.

¹⁹ Kyrieleis 1990, 25–26.

²⁰ Особая ситуация сложилась в Навкратисе, где в местных мастерских производилась керамика, воспроизводящая многие черты сосудов восточной Греции и мало походившая на египетские формы. Однако данная продукция скорее всего изготавливалась именно греческими мастерами и предназначалась в первую очередь для продажи в Египте, где греческие сосуды высокого качества воспринимались как импортные статусные предметы (подробнее см. Demetriou 2012, 130–131).

истории, что может отражать особую роль этого острова и его мастеров в распространении новой технологии.

Распространителями импортных изделий могли быть и возвращавшиеся со службы наемники, которые в эпоху архаики активно принимали участие в военных походах восточных правителей. Эта практика хорошо засвидетельствована для восточной Греции: Геродот передает, что отряд ионян и карийцев поступил на службу к фараону Псамметиху I (664–610 гг. до н.э.) и помог ему объединить Египет (Hdt. II. 152), получив в качестве награды земли по берегам Нила и «все, что полагается» (τᾶλλα τὰ ὑπέσχετο πάντα). Впоследствии наемники оставались на службе у фараона и помогали поддерживать контакты между греческими полисами и Египтом (Hdt. II. 154). Одним из наемников Псамметиха I мог быть Педон — заказчик посвященной надписи на египетской статуэтке из Приены (тип «кубическая статуя», базальт, 21 см, голова не сохранилась), которую, согласно самой надписи, Педон привез из Египта, после того, как окончил службу у фараона²¹: Πηδῶν μ' ἀνέθηκε|ν ὠμφίννεω ἐξ Αἰγ|γύπτῳ γαγῶν ῥῶι βα|σιλεὺς ἔδωρ' ὠιγύλ|τιος Ψαμμήτιχο|ς ἀριστήϊα ψίλιόν τε χρύσεον καὶ | πόλιν ἀρετῆς ἔ|νεκα²². Текст сообщает, что Педон получил в награду за службу золотой браслет и город. Дарование «города» по-разному интерпретировалось в научной литературе²³, полученный же Педоном браслет мог быть или частью платы, или своего рода «надбавкой» за особые достижения²⁴, что соответствует практике использования предметов роскоши в качестве оплаты наемнического труда. Таким образом, и браслет, и статуя попали на греческую территорию благодаря наемнической службе.

Преемники Псамметиха I продолжили нанимать греческих воинов для своих кампаний. Могли греки принимать участие и в походах фараона Нехо II (610–595 гг. до н.э.) против вавилонян, поскольку поножи и щит греческого производства были обнаружены в Каркемише²⁵, где в 605 г. до н.э. состоялось масштабное сражение. Участие греков в военных кампаниях Псамметиха II (595–589 гг. до н.э.) надежно засвидетельствовано благодаря греческим надписям на колоссе Рамсеса II в Абу-Симбеле²⁶.

²¹ См. Barbag 2018, 26–28 о датировке статуи и надписи в связи с вопросом о том, кому из фараонов — Псамметиху I или Псамметиху II — служил Педон. Про датировку см. также Ampolo, Bresciani 1988, 239–240.

²² Надпись приведена по Barbag 2018, 20. Перевод: «Педон, сын Амфина, меня посвятил, привез из Египта. Ему царь египетский Псамметих выдал в качестве награды за доблесть и золотой браслет, и город за отвагу».

²³ Существует три наиболее распространенных варианта интерпретации этого выражения: выдача Педону внушительных земельных наделов (Sullivan 2011, 47), назначение Педона на административную должность в одном из крупных городов (Barbag 2018, 24–25) и дарование Педону права получать с определенного города процент от налогов в казну (Ampolo, Bresciani 1988, 241, где высказывается также предположение, что дарование города могло означать выделение определенной территории, где могли поселиться греческие наемники).

²⁴ Sullivan 2011, 47–48.

²⁵ Sullivan 2011, 49.

²⁶ Boardman 1980, 115–116.

Однако стоит отметить, что все приведенные примеры касаются только службы греков у египетских правителей, которая надежно подтверждается письменными и археологическими источниками. Ключевым примером, который позволил бы говорить об участии греческих наемников в вооруженных конфликтах в составе войск ассирийских и нововавилонских царей, является фрагмент из Страбона, приводившего в контексте рассказа о Митилене биографию Антименида, брата поэта Алкея (XIII. 2. 3): «[В Митилене] же были знаменитые мужи ... поэт Алкей и его брат Антименид, который, сражаясь на стороне вавилонян, как сообщает Алкей, успешно завершил сражение и избавил их от тягот». Это свидетельство Страбона и два фрагмента из Алкея²⁷, в которых упоминается взятие и разрушение Ашкелона вавилонянами и возвращение брата из дальних краев, привели к укоренившемуся убеждению, что Антименид участвовал именно в этой кампании. Однако не так давно связь Антименида с вавилонянами была убедительно опровергнута²⁸, основываясь на критическом анализе текста Страбона и свидетельствах о составе нововавилонского войска. Новая гипотеза предполагает, что Антименид, как и многие другие наемники, находился на службе у египетского фараона. Fr. 350²⁹ (ἦλθες ἐκ περάτων γᾶς, ἐλεφαντίναν // λάβαν τῷ ξίφεος χρυσοδέταν ἔχων, «ты пришел из пределов земли, держа рукоять меча из слоновой кости, украшенную золотом») в таком случае хорошо коррелирует с надписью Педона: эпитет χρυσοδέταν, «украшенная золотом», применительно к рукояти меча (λάβαν, аттич. λαβή), с которым Антименид вернулся из дальних стран, вероятно, означает, что наемник за свою службу получил от царя достойную плату, которая, как и в случае Педона, могла представлять собой предметы из драгоценных металлов.

Помимо официального поступления на службу к восточным правителям военная деятельность греков могла иметь форму грабительских набегов или пиратства. Например, те самые ионяне и карийцы Псамметиха I до поступления на службу занимались морским разбоем и опустошали прибрежные территории (Hdt. II. 152). О пиратской деятельности самосцев к тому же известно по другому, более позднему, эпизоду из Геродота (Hdt. III. 47), когда самосцы похитили у спартанцев панцирь (θώραξ), подаренный фараоном Амасисом святилищу Афины в Линде. Таким образом, разбой можно считать еще одним способом добычи ценных предметов с Востока.

Последний возможный источник восточных импортов в Герайоне — это дары паломников негреческого происхождения, которые привозили посвящения с собой или передавали их через посредников. Отследить эти предметы возможно только при наличии письменного указания на этническую принадлежность дарителя. Литературные источники в таких случаях фиксируют, как правило, лишь дары царей или других представителей знати. Единственный упомянутый случай подобного посвящения в Герайон описан Геродотом (II. 182) и рассказывает о фараоне Амасисе, который посвятил «на Самос Гере два своих деревянных изображения, которые долго демонстрировались в храме» (ἐς Σάμον τῇ Ἥρῃ εἰκόνας

²⁷ Fr. 48 и fr. 350 по изданию Кэмпбелла (Campbell 1982, 260–263; 386–387).

²⁸ Fantalkin, Lytle 2016.

²⁹ Фрагмент из Алкея, приведенный в «Учебнике метрики» александрийского грамматика II в. н.э. Гефестиона (Neph. Ench. 10. 3).

ἑωυτοῦ διφασίας ξυλίνας, αἱ ἐν τῷ νηῷ τῷ μεγάλῳ ἰδρύατο). Однако Геродот подчеркивает, что посвящение Амасиса было сделано им в первую очередь «ради дружбы его самого и Поликрата» (κατὰ ξεινίην τὴν ἑωυτοῦ τε καὶ Πολυκράτεος), что свидетельствует о низком интересе к Герайону со стороны восточных правителей и о том, что святилище Геры на Самосе не входило в число общегреческих святилищ. Контрастным примером является Дельфийское святилище, которому тот же Амасис даровал материалы для восстановления храма (Hdt. II. 180: Ἄμασις μὲν γάρ σφι ἔδωκε χίλια στυπτηρίης τάλαντα), а лидийские правители регулярно отравляли дары (Гиг: Hdt. I. 14; Алиатт: Hdt. I. 25 и Крез: Hdt. I. 50–51).

Среди самих посвящений можно выделить налобную пластину с надписью на арамейском языке, где упоминается имя правителя Дамаска IX в. до н.э. Хаца'эла: «Вот что Хаддад даровал господину нашему Хаца'элу в тот год, когда он (господин) перешел реку»³⁰, но, очевидно, что пластина, обнаруженная в слое VI в. до н.э., никак не могла быть царским подарком в Герайон. Похожие предметы были найдены также в святилище Аполлона в Эретрии (с идентичной надписью, в слое сер. VIII в. до н.э.) и в Милете³¹. Большую часть посвящений на Самосе составляют предметы мелкой пластики, которые принято интерпретировать как дары обычных людей³².

С другой стороны, Герайон являлся крайне значимым местом для самих самосцев. Свидетельством активного использования святилища жителями острова служат посвятельные надписи на мраморных статуях. Известны имена трех дарителей, совершивших приношения в святилище в первой половине VI в. до н.э.: Исхий посвятил в Герайон монументального куроса, другая группа из куроса и трех кор была посвящена Херамием, и еще одна скульптурная группа была посвящена в Герайон Генелеем и изображала, по всей видимости, семью заказчика. Экспонирование на территории святилища столь дорогих и монументальных даров было для местных аристократов способом демонстрации силы и влияния³³, что говорит скорее об ориентации Герайона на внутренние дела Самоса, чем о его международном значении.

Аргументом в пользу направленности Герайона на обслуживание жителей острова является также наличие вотивов, соотносящихся с локальной традицией почитания Геры. Это, например, бронзовая подвеска в форме граната³⁴, а также изображения граната из глины и слоновой кости³⁵, обнаруженные в святилище. Наличие на территории святилища значительного количества гранатовых семечек³⁶ позволяет связать эти вотивы с ритуальными трапезами, проходившими в Герайоне, где гранат, считавшийся символом плодородия наряду с сосновыми шишками и головками мака, также найденными в святилище, играл важную роль. Таким образом, местная традиция почитания Геры в качестве богини плодородия, могла определять выбор

³⁰ Перевод по Eph'al, Naveh 1989, 193.

³¹ Morris 2006, 73. Подробнее об этой пластине см. Kyrieleis, Röllig 1988.

³² Kyrieleis 2005, 111.

³³ Pedley 2005, 162–163.

³⁴ В 1161 (Луристан) по Jantzen 1972.

³⁵ Kyrieleis 2005, 109–110.

³⁶ Kyrieleis 2005, 109–110.

семантики вотивов. Еще один распространенный тип вотивов представлен элементами конской упряжи: это налобные пластины и шоры из новохеттских государств, украшенные рельефами, изображающими «повелительницу зверей», удила в форме лошадей и уже упомянутая налобная пластина с именем Хаца'эла. Наличие таких вотивов в святилище может быть объяснено покровительством самосской Геры коневодству. Эта функция богини может восходить к самым древним представлениям, а эпизод, в котором Гера умело правит колесницей, засвидетельствован также у Гомера (Ном. II. V. 720–770, особенно показательна строка 748: Ἡρῇ δὲ μάστιγι θοῶς ἔλεπαιετ' ἄρ' ἵπλους). Связь Геры с искусством управления колесницей хорошо соотносится с особым уважением к святилищу со стороны самосской аристократии, о чем свидетельствуют упомянутые выше посвятельные статуи. Можно предположить, что подношениями в Герайон становились вещи, которые хотя бы в некоторой степени соответствовали местным особенностям культа, если таковые находились среди привезенных издалека предметов.

Таким образом, данные письменных источников и археологические свидетельства позволяют считать жителей Самоса активными участниками торговой и военной жизни восточного Средиземноморья в VIII–VII вв. до н.э. С уверенностью можно говорить о поездках самосцев в Египет, которые могли осуществляться не только ради обмена товарами, но и в целях знакомства с более развитыми технологиями ремесленного производства, о чем свидетельствует неоднократно повторяющийся мотив о заимствовании самосцами бронзолитейной технологии. Возможно также присутствие самосских купцов в торговых городах Леванта вместе с представителями других областей Восточной Греции. Импорты из более удаленных территорий, таких как Урарту, Месопотамия и Кавказ, вероятно, попадали в руки самосцев через посредническую торговлю. Другим источником импортных вотивов следует считать наемническую или пиратскую деятельность самосцев, которая также находит отражение в источниках. Наличие же на Самосе ремесленных мастерских иноземных мастеров представляется крайне сомнительным.

Гораздо более спекулятивный характер носит предположение о том, что часть посвящений была сделана непосредственно выходцами из восточных стран в ходе паломнических визитов ввиду ярко выраженной направленности Герайона на обслуживание локальных самосских интересов. Стоит, однако, упомянуть о возможности включения Геры в общий религиозный контекст Средиземноморья благодаря ее отождествлению с Повелительницей зверей³⁷ или даже в связи с идеей о том, что культ самосской Геры происходит от восточного культа Великой Богини. Такая интерпретация может объяснить большое количество статуэток животных в святилище, учитывая, что практически все эти виды животных встречаются в сакральных контекстах, а также сделать культ Геры понятным для жителей ряда территорий Малой Азии. Однако довольно трудно представить, что паломничество в Герайон совершали жители более отдаленных регионов. Учитывая наиболее активные контакты Самоса с Египтом, представляется наиболее вероятным, что если часть вотивов и была посвящена не-греками, то это были скорее обитатели этого региона, воспринимавшие Геру как местное самосское божество.

³⁷ O'Brien 1993, 25–28.

Литература / References

- Ampolo, C., Bresciani, E. 1988: Psammetico re d'Egitto e il mercenario Pedon: premessa. *Egitto e Vicino Oriente* 11, 237–253.
- Barbaro, N. 2018: Dedicata votiva del mercenario Pedon. *Axon* 2/1, 19–30.
- Boardman, J. 1965: Tarsus, Al Mina and Greek Chronology. *Journal of Hellenic Studies* 85, 5–15.
- Boardman, J. 1980: *The Greeks Overseas: Their Early Colonies and Trade*. London.
- Burkert, W. 1995: *The Orientalizing Revolution: Near Eastern Influence on Greek Culture in the Early Archaic Age*. Cambridge.
- Campbell, D.A. (ed.) 1982: *Greek Lyric. Sappho and Alcaeus*. (Loeb Classical Library, 142). Cambridge.
- Demetriou, D. 2012: *Negotiating Identity in the Ancient Mediterranean. The Archaic and Classical Greek Multiethnic Emporia*. Cambridge.
- Eph'al, I., Naveh, J. 1989: Hazael's Booty Inscriptions. *Israel Exploration Journal* 39/3–4, 192–200.
- Fantalkin, A., Lytle, E. 2016: Alcaeus and Antimenidas: Reassessing the Evidence for Greek Mercenaries in the Neo-Babylonian Army. *Klio* 98/1, 90–117.
- Hockmann, U., Kreikenbom, D. (eds.) 2001: *Naukratis. Die Beziehungen zu Ostgriechenland, Ägypten und Zypern in archaischer Zeit. Akten der Table Ronde in Mainz, 25.–27. November 1999*. Möhnesee.
- Jantzen, U. 1972: *Ägyptische und orientalische Bronzen aus dem Heraion von Samos*. (Samos, VIII). Bonn.
- Kilian-Dirlmeier, I. 1985: Fremde Weihungen in griechischen Heiligtümern vom 8. bis zum Beginn des 7. Jahrhunderts v. Chr. *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz* 32, 215–254.
- Kyrieleis, H. 1990: Samos and Some Aspects of Archaic Greek Bronze Casting. In: M. True, J. Podany (eds.), *Small Bronze Sculpture from the Ancient World. Papers Delivered at a Symposium Organized by the Departments of Antiquities and Antiquities Conservation and Held at the J. Paul Getty Museum, March 16–19, 1989*. Malibu, 15–30.
- Kyrieleis, H. 2005: The Heraion at Samos. In: N. Marinatos, R. Hägg (eds.), *Greek Sanctuaries. New Approaches*. Online ed. London–New York, 99–122.
- Kyrieleis, H., Röhl, W. 1988: Ein altorientalischer Pferdeschmuck aus dem Heraion von Samos. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung* 103, 37–75.
- Möller, A. 2001: *Trade in Archaic Greece*. Oxford.
- Morris, S.P. 2006: The View from East Greece: Miletus, Samos and Ephesus. In: S.P. Morris, C. Riva, N.C. Vella (eds.), *Debating Orientalization. Multidisciplinary Approaches to Change in the Ancient Mediterranean*. London–Oakville, 66–84.
- Mouritz, D.M. 2018: *East Greek Pottery and Graeco-Anatolian Mercenaries in the Southern Levant in Iron Age IIC (CA. 600 BCE)*. PhD thesis. Melbourne.
- Niemeier, W.-D. 2001: Archaic Greeks in the Orient: Textual and Archaeological Evidence. *Bulletin of the American Schools of Oriental Research* 322, 11–32.
- O'Brien, J.V. 1993: *The Transformation of Hera: A Study of Ritual, Hero and the Goddess in the Iliad*. Lanham.
- Pedley, J. 2005: *Sanctuaries and the Sacred in the Ancient Greek World*. Cambridge.
- Schlottzhauer, U., Villing, A. 2006: East Greek Pottery from Naukratis: The Current State of Research. In: A. Villing, U. Schlottzhauer (eds.), *Naukratis: Greek Diversity in Egypt. Studies on East Greek Pottery and Exchange in the Eastern Mediterranean*. London, 53–68.
- Sullivan, B.M. 2011: Paying Archaic Greek Mercenaries: Views from Egypt and the Near East. *Classical Journal* 107/1, 31–59.
- Villing, A., Schlottzhauer, U. 2006: *Naukratis: Greek Diversity in Egypt Studies on East Greek Pottery and Exchange in the Eastern Mediterranean*. London.
- Waldbaum, J.C. 1994: Early Greek Contacts with the Southern Levant, ca. 1000–600 B.C.: The Eastern Perspective. *Bulletin of the American Schools of Oriental Research* 293, 53–66.

DOI: 10.31857/S032103910023380-1

СТЕЛА ИЗ АСКЛЕПИОНА НА о. КОС КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО ТРАНСФОРМАЦИИ РЕЛИГИОЗНОГО ПРАЗДНИКА В ДИДИМАХ И «ПРОПАГАНДЫ» КУЛЬТА АПОЛЛОНА

Д. Б. Меркин

Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия

E-mail: dimamerkin@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6906-7938

Статья посвящена изучению найденной на Косе Р. Херцогом мраморной стелы в качестве одного из важнейших свидетельств о религиозной жизни Милета в эпоху эллинизма. Документ провозглашает празднество Дидимей общеэллинским и устанавливает награждение победителей венком. Такая трансформация локального праздника ставила целью «пропаганду» культа Аполлона Дидимейского среди других эллинов и привлечение новых почитателей. В этот же период образ этого бога появляется на монетной чеканке города, а в святилище возобновляется строительство нового храма, одного из самых крупных в регионе. Это может говорить об общей политике, направленной на расширение влияния святилища. Надписи из самих Дидим и других регионов Средиземноморья, а также нумизматические данные косвенно подтверждают, что с конца III в. до н.э. сфера влияния святилища и оракула расширяется.

Ключевые слова: Дидимеи, Кос, игры, оракул, Аполлон, Селевкиды, Птолемеи

THE MARBLE STELE FROM ASKLEPEION OF COS AS A TESTIMONY OF THE TRANSFORMATION OF THE RELIGIOUS FESTIVAL IN DIDYMA AND THE “PROPAGANDA” OF APOLLO’S CULT

Dmitriy B. Merkin

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: dimamerkin@mail.ru

Данные об авторе. Дмитрий Борисович Меркин — научный сотрудник Отдела сравнительного изучения древних цивилизаций ИВИ РАН.

Автор хочет выразить благодарность за оказанную помощь при подготовке этой статьи А.И. Иванчику, А.В. Белоусову, А.В. Ивановой, Г.С. Беликову.

This article presents a research of the marble stele found on the Cos island by R. Herzog. The stele is one of the most significant testimonies about the religious life at Miletus during the Hellenistic period. This document proclaims the panhellenic status of the Didymeia's festival and establishes the coronation of the winner. Such transformation of the local festival was aimed at 'propaganda' of Apollo Didymeus' cult among other Greeks. We can see the image of Apollo Didymeus on the coins of Miletus of that period with a new phase of the large Apollo's temple construction beginning at the same time. All these may reflect the general politics aimed at the expansion of sanctuary's influence. Inscriptions from Didyma and other sites of the Mediterranean and numismatic data confirm that from the end of the 3rd century BC the influence of the sanctuary and the oracle has spread across the region.

Keywords: Didymeia's festival, Cos, games, oracle, Apollo, the Seleucid kings, the Ptolemaic kings

Мраморную стелу, обнаруженную Р. Херцогом в 1904 г. при раскопках храма Асклепия на о. Кос, можно смело назвать одним из важнейших памятников, рассказывающих о культовой жизни Милета III–II вв. до н.э. Она имеет довольно крупный размер: 122 см — высота, ок. 45–50 см — ширина и толщина — ок. 8 см. На одной стороне опистографического памятника записан декрет милетян, на основании которого праздник Дидимей объявляется общеэллинским. По характеру текста видно, что декрет был составлен самими милетянами, а впоследствии на Косе был переписан местным резчиком, на что указывают характерные ошибки, о которых будет сказано ниже. На обратной стороне стелы записан ответ жителей острова на призыв принять участие в играх, приуроченных к празднику. К сожалению, текст на оборотной стороне сохранился фрагментарно, поскольку впоследствии плиту использовали повторно для посвящения в римское время, о чем свидетельствуют следы штукатурки и строительного раствора на поверхности камня¹.

Ключевым моментом, зафиксированным в тексте милетского декрета, можно назвать трансформацию одного из важнейших полисных праздников: *προσῆκει δὲ τῷ δήμῳ πράσσειν τοῖς ἐξενηγεμένοις χρησμοῖς ἀκόλουθα τὸν τε ἀγῶνα τιθέναι τῶν Διδυμείων στεφανίτην καὶ τοὺς Ἕλληνας εἰς ταῦτα παραλαμβάνειν, κοινῶν τῶν εὐεργεσιῶν εἰς πάντας αὐτοὺς ὑπὸ τοῦ θεοῦ γεγενημένων*, «И подобает народу, поступающему в соответствии с произнесенными прорицаниями, установить игры Дидимей “венковыми играми” и приглашать на них эллинов, поскольку совершенные божеством благодеяния касаются их всех»². Понятие *στεφανίτης*, которое мы переводим как «венковые», подразумевает награждение победителей венками, и такой эпитет применяется по отношению к самым значимым празднествам, и в первую очередь — общеэллинским. Например, в эпиграфике можно встретить его употребление в контексте Ликей³, также его регулярно используют античные авторы (см., например, Пифийские игры: Paus. 10. 7. 5; Strabo 9. 3. 10; Олимпийские игры: Strabo 8. 3. 30; см. также Лус. *Contr. Leokr.* 1. 51.; Xen. *Mem.* 3.7; Plut. *Lyc.* 22. 4., etc.). Употребление в этом контексте *καὶ τοὺς Ἕλληνας εἰς ταῦτα*

¹ Herzog 1905, 979 = *IG* XII 4, 1, 153 = *Milet* VI 3 1052 = *Syll.*³ 590.

² *IG* XII 4, 1, 153, 18–25.

³ *Syll.*³ 402, 15; *IG* II³, 1 1184; см. также: Robert 1940, 118; Woodward *et al.* 1928, 58–65.

παράλαμβάνειν указывает на то, что приглашение иностранцев было одним из ключевых аспектов «венковых» игр.

Важно отметить то, что скорее всего такие изменения не могли происходить без божественной санкции, о чем свидетельствует обращение к оракулу Аполлона: τοῖς ἐξηγηεῦμένοις χρημοῖς. Это подтверждает аналогичный пример из Магнесии на Меандре: граждане полиса обращаются к оракулу для того, чтобы объявить празднества в честь Артемиды Левкофрины «венковыми» играми⁴.

Датировка надписи из Коса вызвала продолжительную дискуссию среди исследователей. По палеографическим особенностям первоиздатель предложил датировать ее второй половиной III в. до н.э., считая середину века более предпочтительной датой; это гипотезу поддержал А. Вильгельм, но впоследствии раскритиковал А. Рем⁵. Это связано с тем, что такой шрифт мог использоваться в лапидарных надписях продолжительное время, в то время как сам Рем предполагает более позднюю датировку на основании просопографии. В тексте упомянуты имена двух послов: πρεσβεῦται αἰρέθη[σαν] Δημοσθένης Ἐργίνου, Σῆμος Ἀριστοφῶντος⁶. Оба также упоминаются в милетских надписях, первая из которых относится к первой четверти II в. до н.э., а вторая — к 205/4 г. до н.э.⁷ Наиболее достоверную датировку дает вторая надпись, поскольку в первом случае имя Δημοσθένης сохранилось без патронима и вполне возможно, что такое восстановление может быть ошибочным⁸.

Исследователями предпринимались попытки уточнить эти датировки на основании других надписей. Т. Клее один из первых сопоставил данный текст с декретом об установлении исополитии с Селевкией (Траллами) 212/211 г. до н.э., в котором упоминаются регулярные процессии в Дидимы, но при этом никак не обозначены регулярные игры: ἐψηφισμένοι [εἰσὶ πέμπειν θε]ῶρους τοὺς συντελέσοντας καθ' ἑκάστον ἔτος ποιητῇ, «голосованием было постановлено посылать теоров для

⁴ καὶ τῶν ἄλλων ἀ[γ]ώνων τὴν ἀρχὴν μὲν ἐπ' ἀργυρίῳ τε/θέντων, χρόνῳ δὲ ὕστερον διὰ χρημοὺς στεφαν[ι]τῶν γυγ[ο]ν/γόντων, «и других соревнований в начале установленных как игры с призовыми деньгами, а затем ставших по прорицанию «венковыми» (*I. Magnesia* 16 = *Syll.*³ 557, 6–10, 22–24); подробнее об играх Магнесии см. Kern 1901, 491–496; Ebert 1982, 198–216.

⁵ Herzog 1905, 983–984; Rehm 1958, 278; Сам Херцог впоследствии признал, что датировка последней третью III в. до н.э. более вероятна.

⁶ *IG* XII 4, 1, 153, 45–46.

⁷ *Milet* I 3, 151, 23; 147, 96; Günther 2017, 178, Δημοσθένης Ἐργίνου; 556, Σῆμος Ἀριστοφῶντος. Общая хронология надписей Милета и Дидим, разработанная А. Ремом, оспаривалась Э. Кавеньяком. Его позиция основывалась на противоположной трактовке двух спорных моментов в списке стефанофоров (год стефанофората Александра Великого и год, когда в одной строке записано 2 имени), а разница с хронологией Рема составляла несколько лет. Однако, во-первых, разрыв в датировках надписей конца IV–III в. до н.э. составляет всего один год, а во-вторых, до недавних пор позицию Кавеньяка поддерживал лишь П. Дж. Родс, а большинство исследователей придерживалось традиционной хронологии Рема. Поэтому в данной статье мы также будем придерживаться последней, учитывая при этом, что возможны небольшие отклонения. Подробнее см. Cavaignac 1924, 311–314; Rhodes 2006, 116.

⁸ Herzog 1905, 983–984.

совершения процессии каждый год»⁹. Он предположил, что трансформация Дидимей могла произойти между 212 и 200 г. до н.э. Вторая дата основывается на милетском декрете в честь Евдема 200/199 г. до н.э., создавшего школу, в котором говорится о предоставлении жертвенного быка на празднество Дидимей: οἱ παιδονόμοι πεμπέτωσαν τῷ Ἀπόλλωνι τῷ Διδυμεῖ βοῦν ὡς κάλλιστον ἐν τε τῇ πενθετηρικῇ τοῖς Διδυμείοις καὶ ἐν τοῖς ἄλλοις ἔτεσιν τοῖς βοηγίοις, «педономы пусть посылают Аполлону Дидимейскому самого прекрасного быка на Дидимей, проводящиеся каждые 5 лет, а в другие годы на боэгии»¹⁰. Рем, основываясь на этой надписи, считает, что трансформация празднеств произошла около 200 г. до н.э.¹¹ Он указывает на то, что выражение πενθετηρικῇ τοῖς Διδυμείοις означает, что празднества проходили регулярно, как Олимпийские, Пифийские и другие, и соответственно здесь подразумеваются именно регулярные «венковые» игры, а не локальные. Связь именно с 200 г. до н.э. необходима ему для подтверждения гипотезы относительно датировки надписи *I. Didyma* 475. Это список посвящений в храм Аполлона Дидимейского, о котором мы будем говорить ниже. Рем считает, что он связан с проведением ок. 100 г. до н.э. юбилейных игр¹². Однако сразу отметим, что его размышления спорны, поскольку строятся в первую очередь на допущениях. Что касается πενθετηρικῇ τοῖς Διδυμείοις, то мы не знаем, с какой регулярностью Дидимей проводились до изменения их статуса, поэтому опора на это свидетельство может показаться сомнительной. Однако вкуче с данными просопографии можно довольно уверенно сказать, что декрет относится к концу III в. до н.э.

На наш взгляд, приведенная выше гипотеза Клее со всеми оговорками может дать нам *terminus post quem* и *terminus ante quem*, однако гипотеза Рема недостаточно убедительна для однозначной датировки. Предположение Рема основывается исключительно на упоминании игр, но их признание общеэллинскими могло произойти и за несколько лет до этого. Его же рассуждения о столетнем юбилее Дидимей строятся исключительно на допущениях и не подтверждаются однозначно датированными памятниками. Важно также отметить, что впоследствии надписи этого периода были убедительно передатированы М. Вёррле, который показал неточности в датировке списка стефанофоров этого периода Ремом, основываясь на подобных списках из Гераклеи на Латмосе и договорах между Милетом и Гераклеей, и Милетом и Магнесией на Меандре¹³. Исходя из его рассуждений, датировка первой надписи — 218/217, а второй — 206/205 г. до н.э., поэтому сам временной промежуток, когда могла произойти трансформация игр в Дидимах, удревняется.

Более продуктивной, на наш взгляд, можно считать гипотезу К. Ригсби. Анализируя датировки надписей Коса в соответствии с косским календарем, он приходит к выводу, что в датировочной формуле данной надписи резчик допустил ошибки, перенося текст на камень. На камне мы можем увидеть

⁹ *Milet* I 3, 143A, 10; Klee 1918, 73, n. 1.

¹⁰ *Milet* I 3, 145, 69–71; о боэгии подробнее см. Fontenrose 1944, 291–304.

¹¹ Rehm 1958, 278.

¹² Rehm 1958, 278.

¹³ Подробнее см. Wörle 1988, 431–437.

следующую запись: ἐπὶ Ἰλοκράτεως μηνὸς Ἀρτεμιτίου¹⁴. Ригсби строит свою аргументацию следующим образом: во-первых, месяц в милетском календаре называется Ἀρτεμισίων. В тексте мы видим форму Ἀρτεμιτίου, что может быть связано с местным дорийским названием месяца — Ἀρταμίτιος. Из-за ошибки резчика мы получили смешение этих двух названий: на конце *tau* вместо *sigma*, но без дорийской *alpha*, а с *epsilon*ном в соответствии с милетским произношением. Во-вторых, Ригсби считает, что резчик ошибся в имени эпонимного магистрата. Поскольку до нас дошли списки милетских стефанофоров конца III в. до н.э., нам есть с чем сопоставить эту надпись, однако в это время в них не встречается имя Ἰλοκράτης. Ригсби предполагает, что резчик по ошибке записал более привычное для него Ἰλοκράτεως вместо Ἰλικράτους, стефанофора Милета в 218/217 г. до н.э.¹⁵ В итоге датировочная формула в начале должна быть записана следующим образом: ἐπὶ (Ἐ)π(ι)κράτ(ε)ως, μηνὸς Ἀρτεμ(σιῶνος)¹⁶. С одной стороны, это косвенно подтверждается наличием других ошибок в тексте, а также объясняет одну *nu* в имени, где их должно быть две¹⁷. Но, с другой стороны, насколько было допустимо, чтобы резчик сделал в одном имени сразу три ошибки? Возможно, в данном случае это было не столь существенно, потому что речь идет о магистрате чужого полиса. Важно отметить, что гипотеза Ригсби не противоречит другим памятникам и датировкам эпонимных магистратов — «монархов» самого Коса¹⁸. Поэтому, на наш взгляд, однозначно можно говорить о создании декрета ок. 218–210 гг. до н.э., но предположение Ригсби о 218/217 г. до н.э. кажется возможным¹⁹. Проведение же первых общеэллинских игр в Дидимах Ригсби считает вероятным спустя два года после Олимпийских, поэтому они могли выпасть на 215 г. до н.э.²⁰

Мы также знаем, сколько заняли по времени подготовка и само посольство, поскольку в ответном декрете сохранилась датировка собрания, на котором послы выступили перед жителями Коса: ἐπὶ Φιλίνου νομηνῆαι μηνὸς Ὑακινθίου²¹.

¹⁴ IG XII 4, 1, 153, 1; Ἰλοκράτεως — такая форма род. п. характерна для местного диалекта из-за сужения ο > υ; подробнее см. Bechtel 1923, 562.

¹⁵ Rigsby 1996, 174–176; 2010, 155–157.

¹⁶ Исправление дано по Ригсби; на наш взгляд, возможна запись: ἐπὶ (Ἐ)π(ι)κράτεως, μηνὸς Ἀρτεμ(σιῶνος), поскольку сужение ο > ι было возможно и в ионийском диалекте: см., например, Bechtel 1963, 140.

¹⁷ Помимо, например, диттографии в строках 5–6: ΠΑΝΗΓΥΡ|ΡΕΙΣ и 14–15: ΚΑΘΙ|ΠΕΡΩΣΙΝ в 45 строке надписи мы встречаем форму αἰρέθησαν вместо привычно используемой в Милете формы койне ἡρέθησαν из-за влияния дорийского диалекта; подробнее см. Herzog 1905, 983.

¹⁸ Habicht 2000, 309, 328.

¹⁹ В переиздании текста декрета в третьей части надписей Милета В. Гюнтер дает более осторожную датировку ок. 210 г. до н.э., указывая *terminus post quem* — 218/217 и *terminus ante quem* — 206/205 г. до н.э. см. *Milet* VI 3 1052; если принимать датировку Ригсби как верную, то декрет об исполнении с Селевкийей был все равно принят до установления панэллинских игр, поскольку он датируется первым месяцем в году — Тауреоном, а декрет об играх последним — Артемисием, см. Samuel 1972, 114–115.

²⁰ Rigsby 2010, 157.

²¹ Herzog 1905, 982.

Зная, что милетский месяц Артемисий выпадает на март—апрель, а косский Гикаинф на июнь—июль, можно предположить, что само посольство заняло около 60 дней. Нам точно не известно, сколько дней проходила подготовка, однако разница может быть связана и с тем, что народное собрание на Косе, как это было распространено в этот период, собиралось два раза в месяц и посольство прибыло сразу после завершения одного, и пришлось ждать следующего²².

В надписи зафиксировано, что на тот момент сами милетяне регулярно проводят игры в Дидимах: ἐπειδὴ τοῦ δήμου κατὰ τὰ πάτρια τὰς τε πανηγύρεις καὶ τοὺς ἁγῶνας συντελοῦντος ἐν Διδύμοις τῷ Ἀπόλλωνι τῷ Διδυμεῖ..., «так как народ по обычаю предков проводит празднества и соревнования в Дидимах в честь Аполлона Дидимейского»²³. Точное время формирования Дидимей определить довольно сложно, однако сохранилось свидетельство, которое позволяет предположить, что это произошло не позднее 300/299 г. до н.э. К этому времени относится почетный декрет в честь Антиоха, в котором ему предоставляется право проэдрии на соревнованиях в Дидимах²⁴.

На наш взгляд, стелу с Коса можно рассматривать как пример своего рода «пропаганды» культа Аполлона Дидимейского, целью которой было привлечение максимально широкого круга почитателей к культу. Само слово мы берем в кавычки, подразумевая под ним целенаправленную активность по привлечению новых почитателей к культу Аполлона.

Если говорить о структуре декрета, то его можно разделить на две части: первая — обоснование для трансформации праздника, а вторая — само постановление об отправке послов к потенциальным участникам игр и их прибытие на Кос²⁵. К сожалению, не сохранилось ни одного схожего послания к другим полисам, поэтому трудно предположить, насколько была вариативна вторая часть в зависимости от адресата.

В первой же части фиксируются важные обоснования сакральности Дидим, а также самого полиса. Во-первых, милетяне считают, что именно здесь произошло соитие Зевса и Лето: τῆς τε πόλεως καὶ τῆς χώρας καθιερωθείσης διὰ τὴν ἐν τῷδε τῷ τόπῳ Λητοῦς καὶ Διὸς μεῖξιν, «из-за того, что и город, и земля признаны священными благодаря соитию в этом месте Лето и Зевса»²⁶. Р. Херцог резонно указывает, что Дидимам как одному из самых значительных святилищ Аполлона в Греции так или иначе было необходимо связать свою историю с мифами о происхождении и детстве Аполлона, чтобы добавить себе значимости. Местом

²² Samuel 1972, 114–115; Bosnakis, Hallof 2005, 239–240.

²³ IG XII 4, 1, 153, 4–8.

²⁴ I. Didyma 479 = OGIS 213, 36–38; Подробнее об играх в этой надписи см. Haussoullier 1900, 245–248; Fontenrose 1942, 173–174; 1988, 68; BE 1946–1947, 349; Rehm 1958, 283.

²⁵ В декрете эта санкция выражена следующим образом: δεδόχθαι τῇ βουλῇ ἐλέσθαι πρεσβευτὰς πρὸς Κώιους φίλους καὶ συμμάχους ὑπάρχοντας τοῦ δήμου, τοὺς δὲ αἰρεθέντας ἀφικομένους ἀπολογίσασθαι περὶ τῶν διὰ τοῦ μαντείου γεγονότων τοῖς βασιλεῦσι καὶ τοῖς ἄλλοις Ἑλλήσι..., «пусть будет постановлено советом избрать послов к косцам, друзьям и союзникам народа, а избранные по прибытии расскажут о совершившемся по порицанию для царей и всех эллинов...», см. IG XII 4, 1, 153, 25–30.

²⁶ IG XII 4, 1, 153, 8–10.

его рождения уже был определен Делос, местом его первого подвига — убийства Пифона — являлись Дельфы. Поэтому Дидимам ничего не оставалось, кроме как стать местом его зачатия²⁷. Его мнение поддерживают большинство исследователей²⁸. Бытование этого мифа среди милетян также подтверждает вотивная статуэтка сидящей божественной пары архаического времени, вероятно, Зевса и Лето²⁹. Однако такого рода свидетельств сохранилось мало, поэтому проследить корни этого мифа довольно трудно. Но, безусловно, милетяне хотели закрепить Дидимы в тройке важнейших святилищ Аполлона, и данный декрет служит ярчайшим примером их пропаганды среди других эллинов.

Еще одно важное обоснование сакральности места — это наличие оракула в Дидимах и его прорицания: ...καὶ τὰς τοῦ θεοῦ μαντείας, ἐξ ὧν ἔθνη τε οὐκ ὀλίγα καὶ πόλεις καὶ τῶν βασιλέων οἱ τετευχότες τῶν μεγίστων <διὰ> τῆς παρὰ τοῦ θεοῦ συμβουλίας τὴν τε καθιέρωσιν καὶ τὴν ἀσυλίαν ἀνηγόρευσαν ἀπαράκλητοι αὐτοί..., «...и из-за пророчеств бога, благодаря которым и немалое количество народов, и города, и цари, получившие величайшую (помощь) благодаря советам со стороны бога, сами объявили посвящение и право убежища...»³⁰. В тексте специально подчеркивается, что к Дидимейскому оракулу обращались другие эллины, представители разных народов и цари. Самым важным здесь можно считать именно последнее упоминание, поскольку ряд исследователей связывает дарование Дидимам права асии с именем Селевка II³¹. Дидимы имели весьма тесные связи с династией Селевкидов: ее представители оказывали регулярные благодеяния святилищу и городу (особенно Селевк I и Антиох I), первые Селевкиды объявляли о своем происхождении от Аполлона Дидимейского³². Отметим, что до нашего времени за редкими исключениями практически не сохранилось оригинальных прорицаний (полулегендарный оракул для Селевка I о его возвращении в Европу — исключение)³³, которые давались эллинистическим царям, однако мы встречаемся с упоминаниями о них. Само понятие συμβουλία довольно часто употребляется в контексте дивинации Дидимейского оракула еще начиная с Геродота (Hdt. I. 157)³⁴. Однако стоит обратить внимание на то, что в тексте Селевкиды не называются напрямую. На наш взгляд, это связано со сложной политической ситуацией, в которой Милет находился в III в. до н.э. Город попадал в сферу влияния разных династий: переходил из-под контроля Селевкидов под контроль

²⁷ Herzog 1905, 988–989.

²⁸ Günther 1971, 100–107; Fontenrose 1988, 110; Somolinos 1991, 236–237.

²⁹ Tuchelt 1970, 192; о распространении культа Лето подробнее см. Avram 2009, 305–314.

³⁰ IG XII 4, 1, 153, 10–16; про синтаксис в этом фрагменте см. Herzog 1905, 983; Wilamowitz-Moellendorff 1914, 96; Somolinos 1991, 234–238.

³¹ Günther 1971, 81–85; Ригсби считает, что право асии было даровано святилищу позднее, см. Rigsby 1996, 176.

³² I. Didyma 479, 480; Günther 1971, 23–50.

³³ Традиция сохранила сведения о двух оракулах, изреченных для Селевка: μή σπεῦδ' Εὐρώπηνδ'. Ἀσίῃ τοι πολλὸν ἀμείνων, «не торопись в Европу. Азия для тебя намного лучше» (App. Syr. 56) и Ἄργος ἀλευόμενος τὸ πελρωμένον εἰς ἔτος ἤξει; εἰ δ' Ἄργει πελάσας, τότε κεν παρὰ μοῖραν ὄλοιο, «избегая Аргоса, ты достигнешь назначенных лет. А если к Аргосу приблизишься, тогда вопреки судьбе ты погибнешь» (App. Syr. 63).

³⁴ Haussoullier 1920b, 273.

Птолемеев и Антигонидов; и это не могло не отразиться на политике милетян. Эпиграфические памятники свидетельствуют о посвящениях как со стороны Селевкидов (особенно здесь важен обширный список посвящений от Селевка I), так и Птолемеев, а в последующие эпохи и других эллинистических правителей³⁵. На наш взгляд, в данной ситуации милетяне искали покровительства у разных эллинистических династий и в том числе стремились привлечь средства на строительство нового храма в Дидимах.

Некоторые исследователи ошибочно указывают, что с момента принятия декрета религиозный праздник получил название τὰ Μεγάλα Διδύμεια³⁶. В самом декрете это сочетание не встречается, во всех синхронных надписях всегда речь идет о «Дидимеях», в то время как название «Великие Дидимеи» встречается уже только в римских надписях II–III вв. н.э.³⁷ Поэтому, на наш взгляд, в данном декрете идет речь исключительно о трансформации праздника в «венковые игры» и о повышении его статуса, а не об изменении его названия.

Практически не сохранилось оракулов, адресованных к представителям других полисов и народов в предшествующий период, поэтому проследить изменение частоты обращений или происхождения вопрошающих не представляется возможным. Однако до нас дошло несколько синхронных надписей, которые говорят о признании игр в Дидимах. Помимо самой надписи с Коса, обратная сторона которой четко показывает желание жителей острова принять участие в Дидимеях, до нас дошел проксенический декрет из Олимпии второй половины III в. до н.э. с упоминанием посланников на игры в Дидимах: ὅλωρ δοθῆαι τοῖρ θεαροῖρ τοῖρ ἐμ Μίλητον ἀποστελλομένοιρ ποτὶ τὰν θυσίαν καὶ τὸν ἀγῶνα τῶν Διδυμείων, «чтобы предоставил [средства] послам, отправленным в Милет на праздник и соревнование в Дидимах»³⁸. Другой пример — это фрагмент каменной стелы из Апреты на Крите, обнаруженной М. Гвардуччи. Л. Робер, по мнению большинства исследователей, сумел правильно скорректировать дополнения в тексте первоиздателя и связать памятник с установлением общеэллинических игр в Дидимах. В этом документе речь идет о признании игр в Дидимах, а также права асии и священности дидимейской земли³⁹.

Надо отметить, что Дидимы — это не единственный пример подобной трансформации локального праздника в общеэллинические игры. Еще Виламовиц обратил внимание, что примерно в это же время жители Магнесии на Меандре устанавливают общеэллинический праздник Левкофрины, о котором мы уже упоминали

³⁵ *I. Didyma* 424, 115, 218 II, 469, 473.

³⁶ Somolinos 1991, 235.

³⁷ См., например, *I. Didyma* 162, 163; 164 etc.

³⁸ *I. Olympia* 39 = Michel Recueil 197 = *DGE* 425, 35–40; Herzog 1905, 985; Robert 1929, 153, n. 2; Günther 1971, 104, n. 19.

³⁹ Текст первоиздателя: [— — —]εν . α[— — —]δινυ[.] / [— — —]αγ καὶ τὰς γὰρος ἱερὰς / [— — —] Ἀπόλλωνος τοῦ Διδυμέως καὶ εἰη / [— — —] Λακεδ]αιμονίῳ προνοίαι καὶ τῶν / [— — —] καὶ π[ολ]έμ[ω] καὶ εἰράνας καὶ / [— — —] (*I. Cret.* II 3. 16). Робер предлагает следующие конъектуры: [τὰν πόλιν καὶ τὰς χώρ]αγ καὶ τὰς γὰρος ἱερὰς и [τῶν τοῦ δ]αιμονίῳ вместо [Λακεδ]αιμονίῳ. Подробнее см. Robert 1940, 113–114.

ранее⁴⁰. Однако если раньше считалось, что такой переход в Магнесии был раньше, чем в Милете, то после пересмотра текста и датировки декрета об установлении общеэллинских игр в Магнесии считается, что в Милете это событие произошло раньше⁴¹. В самой Магнесии в отличие от Милета были обнаружены записи ответных декретов из тех полисов, к которым были отправлены послы и в соответствии с которыми граждане принимали приглашения на игры⁴².

Сам Виламовиц делает вывод о том, что в эпоху эллинизма тенденция учреждать общеэллинские игры была характерна для всей Малой Азии. Фрагментарная источниковая база не позволяет подтвердить эту гипотезу большим количеством примеров, однако, безусловно, наиболее значимые святилища в регионе стремились к этому⁴³.

В случае с Дидимами, вероятно, также важную роль играл фактор строительства нового храма. Эллинистический храм Аполлона Дидимейского общепризнанно считается одной из самых грандиозных построек этого времени в Малой Азии. У нас есть сведения о ходе строительства благодаря сохранившимся надписям. К сожалению, архив «отчетов о строительстве» неполный: какие-то надписи сохранились лишь фрагментарно, а за многие периоды времени их не сохранилось вообще. Но сохранились отчеты, относящиеся к последней четверти III — второй четверти II в. до н.э. Два важных отчета выпадают на 224/223 и 223/222 г. до н.э. Если соотнести их с упомянутой выше гипотезой Ригсби, то можно сделать вывод о возобновлении активного строительства незадолго до момента, когда Дидимеи стали общеэллинскими⁴⁴. Вполне возможно, что, расширяя круг участников праздника, милетяне предполагали привлечь дополнительные средства на строительство храма со стороны внешних почитателей. А в случае, если бы строительство удалось завершить, это бы повысило статус и полиса, и святилища в глазах других участников игр.

Также нужно сказать, что образ Аполлона Дидимейского засвидетельствован и в монетной чеканке Милета. Самая ранняя такая серия относится еще ко второй половине IV в. до н.э. Известно несколько гемидрахм, на аверсе которых изображено лицо Аполлона, а на реверсе — лев, смотрящий на звезду, и легенда: ΕΓ ΔΙΔΥΜΩΝ ΙΕΡΗ. Уникальность этой серии, а также малое количество экземпляров часто трактуется как признак того, что такие монеты использовались в первую очередь как памятный знак⁴⁵.

Однако для нас более интересным в данном случае представляется другой монетный тип. Это бронзовые монеты, относящиеся к более позднему периоду. Б. Депперт-Липпитц, издатель каталога милетских монет эллинистического времени, изначально датировала их временным промежутком 39—17 гг. до н.э. Однако Ф. Киннс в своей рецензии на это издание подверг такую датировку критике, показав, что Депперт-Липпитц смешала воедино две монетных серии: одну конца I в. до н.э. и вторую,

⁴⁰ *I. Magnesia* 16 = *Syll.*³ 557.

⁴¹ Ebert 1982, 198—216.

⁴² *I. Magnesia* 37, 47, 48, 49, 54 etc.

⁴³ Wilamowitz-Moellendorff 1914, 96.

⁴⁴ См., например, *I. Didyma* 26, 27, 29, 31. Подробнее о строительных надписях и ходе строительства см. Rehm 1958, 13—14; Haussoullier 1919, 175—226; 1920a, 31—72, 1920b, 248—277; 1925, 5—20; 1926, 125—152; Günther, Prignitz 2016, 157—175.

⁴⁵ BMC Ionia, Miletus 51—52; Deppert-Lippitz 1984, 17; Kraay 1976, 258.

которую Киннс датирует ок. 200 г. до н.э. Свою датировку он аргументирует тем, что в легенде монет второго типа встречаются имена магистратов, которые засвидетельствованы в легендах других монет конца III — начала II в. до н.э., например ΒΑΣΙΛΕΙΔΗΣ. Также несколько таких монет было найдено в монетном кладе на Калимносэ этого времени⁴⁶. Такой же хронологии придерживается Х.Р. Балдус в издании монет, найденных в Дидимах в ходе раскопок 1962–1998 гг. На реверсе таких монет изображается лежащий лев со звездой и именем ответственного магистрата (например, ΑΙΣΧΥΛΙΝΟΣ, ΑΥΤΟΚΡΑΤΗΣ и др.), а на аверсе отчеканена монограмма города «ΜΙ» и статуя Аполлона Дидимейского работы Канаха в профиль с луком в одной руке и оленем в другой (Paus. I. 16. 3; VIII. 46. 3). Датировка надписи с Коса и этой монетной серии очень близки, что позволяет предполагать существование в этот период общей политики, в рамках которой Аполлон Дидимейский приобрел важнейшее значение в религиозной пропаганде города⁴⁷.

Если говорить о самих играх, то они проходили к югу от храма, где предположительно располагался древний стадион. Он был ок. 15 м в ширину, а ступени южной стороны храма использовались как места для зрителей. Многие из них до сих пор хранят надписи с I в. до н.э. по I в. н.э. с именами тех, для кого они были предназначены⁴⁸.

До нас дошло лишь несколько вотивных надписей, фиксирующих соревнования эллинистического периода, поэтому реконструкцию их списка можно проводить скорее на основании более подробных и многочисленных почетных надписей римского времени. Однако уже в это время упоминается борьба (παῖδας πάλην) кулачные бои среди юношей и мужчин (πυγμῆν παῖδας καὶ ἄνδρας), а также бег (μακρὸν δρόμον)⁴⁹. Важно отметить, что игры в Дидимах подразумевали как физические, так и театральные состязания⁵⁰.

Последние вызывали вопросы у исследователей, поскольку не было ясно, где они проводились⁵¹. Однако раскопки 2010-х годов к юго-востоку от храма позволили обнаружить театр греческого типа, построенный на рубеже I–II вв. н.э. Отсутствие постоянного поселения в Дидимах дает нам возможность предположить, что он предназначался именно для Дидимей⁵².

Несколько надписей косвенно позволяют предположить расширение сферы влияния Дидим после провозглашения Дидимей общеэллинистическими. Так, в декрете из Малы первой половины II в. до н.э., найденном Филиппом Леба среди руин храма Диониса в Теосе на Крите, описывается как теосцы обращаются за признанием неприкосновенности своей земли к оракулу не только в Дельфах, но и в Дидимах⁵³.

⁴⁶ Kinns 1986, 253–254; *IGCH* 1351.

⁴⁷ Deppert-Lippitz 1984, 118–119; № 941–1028; Taf. 30–32; Kinns 1986, 252–255, 260; Baldus 2006, № 140–149; Strocka 2002, 98.

⁴⁸ Knackfuss 1941, 140–141; Rehm 1958, 97–103.

⁴⁹ *I. Didyma* 77a; 95a; 97a; 97b; 104aII.

⁵⁰ *I. Didyma* 161–201; Robert 1949, 117–125; 1959, 663–664; 1960, 441–449; 1968, 573–575.

⁵¹ Fontenrose 1988, 71.

⁵² Bumke *et al.* 2015, 125–136.

⁵³ ὑπὲρ τε τοῦ εἶναι ἱερὰν καὶ ἄσυλον τὴν χώραν αὐτῶν, ὃ] συνέστησαν διὰ τε τῶν χρησῶν [ν τῷ Ἀπόλλωνος τῷ ἐν] Δελφοῖς καὶ ἐν Διδύμοις..., «о том что их земля — священная и неприкосновенная, что подтвердили прорицаниями Аполлона и в Дельфах,

Надпись с упоминанием Лоха, сына Лоха, обнаруженная на Косе, свидетельствует об обращении к Аполлону Дидимейскому перед тем, как сделать посвящение Аполлону Делосскому (Сегре датирует эту надпись I в. до н.э.)⁵⁴. Безусловно, нельзя связывать каждое обращение такого рода к Дидимейскому оракулу непосредственно с праздником и играми. Однако более ранних свидетельств обращения граждан других полисов к оракулу в Дидимах не сохранилось, поэтому можно предположить, что популяризация Дидимей могла привлечь сюда новых почитателей.

Самым любопытным, на наш взгляд, среди такого рода свидетельств может послужить текст одного из списков посвящений, найденный в Дидимейском святилище. Датируется он концом II — началом I в. до н.э. Этот список интересен в первую очередь потому, что в нем упоминается большое количество посвящений иностранцев: там засвидетельствованы посвящения от представителей 15 греческих полисов, среди которых есть также жители Коса, а еще Милясы, Хиоса, Мирин, Халкиды, Кизика, Илиона, Мегалополиса, Халкидона, Иасоса, Смирны, Эрифр, Родоса и Клазомен, Алинды. В этом же тексте упоминаются посвящения от галатов, сына Птолемея и сына Антиоха (из-за отсутствия четкой датировки нельзя однозначно сказать, о каких представителях династии идет речь, но еще Оссулье предположил, что это Птолемей IX и Антиох VIII, IX или X). В тексте также упоминается посвящение от агонифетов, что позволяет напрямую его связать с играми Дидимей⁵⁵.

А. Рем выдвинул гипотезу, что данную надпись следует датировать 100 г. до н.э., а разнообразие посвящений связано со столетней годовщиной учреждения Дидимей. Рем стремится доказать, что учреждение «всеобщих» Дидимей произошло в 200 г. до н.э., а соответственно юбилейные празднества произошли сто лет спустя⁵⁶. Мы уже писали о сомнительности такой аргументации, отметим еще раз, что гипотеза Рема не опирается на списки стефанофоров Милета — самые надежные датирующие памятники для надписей полиса. Поэтому саму датировку следует принимать осторожно. Но очевидно, что спустя столетие Дидимам удалось укрепить свое положение в регионе и привлечь почитателей практически со всей Эгеиды.

Важно отметить, что присутствие представителей некоторых полисов, упомянутых выше, подтверждается нумизматическими находками из Дидим: в районе святилища были найдены монеты Смирны, Хиоса, Иасоса, Милясы и Коса, а также ряда других полисов, не упомянутых в цитируемой надписи. Большинство монет датируются эпохой эллинизма, хотя и относятся к разным периодам (в основном рубеж II—I в. до н.э., также конец III в. до н.э. и др.), но в любом случае это может говорить о росте значимости Дидим в эту эпоху⁵⁷. При этом если покровительство эллинистических царей

и в Дидимах...» (*I. Cret.* I 19. 2, 7–9); см. также Günther 1971, 83, n. 90; Fontenrose 1988, 187; Somolinos 1991, 245–246.

⁵⁴ Ἀπόλλωνι Δ[α]λίῳ Καλύμνας / μεδέοντι κατὰ χρησζμόν / Διδυμέως Λό[χ]ος Λόχου φύσι / δὲ Ξενοκρά[τ]ους..., «Аполлону Делосскому, владыке Калимны по прорицанию Дидимейского (Аполлона) посвятил Лох, сын Лоха, а по рождению Ксенократа...» (*I. Cos Paton* 60 = *IG XII,4* 2:532 = *Tit. Calymnii XXVIII* = *I. Cos Segre* (1993) EV 232, 1–4) cf. *Tit. Calymnii* 69, 151.

⁵⁵ Haussoullier 1902, 209–213; см. также *I. Didyma* 475.

⁵⁶ Rehm 1958, 277–278.

⁵⁷ Baldus 2006, № 21–22, 25–26, 32–36.

засвидетельствовано вполне ясно, то обращение к Аполлону Дидимейскому представителей других народов, упомянутое на стеле из Коса, прослеживается намного хуже. В качестве исключения можно назвать обращения эпохи архаики (Hdt. I. 46–47; I. 92; II. 159; Zenob. 5. 80). И именно в надписи *I. Didyma* 475 мы встречаемся с редким упоминанием посвящений негреческого происхождения.

Сохранилось также несколько упоминаний непосредственного участия жителей других полисов в строительстве храма, хотя их количество не позволяет делать каких-либо выводов о масштабах этой активности⁵⁸.

Обобщая все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что надпись с о. Кос — это важный пример «пропаганды» культа Аполлона Дидимейского в последней трети III в. до н.э. Синхронный нумизматический материал позволяет подтвердить, что его образ в этот период вновь становится одним из важнейших для религиозной и политической жизни, а празднество в святилище становится объектом притяжения для представителей других городов. При этом в самой надписи подчеркивается, что основанием для особого внимания должна стать не только мифологическая история места, но и активность оракула, а также проявленное благочестие по отношению к нему со стороны эллинистических правителей. Вероятнее всего таким образом милетяне хотели добиться того, чтобы святилище стало одним из важнейших религиозных центров в регионе. На это косвенно указывает как сам масштаб проекта эллинистического храма, так и возобновившееся строительство в этот период, о чем говорят эпиграфические материалы. К сожалению, источниковая база не позволяет нам поэтапно проследить активность других полисов на Дидимеях в эллинистический период, поскольку большинство дошедших надписей, чествующих победителей, относятся уже к римской эпохе. Однако эпиграфические и нумизматические данные косвенно говорят нам о том, что трансформация празднеств повлияла на распространение почитателей культа в Эгеиде.

Литература / References

- Avram, A. 2009: Epigraphie et histoire religieuse: le culte de Léo dans les cités de la Mer Noire. In: A. M. Fernández (ed.), *Estudios de epigrafía griega*. San Cristóbal de La Laguna, 305–314.
- Baldus, H. R. 2006: *Didyma*. Teil III: *Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchungen seit dem Jahre 1962*. Band 3: *Fundmünzen aus den Jahren 1962–1998*. Mainz am Rhein.
- Bechtel, F. 1923: *Die griechischen Dialekte*. 2. Band: *Die westgriechischen Dialekte*. Berlin.
- Bechtel, F. 1963: *Die griechischen Dialekte*. 3. Band: *Die Ionische Dialekt*. Berlin.
- Bosnakis, D., Hallof, K. 2005: Alte und neue Inschriften aus Kos II. *Chiron* 35, 219–272.
- Bumke, H., Breder, J., Kaiser, I., Reichardt, B., Weber, U. 2015: Didyma. Bericht über die Arbeiten der Jahre 2010–2013. *Archäologischer Anzeiger* 1, 109–172.
- Cavaignac, E. 1924: Les dékarchies de Lysandre. *Revue des études historiques* 90, 285–316.
- Deppert-Lippitz, B. 1984: *Die Münzprägung Milets vom vierten bis ersten Jahrhundert v. Chr.* Arau—Frankfurt am Main—Salzburg.
- Ebert, J. 1982: Zur Stiftungsurkunde der ΛΕΥΚΟΦΡΥΗΝΑ in Magnesia am Mäander. *Philologus* 126/1–2, 198–216.
- Fontenrose, J. 1942: Notes on Some Didymaeon Inscriptions. *University of California Publications in Classical Philology* 12/9, 173–174.

⁵⁸ *I. Didyma* 483; Günther 2001, 185–198.

- Fontenrose, J. 1944: The Festival Called Boegia at Didyma. *University of California Publications in Classical Archaeology* 1/2, 291–304.
- Fontenrose, J. 1988: *Didyma: Apollo's Oracle, Cult and Companions*. Berkley.
- Günther, W. 1971: *Das Orakel von Didyma in hellenistischer Zeit*. Tübingen.
- Günther, W. 2001: Spenden für Didyma. Zu einer Stiftung aus Naukratis. In: K. Geus, K. Zimmermann (eds.), *Punica-Libya-Ptolemaica. Festschrift für Werner Huss zum 65. Geburtstag*. Louvain–Paris, 185–198.
- Günther, W. 2017: *Inschriften von Milet*. Teil 4: *Eine Prosopographie*. (Milet, VI/4). Berlin–Boston.
- Günther, W., Prignitz, S. 2016: Ein neuer Jahresbericht über Baumaßnahmen am Tempel des Apollon von Didyma. *Chiron* 46, 157–175.
- Habicht, C. 2000: Zur Chronologie der hellenistischen Eponyme von Kos. *Chiron* 30, 303–332.
- Haussoullier, B. 1900: Les Séleucides et le temple d'Apollon didyméen. *Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes* 24, 243–271.
- Haussoullier, B. 1902: *Études sur l'histoire de Milet et du Didymeion*. Paris.
- Haussoullier, B. 1919: Inscriptions de Didymes. Classement chronologique des comptes de la construction du Didymeion. *Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes* 43, 175–226.
- Haussoullier, B. 1920a: Inscriptions de Didymes. Classement chronologique des comptes de la construction du Didymeion (Deuxième article). Le groupe de Ménodoros. *Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes* 44, 31–74.
- Haussoullier, B. 1920b: Inscriptions de Didymes. Classement chronologique des comptes de la construction du Didymeion (Troisième article). Les travaux de 176/175 a 172/71. *Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes* 44, 248–277.
- Haussoullier, B. 1925: Inscriptions de Didymes. Comptes de la construction du Didymeion. *Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes* 49, 5–20.
- Haussoullier, B. 1926: Inscriptions de Didymes. Comptes de la construction du Didymeion (Fin). *Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes* 50, 125–152.
- Herzog, R. 1905: Das panhellenische Fest und die Kultlegende von Didyma. In: *Seitzungsberichte der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften*. Berlin, 979–993.
- Kern, O. 1901: Magnetische Studien. *Hermes* 36/4, 491–515.
- Kinns, Ph. 1986: The Coinage of Miletus. *Numismatic Chronicle* 146, 233–260.
- Klee, Th. 1918: *Zur Geschichte der gymnischen Agone und griechischen Festen*. Leipzig.
- Knackfuss, H. 1941: *Th. Wiegand. Didyma*. 1. Teil: *Die Baubeschreibung in drei Bänden*. Berlin.
- Kraay, C.M. 1976: *Archaic and Classical Greek Coins*. London.
- Rehm, A. 1958: *Theodor Wiegand. Didyma*. 2. Teil: *Die Inschriften*. Herausgegeben von Richard Harder. Berlin.
- Rhodes, P.J. 2006: Milesian “Stephanephoroí”: Applying Cavaignac Correctly. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 157, 116.
- Rigsby, K.J. 1996: *Asylia. Territorial Inviolability in the Hellenistic World*. Berkeley.
- Rigsby, K.J. 2010: Cos and the Milesian Didymeia. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 175, 155–157.
- Robert, L. 1929: Notes d'épigraphie hellénistique. *Bulletin de correspondance hellénique* 53, 151–165.
- Robert, L. 1940: Deux inscriptions d'Aptera. *Hellenica* 1, 113–118.
- Robert, L. 1949: Un athlète milésien. *Hellenica* 7, 117–125.
- Robert, L. 1959: Rev.: Didyma. 2. Teil: Die Inschriften by Theodor Wiegand, Albert Rehm, Richard Harder. *Gnomon* 31/8, 657–674.
- Robert, L. 1960: Inscription de Didymes et de Milet. *Hellenica* 11–12, 440–489.
- Robert, L. 1968: Trois oracles de la Théosophie et un prophète d'Apollon. *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres* 4, 568–599.
- Samuel, A.E. 1972: *Greek and Roman Chronology: Calendars and Years in Classical Antiquity*. München.
- Somolinos, J.R. 1991: *Los oráculos de Claros y Didima*. Edición y comentario. PhD thesis. Madrid.
- Strocka, M. 2002: Der Apollon des Kanachos in Didyma und der Beginn des Strengen Stils. *Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts* 117, 81–125.
- Tuchelt, K. 1970: *Die archaischen Skulpturen von Didyma*. Berlin.
- Wilamowitz-Moellendorf, U. 1914: Milet III Das Delphinion. *Göttingische gelehrte Anzeigen* 176, 65–109.
- Woodward, A.M., Robert, L., Woodward, J.M. 1927–1928: Excavations at Sparta, 1924–28. *The Annual of The British School at Athens* 29, 1–107.
- Wörle, M. 1988: Inschriften von Herakleia am Latmos I: Antiochos III, Zeuxis und Herakleia. *Chiron* 18, 421–476.

DOI: 10.31857/S032103910021612-6

КАТИЛИНА И ЛОЗУНГ *TABULAE NOVAE*

Д. Д. Дымская

Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: cromwell@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-7222-8392

Часто считается, что во время своей предвыборной кампании 63 г. до н.э. Катилина использовал лозунг *tabulae novae*. В статье доказывается, что он не мог прибегнуть к такого рода агитации: поскольку он не был магистратом, то не имел права созывать *contio*, чтобы предложить *tabulae novae*, а даже если бы сам Катилина или кто-либо из его сторонников так сделал, это не принесло бы ему пользы, поскольку приходили на собрание обычно лишь обеспеченные люди, располагавшие временем, достатком и желанием посещать его. Кроме того, открытая агитация в пользу *tabulae novae* нанесла бы ущерб репутации Катилины в глазах правящей элиты, тогда как в его интересах было не раздражать этих людей. Поэтому представляется вероятным, что он мог в частном порядке пообещать своим друзьям известные преференции в случае своего избрания, но не более того. Что же касается сулланских ветеранов, то вполне возможно, что их голосами он заручился не потому, что пообещал им отмену долгов, а благодаря своим личным заслугам.

Ключевые слова: Римская Республика, *tabulae novae*, заговор Катилины, Цицерон

CATILINE AND THE *TABULAE NOVAE* SLOGAN

Dariya D. Dymskaya

Library of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

E-mail: cromwell@inbox.ru

Данные об авторе. Дарья Дмитриевна Дымская — кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела научной систематизации литературы Библиотеки Российской академии наук.

Автор выражает благодарность А.В. Короленкову и В.К. Хрусталёву за ценные рекомендации при работе над статьей.

It is generally assumed that Catiline used the slogan of *tabulae novae* during his electoral campaign in 63 BC. The paper argues that he could not resort to such an agitation: since he was not a magistrate, he had no right to call a *contio* to make a *tabulae novae* proposal and even if Catiline or any of his associates did so, this would not benefit him because only well-to-do people most likely had time and wealth to participate in assemblies. Moreover, public agitation for *tabulae novae* would harm Catiline's reputation in the eyes of the ruling elite while his best interest was not to get on their bad side. This is why it seems plausible that he could privately promise his friends certain advantages in case he got elected, but nothing beyond that. As for Sullan veterans, it is highly probable that Catiline secured their votes not with promises of cancellation of debts, but with his personal merits.

Keywords: Roman Republic, *tabulae novae*, Catilinarian conspiracy, Cicero

В научной литературе имя Катилины часто связывается с лозунгом *tabulae novae*, в связи с чем подробно исследовались различные социально-экономические аспекты политической борьбы 63 г.¹, в том числе долговая проблема как таковая. Мы же хотели бы предложить взглянуть на данный вопрос немного с другого ракурса и основное внимание уделить самому лозунгу. Кому именно обещал Катилина пресловутые *tabulae novae*, в какой форме и обещал ли вообще? Была ли эта идея одним из пунктов его предвыборной агитации в 63 г., как считают одни ученые², или частью программы заговора, как полагают другие?³ Чтобы в этом разобраться, рассмотрим в хронологическом порядке данные источников, на которые опираются сторонники названных гипотез, и начнем с версии о предвыборной агитации.

¹ Здесь и далее все даты — до нашей эры.

² При этом под *tabulae novae* часто понимается отмена долгов: Gelzer 1926, 1702; Cary 1932, 491; Livshits 1960, 121–122; Yavetz 1963, 492; Ramsey 2007, 109, 124; Yakobson 1999, 165 (ученый прямо не утверждает, но допускает такую возможность); Gruen 1995, 425; Rollinger 2009, 44–45 (исследователь уточняет, что скорее всего отмена долгов была не реальной программой Катилины, а просто политическим лозунгом, привлекательным как для народа, так и для влезших в долги *audaces iuvenes* — сыновей сенаторов, а также для отдельных сенаторов); Batstone 2010, 170; Scullard 2010, 93; Canfora 2011, 321; Schietinger 2017, 174; Berry 2020, 127. Однако есть и другая точка зрения, согласно которой речь шла лишь об изменении долговых условий: Gvozdev 1947, 34 (идея высказана, но доказательства не представлены). В зарубежной историографии данная гипотеза подробно обосновывается в статье А. Джованнини (Giovannini 1995, 15–32), и все разделяющие ее ученые лишь выражают согласие с его мнением: Kananack 2012, 149–150; Knopf 2018, 168, Anm. 380; Morstein-Marx 2021, 54. Э. Драммонд занимает осторожную позицию: с его точки зрения, неясно, являлись ли *tabulae novae* частью политической программы Катилины, а если да, то что он под этим подразумевал. В любом случае, с точки зрения ученого, если Луций Сергий или кто-либо другой делал подобные посулы, то это было не более чем попыткой извлечь выгоду из насущных проблем: Drummond 1999, 146.

³ Brunt 1971, 130; McGushin 1977, 149 (по мнению ученого, Катилина был первым, кто попытался ликвидировать долги не законодательным путем, а посредством вооруженного восстания); Barbieri 1994; Billows 2009, 95. Э. Грюэн и У. Бэтстоун полагают, что изначально Катилина использовал соответствующий лозунг в предвыборной агитации, а затем включил его в программу своего заговора: Gruen 1995, 429; Batstone 2010, 164.

В самый разгар скандала вокруг предполагаемого заговора Цицерон, перечисляя во второй Катилинарии разные типы должников, язвительно именует их «войском Катилины» (Cic. Cat. II. 17–20), но при этом замечает, что *tabulae novae* от Луция Сергия ждали лишь те из них, кто помимо больших долгов обладал еще большими владениями (eorum, qui magno in aere alieno maiores etiam possessiones habent), являя при этом *hominum species (est) honestissima*, но *voluntas et causa inpudentissima* (II. 18). Это наводит на мысль, что соответствующие обещания Катилины были адресованы представителям именно данной группы, что исключает возможность *широкомасштабной* агитации с привлечением данного лозунга с его стороны. Заметим, что и Цицерон ничего о ней не говорит, хотя если бы Катилина действительно *официально* выступил с подобным предложением, то оратор, очевидно, упомянул бы об этом, поскольку в сложившихся обстоятельствах такого рода обвинение прозвучало бы весьма выигрышно⁴.

О том, что Луций Сергий все же обращался к данной проблеме, мы узнаем из речи «В защиту Мурены». Оратор сообщает, что незадолго до выборов на 62 г. Катилина устроил у себя дома сходку (*contio domestica*⁵), на которой сказал присутствующим, «что никто не может быть преданным защитником обездоленных людей, кроме того, кто обездолен сам; что посулам благоденствующих и богатых людей пострадавшие и обездоленные верить не должны; поэтому пусть те, которые хотят возместить себе растраченное и вернуть себе отнятое у них, взглянут, как велики его долги, каково его имущество, какова его отвага; бесстрашным и неимущим должен быть тот, кто станет вождем и знаменосцем неимущих» (Cic. Mur. 50. Здесь и далее речи Цицерона цитируются в пер. В.О. Горенштейна). Примерно то же передает Саллюстий, только у него эта встреча происходит в 64 г. Катилина, пишет он, собрал в своем доме «тех, у кого были наибольшие требования и кто был наиболее нагл», а также «многих знатных людей, которых надежды на власть побуждали больше, чем отсутствие средств или какая-нибудь

⁴ Поскольку сразу же после должников оратор называет в числе сторонников Катилины братоубийц, головорезов и прочих сомнительных личностей (Cic. Cat. II. 22), смысл его обвинения, по-видимому, состоял не в том, что Луций Сергий пытался привлечь избирателей радикальными лозунгами, а в том, что голосовали за него одни негодяи. Тем самым Цицерон противопоставлял его приверженцев своей аудитории (которая, как подразумевалось, состояла из добропорядочных граждан, а потому была на стороне оратора) и отделял их от нее. Д. Берри использует этот аргумент для доказательства обратного: по его мнению, Катилина строил свою агитацию на обещании отмены долгов, а Цицерон об этом знал и потому решил изобразить сторонников *tabulae novae* в таком виде, чтобы слушатели не идентифицировали себя с ними, не сочувствовали им и не одобряли их: Berry 2020, 129. Однако в этом случае не вполне ясно, при чем здесь головорезы и братоубийцы, ибо о них не сказано, что они были заинтересованы в отмене долгов, а ведь Цицерон упоминает их единым списком сразу после должников.

⁵ Учитывая, что в римской политической практике термин *contio* служит для обозначения официальной сходки, которую созывает магистрат или полководец (и которая поэтому не может быть *domestica*), выражение Цицерона, по сути, является оксюморомом, призванным придать частной встрече, на которой обсуждались политические вопросы, видимость незаконного собрания заговорщиков: Tatum 2013, 146–147.

другая нужда» и знатных юношей, склонных к легкомысленному образу жизни (Sall. *Cat.* 17. 2–3. Здесь и далее пер. В.О. Горенштейна), и «посулил им отмену долгов, проскрипцию состоятельных людей, магистратуры, жреческие должности, возможность грабить и все прочее, что несут с собой война и произвол победителей» (Sall. *Cat.* 21. 2). Наконец, сходные сведения можно найти у Диона Кассия: после поражения на выборах на 62 г. Катилина «собрал со всего Рима людей самого низкого происхождения»⁶, как можно больше союзников, а также тех, кто всегда желал каких бы то ни было нововведений⁷ и пообещал им «отмену долгов и распределение земли и прочее, чем он в особенности надеялся их приманить» (Dio Cass. XXXVII. 30. 2). Очевидно, что во всех трех случаях говорится об одном и том же собрании, поэтому, несмотря на различные датировки⁸, логичнее всего было бы остановиться на версии Цицерона, т.е. датировать его сентябрем 63 г.⁹

Главное же существенное различие между сообщениями наших авторов состоит в том, что у Цицерона и Саллюстия Катилина обращается к равным, а у Диона уже имеет в виду интересы людей «низкого происхождения». Это можно было бы понять в том смысле, что Катилина созвал настоящую *contio*, а не *domestica*, но в действительности у него не было на то полномочий, ведь, как известно, созывать сходки мог только магистрат, а Катилина в 63 г. таковым не являлся. Теоретически это мог сделать, например, Лентул Сура, на тот момент действующий претор¹⁰, однако сведений о том, что он или кто-то из его сторонников так и сделал и пригласил Катилину выступить или сказал что-то подобное сам, в источниках не сохранилось. Дион Кассий, правда, пишет, что в первой половине 63 г. с инициативой отмены долгов выступил один из трибунов (Dio Cass. XXXVII. 25. 4)¹¹, но о том, что этот человек был каким-либо образом связан с Катилиной, ничего не известно.

⁶ Дион Кассий использует для характеристики этой публики слово *κακίστους* (подлейших), которое может означать как «дурных» людей, так и «низкого происхождения». Мы больше склоняемся ко второму варианту, поскольку «дурными» в моральном плане являются скорее те, кого Дион упоминает далее, т.е. люди, всегда жаждущие смуты.

⁷ Т.е. стремился к государственному перевороту.

⁸ Из-за того, что Саллюстий датирует встречу Катилины с единомышленниками иначе, Э. Драммонд считает ее описание у него фикцией: Drummond 1999, 146–147. Однако более вероятным представляется, что писатель просто изложил собственное видение того, о чем прочитал у Цицерона, а хронологию, как неоднократно указывалось в литературе, изменил в угоду литературным соображениям, что вообще характерно для его памфлета о Катилине (см., например, McGushin 1977, 155–156). То же отчасти можно сказать и о Дионе (см. в этой связи прим. 11).

⁹ Оратор указывал, что за день до выборов доложил об этой сходке сенату, в связи с чем было принято решение их перенести (Cic. *Mur.* 51). Выборы же обычно проводились в июле, но, возможно, в данном случае из-за вынесения *lex Tullia de ambitu* их пришлось отложить до конца сентября: Ramsey 2019.

¹⁰ Sall. *Cat.* 46. 5; Vell. Pat. II. 34; Dio Cass. XXXVII. 30.

¹¹ Э. Драммонд полагает, что это сообщение не стоит воспринимать всерьез: другими источниками оно не подтверждается и скорее всего было включено в изложение для того, чтобы придать ему симметрию: подобно тому как Катилине Дион приписал не встречающиеся в других источниках обещания распределения земли,

Впрочем, даже если бы Луцию Сергию удалось выступить самому, он все равно не смог бы заручиться широкой поддержкой, ибо регулярно участвовать в *contiones*, по всей видимости, могли только имущие классы, располагавшие необходимым для этого досугом и средствами. А в центуриатных комициях, где проводились консульские выборы, неимущие слои не определяли исход голосования¹². А. Якобсон, правда, доказывает, что в случае раскола элиты значение имели даже голоса пролетариев¹³, а Г.Ф. Шитингер отчасти принимает его теорию, оговаривая, что в таких условиях победа кандидата могла скорее зависеть от второго, третьего и четвертого классов¹⁴. Однако относительно участия низших классов Х. Моритсен резонно отмечает, что для этого раскол среди элит должен был быть весьма значительным, а это уже дело случая¹⁵, и представители низших классов никогда не могли предугадать, дойдет ли до них очередь при голосовании (о чем, кстати, говорит и Цицерон: *Mur.* 71; *Off.* II. 59)¹⁶. Так что даже если бы Катилина и мог провести среди них агитацию, смысла в этом было немного.

чтобы создать параллель с законопроектом Рулла, так и предложение трибуна в связи с *tabulae novae* он сделал параллелью к аналогичным посулам Катилины (адресованным, правда, его единомышленникам). Это нужно было для демонстрации того, что раздоры проникли в самое сердце римской политической системы, примером чего служил коллега Цицерона Гай Антоний, который, согласно Диону, сначала поддерживал законопроекты, сулившие большие перемены в политическом и экономическом *status quo*, а когда те не прошли, оказался вовлечен в заговор Катилины, желавшего добиться того же самого, но уже насильственным путем: Drummond 1999, 152–153. Как видно, доказательство Драммонда строится в первую очередь на отсутствии упоминания названных фактов в других источниках, и в случае с обещаниями Катилины дело обстоит именно так. Однако в том, что касается трибунских предложений, мы бы скорее согласились с Ф. Кнопфом, который находит их подтверждение в письмах Цицерона, где оратор хвастается тем, как ему удалось спасти заимодавцев (*Cic. Att.* II. 1. 11): Knopf 2018, 161–162. Правда, Кнопф относит сюда же и похожую по смыслу фразу из трактата «Об обязанностях» (II. 84), но думается, что в этом сочинении Цицерон скорее имел в виду восстание Манлия, о чем речь пойдет ниже.

¹² Mouritsen 2001, 40–44 (о зажиточных гражданах), 94–95 (о голосовании в центуриатных комициях).

¹³ Yakobson 1999, 51.

¹⁴ Schietinger 2017, 173.

¹⁵ В том, что касается позиции элит по вопросу долговой проблемы, весьма показателен пример *lex Valeria de aere alieno* (86 г.). Закон Валерия, позволявший выплачивать лишь четверть долга, был настолько беспрецедентной и непопулярной мерой, что Цинна не пожелал связать с ним свое имя, и провести его было поручено консулу Валерию Флакку, которого Веллей Патеркул называет из-за этого *turpissimae legis auctor* (Vell. Pat. II. 23. 2; Korolenkov 2020, 193–194). У Саллюстия Манлий говорит, что закон был принят «по желанию всех порядочных людей» (*Sall. Cat.* 33. 2: *volentibus omnibus bonis*), но поскольку эти слова вложены в уста мятежника, их, по-видимому, следует понимать в противоположном смысле: Korolenkov 2020, 193, прим. 114–115 (с литературой). Отсюда видно, что если так была воспринята мера, осуществленная действующим магистратом, то для кандидата было тем более рискованно выступать с подобными (или даже более радикальными) предложениями. Кроме того, отсутствие лозунга *tabulae novae* в предшествующее время говорит само за себя.

¹⁶ Mouritsen 2001, 95.

Следует также учитывать, что на решение избирателей влияли преимущественно личность кандидата и/или подкуп, а предлагать предвыборные программы было не принято, вследствие чего «популярские» деятели обычно заявляли о себе уже после занятия должности¹⁷.

Таким образом, остается заключить, что сообщение Диона Кассия представляет собой не рассказ о некоей сходке, созванной Катилиной с целью предвыборной агитации, а искаженное отражение данных Цицерона и Саллюстия о его *contio domestica*. Поскольку же все, что он тогда говорил, сообщалось в частном порядке и касалось только присутствовавших, очевидно, что речь могла идти лишь о некоторых личных предпочтениях, но уж никак не о *tabulae novae* для всех.

Г.М. Лившиц, правда, считает, что все эти обещания в действительности были предназначены для распространения и именно поэтому радикальная речь Луция Сергия, о которой писал Саллюстий (или упоминал оратор, выступая в защиту Мурены), получила широкую огласку¹⁸. Однако данная гипотеза вызывает сомнения: ведь даже если Катилина позволял себе высказывания, подобные тем, которые приписывают ему античные авторы, рассчитаны они были скорее на узкий круг друзей — не случайно Саллюстий пишет, что перед началом совещания Луций Сергий специально проверил, чтобы поблизости не оказалось лишних свидетелей (*Sall. Cat.* 20. 1)¹⁹. Да и распространять радикальные лозунги ему как раз было невыгодно, поскольку это могло серьезно повредить ему в глазах правящей группы нобилитета. Даже если Красс, который поддерживал заключивших союз Катилину и Антония на выборах на 63 г. (*Ascon. P.* 83 Cl.)²⁰, теперь отступился от одного из своих протеже и был больше заинтересован в том, чтобы консулом 62 г. стал Мурена, не стоило делать его и других могущественных кредиторов (а также Катула, с которым Катилину, по-видимому, связывала своего рода *amicitia*) своими врагами и тем самым ухудшать свои и без того не блестящие шансы на избрание.

Вышеизложенное позволяет заключить, что ни о какой широкомасштабной агитации в пользу *tabulae novae* среди *plebs urbana* (будь то лично или через посредников) речи не шло. Другьям, присутствовавшим на домашней встрече, Катилина мог похвастаться своими долгами просто для того, чтобы показать, что он

¹⁷ Mouritsen 2001, 92; Schietinger 2017, 174. В «Кратком наставлении по соисканию» *expressis verbis* сказано: *nec tamen in petendo res publica capessenda est neque in senatu neque in contione* (*Comm. pet.* 53). Известны и конкретные примеры: так, Помпей произносит речь политического характера уже *после* своего избрания в консулы (*Cic. Verr.* I. 44). Так же поступает и Марий у Саллюстия (*Sall. Jug.* 84. 1; 5). Сама речь арпината (*Sall. Jug.* 85. 1–50), разумеется, не подлинная, но в данном случае важно то, *когда* автор заставляет его ее произнести.

¹⁸ Livshits 1960, 122.

¹⁹ Даже если это и выдуманная деталь, она показывает, что, с точки зрения Саллюстия, Катилина не хотел, чтобы его слова слышали посторонние, т.е. писатель понимал, насколько дико звучат предложения, которые он вложил в уста своего героя.

²⁰ Вполне убедительной выглядит версия Г.Ф. Шитингера, который считает, что в 64 г. Красс поддерживал скорее Антония, а Катилину — просто «за компанию», из-за чего последний и стал основной мишенью цicerоновской *In toga candida*: Schietinger 2017, 168. Anm. 119.

такой же, как они, свой²¹, и пообещать какие-либо преференции в случае своего избрания, но не более того. Зато Цицерон, узнав о его словах через своих осведомителей (Sall. *Cat.* 23. 1–4; 26. 2–3; Plut. *Cic.* 14. 4), судя по всему, решил этим воспользоваться и не только позаботился о том, чтобы по Городу распространились пугающие слухи о будто бы радикальных намерениях Луция Сергия²², но еще и лично доложил о них сенату, чтобы как следует запугать *patres* (Cic. *Mur.* 50). Катилина же, когда ему предложили высказаться по этому поводу, в силу своего характера ответил довольно дерзко и тем самым только усугубил зарождавшиеся страхи (*Mur.* 51).

Мог ли он использовать лозунг *tabulae novae* для привлечения иной, более благодарной аудитории? В пользу этого предположения, казалось бы, говорят три обстоятельства: 1) по словам Аппиана, Катилина «рассылал своих людей к тем из сулланцев, которые растратили все те барыши, что они получили в результате насилий, бывших при Сулле, и теперь стремились к таким же насилиям» (App. *BC.* II. 2. 7. Пер. С.И. Ковалева); 2) сулланские ветераны и их жертвы из Арреция и Фезул, т.е. из северной Этрурии (Cic. *Mur.* 49; Plut. *Cic.* 14. 2), региона, жители которого находились в наиболее бедственном финансовом положении по сравнению с остальными²³, специально приезжали в Рим, чтобы за него проголосовать; 3) после его поражения в этой области вспыхнуло восстание под предводительством бывшего сулланского центуриона Гая Манлия, причем причиной

²¹ Э. Грюэн считает, что на самом деле Катилина не испытывал финансовых затруднений, поскольку именно это он писал Катулу (Sall. *Cat.* 35. 3). Саллюстий пытается уверить читателей в обратном (5. 7), но из его же повествования явствует, что даже накануне заговора у Катилины была хорошая кредитная история (24. 2): Gruen 1995, 420, п. 54. Данная гипотеза в силу ряда причин представляется нам неубедительной. Прежде всего, поскольку Катилина строил политическую карьеру, долги у него в любом случае были. То, что он уверяет Катулу в своей платежеспособности и оставляет на его попечение свою жену, которая как раз могла бы выплатить все его долги, наводит на мысль, что Катул мог быть одним из его кредиторов или поручителей, а потому в интересах Катилины было успокоить его и представить дело так, будто проблема не в долгах, а в уязвленном честолюбии — типично аристократическая мотивация, позволявшая ему в каком-то смысле сохранить лицо. На самом же деле так, как поступил Катилина, уехав к Манлию, поступают только отчаявшиеся люди, из чего следует, что ему, возможно, грозило банкротство. А банкротство, как пишет М. Фредериксен, означало политическую смерть, поскольку если неспособность заплатить была доказана в суде, за этим следовала *proscriptio bonorum*, а в большинстве случаев также и *infamia*: Frederiksen 1966, 128. Что же касается сообщения Саллюстия о финансовых проблемах Катилины, то соответствующие сведения он мог почерпнуть у Цицерона (Cic. *Mur.* 50).

²² В теории Катилина мог, например, высказаться на пиру с единомышленниками в том смысле, что было бы неплохо сжечь хранилище долговых обязательств, а впоследствии это могло быть истолковано как стремление поджечь Город.

²³ Ф. Сантанджело связывает это с тем, что в данной области колонизация началась позже, чем в Кампании (ибо военные действия там прекратились только в 79 г. после взятия Волатерр), местные жители были настроены к колонистам враждебно, а восстание Лепида 77 г., по-видимому, лишь усугубило ситуацию (App. *BC.* I. 107): Santangelo 2007, 183–186.

восстания послужили как раз долги и основным требованием Манлия к властям было разрешение этой проблемы (Sall. *Cat.* 33. 1). Учитывая, что представители *plebs rustica* обычно не так часто являлись в Рим на выборы, поскольку подобного рода путешествия были сопряжены с известными трудностями, логично предположить, что у них имелись веские причины, чтобы приехать туда ради Катилины. В итоге вывод о том, что Луций Сергий заманил их обещаниями *tabulae novae*, напрашивается сам собой. Именно в этом, по мнению Г.Ф. Шитингера, и состояло новаторство Катилины: отсутствие выдающихся предков и личных заслуг, которые имели важное значение для кандидата, он заменил политической программой и в большей степени, нежели другие, предпочел опереться на *plebs rustica*²⁴. Однако эта гипотеза представляется недостаточно убедительной, поскольку сельский плебс все же не мог быть прочной опорой — его явка могла сорваться по самым разным причинам.

На эту ситуацию можно взглянуть иначе, если обратиться к прошлому Катилины. По версии Б. Мауренбрехера, во время гражданской войны ему поручили ведение осады Пренесте и, когда это происходило, Катилина уже имел статус легата (Sall. *Hist.* I. 46 M: *Magnis operibus perfectis obsidium cepit per L. Catilinam legatum*). К. Цихориус выдвинул следующие возражения против этого положения: у Аппиана прямо сказано, что осадой Пренесте с самого начала руководил Квинт Лукреций Офелла (точнее, Афелла) (App. *BC.* I. 88. 402); за семь лет Катилина вряд ли смог бы из члена совета Помпея Страбона в 89 г. (*CIL* I² 709. 11) превратиться в легата; и, наконец, слова *obsidium coepit* предполагают, что в исходном тексте имелось описание осады, а потому данный фрагмент нельзя отнести к вступительному разделу первой книги «Истории» и скорее всего он относится к событиям после 78 г., описание которых начинается с фрагмента 1: M. Lepido Q. Catulo consulibus²⁵. А. Кивни и Дж. Страчан оспорили положения К. Цихориуса, показав, что семь лет не слишком большой срок и что Сулла мог своей властью назначить Катилину легатом. На основании изучения периихи 89-й книги Тита Ливия они сделали вывод, что Катилина скорее всего занимался осадой самнитского города Эзернии, который благодаря ему пал в 79 г.²⁶ Дж. Урсо разделяет их мнение относительно статуса Катилины как легата, но критикует версию о его участии в осаде Эзернии, поскольку этот вывод основывается на ошибочной локализации кампанского города Нола, который, согласно тексту периихи, находится в Самнии (Liv. *Per.* 89: *Sylla Nolam in Samnio recepit*) — там же, где и Эзерния. Вот почему предложенная Кивни и Страчаном реконструкция фразы Саллюстия с включением в нее Эзернии (*Sylla Nolam <et Aeserniam> in Samnio recepit*) видится Урсо насилием над текстом. Кроме того, отмечает ученый, в *Historiae* после введения, касавшегося Союзнической и гражданской войн (I. 15–53 M), следовал рассказ о событиях 78 г. и частично — 77 г., т.е. в основном она была посвящена *tumultus Lepidi* и началу *bellum Sertorianum*. Введение же к событиям 80-х годов должно было быть относительно кратким, тем более что в «Югуртинской войне» (95. 2) Саллюстий заявил об отсутствии намерения рассказывать о дальнейших деяниях Суллы. Что же

²⁴ Schietinger 2017, 180.

²⁵ Cichorius 1922, 172–173.

²⁶ Keaveney, Strachan 1981, 363–366.

касается подавления мятежа Лепида, то в источниках с ним связываются две осады: Мутины и Альбы Фуценты, так что Катилина вполне мог участвовать в одной из них. В случае с Мутиной он был бы легатом Помпея, если тот имел *imperium pro praetore*, или Катула, если Помпей тоже был легатом; если же Катилина руководил взятием Альбы Фуценты, то его принадлежность к войску Катула остается единственным вариантом, и именно это представляется наиболее вероятным²⁷.

Таким образом, обращение Луция Сергия к сулланским ветеранам предстает в новом свете. В их глазах сулланец Катилина, занимавший достаточно высокий пост в армии и помогавший бороться за сохранение наследия диктатора, должен был выглядеть более привлекательной кандидатурой, нежели его соперники. Поэтому-то, прекрасно это понимая, он, возможно, и обратился к ним за поддержкой — не случайно Аппиан пишет, что его послания были адресованы не селянам вообще (сулланцы вовсе не *plebs rustica*, а весьма зажиточные люди), а именно сулланцам (App. BC. II. 2. 7), ведь это была как раз та аудитория, для которой его личность и заслуги могли показаться достаточно впечатляющими. Ветераны же, по словам Цицерона, побудили явиться на выборы селян, соблазнив их надеждами на грабежи, подобные тем, что имели место в прошлом (Cic. Cat. II. 20: *qui etiam non nullos agrestis homines tenues atque egentes in eandem illam spem rapinarum veterum impulerunt*). Однако учитывая, что именно селяне тогда от них и пострадали, думается, что подобное напоминание, да еще со стороны виновников их несчастий, выглядело бы не слишком уместным. Более вероятным представляется, что сельские жители отправились в Рим в надежде получить от Катилины деньги в случае успешного для него исхода голосования — не исключено, что ветераны намекали им именно на это²⁸, а Цицерон просто искажил их мотивацию. Что же до *tabulae novae*, то Луций Сергий едва ли мог пообещать им подобную меру, ведь тем самым он поставил бы под удар свою *amicitia* с виднейшим консервативным Католом, а то, что их дружба не прервалась (о чем свидетельствует письмо Катилины²⁹, в котором он накануне своего отъезда из Города объясняет причину своего решения и просит Катула позаботиться о своей жене: Sall. Cat. 35), может говорить об отсутствии каких-либо провокационных шагов со стороны Луция Сергия. Зато Цицерону ничего не стоило представить его сотрудничество с ветеранами как стремление посеять в Городе хаос³⁰.

²⁷ Urso 2019, 197–207.

²⁸ Во всяком случае, подобные меры широко практиковались среди соискателей: Mouritsen 2001, 113.

²⁹ Письмо признается подлинным: von Schnorr-Karolsfeld 1888, 25–29.

³⁰ Г. Ф. Шитингер полагает, что тем самым он способствовал пробуждению воспоминаний о 100 г., когда Марий и Сатурнин пытались провести свои законы, опираясь на *plebs urbana* и марианских ветеранов (App. BC. I. 30; Plut. Mar. 28): Schietinger 2017, 180. Однако эта гипотеза вызывает сомнения, поскольку Цицерон нигде не проводит подобных параллелей и не вполне понятно, почему они вообще должны были возникнуть: стремление Мария и Сатурнина посеять хаос в Городе в источниках не упоминается (т.е. им его скорее всего даже не приписывали), а Катилина, как мы попытались показать выше, стремился не к проведению политики, противоречащей интересам сената, а лишь к консулату, т.е. ситуации были совершенно разными.

Это подводит нас к вопросу о заговоре. Если Катилина не пытался привлечь лозунгом *tabulae novae* ни городское население, ни сельское, то мог ли этот пункт быть частью программы его (предположительно) составленного после поражения заговора? Именно так пытается представить ситуацию Цицерон. Поддержку прибывших из Этрурии ветеранов и *plebs rustica*, а также их последующее восстание из-за долгов он изображает как составные части одного развернутого заговора, существующего как внутри Города, так и за его пределами — недаром даже свиту Катилины, состоявшую из сулланских колонистов и «жертв сулланского безвременья», он называет войском (Cic. *Mur.* 49)³¹. По версии оратора, которую повторяют и другие античные авторы³², Манлий действовал по приказу Катилины, и именно последний был истинным предводителем мятежного войска в Этрурии (Cic. *Cat.* I. 5). Однако здесь надо учитывать следующие обстоятельства. Во-первых, восстание в Этрурии было *единственной* подтвержденной³³ угрозой на момент произнесения первой Катилинарии, а со стороны Луция Сергия и его соратников в Риме никаких насильственных действий совершено не было, так что говорить о городском заговоре довольно проблематично. Во-вторых, даже если Катилина и его сторонники в самом деле что-то планировали, то Манлий взялся за оружие раньше, чем состоялось собрание в доме Леки, на котором катилинарии, по словам Саллюстия, распределили, кто что должен делать (Cic. *Cat.* II. 13; Sall. *Cat.* 27. 3–4), из чего следует, что он был не посвящен в их планы, а они — в его. На то же указывает и содержание его послания³⁴ к Марцию Рексу — Манлий ни единым

³¹ В данном случае — *exercitus*. Учитывая, что ранее, во второй Катилинарии он называл «войском» (*coriae*) Катилины всевозможных должников, бандитов и головорезов, параллель очевидна: судя по всему, оратор просто использовал военные термины применительно к тем, кто поддерживал Луция Сергия, чтобы подчеркнуть якобы исходившую от него и от них угрозу.

³² Cic. *Cat.* I. 7; Sall. *Cat.* 24. 2; 27. 1; 27. 4; App. *BC.* II. 2; Dio Cass. XXXVII. 30. 4.

³³ Позднее Цицерон говорил, что «когда памятный нам заговор вырвался наружу из потайных углов и из мрака (т.е., очевидно, вскоре после 21 октября, когда стало известно о восстании Манлия и было принято SCU. — Д. Д.) ... Публий Сестий привел войско в город Капую, на который, как мы подозревали, собирался напасть отряд этих нечестивых преступников, так как обладание Капуей давало очень много преимуществ для ведения войны» (Cic. *Sest.* 9; курсив наш. — Д. Д.), и выгнал оттуда человека, якобы вербовавшего сторонников заговора в Писавре и других частях Галльской области. Из этой фразы видно, что настоящих доказательств у Цицерона не было. Саллюстий настроен более скептически: он прямо пишет, что одновременно с известием о восстании Манлия «как бывает в подобных случаях, одни сообщали о знаменаниях и чудесах, другие — об устраиваемых сборищах, о доставке оружия, о начинающихся в Капуе и Апулии восстаниях рабов» (Sall. *Cat.* 30. 2). Так что, возможно, в данном случае оратор просто решил сыграть на начавшейся панике и, с одной стороны, усилить ее, показав, что опасность действительно существует, а с другой — выступить в роли бдительного и заботливого консула, который держит все под контролем и спасет сограждан от любой беды, тем более что SCU было вынесено и его надо было оправдывать, а в Городе ничего не происходило.

³⁴ Как показала К. Уильямс, наиболее вероятно, что приведенное Саллюстием послание ненастоящее, поскольку изначально это скорее всего было не письмо, а речь, и потому Саллюстий мог знать лишь о его существовании и не более того, а содержание додумал

словом не упоминает Катилину и даже выражает готовность сложить оружие, как только *его* требования будут удовлетворены (Sall. Cat. 33)³⁵. Таким образом, наиболее вероятно, что он действовал самостоятельно, а Катилина присоединился к восстанию лишь после того, как Цицерон своей речью спровоцировал его на отъезд из Города³⁶.

Очевидно, именно этот мятеж Цицерон и имел в виду в трактате «Об обязанностях»: «Никогда еще не было совершено более решительных действий в пользу неуплаты долгов, чем те, что были совершены в год моего консулата. Люди разного рода и звания пытались разрешить этот вопрос оружием и войной; я оказал им такое противодействие, что все это зло было в государстве уничтожено» (Off. II. 84. Пер. В.О. Горенштейна с поправкой).

Однако как в таком случае понимать фразу Катилины из его письма к Катулу, где он пишет, что его «новый замысел» (*novum consilium*), т.е., очевидно, решение присоединиться к восставшим³⁷, был продиктован тем, что он, «по своему обыкновению, взял на себя защиту несчастных» (Sall. Cat. 35. 3: *publicam miserorum causam pro mea consuetudine suscepi*, курсив наш. — Д. Д.)? Оборот *pro mea consuetudine* по логике должен означать, что Луций Сергий и ранее неоднократно вступался за обиженных. У. Бэтстоун считает, что речь здесь идет как раз о его политической программе, связанной с *tabulae novae*³⁸, но это, как мы попытались доказать выше, маловероятно. По мнению Дж. Рамзи, *miseri* — это несчастные в понимании самого Катилины, т.е. те не удовлетворенные своим положением люди, которые присутствовали на встрече в его доме, когда он произнес вдохновляющую (и радикальную) речь

сам: Williams 2000, 168–169. Аналогичного мнения придерживаются П. Макгашин и К.Х.Э. Кананак (McGushin 1977, 189; Kananack 2012, 181), хотя последний оговаривает, что даже если письмо сочинил сам Саллюстий, оно противоречит образу Манлия, ибо писатель показывает его подчиненным Катилины. Более того, по Саллюстиевой хронологии, Манлий посылает делегата к Марцию Рексу после отъезда Катилины из Города, но до его прибытия в Фезулы, что вряд ли можно считать признаком сотрудничества. Э. Дж. Филиппс считает это хитростью, призванной помочь Катилине выиграть время (Philipps 1976, 443), но на это ничто не указывает: Kananack 2012, 182.

³⁵ McGushin 1977, 162; Batstone 2010, 166; Waters 1970, 201; Seager 1973, 240–241.

³⁶ При этом не исключено, что Луций Сергий и его сторонники в Городе с самого начала следили за ходом событий и ждали возможности воспользоваться плодами действий Манлия.

³⁷ В.О. Горенштейн понимает *novum consilium* в значении *consilium novarum rerum*, т.е. как стремление к государственному перевороту (см. Гай Саллюстий Крисп, *Сочинения*. Перевод, статья и комментарии В.О. Горенштейна. М., 1981. С. 178, прим. 167); У. Бэтстоун допускает, что речь могла идти как о «революционных планах», так и о решении отправиться в изгнание: Batstone 2010, 170; Дж. Рамзи же считает, что Катилина намеренно использовал двусмысленное выражение, которое могло означать и решение присоединиться к восставшим, и намерение удалиться в добровольное изгнание: Ramsey 2007, 156. Но поскольку далее в письме говорится о желании поддержать несчастных, очевидно, что никакой двусмысленности здесь нет и что под «новым планом» Катилина подразумевал именно свой отъезд к Манлию (именно так переводит С.П. Гвоздев: Gvozdev 1947, 48).

³⁸ Batstone 2010, 170.

и посулил им многие блага (Sall. *Cat.* 20–21)³⁹. Эта версия представляется неубедительной, поскольку из слов Катилины явствует, что он уже много раз кому-то помогал и никакой тайны в этом нет, тогда как в речи он только давал обещания, и то не такие, которыми стоило бы хвастаться перед Катулom. Поэтому вероятнее, что под *miseri* он подразумевал молодых людей из высшего общества, которым в самом деле оказывал различные услуги (Cic. *Cael.* 13; Sall. *Cat.* 14. 5–6) — очевидно, что бы наладить связи в нужных кругах и тем самым облегчить себе продвижение по карьерной лестнице⁴⁰. Саллюстий считает такое поведение предосудительным, но когда о нем говорит Цицерон, в его словах сквозит невольное восхищение, и характеристика, которую он в этой связи дает Катилине, вполне укладывается в понятие *magnitudo animi* — качества, которым обладающий им человек мог по праву гордиться. Возможно, именно так и воспринимал свою помощь этим «несчастливым»⁴¹ Катилина (либо надеялся, что ее так воспримет Катул), а потому и сослался на нее в письме к Квинту Лутацию.

Подведем итоги. Думается, что вопреки распространенному в науке мнению Катилина не прибегал к предвыборной агитации с обещаниями *tabulae novae*. Впечатление о том, что он это делал, по всей вероятности, возникло в силу нескольких обстоятельств, а именно: общая ситуация с долгами в 63 г., его личные долги, несдержанность на язык, клевета со стороны Цицерона и восстание обремененных долгами сулланских ветеранов и селян, которые ранее приезжали голосовать за Катилину.

В действительности же, как представляется, его методы были вполне традиционными. Если он и рассуждал накануне выборов на 62 г. о финансовых проблемах, то только в частном порядке, на дружеских встречах в своем доме, но и тогда речь едва ли шла о *tabulae novae* — скорее он просто дал друзьям понять, что в случае своего избрания добьется определенных выгод и для них. Выступать перед народом с обещаниями *tabulae novae* Катилина явно не мог, поскольку, не будучи магистратом, не имел права созывать сходки, а о том, что это делал кто-то из его приверженцев, в источниках ничего не говорится. Кроме того, масштабная предвыборная агитация в пользу *tabulae novae* могла оттолкнуть от него правящую элиту, тогда как в интересах Катилины было не раздражать ее. Вот почему он предпочел сделать ставку на сулланских ветеранов из северной Этрурии, ибо, участвуя в подавлении восстания Лепида, он в известном смысле защищал их интересы и, следовательно,

³⁹ Ramsey 2007, 157.

⁴⁰ То есть действовал в полном соответствии с рекомендацией «Краткого наставления по соисканию»: «Прежде всего познакомься с всадниками (ведь их немного), затем привлеки их к себе (этот юношеский возраст гораздо легче склонить к дружбе)» (*Comm. pet.* 33. Здесь и далее пер. В.О. Горенштейна). И далее: «Она (щедрость. — Д. Д.) — в званных обедах, которые ты должен давать; пусть их расхваливают и ты, и твои друзья повсюду и в каждой трибе; она — в оказании содействия, которое должно быть общеизвестным и к услугам каждого; заботься также о том, чтобы доступ к тебе был свободен днем и ночью» (*Comm. pet.* 44). Соискатель же, не желавший заниматься налаживанием связей посредством оказания услуг, воспринимался как *nullus competitor* (*Comm. pet.* 25).

⁴¹ Не исключено, впрочем, что кто-то из них присутствовал и на его *contio domestica*.

имел личные заслуги перед ними, а потому мог рассчитывать на их благосклонность. Расчет оказался верным, и Катилина сумел заручиться поддержкой ветеранов, а вместе с ними (видимо, в надежде получить от Катилины деньги в случае его победы) прибыли и представители *plebs rustica* из той же области. Однако его кандидатура не прошла, а когда через несколько месяцев ветераны и селяне подняли мятеж из-за проблем с долгами, Цицерон воспользовался этим, чтобы выставить Луция Сергия их истинным вдохновителем и, побудив его открыто присоединиться к ним, окончательно от него избавиться⁴².

Литература / References

- Barbieri, A. 1994: Le Tabulae novae ed il Bellum Catilinae. *Rivista di Cultura Classica e Medioevale* 36/1–2, 307–315.
- Batstone, W.W. 2010: *Catiline's Conspiracy, The Jugurthine War, Histories*. New York.
- Berry, D.H. 2020: *Cicero's Catilinarians*. New York.
- Billows, R.A. 2009: *Julius Caesar. The Colossus of Rome*. London–New York.
- Brunt, P.A. 1971: *Social Conflicts in the Roman Republic*. London.
- Canfora, L. 2011: *Giulio Cesare. Il dittatore democratico*. Roma–Bari.
- Cary, M. 1932: Rome in the Absence of Pompey. In: S.A. Cook, F.E. Adcock, M.P. Charlesworth (eds.), *Cambridge Ancient History*. Vol. IX. Cambridge, 475–505.
- Cichorius, C. 1922: *Römische Studien: Historisches, Epigraphisches, Literaturgeschichtliches aus vier Jahrhunderten Roms*. Leipzig–Berlin.
- Drummond, A. 1999: Tribunes and Tribunician Programmes in 63 BC. *Athenaeum* 87, 121–167.
- Frederiksen, M.W. 1966: Caesar, Cicero and the Problem of Debt. *Journal of Roman Studies* 56/1–2, 128–141.
- Gelzer, M. 1926: Sergius (Catilina). In: *RE*. Hlbd. 27, 1693–1711.
- Giovannini, A. 1995: Catilina et le problème des dettes. In: I. Malkin, Z.W. Rubinson (eds.), *Leaders and Masses in the Roman World*. Leiden, 15–32.
- Gruen, E.S. 1995: *The Last Generation of the Roman Republic*. Berkeley–Los Angeles–London.
- Gvozdev, S.P. 1947: [Notes]. In: M.M. Pokrovskiy (ed.), *C. Sallustius Crispus. Catilinarian Conspiracy*. Moscow.
- Гвоздев, С.П. Примечания. В кн.: М.М. Покровский (ред.), *Г. Саллюстий Крисп. Заговор Катилины*. М.
- Kananack, C.H.E. 2012: *Reconsidering "The Conspiracy of Catiline": Participants, Concepts, and Terminology in Cicero and Sallust*. PhD thesis. Exeter.
- Keaveney, A., Strachan, J.C.G. 1981: Catilina legatus: Sallust, Histories 1.46 M. *Classical Quarterly* 31/2, 363–366.
- Knopf, F. 2018: *Die Partizipationsmotive der plebs urbana im spätrepublikanischen Rom*. Berlin.
- Korolenkov, A.V. 2020: *Pervaya grazhdanskaya vojna v Rime [The First Civil War in Rome]*. Saint Petersburg.
- Короленков, А.В. *Первая гражданская война в Риме*. СПб.
- Livshits, G.M. 1960: *Sotsial'no-politicheskaya bor'ba v Rime 60 gg. do n.e. i zagovor Katiliny [Socio-political Struggle in Rome in 60s BC and the Catilinarian Conspiracy]*. Minsk.
- Лившиц, Г.М. *Социально-политическая борьба в Риме 60 гг. до н.э. и заговор Катилины*. Минск.
- McGushin, P. 1977: *Sallustius Crispus Bellum Catilinae: A Commentary*. Leiden.
- Morstein-Marx, R. 2021: *Julius Caesar and the Roman People*. Cambridge.

⁴² Для чего ему это было нужно — вопрос отдельный. Возможно, Цицерон хотел доказать, что его не зря избрали в консулы и что Катилина, которого он так очернил в своей предвыборной речи, действительно представляет угрозу, в то время как он, homo novus, наоборот, делает все, чтобы спасти *res publica*.

- Mouritsen, H. 2001: *Plebs and Politics in the Late Roman Republic*. Cambridge.
- Philipps, E.J. 1976: Catiline's Conspiracy. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 25/4, 441–448.
- Ramsey, J.T. 2007: *Sallust's Bellum Catilinae*. Oxford–New York.
- Ramsey, J.T. 2019: The Date of the Consular Elections in 63 and the Inception of Catiline's Conspiracy. *Harvard Studies in Classical Philology* 110, 213–270.
- Rollinger, Chr. 2009: *Solvendi sunt nummi. Die Schuldenkultur der späten römischen Republik im Spiegel der Schriften Ciceros*. Berlin.
- Santangelo, F. 2007: *Sulla, the Elites and the Empire. A Study of Roman Policies in Italy and the Greek East*. Leiden–Boston.
- Schietinger, G.-Ph. 2017: Lucius Sergius Catilina. Karriereperspektiven und Karriere eines *homo paene novus* in der späten Römischen Republik. *Klio* 99, 149–191.
- Schnorr-Karolsfeld, H. von 1888: *Über die Reden und Briefe bei Sallust*. Leipzig.
- Scullard, H.H. 2010: *From the Gracchi to Nero. A History of Rome from 133 B.C. to A.D. 68*. London–New York.
- Seager, R. 1973: Iusta Catilinae. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 22/2, 240–248.
- Tatum, W.J. 2013: 'Campaign Rhetoric'. In: C.E.W. Steel, H. van der Blom (eds.), *Community and Communication: Oratory and Politics in Republican Rome*. Oxford, 133–150.
- Urso, G. 2019: Catilina legatus. Considerazioni su un discusso frammento sallustiano. *Ktema* 44, 197–207.
- Waters, K.H. 1970: Cicero, Sallust and Catiline. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 19/2, 195–215.
- Williams, K.F. 2000: Manlius' mandata: Sallust bellum Catilinae 33. *Classical Philology* 95/2, 160–171.
- Yakobson, A. 1999: *Elections and Electioneering in Rome. A Study in the Political System of the Late Republic*. Stuttgart.
- Yavetz, Z. 1963: The Failure of Catiline's Conspiracy. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 12/4, 485–499.

DOI: 10.31857/S032103910029257-5

ИОРДАН И ЕГО «ГЕТИКА» В ТРУДЕ РОДРИГО ХИМЕНЕСА ДЕ РАДЫ «DE REBUS HISPANIAE»

В. В. Напольских

*Российская Академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва, Россия;
Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия;
Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия*

E-mail: vovia.nap@ya.ru

ORCID: 0000-0002-1549-9639

Толедский архиепископ Родриго Хименес де Рада (начало XIII в.) в своем сочинении «De rebus Hispaniae» использовал «Гетику» Иордана, при этом непосредственным источником де Рады был, по всей вероятности, список «Гетики», сильно отличающийся от тех, что легли в основу современной реконструкции текста («Иордан де Рады»). Во-первых, де Рада, единственный из всех источников, называет Иордана «секретарем святого дворца», что согласуется с гипотезой об Иордане — епископе Кротонском, который был с папой Вигилием в 540–550-х годах в Константинополе, и об идентификации папы Вигилия с адресатом первого произведения Иордана, «Романы». В статье приводятся аргументы в пользу данной гипотезы и реконструируются обстоятельства, приведшие к написанию «Романы» и «Гетики». Во-вторых, информация де Рады, восходящая к Иордану, содержит датировки событий, описываемых в «Гетике» (где дат нет), которые по сравнению с реальными сдвинуты примерно на 20 лет. Кроме того, ряд имен, почерпнутых де Радой явно у Иордана, оформлен так, как если бы они были транслитерированы с греческого. Наконец, содержание «Иордана де Рады», видимо, отличалось от реконструированного Моммзенем текста «Гетики». Все эти обстоятельства предлагается интерпретировать как свидетельства существования особого протографа «Иордана де Рады», отличающегося от того, который лег в основу моммзеновской реконструкции. Эта возможность подтверждается указанием самого Иордана на наличие двух списков «Гетики», переданных Касталию и Вигилию, не обязательно идентичных друг другу. Возможно, «Иордан де Рады» еще может быть обнаружен в испанских архивах.

Ключевые слова: раннесредневековые источники, готы, Иордан, «Гетика», критика текста, Родриго Хименес де Рада

Данные об авторе. Владимир Владимирович Напольских — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, ведущий научный сотрудник Лаборатории античной культуры Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ведущий научный сотрудник Топонимической лаборатории кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета; ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН.

JORDANES AND HIS *GETICA*
IN RODRIGO JIMENEZ DE RADA'S *DE REBUS HISPANIAE*

Vladimir V. Napolskikh

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia;
Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia;
Institute of History and Archaeology of the Ural Department of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia*

E-mail: vovia.nap@ya.ru

The Archbishop of Toledo, Rodrigo Jimenez de Rada (early 13th century), in his work *De rebus Hispaniae* used Jordanes' *Getica*, but de Rada's direct source had been probably a copy of *Getica* very different from those that form the basis of the modern reconstruction of the text ("de Rada's Jordanes"). First, de Rada, the only one of all the sources, refers to Jordanes as 'the secretary (cancellarius) of the Holy Palace' which corresponds with the hypothesis of Jordanes being the bishop of Crotone who was with Pope Vigilius in Constantinople in the 540–550s, and of identifying Pope Vigilius as the recipient of Jordane's first work, the *Romana*. The article argues in favor of this hypothesis and reconstructs the circumstances that led to writing the *Romana* and the *Getica*. Secondly, de Rada's information, going back to Jordan, contains dates for the events described in the *Getica* (where there are no dates), which are shifted by about twenty years compared to the real ones. In addition, some names taken by de Rada from Jordanes are rendered as if they had been transliterated from Greek. Finally, the content of "de Rada's Jordanes" was apparently different from Mommsen's reconstructed text of the *Getica*. All these circumstances are interpreted as evidence of the existence of a special protograph of "de Rada's Jordanes", different from the one which formed the basis of Mommsen's reconstruction. This possibility is confirmed by Jordanes' own reference to the existence of two copies of the *Getica* sent to Castalius and to Vigilius, which were not necessarily identical. It is possible that the "de Rada's Jordanes" may still be found in Spanish archives.

Keywords: early medieval sources, Goths, Jordanes, *Getica*, Textkritik, Rodrigo Jimenez de Rada

Vulpi, qui novit omnia

В исследовании «Гетики» и, возможно, в понимании судьбы ее рукописей, ведущих нас к месту и обстоятельствам появления этого произведения, особый интерес представляют ранние ссылки на нее в сочинениях средневековых историков. Замечено, что труд Иордана не сразу получил широкую известность. Ни Григорий Турский (конец VI в.), ни, что особенно интересно, Исидор Севильский (начало VII в.) о нем не упоминают и событий ранней готской истории, в нем отраженных, не знают. Только во второй половине VIII в. благодаря росту интереса лангобардов к своей и к итальянской истории информация из «Гетики» появляется у Павла Диякона, и около 800 г. Равеннский Аноним прямо ссылается на «мудрейшего космографа Иордана». В самом начале IX в. уже Алкуин, ценитель творчества Кассиодора Сенатора, знал о труде Иордана и стремился его получить; еще позже Фрехульф из Лизье использовал «Гетику»¹.

¹ Hachmann 1970, 18–31; Christensen 2002, 313–316.

Более поздние историки используют Иордана очень по-разному. Например, интереснейший источник об этнической карте Восточной Европы IV в., «список северных народов», якобы покоренных Германарихом (*Get.* 116–117), видимо, впервые цитируется в начале XII в. (с искажениями, не позволяющими использовать эту цитату для эмендации списка²) у Эккехарда из Ауры (*Ekkehard*, pag. 123. 17–19), но его нет, например, у Гобелина Персоны (начало XV в.), что, впрочем, не удивляет: хотя данный автор и прямо ссылается на «хронику епископа Иордана» (*GobPers* 6. 16. 26–30), в его гигантском сочинении нет пространных цитат, сведения Иордана переданы конспективно. Еще один автор этого же периода, архиепископ Толедо Родриго Хименес де Рада, в своем историческом сочинении «*De rebus Hispaniae*» (начало XIII в.) ссылается на Иордана (важно, что это, по всей вероятности, первый случай использования информации Иордана о ранней истории готов в (пост)вестготской Испании) и приводит пассаж, близкий к *Get.* 116–117, но, в отличие от Эккехарда, полностью исключает из него «список северных народов» (*de Rada Hisp.* I. 18).

При этом в перечислении народов *Скандии* = *Скандзы* Иордана, например, де Рада сохраняет многие не менее неясные этнонимы (*de Rada Hisp.* I. 8), а синтаксис упомянутого фрагмента у де Рады не позволяет думать, что список был просто механически устранен в силу его неясности (курсивом выделены существенные разночтения):³

де Рада (*de Rada Hisp.* I. 18)

hic multas et bellicosissimas gentes perdomuit

suisque legibus parere coegit
quem merito non nulli Alexandro Maximo
compararunt.

Siquidem cum gentes domitas haberet subiectas,

et apud omnes earum subiectione clarus floreret,
non est contentus, nisi gente Herulorum
quibus praeerat Alaricus, fere trucidata, residuum
suae subiiceret ditioni.

Он покорил многие воинственнейшие народы и заставил их повиноваться своим законам, за что заслуженно некоторые сравнивали <его> с Александром Величайшим³. Ибо тем, что он имел в подчинении покоренные племена и среди всех был известен их покорением, не был <он> удовлетворен, до тех пор пока не подчинил своей власти остатки почти уничтоженного племени герулов, которым руководил Аларих.

Иордан (*Get.* 116–117)

qui multas et bellicosissimas *arctoi* gentes perdomuit

suisque parere legibus fecit.

Quem merito nonnulli Alexandro Magno conparare *maiores*.

Habebat si quidem quos domuerat *Golthescytha Thiu-dos Inaunxis Vasinabroncas Merens Mordens Imniscaris Rogas Tadzans Athaul Navego Bubegenas Coldas*.

Sed cum tantorum servitio clarus haberetur,
non passus est nisi et gentem Herulorum,
quibus praeerat Halaricus, magna ex parte
trucidatam reliquam suae subegeret ditioni.

Который покорил много весьма воинственных северных племен и заставил их повиноваться своим законам. Немало древних писателей сравнивали его по достоинству с Александром Великим. Покорил же он племена: гольтескифов, тиудов, инаунксов, васинабронков, меренс, морденс, имнискаров, рогов, тадзанс, атаул, навего, бубегенов, колдов. Славный подчинением столь многих <племен>, он не потерпел, чтобы предводительствуемое Аларихом племя герулов, в большей части перебитое, не подчинилось — в остальной своей части — его власти.

² Mommsen 1882, LV; Korkkanen 1975, 22–23.

³ Интересно здесь появление *Alexander Maximus* versus *Alexander Magnus* в большинстве списков «Гетики» — важно, что Ἀλέξανδρος ὁ μέγιστος характерно именно для греческой традиции, а лат. *Alexander Maximus* встречается редко — см. ниже о греческом участии в создании источника де Рады (благодарю редколлегия ВДИ за это ценное замечание).

Предложение, в которое в «Гетике» введен список, построено у де Рады вполне правильно, хотя и синтаксически сложно: *siquidem cum* (= *quum*) кажется странным двойным союзом, повтором смыслов, но на самом деле эти союзы относятся к разным частям предложения (*siquidem* <...> *non es<se>t contentus*, <*quum*> *gentes* <...> *haberet et* <...> *clarus floreret, nisi* <...> *subi<e>ceret*). При таком прочтении предложение де Рады выглядит, пожалуй, естественнее, чем запутанная конструкция Иордана⁴. Это обстоятельство заставляет внимательнее рассмотреть труд де Рады на предмет выявления его конкретного источника.

Привлечение внимания исследователей «Гетики» к интереснейшему сочинению де Рады — заслуга Р. Хахманна, капитальный труд которого, думается, сегодня недооценен (во всяком случае, он, безусловно, полезнее и основательнее постоянно цитируемого современными российскими исследователями сочинения А.С. Кристенсена⁵, позитивной ценности почти не имеющего). В аргументации своей гипотезы об Аблабии, который был источником для Кассиодора и Иордана, как о визиготском историке и в попытках определить восходящие к Аблабии фрагменты «Гетики» Хахманн, в частности, указал, что цитата из де Рады, практически совпадающая с текстом *Get.* 25–26, содержит слово *Scandia* без перехода *diV > dzV*⁶, который он считал происходящим от поздних переписчиков «Гетики», и, таким образом, источник де Рады может быть весьма ранним⁷. Удивительно, однако, что ни Хахманн, ни кто-либо после него не обратил внимания на ряд важных моментов в сочинении де Рады, которые, на мой взгляд, имеют принципиальное значение для понимания происхождения содержащейся в «Гетике» информации и обстоятельств ее написания.

Прежде всего де Рада сообщает в посвящении своего труда испанскому королю об авторах, которых он использовал, называя в том числе и Иордана (*de Rada Hisp.*, *praefatio*; курсив мой):

Itaque ea que ex libris beatorum Isidori et Ildephonsi et Isidori iunioris et Idacii Gallaecae episcopi et Sulpicii Aquitanici et Concilii Toletanis et Iordani sacri palatii concellarii et Claudii Ptolemaei orbis terrae descriptoris egregii et Dionis qui fuit historiae Gothicae scriptor verus et Pompeii Trogi qui fuit historiarum orientalium sollicitus supputator et aliis scripturis quas de membranis et pictatiis laboriose investigatas laboriosius compilavi.

И вот то, что из книг блаженного Исидора и Ильдефонсо, и Исидора младшего, и Идация, епископа Галисийского, и Сульпиция Аквитанского, и Консилия Толедского, и *Иордана, секретаря святого дворца*, и Клавдия Птолемея, выдающегося описателя земного мира, и Диона, который был правдивым автором готской истории, и Помпея Трога, который был внимательным исчислителем историй восточных, и других писателей я, добросовестно исследовав пергаменты и кодексы, трудолюбиво составил.

Данное упоминание по каким-то непонятным причинам, кажется, никогда до сих пор не использовалось для реконструкции личности Иордана. Ни один другой источник не упоминает Иордана как секретаря святого дворца. Святых /

⁴ О сложностях последнего см. прежде всего Anfert'ev 1994, 149–150 и последующий комментарий Gindin, Shelov-Kovedyaev 1994.

⁵ Christensen 2002.

⁶ Х. Вальверде предпочитает форму *Schancia* (Valverde 1987, 20), но обоснование такого выбора не представляется достаточным.

⁷ Nachmann 1970, 81–83.

Священных дворцов римских императоров или пап в позднеантичное время было много: в Риме, Константинополе, Равенне, но для де Рады таким Святым дворцом, название которого не требовало пояснения, мог быть, видимо, *Palatium Sacrum*, он же *Sacrum Palatium Apostolicum*, — папский дворец в Ватикане (естественно, не современный, XV в. постройки, а может быть, построенный в V в., при папе Симмахе, дворец, равный по значению Латеранскому, — или сам Латеранский дворец), при котором существовала и существует *Cancellaria Apostolica*. Поскольку в своей книге де Рада явно цитирует Иордана, никакого сомнения в том, что, согласно де Раде, писатель Иордан, названный в посвящении секретарем Святого дворца (= Апостольской канцелярии), и есть автор «Гетики», быть не может. Источник этих сведений у де Рады неизвестен, но предполагать простой домысел или результат какого-то искаженного понимания, учитывая высокое положение, интеллектуальный уровень, информированность и обычную аккуратность автора, не приходится.

Как известно, в трех списках «Романы» в титуле Иордан назван епископом⁸, а в колонтитуле ко всем трем спискам «Гетики» третьей группы по Моммзену (*cod. Cantabrigiensis*, *cod. Berolinensis*, *cod. Atrebatensis*) — епископом Равенны⁹. Моммзен отнесся к этим сообщениям крайне скептически и назвал гипотезу З. Касселя (см. ниже) о епископстве Иордана «нелепой выдумкой», которая опровергается якобы однозначным происхождением «Гетики» из Фракии¹⁰, — исключительно потому, что эти сообщения не согласовывались с его убежденностью в том, что Иордан был малограмотным монахом, сидевшим в далекой провинции, — убежденностью, которая противоречит всем данным и сегодня практически никем не принимается (ср. еще мнение учителя Моммзена¹¹). Однако авторитет Моммзена оказался настолько высок, что эти указания источников до сих пор ставятся под сомнение.

Довольно давно было установлено, что Иордан не мог быть епископом Равенны, поскольку человек с таким именем в списках епископов Равенны неизвестен¹². То обстоятельство, что в колонтитуле одной поздней ветви рукописей «Гетики» Иордан явно ошибочно назван епископом Равеннским, едва ли следует объяснять и как свидетельство его жизни в Равенне: поскольку в *cod. Panormitanus* этого указания нет, значит, данная вставка относится к ветви ξ, но не к более ранней γ (по Анфертьеву), и не к протографу С (по Джунта и Гриллоне)¹³ и сделана никак не ранее X в., а скорее всего — даже в XI в. Можно думать, что переписчик рукописи ξ просто естественным образом поместил автора книги об истории готов в столицу готского государства без каких-либо специальных оснований (но это не объясняет аттестации его как епископа). Нельзя забывать также, что в Равенне жил в период написания своей «Истории готов» Кассиодор, вследствие чего информация, связанная с этим центром, естественно, обильна в «Гетике», но Иордан к этому вряд ли имеет отношение.

⁸ Mommsen 1882, XIII, 1.

⁹ Mommsen 1882, XIII, 53.

¹⁰ Mommsen 1882, XIII.

¹¹ Wattenbach 1904, 77.

¹² Christensen 2002, 95–96.

¹³ Anfert'ev 1994, 101; Giunta, Grillone 1991, XVI.

Тем не менее есть другая возможность интерпретации свидетельств о епископском сане Иордана: еще в 1848 г. З. Кассель предположил, что автор «Гетики» может быть идентифицирован с Иорданом — епископом Кротонским (совр. г. Кротоне в Калабрии), упомянутым в послании папы Вигилия от 552 г. в числе нескольких епископов, совместно с которыми папа осуждает епископа Кесарии Каппадокийской Феодора Аскиду — инициатора указа императора Юстиниана об осуждении «Трех глав»¹⁴, по поводу которого затем происходили длительные трения между императором и папой¹⁵. Кассель исходил при этом из двух посылок: во-первых, о том, что в период написания «Гетики» Иордан должен был находиться в Калабрии, чтобы иметь возможность на три дня получить рукопись «Истории готов» Кассиодора, который, как полагал исследователь, жил уже в монастыре или, по крайней мере, в своем поместье в Виварии, и во-вторых, поскольку в посвящении «Гетики» Касталию Иордан пишет, что тот пребывает «по соседству с народом [готов]», сам Иордан должен был находиться не в готской Равенне, а, например, на юге Италии. Здесь, правда, заметно некоторое противоречие: если папа Вигилий принимал решение об осуждении Феодора Аскиды при живом участии епископа Кротонского, то Иордан должен был находиться в Константинополе уже по крайней мере в 552 г., а вероятно, и раньше, поскольку указ Юстиниана против «Трех глав», на который его подвиг епископ Феодор, был издан не позже 544 г. (см. также ниже). Естественно, нельзя забывать, что и Кассиодор в 551 г. жил уже не в Италии, а именно в Константинополе, в эмиграции, вследствие чего близость Кротоны и Вивария (в котором в 551 г. еще не было монастыря с книгохранилищем)¹⁶ никакого значения не имеет.

Позднее эта гипотеза была развита в диссертации К. Ширрена, представленной в Дерптском университете в 1858 г.¹⁷ Автор, отвергнув без каких-либо аргументов предположение Касселя об идентификации автора «Гетики» с епископом Кротонским, предположил, что автор «Гетики» — некий Иордан, упомянутый как «защитник [Римской] церкви» (*defensor ecclesiae nostrae*) в письме папы Пелагия в 556 г. Этот Иордан предположительно находился вместе с предыдущим папой, Вигилием, в Византии в 547–554 гг., где тот был фактически в плену у императора Юстиниана по причине спора о «Трех главах»¹⁸. Возможно, именно в Константинополе этот Иордан и написал в 551 г. «Гетику» и «Роману», посвятив последнюю папе Вигилию.

Иордан действительно посвятил свой первый труд, «Роману», своему другу и «высочайшему брату» по имени Вигилий. Учитывая совпадение имен и времени написания «Романы» и предполагаемого совместного пребывания «защитника церкви» Иордана и папы Вигилия в Константинополе, трудно

¹⁴ Я здесь и далее употребляю это название в смысле трех осуждаемых в указе епископов — о названии см. Bolotov 1918, 90.

¹⁵ Cassel 1848, 302.

¹⁶ Momigliano 1999.

¹⁷ К сожалению, мне эта, по-видимому, весьма интересная, работа осталась недоступна, цитирую ее по подробной рецензии Gutschmid 1894.

¹⁸ Для отечественного читателя важно отметить, что пассаж «Ширрен предположил, что историк Иордан, он же епископ Кротонский, был и дефенсором римской церкви» (Skrzhinskaya 1997, 17), очевидно, не совсем правильно отражает позицию Ширрена.

отказаться от мысли, что речь идет об одних и тех же лицах. При этом допущение Ширрена, что Иордан — «защитник церкви», автор «Гетики» и Иордан — епископ Кротонский — это разные лица, представляется совершенно излишним: ничто не мешает думать, что это один и тот же человек. Возражений против предположения о том, что автор «Гетики» — епископ Кротонский, а адресат «Романы» — папа Вигилий, обычно приводят два.

Во-первых, это обращение автора «Романы» к Вигилию: *nobilissimus et magnificus frater*, которое якобы не соответствует принятому обращению епископа к папе: *reverendissimus / sanctissimus frater*. Однако, как показывают примеры, которые приводит Ч. Мироу, в те времена статус епископа Римского (папы) еще не был формально и жестко поднят над статусом других епископов и были возможны различные обращения: епископ Карфагенский Киприан пишет папе Корнелию в 250–251 гг. *frater carissime*, епископ Антиохийский Иоанн папе Сиксту III в 433 г. — просто *frater*¹⁹. Следует принимать во внимание и то обстоятельство, что положение папы Вигилия в момент написания «Романы» было довольно сложным: он был выбран папой под влиянием Велитария, насильственно вывезен в Константинополь за отказ подписать указ Юстиниана против «Трех глав» и провел там семь лет как (не всегда) почетный узник, причем дважды (уже после предполагаемого написания «Гетики», но именно в 551 г., когда споры достигли наивысшего накала) ему пришлось спастись от преследования в церковных алтарях, откуда сопровождавших его клириков (возможно, и нашего Иордана) и едва не его самого выволакивали за волосы²⁰. В этих обстоятельствах вполне допустимо предполагать возможность своего рода «смягчения» официального титулования, если бы даже оно к тому времени и утвердилось.

Второй аргумент против идентификации адресата «Романы» с папой Вигилием состоит в том, что Иордан пишет, обращаясь к Вигилию (*Rom.* 3–5): *quatinus diversarum gentium calamitate conperta ab omni erumna liberum te fieri cupias et ad deum convertas, qui est vera libertas*, «чтобы [ты], узнав о бедствиях разных народов, стремился бы освободиться ото всех несчастий и обратился к богу, который и есть истинная свобода». Данное место было предложено трактовать как призыв принять христианство, вследствие чего предполагать, что Вигилий, адресат этого послания, мог быть папой, никак невозможно²¹. Однако столь примитивная трактовка выражения *convertito ad deum / dominum* никак не соответствует реальному его употреблению. Обычное значение глагола *convertito* в общем соответствует многообразию значений рус. «обратиться», что, конечно же, не обязательно подразумевает обращение в христианство (данное действие в средневековой латыни обозначалось скорее как *convertito ad christianitatem*²²). Более того, фраза *conversi ad dominum*, «обращенные к Господу» — обычная литургическая формула, с которой епископ (именно епископ!) обращался в конце проповеди

¹⁹ Mierow 1915, 8–9.

²⁰ Bolotov 1918, 394.

²¹ Предложено в Ebert 1874, 563, аргумент настойчиво повторяется и в новейшей литературе (Skrzhinskaya 1997, 18; Christensen 2002, 98–99).

²² Lehman, Stroux 1999, 1833–1835.

к собравшимся верующим, призывая их к молитве²³, и у Иордана — епископа Кротонского она вполне могла быть, что называется, на слуху. Тем более нелепо приписывать Иордану, будто бы он призывает Вигилия «возлюбить Бога», что было бы абсурдным в обращении епископа к папе²⁴: приводимые Иорданом (*Rom.* 6–9) слова апостола Иоанна (1 Ин 2 : 15–17: «Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего. И мир проходит, и похоть его, а исполняющий волю Божию пребывает вовек») однозначно объясняют смысл предыдущего предложения и соответствуют положению Вигилия в Константинополе, они никоим образом не могут быть неуместны в обращении к папе. Таким образом, приведенный пассаж из «Романы» отлично вписывается в контекст послания епископа к находящемуся в затруднительном положении, и даже в опасности, папе («дабы освободиться из земного узилища, обратиться к Господу — и будешь свободен») и, безусловно, должен приниматься как аргумент *за*, а не *против* сопоставления Вигилия с папой, а Иордана — с «защитником церкви» епископом Кротонским.

Другие аргументы против этой идентификации еще более слабы — например, домысл Н. Вагнера, что если бы папа пожелал иметь такой труд, как «Романа», то он нашел бы более подготовленного и образованного человека, нежели Иордан²⁵. Во-первых, принимая во внимание положение папы Вигилия в Константинополе как почетного узника, нет никаких оснований думать, что он имел широкий выбор консультантов и помощников. Во-вторых, следует иметь в виду, что среди близких к папе лиц вряд ли было много выходцев из готской среды, а для противостояния Константинополю важным в начале 550-х годов было апеллировать не только к былому величию Рима, но и указывать на сохранявшуюся еще мощь готов и возможность возрождения Запада в готско-римском союзе (см. ниже), что и было сделано в двух трудах Иордана, «Романе» и «Гетике»²⁶. Наконец, ссылка на конкретного заказчика вовсе не означает, что Иордан на самом деле писал книгу исключительно для него: она могла быть написана по инициативе самого Иордана и итальянской партии в Константинополе как попытка поддержать папу в его спорах с Юстинианом через отсылку к славной истории Рима, интересы которого в этой борьбе папа Вигилий, пусть и не очень твердо, отстаивал. Участие Иордана на стороне папы в спорах с императором объясняет и оценку Иордана как *defensor ecclesiae nostrae* в письме папы Пелагия. Еще более странным выглядит возражение Вагнера, состоящее в том, что Иордан не уделяет внимания активным военным действиям, происходившим в Бруттии и вокруг Кротоны в 551 г.²⁷: пик этих событий, вполне вероятно, пришелся на время после завершения «Гетики», и — главное — уже давно находясь с папой в Константинополе, епископ Кротонский Иордан мог и не иметь о них достаточно своевременной информации.

²³ Augustinus-Lexicon 1280.

²⁴ Skrzhinskaya 1997, 18; Mommsen 1882, XIV.

²⁵ Wagner 1967, 39–47.

²⁶ Momigliano 1956.

²⁷ Wagner 1967, 36–37.

В целом, видимо, следует солидаризироваться с блестяще сформулированной и аргументированной позицией А. Момильяно: или мы предполагаем, что в 551 г. было два Иордана и два Вигилия, вовлеченных в готско-римские взаимоотношения и в церковные споры между Римом и Константинополем, причем о тех, что имеют отношение к «Гетике», мы ничего не знаем, — или мы принимаем версию об Иордане — епископе Кротонском и Вигилии — папе Римском. Эта точка зрения предполагает и еще один важный для нашего исследования вывод: «Гетика» была написана в Константинополе²⁸. Теоретически возможно, что Иордан не сразу был вместе с папой Вигилием и копия «Гетики» могла быть привезена вместе с «Романой» в Константинополь, как предполагают Джунта и Грилло²⁹: поскольку папа был в 544 г. практически похищен в Риме агентами императора³⁰, можно в принципе допустить, что его сторонники прибывали в Константинополь позднее. Однако данное предположение недоказуемо и маловероятно, к 551 г. Иордан, скорее всего, уже находился в Константинополе: например, Датий Миланский, упомянутый вместе с Иорданом в послании Вигилия от 552 г. с осуждением Феодора Аскиды³¹, был с папой непрерывно с момента пребывания того на Сицилии по пути в Константинополь в 544 г., а во время драматических событий в августе 551 г. укрывался вместе с Вигилием в алтаре базилики св. Петра³².

В связи с реконструируемой таким образом ситуацией появляется возможность ответить на еще один принципиальный вопрос, связанный с обстоятельствами написания «Гетики»: почему Иордан, считавший себя малообразованным и испытывавший затруднения в процессе написания своих сочинений³³, на рубеже 550–551 гг. внезапно берется за составление конспекта по римской истории («Романа»), не закончив его, в спешке пишет конспект истории готов («Гетика»), завершает оба труда едва ли более чем за полгода и никогда впредь более ничего подобного не пишет? Думается, этот вопрос является самым главным для понимания интенций автора и всей последующей критики текста, но странным образом на него не только никем не дан ответ, но он в такой категорической, но верной формулировке практически и не ставился. На него никак не дают ответа ни предположение Моммзена о монахе, сидевшем в отдаленном придунайском монастыре (см. выше), ни версия о написании «Гетики» в Равенне, отстаиваемая Е. Ч. Скржинской³⁴ (см. также ниже). Именно пик напряженности противостояния папы и императора к началу 551 г. мог послужить причиной поспешного написания «Романы» и «Гетики» одним из сторонников и спутников папы, который отнюдь не был одарен писательским даром, взялся за перо вынужденно и, видимо, более никогда ничего не писал.

Предположение о том, что епископ Кротонский Иордан написал «Роману» и, прервав работу над ней, спешно — «Гетику» — в начале 551 г. именно

²⁸ Momigliano 1956, 266–270; 1999, 55–56.

²⁹ Giunta, Grillone 1991, 15–16.

³⁰ Bolotov 1918, 394.

³¹ Cassel 1848, 302; Mommsen 1882, XIII.

³² Bolotov 1918, 389, 394, 403.

³³ Skrzhinskaya 1997, 51.

³⁴ Skrzhinskaya 1997, 45–48.

в Константинополе, будучи там вместе с папой Вигилием, позволяет разрешить многие проблемы, связанные с «Гетикой» и ее автором, которые при любом другом подходе оказываются без ответа, и прежде всего главный вопрос, поставленный выше: о мотивах, побудивших Иордана спешно взяться за непривычный ему литературный труд. Здесь можно обратить внимание на следующие обстоятельства. Во-первых, конец 550 — начало 551 г. — начало самого драматического момента в «константинопольском пленении» папы Вигилия и в споре вокруг «Трех глав», апофеозом которого стало бегство папы в церковные алтари в августе и декабре 551 г., и который завершился только в 553 г. Ясно, что в этот момент от немногочисленных сторонников Вигилия, находившихся рядом с ним, требовались экстраординарные действия, и одним из таких действий стало написание *agrammatus*'ом Иорданом сразу двух трудов, которые, видимо, должны были стать какими-то аргументами в происходивших спорах³⁵. По-другому объяснить столь странную, поспешную и краткую активность нашего автора просто невозможно. Иордан явно был вовлечен в политические перипетии своего времени: он завершает «Гетику» словами Теодориха о необходимости мира и любви между Римом (resp., в реконструированной ситуации — Константинополем) и готами, призывая обе стороны к компромиссу и миру как активный политический деятель³⁶.

Во-вторых, следует иметь в виду, что оппозицию Юстинианову эдикту составляли африканские и итальянские епископы. При этом африканские противники Юстиниана отнюдь не выступали однозначно на стороне Вигилия, скорее наоборот, относились неодобрительно к его непоследовательной позиции в отношении «Трех глав»³⁷. Следовательно, опираться Вигилий по большому счету мог только на итальянцев. Ситуация же в Италии в начале 551 г. складывалась сложная. Готы во главе с Тотилой еще удерживали Рим и более или менее успешно противостояли войскам императора, и Е.Ч. Скржинская напрасно считает, что в момент написания «Гетики» происходило «отступление остроготов, сначала едва намечавшееся, а после разгрома флота Тотилы в морском бою за Анкону ставшее несомненным»³⁸. На самом деле поражение готов стало очевидным только с развертыванием активных действий в Италии и на подступах к ней Нарсеса, который был назначен командующим в апреле, когда «Гетика», видимо, уже была написана, а реально начал действовать во второй половине 551 г. и достиг победы только к лету 552 г. В январе 550 г. Тотила взял Рим, в начале 551 г. готы захватили

³⁵ То обстоятельство, что «Гетика» посвящена некоему Касталию, не должно смущать: экземпляр ее получил и Вигилий, значит, если принимать нашу гипотезу, она писалась и для папы.

³⁶ Momigliano 1999, 50–54.

³⁷ Bolotov 1918, 392.

³⁸ Skrzhinskaya 1997, 47. Эту тему подхватил затем (без ссылки на Скржинскую, но практически цитируя ее) М.Б. Шукин, добавив, что Касталий «обратился к <Иордану> как специалисту-историку <...> с предложением быстро написать новую книгу об истории готов, дезавуирующую труд Кассиодора», в силу чего Иордан «не очень навязчиво проводил другую идею — величия византийских императоров» (со ссылкой на *Get.* 316; Shchukin 2005, 23), затем эти странные рассуждения Щукина поддерживает И.В. Зиньковская (Zin'kovskaya 2018, 34–35).

Сардинию и Корсику, и готский флот, грабивший берега Эпира, был еще вполне дееспособен, а деблокирование Анконы, происшедшее «много раньше» начала 551 г., хотя и «подорвало самомнение и силу Тотилы и готов»³⁹, являлось, по сути, не наступательной, а оборонительной операцией, и слова Прокопия о том, что готы «оставили мысль о войне», относятся отнюдь не ко всем готам, как полагает Е. Ч. Скржинская, а только к разгромленному Артабаном гарнизону в Сицилии⁴⁰. Ср. оценку ситуации Дж. О’Доннеллом: «Иордан писал оба своих труда в мрачный момент византийской истории, когда готская война, казалось, растянется для византийцев навечно (будучи при этом безнадежным делом для готов)»⁴¹. Таким образом, в конце 550 — начале 551 г. еще вполне можно было напомнить о силе и славной истории готов (в том числе об их славной истории в Причерноморье, на границах Восточной Империи, что актуализировало образ Германариха) — но в новом контексте: не величия готов и их самостоятельного владения западом Империи, а союза «правильных» готов (в основном тех, которые эмигрировали в Константинополь) с Востоком, и даже подчинения их восточному императору. В условиях ослабления готского могущества в Италии часть готской верхушки была готова подчиниться империи, но, естественно, желала сохранить завоеванные привилегии, что явно обнаружилось уже в 550 г., во время успехов в Италии главнокомандующего Германа, которому удалось найти общий язык с проимперски настроенными готами (см. ниже). Готское происхождение Иордана в этой ситуации оказывается тем более уместным: вряд ли в окружении папы Вигилия было много клириков, знакомых с готской историей.

Говоря об этих побудительных мотивах в написании «Гетики», следует также иметь в виду, что, поскольку споры, во время которых писалась «Гетика» (при принятии версии о создании ее в Константинополе), носили канонический характер, при описании готов важно было подчеркнуть, что готское арианство отринуто римской церковью, и соединение готов и Империи предусматривает исключительно ортодоксальную веру, — отсюда осуждения арианства в «Гетике», доходящие до брани; немаловажно, что Иордан подчеркивает вину императора Валента в распространении арианства среди готов (*Get.* 132–133, 138): здесь также можно видеть отголосок борьбы ортодоксального папы, на стороне которого был Иордан, и волюнтаристски вмешивающегося в церковные дела императора.

В русле взаимоотношений папы Вигилия и итальянских епископов лежит, возможно, и объяснение причин написания «Романы»: помимо создания «конспекта» по римской истории, который мог пригодиться Вигилию в спорах с императором, цель Иордана могла состоять и в том, чтобы напомнить папе, вовлеченному в екуменические дискуссии, что он является прежде всего Римским епископом и ему следует сохранять свою неусыпную бдительность (*vigilantia* — отсюда и использование созвучия этого слова с именем папы во вступлении к «Романе»), готовность стоять на страже истинной веры в Италии, где велика еще арианская

³⁹ *Proc. Bell. Goth.* IV. 22–24.

⁴⁰ Skrzhinskaya 1997, 43; *Proc. Bell. Goth.* IV. 23.

⁴¹ O’Donnell 1982, 236.

опасность⁴². Возможно, именно с этим вполне полемическим намерением епископ Кротонский по собственной инициативе начал писать свою первую книгу.

Еще один косвенный аргумент может указывать на то, что «Гетика» писалась клириком, вовлеченным в церковные дискуссии 540–550-х годов в Константинополе: давно замечено, что введение к «Гетике» представляет собой близкое к оригиналу переложение предисловия Руфина к его переводу комментариев Оригена⁴³. Естественно, Иордан был свободен в поисках образцов для пролога, однако нельзя не заметить, что столь изысканный выбор находит себе объяснение в рамках предложенной гипотезы: именно в это время в Константинополе идет активное обсуждение идей Оригена и готовится его осуждение (состоявшееся в 553 г. на V Вселенском соборе), а в числе главных оригенистов был уже известный нам епископ Кесарии Каппадокийской Феодор Аскида, которого папа Вигилий осуждал при участии епископа Кротонского Иордана. Таким образом, Иордан, участвовавший в дискуссиях с оригенистами, должен был иметь под рукой перевод Руфина и мог естественным образом им воспользоваться.

В-третьих, наконец, для того чтобы, занимаясь «Романой», в срочном порядке переключиться на написание труда, посвященного славной истории готов, готовых соединиться с империей, Иордан должен был иметь какой-то внезапный побудительный мотив: в конце 550 — начале 551 г. должно было произойти событие, которое дало бы возможность для актуализации идеи о римско-готском симбиозе и потребовало бы (или, точнее, дало повод) для срочного переписывания труда Кассиодора в соответствующем духе. Такое событие действительно имело место, и Иордан практически не скрывает, что оно является логическим завершением его труда и описываемой в нем истории (*Rom.* 383; *Get.* 79–81, 314). Речь идет о рождении Германа Младшего — сына племянника императора Юстиниана, Германа Старшего, из влиятельного знатного римского рода Анициев, и Матасвинты, внучки Теодориха Великого, последней представительницы готского королевского рода Амалов⁴⁴. Герман Старший командовал в 550 г. византийской армией в Италии и в борьбе с Тотилой сумел привлечь на свою сторону значительную часть готской знати, реализуя, таким образом, на практике идею, которую затем подхватил Иордан. Его брак с Матасвинтой, заключенный едва ли ранее конца лета 550 г., был одним из ярких свидетельств успеха этой политики. Герман Старший умер осенью 550 г., и союз готов и римлян потерял своего лидера. Однако Матасвинта родила сына, который стал новым живым символом готско-римского единства. Рождение Германа Младшего, скорее всего, произошло в начале 551 г. Именно это событие дало повод Иордану дополнить свое «сокращение хроник» по истории Рима («Романа») описанием славной истории готов («Гетика»), которое могло послужить, с одной стороны, дополнительным аргументом в поддержку итальянской партии в дискуссии о «Трех главах» в Константинополе, а с другой — показать, что итальянские готы оказываются близки и Юстиниану. Написать этот труд должен был именно Иордан, поскольку в окружении Вигилия он был, скорее всего,

⁴² Zottl 2004, 109.

⁴³ Sybel 1838.

⁴⁴ Momigliano 1956, 67–70.

единственным способным написать объемный труд человеком, знакомым с готскими реалиями. Возможно, известие о рождении Германа Младшего Иордан получил от Касталия (бывшего *ut vicinus genti* готов, т.е., может быть, в Италии), который мог быть его единомышленником и заказал ему в свете этих событий «Гетику» еще и потому, что Иордан находился в Константинополе, где жил в это время и Кассиодор, трудом которого следовало воспользоваться.

В свете приведенных соображений наиболее близкой к реальности представляется гипотеза, разработанная и принимаемая прежде всего итальянскими исследователями⁴⁵: епископ Кротонский Иордан писал свои труды в начале 551 г. в Константинополе, где мог встретиться с Кассиодором и воспользоваться его сочинением, — отчасти именно возможностью такой встречи и объясняется просьба Касталия, жившего, вероятно, в Италии, написать краткий вариант истории готов по мотивам сочинения Кассиодора. Позиция епископа Иордана при папе Вигилии, его роль активного участника дискуссии с императором и отразились в именовании его «защитником церкви» папой Пелагием и «секретарем священного дворца» у Родриго де Рады (точнее, видимо, в неизвестном источнике де Рады, который далее я буду называть «Иордан де Рады»).

Как было показано в начале статьи на примере «списка северных народов», текст «Иордана де Рады», по всей вероятности, был менее развернут по сравнению с известным нам текстом «Гетики», и это не обязательно объясняется тем, что в нем имело место сокращение текста оригинала. Еще один интересный пример, возможно, подтверждающий этот тезис, — рассказ де Рады (II. 1) об обстоятельствах принятия готами христианства и уклонения их в арианство.

Сначала у де Рады идет краткий рассказ о Вульфице (*Gudila*), при котором готы приняли христианство, и о создании им готской письменности. Затем он пишет:

Huius rei gracia legatos cum muneribus ad Valentem imperatorem miserunt et doctores proptem suscipiendam christiani fidei regulam postularunt. Valens autem a ueritate catholica deuus et arriane heresis peruersitate detentus, ut audiuit Gothos fidem catholicam suscepisse, aplausit eisdem, et missis hereticis sacerdotibus Gothos persuasione nephanda sui erroris dogmati aggregauit, in tam preclaram gentem uirus pestiferum transfundendo. Sicque errorem quem recens credulitas bibit, tenuit diuque seruauit usque ad tercium synodum Toletanam, que fuit sub Recharedo principe celebrata.

Gothi autem statim ut Valentis litteras susceperunt, sibi dogmatis sui ecclesias construxerunt et talia iuxta eundem Arrium de ipsa diuinitate documenta sumpserunt, ut crederent Filium Patris maiestate esse minorem et eternitate posteriorem, Spiritum autem Sanctum neque Deum esse neque ex substancia Patris existere, set per Filium creatum esse, utriusque ministerio deditum et amorum obsequio subditum: aliam quoque Patris sicut personam sic et naturam asserentes, aliam Filii, aliam denique Spiritus Sancti, ut non iam secundum sancte Scripture tradicionem unus Deus et Dominus coleretur, set iuxta ydolatrie supersticionem tres Deos et Dominos faterentur; cuius blasphemie malum per decessum temporum regumque successum annis pluribus tenuerunt. Qui tandem salutis sue reminiscentes et inolitam perfidiam detestantes, ad unitatem catholice fidei redierunt aera CCCLXXX.

Этого дела (принятия христианства. — *В. Н.*) ради они отправили к императору Валенту послов с дарами и просили об учителях для принятия правил христианской веры. Валент же, от католической истины уклонившийся и превратностью арианской ереси увлекшийся, когда услышал, что готы приняли католическую веру, выразил им одобрение и, отправив еретических священников, приобщил готов превратным убеждением к своему ошибочному

⁴⁵ Luiselli 1976, 118—121; Amici 2002, 15—19; Momigliano 1956; 1999.

учению, вдохнув гибельный яд в столь славный народ. И юная доверчивость <готов> испила этого заблуждения, долгое время <народ> придерживался его и сохранял вплоть до Третьего Толедского собора, который состоялся при короле Реккареде.

Готы же, как только приняли послания Валента, сразу же по своему учению построили себе церкви и приняли, согласно Арию, воззрения о божестве, согласно которым верили, что Сын уступает Отцу величием и позже Его по вечности, а Святой Дух не Бог и не происходит из сущности Отца, но сотворен через Сына, отдан в услужение обоим и состоит на службе у обоих; они утверждали, что у Отца — одна ипостась и природа, у Сына — другая, у Святого Духа — третья, так что почитали уже не одного Бога и Господа, согласно традиции святого писания, но признавали трех Богов, согласно суеверию идолопоклонства. Этого дурного порока они придерживались длительное время и многие годы при сменявшихся <друг друга> королях. Наконец, вспомнив о своем спасении и отвратившись от укоренившейся ложной веры, они вернулись к единству католической веры в 390 году [испанской] эры.

Понятно, что описание сути арианской ереси привнесено скорее всего самим де Радой, но канва рассказа совершенно иная, чем в «Гетике»: Вульфилу упоминается там в ином контексте, в связи с «малыми готами», распространение арианства при Валенте описано иначе и вне связи с деятельностью Вульфилы (*Get.* 131–133, 267).

Помимо таких текстуальных расхождений, «Иордан де Рады» обнаруживает еще два существенных, на мой взгляд, отличия от известной нам «Гетики».

Во-первых, события ранней готской истории, сведения о которых восходят явно к Иордану (вплоть до буквального цитирования), у де Рады датированы — по годам правления римских императоров и «по эре». Даты «по эре» у де Рады могут отражать только испанскую эру (с 1 января 38 г. до н.э.), однако в этом случае наблюдаются странные расхождения с датировками по императорам. Речь идет о следующих датах (*de Rada Hisp.* I. 16–II. 5).

Первое датированное событие — вторжение готов через Дунай на территорию Империи: *in qua regnavit Domicianus Æra CXXV*. Тит Флавий Домициан правил в 119–144 гг. исп. э. Затем — более точно датированное событие, нашествие готов под властью Гнивы на империю, осада Филиппополя: *qui Decius cepit regnare Æra CCLXVII*. Деций Траян начал править в 287–288 гг. исп. э., расхождение с датой де Рады — примерно 20 лет.

Далее де Рада датирует приход к власти Гебериха: *post Ariacum et Auricum Geberic succedit in regnum anno Constantini XXVII Æra CCCLIII*. 27-й год правления Константина Великого приходится примерно на 371–372 гг. исп. э., расхождение примерно 19 лет.

Приход к власти Германариха датирован так: *anno Constancii imperatoris secundo Æra CCCLVII*. По-видимому, имеется в виду второй год правления Констанция II, который, если считать его правление от 337 г. н.э., приходится примерно на 376–377 гг. исп. э. Расхождение — примерно 20 лет.

Приход к власти Атанариха Вестготского: *administrationem suscepit Athanaricus Æra CCCLXXXI et regnavit annis XIII*. Согласно «*Chronica regum Visigothorum*», Атанарих пришел к власти в 400 г. исп. э. (расхождение — 19 лет), и правил не 13, а почти 19 лет.

Разделение правления готами между Радагайсом и Аларихом: *set dum regem eligere procurarent anno XI Archadii et Honori Æra CCCXXIII in Radagayso et Alarico diuisi se uarii cedibus lacerarunt*. 11-й год правления Аркадия и Гонория после смерти Феодосия Великого (у де Рады дата по эре — CCCXII, на самом

деле — 433 г. исп. э.) приходится примерно на 443 г. исп. э. Расхождение — примерно 20 лет.

Смерть Алариха: *Alaricus morte subita est defunctus XXVII regni anno CCCCL*. Аларих I умер примерно в 448–449 гг. исп. э. Расхождение около года.

Таким образом, до смерти Алариха при описании событий, источником которого является Иордан, сбой дат по сравнению с реальными датами по испанской эре у де Рады составляет около 20 лет, причем это касается не только событий готской истории, но и ряда датировок правления римских императоров, которых я здесь не привожу. Со смерти Алариха сдвиг «эры» де Рады от испанской эры резко меняется и составляет около одного-двух лет. При этом рассказ об Аларихе с момента начала его правления (т.е. еще с датой со сбоем в 20 лет) у де Рады взят не (только) из Иордана, но и из Исидора Севильского: у него есть история об убийстве Стилихоном Радагайса, соправителя Алариха, что стало поводом к нападению Алариха на Рим (*Isid. Hist.* 14–15; *de Rada Hisp.* II. 4–5), тогда как в «Гетике» Радагайса вообще нет, он упоминается в «Романе» и у Орозия (*Rom.* 321)⁴⁶, но в совершенно другом контексте. Однако у Исидора год смерти Алариха — 448, т.е. полного совпадения с де Радой тоже нет. Источник приведенных датировок не ясен, равно как и причины отмеченного сдвига на 20 лет.

Во-вторых, интерес вызывает способ передачи у де Рады некоторых имен, взятых из Иордана.

Имена вождей готов, правивших ими во время переселения из Скандии в Скифию, у де Рады даны как *Veric* и *Philimer* (I. 8.— I. 9)⁴⁷ — ср. у Иордана *Berig* (практически без разночтений) и *Filimer* / *Filemer* (*Get.* 25–26). Обычно де Рада не путает буквы «V» и «B», что наводит на мысль о возможности такой замены уже в «Иордане де Рады». Написание «PH» вместо «F» также не находит объяснения в «Гетике». У де Рады можно встретить еще написание имени Атаульф как *Athaulph* (*de Rada Hisp.* II. 1), но в описании более поздних периодов вестготской истории таких случаев, кажется, больше нет. Оба имени, *Veric* и *Philimer*, наводят на мысль о транскрипции с византийского греческого, и прототипы могли бы быть реконструированы как *Βέριх и *Φίλημερ / *Φίλιμερ соответственно. При этом следует иметь в виду, что в описании событий более позднего времени (сведения, взятые уже не из Иордана) бета у де Рады передается через «B»⁴⁸.

Есть еще один, более сложный случай, который, однако, почти не оставляет другой возможности, кроме греческого посредства. Имя вождя вандалов, побежденного Геберихом (у Иордана *Visimar*), у де Рады передано как *Huumar* (*Get.* 113; *de Rada Hisp.* I. 18). Имя **Visimar* могло быть записано по-гречески как *Οὐσιμαρ⁴⁹, с последующей потерей сигмы, которая, написанная надстрочно

⁴⁶ Skrzhinskaya 1997, 283.

⁴⁷ У де Рады после Верика правил Гадарик, затем — его сын Филимер, у Иордана Филимер сын Гадарига — пятый после Берига «король» готов.

⁴⁸ Ср. *Belesarius* (*de Rada Hisp.* II. 12).

⁴⁹ Для германского *Wi- у Прокопия Кесарийского, например, системно используется Oυ- вместо Oυι- (*Schönfeld* 1911, 265).

(*Οὐζαρ)⁵⁰, могла быть воспринята как сильное придыхание, вследствие чего и появилась транслитерация Нуутаг. Несмотря на замысловатость такого объяснения, оно приемлемо, и ничего другого для столь странного перехода придумать, кажется, нельзя⁵¹.

Интересно, что греческим посредством в происхождении «Иордана де Рады» в принципе можно было бы объяснить и отмеченный выше странный сдвиг на 20 лет в датировках. Если бы ключевой датой, от которой строилась остальная хронология в «Иордане де Рады», был год между 350 и 359 по испанской эре (например 312 г. н.э. — год победы Константина над Максенцием), то при переписывании текста по-гречески дата CCCL... могла быть ошибочно записана как TL... (латинская L = 50 ошибочно заменена Λ = 30), которая затем, при обратной передаче на латыни, превратилась в CCCXX⁵². Главной слабостью такого объяснения является отсутствие в тексте де Рады подходящей даты, но это не значит, что ее не было в «Иордане де Рады».

Таким образом, материалы «De rebus Hispaniae» Родриго Хименеса де Рады позволяют предположить, что в распоряжении Толедского архиепископа в начале XIII в. имелся нетривиальный список «Гетики» («Иордан де Рады»), более краткий по сравнению с известным нам текстом, содержащий даты событий ранней готской истории и несущий, возможно, следы прохождения через греческий перевод или, по крайней мере, какого-то греческого влияния. Кроме того, вероятно, из этого же текста происходит указание на то, что автор «Гетики» был секретарем Святого дворца, что дает дополнительный аргумент в пользу идентификации Иордана — автора «Гетики» с Иорданом — епископом Кротонским.

Причины появления «Иордана де Рады» могут быть разными. Нельзя, однако, в связи с этими наблюдениями не обратить внимания на одно важное и часто не учитываемое при исследовании «Гетики» обстоятельство: у нее было два протографа. Один, согласно предложенной здесь гипотезе, был отослан некоему Касталию, жившему «в соседстве с народом [готов]», а второй передан Иорданом в Константинополе вместе с «Романой» (*Rom.* 4—5) папе Вигилию. Как было отмечено выше, наличие двух протографов учитывается только в новейшей стемме Джунта и Грилло-не⁵³, но итальянские исследователи исходят при этом из имплицитного предположения об идентичности обоих списков. Между тем это предположение никем не доказано и может быть поставлено под сомнение благодаря словам самого Иордана, писавшего Касталию: «Если о чем-нибудь сказано мало, а ты сам, живущий в соседстве с [описываемым] племенем, припоминаешь большее, сделай свои

⁵⁰ По крайней мере с начала VIII в. это было возможно — благодаря Д.А. Яламаса за полезнейшую консультацию.

⁵¹ Есть еще одна возможность объяснения здесь густого придыхания: если учитывать, что епископ Ульфила принадлежал к аттикистам, то и автор или переписчик «Иордана де Рады» мог быть продолжателем «готского аттикизма» (благодарю редколлегию ВДИ за данное ценное замечание).

⁵² Нельзя не заметить, что то же самое могло произойти и при передаче даты готскими буквами: CCCL... > TL... > CCCXX.

⁵³ Giunta, Grillone 1991, XVI.

добавления, дорогой брат, вознося за меня молитву» (*Get. 3*)⁵⁴. Из этого пассажа однозначно следует, что Иордан не относился к своему тексту как к неприкосновенному, завершённому произведению. Учитывая, что «Романа» была дописана после завершения «Гетики»⁵⁵, нельзя исключать и той возможности, что и текст «Гетики», переданный Вигилию, мог быть изменен и дополнен самим Иорданом по сравнению с ранее отосланным Касталию текстом.

По всей вероятности, все известные нам синоптические списки «Гетики» восходят к одному из этих протографов: либо к тому, который сохранился в папском архиве и был привезен из Константинополя, либо к тому, который, оказавшись у неведомого нам Касталия, мог получить некоторую известность (например в Италии) и позднее, уже в период лангобардского владычества, лечь в основу нескольких списков. Не исключено, что «Иордан де Рады» представлял собой единственный сохранившийся список второго протографа «Гетики»: это мог быть и константинопольский экземпляр, на что косвенно указывают греческие следы в «Иордане де Рады», и экземпляр Касталия, оказавшийся у вестготов и сохранившийся у них. Не исключено, что «Иордан де Рады» еще может быть обнаружен в испанских хранилищах, хотя проведенные мною дистанционные изыскания не дали никаких результатов⁵⁶. Одна из задач данной статьи — привлечь внимание специалистов к этому интереснейшему направлению поисков.

Литература / References

- Amici, A. 2002: *Iordanes e la storia gotica*. (Quaderni della Rivista di Bizantinistica, 6). Spoleto.
- Anfert'ev, A.N. 1994: [Jordanes]. In: L.A. Gindin, S.A. Ivanov, G.G. Litavrin (eds.), *Svod drevneyshikh pis'mennykh izvestiy o slavyanakh* [Collection of the Most Ancient Sources about the Slavs]. Vol. I: I–VI cc. Moscow, 98–161.
- Анфертьев, А.Н. Иордан. В сб.: Л.А. Гиндин, С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин. (сост.), *Свод древнейших письменных известий о славянах*. Т. 1: I–VI вв. М., 98–161.
- Bolotov, V.V. 1918: *Leksii po istorii drevney Tserkvi*. Т. IV. *Istoriya tserkvi v period Vselenskikh Soborov*. Otdel. 3. *Istoriya bogoslovskoy mysli* [Lectures on the History of Ancient Church. Vol. IV. The Church History During the Times of the Ecumenical Councils. Pt. 3. The History of the Theological Thought]. Petrograd.
- Болотов, В.В. *Лекции по истории древней Церкви*. Т. IV. *История Церкви в период Вселенских Соборов*. Отдел III. *История богословской мысли*. Петроград.
- Cassel, S. 1848: *Magyarische Alterthümer*. Berlin.
- Christensen, A.S. 2002: *Cassiodorus, Jordanes and the History of the Goths. Studies in a Migration Myth*. Copenhagen.
- Ebert, A. 1874: *Allgemeine Geschichte der Literatur des Mittelalters im Abendlande bis zum Beginne des XI. Jahrhunderts*. Bd. 1. *Geschichte der christlich-lateinische Literatur von ihren Anfängen bis zum Zeitalter Karls des Großen*. Leipzig.
- Gindin, L.A., Shelov-Kovedyaev F.V. 1994: [Strava]. In: L.A. Gindin, S.A. Ivanov, G.G. Litavrin (eds.), *Svod drevneyshikh pis'mennykh izvestiy o slavyanakh* [Collection of the Most Ancient Sources about the Slavs]. Vol. 1: I–VI cc. Moscow, 161–169.
- Гиндин, Л.А., Шелов-Коведяев, Ф.В. Strava. В сб.: Л.А. Гиндин, С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин (сост.), *Свод древнейших письменных известий о славянах*. Т. I. I–VI вв. М., 161–169.

⁵⁴ Skrzhinskaya 1997, 61.

⁵⁵ Skrzhinskaya 1997, 29–31.

⁵⁶ Благодарю О.В. Аузова за исчерпывающие консультации и квалифицированную помощь.

- Giunta, F., Grillone, A. 1991: *Jordanis De origine actibusque Getarum*. (Fonti per la storia d'Italia pubblicate dall'Istituto Storico Italiano per il Medio Evo, 117). Roma.
- Gutschmid, A. von 1894: Zu Jordanis. In: A. von. Gutschmid, *Kleine Schriften*. Bd. 5. *Schriften zur römischen und mittelalterlichen Geschichte und Literatur*. Leipzig, 288–336.
- Hachmann, R. 1970: *Die Goten und Skandinavien*. (Quellen und Forschungen zur Sprach- und Kulturgeschichte der germanischen Völker. Neue Folge, 34). Berlin.
- Korkkanen, I. 1975: *The Peoples of Hermanaric: Jordanes, Getica 116*. (Annales Academiae scientiarum Fennicae. Series B, 187). Helsinki.
- Lehman, P., Stroux, J. 1999: *Mittelateinisches Wörterbuch bis zum ausgehenden 13. Jahrhundert, begründet von Paul Lehman und Johannes Stroux*. Bd. II: C. München.
- Luiselli, B. 1976: Sul De summa temporum di Jordanes. *Romanobarbarica* 1, 83–133.
- Mierow, Ch.Chr. 1915: *The Gothic History of Jordanes in English Version with an Introduction and a Commentary*. Princeton–London.
- Momigliano, A. 1956: Gli Anicii e la storiografia latina del VI sec. d. C. In: *Fondation Hardt pour l'étude de l'Antiquité classique. Entretiens sur l'Antiquité classique*. T. IV. *Histoire et historiens dans l'Antiquité*. Genève, 249–290.
- Momigliano, A. 1999: Cassiodor und italienische Kultur seiner Zeit. In: A. Momigliano, *Ausgewählte Schriften zur Geschichte und Geschichtsschreibung*. Bd. 2. *Spätantike bis Spätaufklärung*. Stuttgart–Weimar, 37–58.
- Mommsen, Th. 1882: *Jordanis Romana et Getica*. (Monumenta Germaniae historica. Auctorum antiquissimorum, V/1). Berlin.
- O'Donnell, J. 1982: The Aims of Jordanes. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 31/2, 223–240.
- Schönfeld, M. 1911: *Wörterbuch der altgermanischen Personen- und Völkernamen*. (Germanische Bibliothek, I. Sammlung germanischer Elementar- und Handbücher. IV Reihe: Wörterbücher, 2). Heidelberg.
- Shchukin, M.B. 2005: *Gotskiy put'. Goty, Rim i chernyakhovskaya kul'tura* [Way of the Goths. Goths, Rome and the Chernyakhovskaya Culture]. Saint Petersburg.
- Шукин, М.Б. *Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура*. СПб.
- Skrzhinskaya, E. Ch. 1997: *Jordan. O proiskhozhdenii i deyaniyakh gotov. Getica. Vstupitel'naya stat'ya, perevod, kommentariy* [Jordanes. On the Origins and the Deeds of the Goths. Getica. Introduction, Translation, Comments]. 2nd ed. Saint Petersburg.
- Скржинская, Е.Ч. *Иордан. О происхождении и деяниях готов. Getica. Вступительная статья, перевод, комментарий*. 2-е изд. СПб.
- Sybel, H. von 1838: *De fontibus libri Jordanis De origine actibusque Getarum*. Berlin.
- Valverde, J.F. 1987: *Roderici Ximenii de Rada Historia de rebus Hispanie sive Historia Gothica*. (Corpus Christianorum. Continuatio mediaevalis, LXXII. Roderici Ximenii de Rada opera omnia, I). Turnhout.
- Wagner, N. 1967: *Getica. Untersuchungen zum Leben des Jordanes und zur frühen Geschichte der Goten*. (Quellen und Forschungen zur Sprach- und Kulturgeschichte der germanischen Völker. Neue Folge, 22). Berlin.
- Wattenbach, W. 1904: *Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter bis zur Mitte des XIII Jahrhunderts*. Bd. 1. Stuttgart–Berlin.
- Zin'kovskaya, I.V. 2018: *Gotland Ermanarikha: ostrogoty v Vostochnoy Evrope na rubezhe Drevnosti i Srednevekov'ya* [Ermanaric's Gothland: Ostrogoths in the Eastern Europe at the Turn of Antiquity and Middle Ages]. Moscow–Saint Petersburg.
- Зиньковская, И.В. *Готланд Эрманариха: остроготы в Восточной Европе на рубеже Древности и Средневековья*. М.—СПб.
- Zottl, Chr.M. 2004: De origine actibusque Getarum: Textanalytische Gedanken zur Gotengeschichte des Jordanes. *Concilium medii aevi* 7, 93–123.

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

Vestnik drevney istorii
83/4 (2023), 868–876
© The Author(s) 2023

Вестник древней истории
83/4 (2023), 868–876
© Автор(ы) 2023

DOI: 10.31857/S032103910024730-6

AN EGYPTIAN SCULPTORS' MODEL OF THE LATE PERIOD IN THE PUSHKIN STATE MUSEUM OF FINE ARTS, MOSCOW (ГМИИ I, 1A 4127)

Ivan A. Ladynin

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia*

E-mail: ladynin@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8779-993X

Acknowledgements: Russian Science Foundation, project no. 19-18-00369-П

The article proposes an attribution for a model of a royal sculpture (ГМИИ I, 1a 4127). The artifact seems to find a rather close parallel in the sculpture head Cairo CG 838, which was attributed to the king Hakoris of the Dynasty XXIX (392/1–379/8 BC). Perhaps, this attribution can be reinforced by comparing the Moscow model with some reliefs of Hakoris emphasizing his youthful features.

Keywords: Ancient Egypt, Late Period, royal sculpture, sculptors' model, Hakoris, the Pushkin Museum of Fine Arts

ЕГИПЕТСКАЯ СКУЛЬПТУРНАЯ МОДЕЛЬ ПОЗДНЕГО ВРЕМЕНИ В СОБРАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ ИМЕНИ А.С. ПУШКИНА (ГМИИ I, 1A 4127)

И. А. Ладынин

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия*

E-mail: ladynin@mail.ru

Author. Ivan Andreevich Ladynin – D. Habil. (History), Associate Professor at the Department of Ancient History at the Faculty of History of the Lomonosov Moscow State University, Professor of the School of History at the Faculty of the Humanities of the National Research University "Higher School of Economics".

В статье обосновывается атрибуция египетской модели царской скульптуры Позднего времени (ГМИИ I, 1а 4127). Наиболее показательной параллелью данному памятнику представляется скульптурная голова из Каирского музея (CG 838), атрибуированная царю XXIX династии Акорису (392/1–379/8 гг. до н.э.). Возможно, такая атрибуция может быть дополнительно аргументирована сравнением московской модели с некоторыми рельефами времени Акориса, акцентирующими в его образе юношеские черты.

Ключевые слова: древний Египет, Позднее время, царская скульптура, скульптурные модели, Акорис, ГМИИ им. А.С. Пушкина

The Egyptian collection of the Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow, preserves a number of sculpture objects, which have not been properly studied so far. One of them is a bust of a king, which undoubtedly served as a sculptors' model¹ (ГМИИ I, 1а 4127; fig. 1–4). The artifact had once been bought in Egypt by the famous Russian Egyptologist and collector of Egyptian antiquities Vladimir Golenischeff, purchased from him by the Russian state and became a part of the Museum's collection at its foundation in 1909–1911². The provenance of the object, like most Golenischeff's acquisitions, is unknown. It was briefly described in a signal publication shortly after the foundation of the Museum³ and in due course in the fundamental catalogue of its Egyptian sculpture by Oleg Berlev and Svetlana Hodjash (see below). The problem that remains unsolved is its overall interpretation and, in the first place, its attribution.

The material of the object is limestone, which acquired a light brown colour; it is 18 cm high, 14 cm wide and 11.5 cm thick. The model represents a king wearing *nemes*, of which only strips over his forehead and lappets falling on the shoulders are shown; the top of the head and the arms below the shoulder-joints are absent, and so is the body below the upper part of the breast. The back of the image is a flat surface, which bears a wide net indicating the proportions of the figure; the presence of the net shows definitely that this is a sculptors' model. *Nemes* indicates that the individual portrayed is a king⁴, let alone that there was no practical need to create a standard model for an image of a private person, not likely to be replicated. The king is shown young although the image does not allow to define his age: it might easily be from teens to twenties and, together with the delicateness and the symmetry of facial features, rather indicate a high degree of the image's idealization. The eyes are almond-shaped and not wide; their lower lids are rounder than the upper ones, and the latter are detailed with wide line well-elongated to the temples. The eyebrows are straight, with slight rounding to the outer sides, and their inner tips and the top of the nose form the 'inverted triangle' typical for the standard of royal sculpture in the 4th and the 3rd centuries BC⁵; perhaps, one might also speak of a slight line connecting the brows over the nose and accentuating the triangle. The nose is very slightly upturned, shows a hardly noticeable hump and has rather wide nostrils. The

¹ Liepsner 1982; Berlev, Hodjash 2004, 423; Tomoum 2005 (this publication does not take into account the artifact discussed in the present article).

² Demskaya *et al.* 1987; Bierbrier 2019, 184; Ladynin 2022, 121–161.

³ Borozdina 1917, 232, 237, pl. VI.3 (no. 2).

⁴ See on *nemes* as a purely royal headdress Collier 1996, 69–78.

⁵ Josephson 1997, 5, fig. 2; Stanwick 2002, 66–69 ("Group A" of his typology); Ladynin 2021, 73–74.

Fig. 1. The sculptors' model ГМИИ I, 1a 4127, face © *Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow*

Fig. 2. The sculptors' model ГМИИ I, 1a 4127, left side © *Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow*

Fig. 3. The sculptors' model ГМИИ I, 1a 4127, right side © *Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow*

Fig. 4. The sculptors' model ГМИИ I, 1a 4127, rear © *Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow*

mouth is not big, with a very faint smile, and the upper lip is wider than the lower. The shape of the face is a rounded oval, the ears are large, elongated ovals. The regularity of the facial features is emphasized and shows a degree of their conventionalism, although the individuality is hardly totally absorbed with it⁶. Generally, the image corresponds to

⁶ The first publisher of the object T. Borozdina believed that the image is purely idealized (Borozdina 1917, 237).

the standard of the royal iconography of the 4th and the 3rd centuries BC; but its conventionalism leads to search for its analogies in the sculpture of the last native dynasties rather than of the Ptolemaic time⁷.

However, attribution to a specific ruler is problematic. The authors of the catalogue of the Egyptian sculpture in the Pushkin Museum refrained from any precise judgement on the date and the attribution of the object⁸ as well as the other sculptors' models due to their being "extremely imprecise", but agreed that the group of these objects "for the most part dates from the Ptolemaic Period"⁹. The face of the model is definitely different from the images of Nectanebo I, which show wider eyebrows turned at the outer sides much lower, wider eyes and bigger mouth and do not seem to accentuate his youthhood and the delicateness of his features¹⁰. There are no images of Amirtaeus of Dynasty XXVIII, of Nephertites I, Psamuth and Nephertites II of Dynasty XXIX, and of the second king of Dynasty XXX Tachos¹¹; and the iconography of its third king Nectanebo II is problematic as there are no inscribed images of him. It has been thought that the only such image was the sculpture head from the Pushkin Museum of Fine Arts with his titles inscribed on the back pillar¹²; but Berlev and Hodjash showed by bringing analogies from Dynasty XXVI¹³ that the sculpture was not only intended to represent Osiris rather than the king but also that the resemblance of their images is questionable¹⁴. In fact, wide lines detailing the eyes and brows of that sculpture are really not typical for the royal portraits of the 4th century.

An analogy to the Moscow sculptors' model that seems helpful is a sculpture head, now at the Cairo Museum, showing a king in a blue crown with an uraeus on its forehead¹⁵ (fig. 5). The form of the eyes and the detailing of the lids seem much the same as on the Moscow model, although the head shows no elongation of the upper lids to the

Fig. 5. The sculpture head Cairo CG 838 (URL: <https://alchetron.com/Nectanebo-II>; accessed on: 04.11.2023)

⁷ See on greater individualization of the early Ptolemaic royal sculpture Josephson 1997, 42–44; Ladynin 2021, 78.

⁸ Berlev, Hodjash 2004, 427 (no. 151).

⁹ Berlev, Hodjash 2004, 423.

¹⁰ The inscribed images of the king are: a bust from Hermopolis Parva (Mansoura 25; Josephson 1997, 6, pl. 2a); a sculpture head in the white crown (Louvre E 27124; Josephson 1997, 7, pl. 2d); a standing statue from Hermopolis (Cairo JE 87298; Josephson 1997, 8, pl. 3b; Stanwick 2002, 216, fig. 201a).

¹¹ Josephson 1997, 2, 9. The reigns of Psammuthis and Nephertites II were probably too ephemeral to leave their monuments: Ladynin 2013, 1–2.

¹² Josephson 1997, 9, n. 61.

¹³ De Meulenaere, Bothmer 1969.

¹⁴ Berlev, Hodjash 2004, 361–363 (no. 117).

¹⁵ Cairo CG 838; Josephson 1997, pl. 7b.

temples. The shapes of the face and of the ears on both objects seem matching; the lower part of the nose of the sculpture head is lost but its proportions are probably the same as on the Moscow model. The brows on the sculpture head are shown by modeling the stone and it seems that they are lowering to the outer sides rather sharply; the Moscow model details the brows with less conspicuous lines but a better look at them shows that their form is virtually the same. A minor distinction between the two objects is that the lower lip of the sculpture head seems slightly bigger than the upper, while the Moscow head shows the opposite; still the width of the mouth is the same on both of them. One should say that the face of the model is more conventional and idealized, while the face of the sculpture head reveals more individuality and does not emphasize the youthhood; nevertheless, it is probable that they both represent one and the same ruler.

However, the attribution of the Cairo head is a matter of discussion. It was attributed to Hakoris of Dynasty XXIX in the classical publication by B. Bothmer as it showed “the double figure-eight coil of the uraeus”, which seemed to be out of use under Nectanebo I (the reason to assign the statue to the 4th century BC rather than to earlier times must have been its style, although the author did not say that explicitly)¹⁶. K. Myśliwiec rigidly denied that this form of uraeus could be used later than under Dynasty XXVI and assigned to that time not only this head but also a bronze kneeling statuette showing the same detail and usually attributed to Hakoris or Nectanebo II¹⁷. J. Josephson also challenged the attribution of the head to Hakoris and ascribed it to Nectanebo II, as the “tapered lower lip” and “very narrow and slanted” eyes resemble to two other sculptures which the scholar attributed to this king¹⁸. However, Bothmer’s catalogue obviously did not rule out as rigidly the continuation of this Saite form of uraeus in the early 4th century BC; and there is a reasonable view that “headgear shapes and uraei are by no means reliable as chronological markers in these late eclectic periods”¹⁹. As for Josephson’s physiognomic arguments, the lower lip of the sculpture head seems indeed bigger, as it has been said, but it is obviously not “tapered”, and its eyes, though not too wide, are not emphatically narrowed. One might add that the face of the Cairo head is obviously different from that of another head, for which the attribution to Nectanebo II was proposed²⁰. Besides, the Cairo head ascribed to Hakoris probably comes from the area of

¹⁶ Bothmer 1960, 89; see a list of publications joining this view: Grimm 1984, 15, n. 10.

¹⁷ Myśliwiec 1988, 78; cf. Kansas City, Nelson-Atkins Museum of Art 53.13; Bothmer 1960, 88–89, pl. 67, fig. 172–173 (no. 71); Hill 2004, 166–167, pl. 65 (no. 32).

¹⁸ Josephson 1997, 28; cf. Philadelphia E14303 and Alexandria 23843 (Josephson 1997, 27–28, pl. 10a–b).

¹⁹ Hill 2004, 92, n. 66.

²⁰ Goyon, Gabolde 1991, 22–27. The sculpture was dated to the reign of Nectanebo II on grounds of its stylistic resemblance to three monuments ascribed to this time: Dattari statue (Brooklyn Museum 52.82), the sphinx Vienna ÄS 76, the head of a queen MMA 38.10. The dating of the latter sculpture to the 4th century BC instead of its usual attribution to Arsinoe II seems dubious, as it displays the double uraeus unattested under the last native dynasties: Nilsson 2010, 233–234, 425–426 (with bibliography); cf. Walker, Higgs 2001, 44 (no. 6). For doubts concerning the attribution proposed by J.-Cl. Goyon and M. Gabolde and the alternative attribution of the object to a Ptolemaic ruler see Josephson 1997, 19.

Fig. 6. The sphinx of Hakoris (Louvre A 27). *Musée du Louvre* (URL: <https://collections.louvre.fr/en/ark:/53355/cl010009338>; accessed on: 04.11.2023)

Fig. 7. The sphinx of Nephertites I (Louvre A 26). *Musée du Louvre* (URL: <https://collections.louvre.fr/en/ark:/53355/cl010007879>; accessed on: 04.11.2023)

Hakoris' native town of Mendes, and its stone is similar to the inscribed Hakoris' torso from Ahnas el-Medina²¹.

Thus, the attribution of the head to Hakoris should by no means be discarded. A natural verification for it would have been the comparison with an inscribed sphinx of Hakoris expected to reproduce his individual features²² (fig. 6). J. Josephson left the sphinxes totally outside his typology of the 4th century portraits insisting that they presented “an overridealized uniformity inconsistent with the idea that the kings of Egypt had recognizable portraits of themselves” and their style “may derive from workshops separate from those dedicated to anthropoid statues”; besides, he stressed affinities in modeling and repairs of the sphinx of Hakoris and that of Nephertites I²³ (fig. 7), which made them “so similar as to make a pair”²⁴. Their similarity should possibly not be overrated, as a larger face and the greater distance between the eyes of the sphinx of Nephertites I are easily noticeable; the distortion of facial features (nose and mouth) due to repairs is more of an obstacle to use these images as a reference point for attribution. Still the eyes and the brows of Hakoris' sphinx seem to

²¹ Grimm 1984, 14; Hill 2004, 91–92 and n. 66.

²² Louvre A 27; Josephson 1997, pl. 1d.

²³ Louvre A 26; Josephson 1997, pl. 1c.

²⁴ Josephson 1997, 4.

Fig. 8. A relief fragment with the king Hakoris (Fitzwilliam Museum, Cambridge, EGA 75-1949; Myśliwiec 1988, pl. LXXIVb)

K. Myśliwiec, an important feature of Hakoris' representations on his reliefs is his youthhood: it is suggested with the "chin's lower contour, running horizontally towards the neck or slanting insignificantly", the diminished volume of the lower part of the face, and a "sensitive modelling of the thick-lipped and slightly protruding mouth" giving to the face "a feeling of serenity". Besides, Hakoris' nose is "slightly retroussé" on a number of reliefs, and the "almond-shaped and almost imperceptibly slanting eyes" are modeled with rims, the upper of them extended beyond the corner of the eye²⁸ (fig. 8). Virtually all these traits are found in the Moscow sculptors' model as seen in the profile (fig. 2). Certainly, the iconography of royal reliefs absorbs individuality to a greater extent than the iconography of sculpture; however, should the observations by Myśliwiec really define the specific feature of Hakoris' official portraiture, they give more reason to attribute to him the Moscow head. Consequently, the identity of the ruler it portrays with that of the Cairo sculpture head, if verily established, supports the attribution of the latter object to Hakoris.

Thus, to say the least, the Moscow sculptors' model, and Cairo sculpture head CG 838, as its closest parallel, can be attributed to the same king of the 4th century BC, whose images were created in conformity with the iconographic standard of the time. His identity with Hakoris cannot be firmly established but is plausible. Perhaps, one more argument

have remained intact: the brows of the sphinx are much the same as on the Cairo head, but the distance between the eyes of the sphinx is slightly lesser, they seem wider and their placement on the face is different (they are rather downturned, with rounder upper and flatter lower rims, while the sculpture head shows almond-shaped eyes). Oddly enough, a similar considerable variation in the placement of eyes is observed on two inscribed images of Ptolemy II²⁵: they are almond-shaped on the Vatican statue²⁶ and downturned, with flat lower lids on the Strasbourg fragment²⁷. Thus, though the comparison between the faces of Hakoris' sphinx and the Cairo sculpture does not positively support the latter's attribution to this king, it probably does not preclude this possibility either.

However, an additional argument for this possibility might be provided by the Moscow sculptors' model. According to

²⁵ See Ladynin 2021, 78.

²⁶ Museo Gregoriano Egizio 22681; Josephson 1997, pl. 13c; Ashton 2001, 84–85, fig. 6 (no. 6); Stanwick 2002, 157, fig. 2–3 (no. A3); Brophy 2015, 112–113, fig. 37 (no. 37).

²⁷ Strasbourg 1585; Bothmer 1960, 121–122, pl. 90 (no. 96); Josephson 1997, pl. 13d; Ashton 2001, 84–85, fig. 5 (no. 5); Stanwick 2002, 99, 158, fig. 6 (no. A5); Brophy 2015, 131, fig. 56 (no. 56).

²⁸ Myśliwiec 1988, 76–77, pl. LXXIc, LXXIIIa, LXXIVb, LXXV.

for it is the length of Hakoris' reign (392/1–379/8 BC) exceeding that of any other king of the 4th century BC except Nectanebos I and II²⁹. This reign left plenty of monuments including royal statuary, mostly known in fragments³⁰; so it is reasonable to expect the existence of sculptors' models that provided for its replication.

References

- Ashton, S.-A. 2001: *Ptolemaic Royal Sculpture from Egypt: The Interaction between Greek and Egyptian Traditions*. (BAR International Series, 923). Oxford.
- Berlev, O.D., Hodjash, S.I. 2004: *Skul'ptura drevnego Egipta v sobranii Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv im. A.S. Pushkina* [Sculpture of Ancient Egypt in the Collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts]. Moscow.
- Берлев, О.Д., Ходжаш, С.Я. *Скульптура древнего Египта в собрании Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина*. М.
- Bierbrier, M.L. (ed.) 2019: *Who Was Who in Egyptology*. 5th ed. London.
- Borozdina, T.N. 1917: [Monuments of the Museum of Fine Arts at the Moscow University. Egyptian Sculptors' Models]. In: *Sborniki Moskovskogo Merkuriya po istorii literatury i iskusstva* [The Collection of the Moscow Mercury on the History of Literature and Arts]. Issue 1. Moscow, 221–241.
- Бороздина, Т.Н. Памятники Музея изящных искусств при Московском университете. Египетские скульптурные модели. В сб.: *Сборники Московского Меркурия по истории литературы и искусства*. Вып. 1. М., 221–241.
- Bothmer, B. 1960: *Egyptian Sculpture of the Late Period 700–100 B.C.* New York.
- Brophy, E. 2015: *Royal Statues in Egypt 300 B.C. – A.D. 220. Context and Function*. (Archaeopress Egyptology, 10). Oxford.
- Collier, S. 1996: *The Crowns of Pharaoh: Their Development and Significance in Ancient Egyptian Kingship*. PhD thesis. Ann Arbor.
- Demskaya, A.A., Hodjash, S.I., Berlev, O.D., Kachalina, G.I., Yakovleva, E.M. (eds.) 1987: *Vydayushchiysya russkii vostokoved V.S. Golenishchev i istoriya priobreteniya ego kollektsii v Muzei izyashchnykh iskusstv (1909–1912)* [Outstanding Russian Orientalist V.S. Golenischeff and the Acquisition of His Collection for the Museum of Fine Arts (1909–1912)]. Moscow.
- Демская, А.А., Ходжаш, С.И., Берлев, О.Д., Качалина, Г.И., Яковлева Е.М. (сост.). *Выдающийся русский востоковед В.С. Голенищев и история приобретения его коллекции в Музей изящных искусств (1909–1912)*. (Из архива ГМИИ, 3). М.
- Goyon, J.-Cl., Gabolde, M. 1991: Trois pièces de Basse Époque et d'Époque Ptolémaïque au Musée des Beaux-Arts de Lyon. *Bulletin des musées et monuments lyonnais* 3–4, 4–27.
- Grimm, A. 1984: Ein Statuentorso des Hakoris aus Ahnas el-Medineh im Ägyptischen Museum zu Kairo. *Göttinger Miszellen* 77, 13–17.
- Hill, M. 2004: *Royal Bronze Statuary from Ancient Egypt: With Special Attention to the Kneeling Pose*. (Egyptological Memoirs, 3). Leiden–Boston.
- Josephson, J. 1997: *Egyptian Royal Sculpture of the Late Period 400–246 B.C.* (Deutsches Archäologisches Institut, Abt. Kairo. Sonderschrift, 30). Mainz.
- Ladynin, I. 2013: Late Dynastic Period. In: W. Grajetzki, W. Wendrich (eds.), *UCLA Encyclopedia of Egyptology*. Los Angeles.
- Ladynin, I.A. 2021: [Foreign Kings: The Egyptian Portraits of the Ptolemies of the 3rd and the Early 2nd Centuries B.C. and Their Historical and Ideological Context]. In: I.A. Ladynin, O.A. Vasil'eva, A.A. Nemirovskiy (eds.), *Tsivilizatsii klassicheskogo Vostoka v pamyatnikakh sobraniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv im. A.S. Pushkina* [The Civilizations of the Classical Orient in the Collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts]. Moscow–Saint Petersburg, 69–97.
- Ладынин, И.А. Чужеземные цари: египетские портреты Птолемеев III – начала II вв. до н.э. и их исторический и идеологический контекст. В сб.: И.А. Ладынин, О.А. Васильева,

²⁹ Ladynin 2013, 1.

³⁰ Traunecker 1979, 411–419.

- А.А. Немировский (ред.), *Цивилизации классического Востока в памятниках собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина*. (Труды исторического факультета МГУ, 205. Серия II: Исторические исследования, 136). М.—СПб., 69–97.
- Ladynin, I.A. (ed.) 2022: *Vladimir Semenovich Golenishchev i ego kollektsiya vostochnykh drevnostey* [*Vladimir Semyonovich Golenischeff and His Collection of Oriental Antiquities*]. Moscow–Saint Petersburg.
- Ладынин, И.А. (ред.). *Владимир Семенович Голенищев и его коллекция восточных древностей*. (Труды исторического факультета МГУ, 221. Серия II: Исторические исследования, 151). М.—СПб.
- Liepsner, T.F. 1982: Modelle. In: W. Helck, W. Westendorf, E. Otto (Hrsg.), *Lexikon der Ägyptologie*. Bd. IV. Wiesbaden, 168–180.
- Meulenaere, H. de, Bothmer, B.V. 1969: Une tête d'Osiris au Musée du Louvre. *Kémi* 19, 9–16.
- Myśliwiec, K. 1988: *Royal Portraiture of the Dynasties XXI–XXX*. Mainz.
- Nilsson, M. 2010: *The Crown of Arsinoë II. The Creation and Development of an Imagery of Authority*. Gothenburg.
- Stanwick, P.E. 2002: *Portraits of the Ptolemies. Greek Kings as Egyptian Pharaohs*. Austin.
- Tomoum, N. 2005: *The Sculptors' Models of the Late and Ptolemaic Periods: A Study of the Type and Function of a Group of Ancient Egyptian Artefacts*. Cairo.
- Traunecker, C. 1979: Essai sur l'histoire de la XXIXe dynastie. *Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale* 79, 395–436.
- Walker, S., Higgs, P. 2001: *Cleopatra of Egypt. From History to Myth*. London.

DOI: 10.31857/S032103910014717-1

ВКЛАД ЛЕНИНГРАДСКОЙ ШКОЛЫ ЕГИПТОЛОГИИ В МИРОВУЮ НАУКУ О ДРЕВНЕМ ВОСТОКЕ

А. Е. Демидчик¹, Н. В. Макеева²

¹*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия;
Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия*

²*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия*

¹*E-mail: a.demidchik@spbu.ru* ²*E-mail: nataliam.makeeva@gmail.com*

¹*ORCID: 0000-0002-1660-8649* ²*ORCID: 0009-0008-0045-7859*

В статье рассматривается судьба научного наследия сложившейся вокруг Ю.Я. Перепелкина ленинградской школы египтологии, расцвет исследовательской деятельности которой пришелся на 1960–1980-е годы. Труды Ю.Я. Перепелкина, О.Д. Берлева, Е.С. Богословского, И.В. Виноградова существенно изменили представления о древнеегипетском обществе; важные суждения о египетском языке были высказаны Н.С. Петровским и А.С. Четверухиным. Однако — даже при высокой оценке и широком использовании многими ведущими египтологами — зарубежной наукой о Древнем Востоке достижения «ленинградцев» были восприняты неравномерно и неполно. Авторы статьи прослеживают эту историографическую ситуацию и анализируют приведшие к ней обстоятельства.

Ключевые слова: ленинградская школа египтологии, Ю.Я. Перепелкин, Н.С. Петровский, О.Д. Берлев, Е.С. Богословский, история Древнего Востока, историография

Данные об авторах. Аркадий Евгеньевич Демидчик — доктор исторических наук, профессор кафедры Древнего Востока СПбГУ, профессор кафедры всеобщей истории НГУ; Наталья Валентиновна Макеева — старший преподаватель кафедры Древнего Востока СПбГУ.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-19-50074).

Авторы сердечно благодарят И.В. Богданова, А.А. Ильина-Томича, И.А. Ладынина за предоставление копий публикаций, необходимых для подготовки данной статьи.

THE CONTRIBUTION OF THE LENINGRAD SCHOOL OF EGYPTOLOGY TO THE STUDY OF THE ANCIENT EAST

Arkadiy E. Demidchik¹, Natalia V. Makeeva²

¹*Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia;
Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia*

²*Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia*

¹*E-mail: a.demidchik@spbu.ru* ²*E-mail: nataliam.makeeva@gmail.com*

Acknowledgements: Russian Foundation for Basic Research, project no. 20-19-50074

The ‘Leningrad school of Egyptology’ was a loose group of researchers who achieved many innovative results in the 1960s–1980s. Although specialized in different fields of studies, N.S. Petrovskiy, O.D. Berlev, E.S. Bogoslovskiy and others were inspired by Yu.Ya. Perepelkin’s thorough approach. The paper traces the contribution to Ancient Egypt studies made by the Leningrad scholars, as well as the obstacles to its international recognition.

Keywords: Leningrad school of Egyptology, Yu.Ya. Perepelkin, N.S. Petrovskiy, O.D. Berlev, E.S. Bogoslovskiy, the history of the Ancient East, historiography

*К 100-летию со дня рождения Николая Сергеевича Петровского
К 90-летию со дня рождения Олега Дмитриевича Берлева*

Словосочетание «ленинградская школа египтологии» появилось на страницах печатных трудов в начале двухтысячных годов — в материалах ежегодных конференций «Петербургские египтологические чтения». В докладах и статьях А.О. Большакова так говорится о Ю.Я. Перепелкине и находившихся под его влиянием ленинградских египтологах, расцвет научного творчества которых пришелся на 1960–1980-е годы. Эту же группу ученых называют еще «школой Перепелкина»¹. В «Историографии истории Древнего Востока»² и в ряде новейших историографических обзоров³ 1960–1980-е годы признаны особым этапом развития отечественной египтологии, начатым публикациями Ю.Я. Перепелкина и О.Д. Берлева. Понятие «школа Перепелкина» (Perepelkin and his school) вводится и в международный научный обиход.

С теми или иными оговорками к ленинградской школе египтологии можно причислить работавших с Юрием Яковлевичем Перепелкиным в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР⁴ Олега Дмитриевича Берлева, Евгения Степановича Богословского, Александра Серафимовича Четверухина, а также преподавателей кафедры Древнего Востока ЛГУ Николая

¹ См., например, Bol’shakov 2007, 10–11; 2009a; 2009b; 2013; 2015. Ранее см. Editorial 1991, 234. «Школу Перепелкина» нужно отличать от ленинградской же «Diakonoff School» (ср. Uchitel 1993, 351; Moreno García 2011, 251).

² Ladynin 2008, 240–249, 254–256.

³ Ladynin 2016, 18; 2018, 17, 20.

⁴ В дальнейшем — «ЛО ИВ АН». В 1960–1970-х годах институт назывался «Институт народов Азии».

Сергеевича Петровского⁵ и Игоря Владимировича Виноградова⁶. «Школа» «не была каким-то формальным образом конституирована», но авторитет и консультации Ю.Я. Перепелкина повлияли на становление всех названных исследователей⁷. Кроме того, единству понимания ими принципов и задач египтологии способствовала сама общность мест работы, участие в одних и тех же многочисленных конференциях и т.д.

Хоть Перепелкин, Берлев, Виноградов, Богословский были прежде всего «историками», а Петровский и Четверухин — «лингвистами», общим было стремление видеть изучаемые явления «глазами самих египтян»⁸, «из уст самих египтян услышать ответ»⁹. «Историков» — при всей яркой индивидуальности каждого из них — связывали также сосредоточенность на изучении общественного строя Египта¹⁰, принципиальное нежелание поспешно примерять к изучаемому материалу навязываемые сверху или модные теории и схемы¹¹, виртуозное применение лексикографического анализа социально-профессиональной терминологии при тотальном учете источников и глубоком понимании специфики отразившегося в них мировоззрения¹². Такой исследовательский подход был редкостью не только в отечественной, но и в мировой египтологии, на что уже в 1974 г. указал А. Роккати¹³. Предложив плодотворную альтернативу советским начетническим дискуссиям 1920–1950-х годов о «социальном строе древневосточных обществ», а равно и преобладавшему в западной египтологии безразличию к подобной проблематике, исследования «ленинградцев» заложили основу качественно нового этапа изучения древнеегипетского общества и его мировоззрения. Именно эти труды легли в основу предложенного И.М. Дьяконовым

⁵ Причисление Н.С. Петровского к «школе Перепелкина» не бесспорно, ср. Bol'shakov 2007, 10; 2021, 363.

⁶ До перехода на преподавательскую работу был сотрудником ЛО ИВ АН.

⁷ Bol'shakov 2015, 11. Непосредственными преемниками «школы Перепелкина» стали А.О. Большаков (Государственный Эрмитаж) и А.Г. Сушецкий (кафедра Древнего Востока СПбГУ), но их уместнее считать уже «петербургской школой египтологии», тем более что проблематика их исследований существенно отличается от «ленинградской».

⁸ Berlev 1959, 162.

⁹ Berlev 1972, 4.

¹⁰ Обязательность этой проблематики помимо прочего диктовалась научными приоритетами возглавлявшего Кабинет Древнего Востока ЛО ИВ АН акад. В.В. Струве (ср. Perpelkin 1988, 6), видимо, ожидавшего, что исследование социально-экономического строя Египта в Старом (Ю.Я. Перепелкин), Среднем (О.Д. Берлев) и Новом (И.В. Виноградов) царстве докажет выдвинутую им «рабовладельческую» концепцию истории Древнего Востока.

¹¹ Историки «школы Перепелкина» не обсуждали в печати «рабовладельческую концепцию», гипотезы «восточного деспотизма», «азиатского способа производства» и т.д. Н.С. Петровский и А.С. Четверухин не участвовали в затопивших египтологическую лингвистику их времени дискуссиях о «теории Полоцкого».

¹² Подробнее об этом см. Bol'shakov 2009a, 7; 2009b, 15–16; 2015, 17; 2021, 367.

¹³ Roccati 1974, 60–61; но ср. Eyre 1987, 5. О новаторстве такого исследовательского подхода в отечественной науке о древности см. Krikh 2020, 105–109.

понимания древнеегипетской цивилизации как уникального пути развития обществ ранней древности, где «общинно-частный сектор был без остатка поглощен государственным»¹⁴.

Приходится, однако, признать, что даже в России общность и оригинальность исследовательских установок «ленинградцев» остается недостаточно признанной, а их достижения, составившие «золотой век советской египтологии»¹⁵, игнорируются или искажаются. В монографиях В.А. Томсинова «Краткая история египтологии» (2004) и «Государство и право древнего Египта» (2011) существование «школы Перепелкина» не отмечено, а основополагающие выводы Берлева искажены до полной противоположности¹⁶. Незнаком с трудами и выводами «ленинградцев» А.О. Захаров, чей курс лекций «История Древнего Востока» (2016) издан Институтом Востоковедения РАН¹⁷. Имя Е.С. Богословского отсутствует в недавней истории развития советской науки о древности, написанной С. Крихом¹⁸. К сожалению, такое перечисление можно продолжать.

В предлагаемой статье мы не станем подробно излагать историю и научные принципы ленинградской школы — ключевые моменты отмечены А.О. Большаковым¹⁹, а для досконального анализа потребуются монографии. Мы сосредоточимся прежде всего на рассмотрении влияния «ленинградцев» на зарубежную науку о Древнем Востоке. По многим причинам отечественная египтология есть лишь сравнительно малое и в общем-то «окраинное» подразделение египтологии мировой. Поэтому естественно, что вклад российского египтолога в науку о древности в большой степени определяется тем, в какой мере и с какими результатами его достижения применяются также иностранными коллегами. О зарубежной судьбе научного наследия «ленинградцев» и пойдет речь в данной статье.

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Знакомство иностранных египтологов с достижениями ленинградской школы египтологии началось с докладов Ю.Я. Перепелкина и О.Д. Берлева на состоявшемся в Москве в августе 1960 г. XXV Международном Конгрессе востоковедов. В докладе «“Дом шнау” в Старом царстве» Перепелкин доказал, что заведение *šnꜥw*, прежде считавшееся местом, где содержались и трудились рабы, особенно занятые в земледелии (вроде римского *ergastulum*), было местом приготовления и хранения пищи, и только²⁰. Этот вывод стал общепринятым.

В 1967 г. вышла в свет первая часть фундаментального труда Ю.Я. Перепелкина «Переворот Амен-хотпа IV». Исчерпывающе учтя доступный тогда материал,

¹⁴ Например, D'yakonov 1997, 38.

¹⁵ Bol'shakov 2009a, 8.

¹⁶ Последнее произошло и в недавнем интервью Р.А. Орехова «Он надолго обогнал свое время», где Берлеву даже приписана несуществующая монография (URL: <https://m.lenta.ru/articles/2023/02/18/berlev/>; дата обращения: 29.09.2023).

¹⁷ Zakharov 2016, 91–119, 121.

¹⁸ Krikh 2020. Не раскрыто значение трудов «ленинградцев» и в новейшем зарубежном обзоре истории российской египтологии: Loktionov 2017.

¹⁹ См. выше прим. 1, 5.

²⁰ Доклад издан препринтом: Perpelkin 1960.

автор предложил уникальную методику датировок памятников названного царствования, порой с точностью до месяцев — исследовательский инструмент, равного которому египтологией пока не создано²¹. Сделанные при этом открытия вызвали столь широкий интерес, что пришлось общедоступно пересказать их в книге «Тайна золотого гроба», изданной дважды в 1968–1969 гг., а затем также на чешском и английском языках²².

Новаторство и убедительность выводов Перепелкина про возлюбленную Аменхотепа IV по имени Кия (Кэйе) уже в 1974 г. отметил Дж. Р. Харрис, узнавший о них из пересказа финского египтолога русского происхождения Р. Хольтхоера²³. С публикацией же англоязычных «The Secret of the Gold Coffin» и составленного Е. С. Богословским реферата «Переворота...»²⁴ эти труды были признаны основополагающими для понимания царствования Аменхотепа IV²⁵. Вторая часть «Переворота...» (1984) и монография «Кэйе и Семнех-ке-рэ» (1979) позже были учтены в работах Н. Ривза²⁶.

В 1986 г. в ФРГ был издан немецкий перевод монографии Ю. Я. Перепелкина «Частная собственность в представлении египтян Старого царства»²⁷, опубликованной в СССР еще в 1966 г. Посредством исчерпывающего лексикографического анализа Ю. Я. Перепелкин доказал, что прежде понимавшийся по-разному термин (*ny*) *dt* означал принадлежность какого-либо имущества «телу», «особе» хозяина. При этом было выявлено существенное отличие современных и древнеегипетских представлений о собственности, так что понятие *dt* «включало в себя и явления, которые мы не связываем с отношениями собственности вообще»²⁸. Авторитетные зарубежные рецензенты не предложили существенных дополнений или возражений, что уже само по себе свидетельствовало о высочайшем качестве этого исследования более чем двадцатилетней давности²⁹. «Труд Перепелкина, — писал Н. Канавати, — определенно исправил наше понимание этого частого в египетских текстах термина и прояснил многие аспекты частной собственности в Древнем Египте»³⁰. Тем не менее, отношение к этим выводам Перепелкина в зарубежной науке противоречиво. В то время как часть специалистов сочла их верными³¹,

²¹ Bol'shakov 2015, 13.

²² См., в частности, Perepelkin 1978.

²³ Harris 1974, 25, n. 5.

²⁴ Bogoslovskij 1983; ср. Krauss 1991, 12, n. 33, 35, 37.

²⁵ См. Munro 1986. Библиографические ссылки на высокие оценки этих трудов приведены Е. С. Богословским в Perepelkin 1989, 4. В дальнейшем данные этих исследований широко использовались в трудах Д. Арнольд, М. Габолда, Р. Краусса, С. Олдреда, Н. Ривза и др. Вклад Перепелкина отмечен в посвященном Кии разделе немецкоязычной Википедии.

²⁶ Вторая часть «Переворота...» была пересказана на английском и немецком соответственно в Bogoslovsky 1986 и Munro 1987.

²⁷ Perepelkin 1986; см. также Bol'shakov 1994.

²⁸ Berlev 1972, 172.

²⁹ Allam 1986; Kanawati 1988.

³⁰ Kanawati 1988, 317. Но см. Harari, 1992.

³¹ Например, Eyre 1987, 32–33; Spalinger 1991, 28, 35; Franke 1994, 28, 35; Allam 2007, 15, n. 15; Hafemann 2009, 153–157, 210; Römer 2009, 4–6.

другие, не предъявляя веских контраргументов, упоминают суждения Перепелкина лишь как одну из существующих интерпретаций *di*³² или привычно повторяют устаревшие трактовки, в том числе в новейших лексикографических изданиях³³.

Последняя из опубликованных монографий Ю.Я. Перепелкина «Хозяйство староегипетских вельмож» (1988), а равно и его «История древнего Египта» (2001) остаются за рубежом практически неизвестными³⁴.

Преподаватель ЛГУ Н.С. Петровский в 1958 г. опубликовал первую русскую грамматику египетского языка, помимо прочего замечательную оригинальной трактовкой глагола³⁵. Отрицая значимость для египетского глагола категории времени, автор принимал во внимание только морфологически выраженные характеристики, представляющие, по его мнению, пять «способов действия». Хотя эти идеи не получили дальнейшего развития, они прочно укоренились в местной традиции, и в дискуссии о египетском глаголе, развернувшейся после появления статьи Х.Я. Полоцкого в 1965 г., ленинградцы не принимали участия. Сейчас, когда грамматическая теория разворачивается в сторону упрощения и признания значимыми только морфологически выраженных форм³⁶, можно только сожалеть, что мало кто знает о грамматике Н.С. Петровского.

Схожая судьба постигла идеи, вложенные в две следующие книги Н.С. Петровского. Но если монография «Сочетания слов в египетском языке» (1970) была хотя бы замечена западными коллегами³⁷, то его труд «Звуковые знаки египетского языка как система»³⁸, к сожалению, остался вовсе без внимания. В этой последней книге Петровский доказывал, что знаки египетской письменности — не беспорядочная подборка, а стройная и осознаваемая самими египтянами система, состав которой соответствовал набору морфем (нечленимых значимых единиц языка) на момент создания письменности. Несмотря на пространное английское резюме и упоминание работы в англоязычном обзоре Н.С. Богословского³⁹, книга даже не индексирована в Ежегодной библиографии египтологии.

Чуть лучше сложилась судьба научного наследия ученика Петровского А.С. Четверухина, которому удалось внести вклад в компаративистику. Словарь афразийских языков⁴⁰, за египетскую часть которого был ответственным Четверухин, занял важное место в арсенале лингвистов, а оттуда нашел дорогу обратно в работы египтологов — Г. Такача, Г. Затцингера и др. Но главный труд

³² Например, Lippert 2008, 15.

³³ Например, Hannig 2003, 1486–1488; Moreno García 2007; Thesaurus Lingua Aegyptia: URL: <https://aew.bbaw.de/tla/servlet/BwlBrowser?f=0&l=0&off=0&csz=-1&lcd=D.t&tcD=&scD=&pn0=1&db=Egyptian&bc=Start>; дата обращения: 29.09.2023.

³⁴ См. ниже прим. 116; ср. Demidchik 2015, 26.

³⁵ Petrovskiy 1958, 151–243.

³⁶ Allen 2014.

³⁷ Об интересе Н.С. Петровского к этой теме упоминает В. Вестендоф в некрологе Петровскому, которым открывается 49 выпуск *Göttinger Miszellen* (1981). Обзор книги сделан Й. Боргхоутсом для «Ежегодной библиографии египтологии» (AEB 1970.0425).

³⁸ Petrovskiy 1978.

³⁹ Bogoslovsky 1979, 9.

⁴⁰ D'yakonov *et al.* 1981–1986.

Четверухина, посвященный синтаксису именного предложения, так и не был закончен⁴¹, а из полусотни статей о египетской фонетике и морфологии известны главным образом те, что были написаны по-английски.

Основным предметом научного интереса Е.С. Богословского была «организация древнеегипетского общества, главный метод — всестороннее исследование памятников Нового царства, главные источники — памятники работников царского некрополя в Фивах, живших в поселке Дейр эль-Медина и похороненных возле него»⁴². На этом пути не доживший до сорока девяти лет ученый успел сделать поразительно много: полсотни статей, три монографии, дюжина замечательно глубоких и обстоятельных рецензий. В огромном массиве публикаций по «дейр эль-мединистике», фактически ставшей особой отраслью египтологии, его труды и сегодня выделяются широтой охвата, доскональностью анализа и системностью учета источников⁴³.

Ведущими зарубежными специалистами, прежде всего Я.Я. Янсеном, были замечены уже самые первые просопографические исследования Е.С. Богословского, опубликованные в ВДИ⁴⁴. А начиная с 1973—1974 гг. он сам в статьях на английском и немецком языках знакомил зарубежных коллег с важнейшими фрагментами и выводами своих изысканий⁴⁵. В двух из них были изложены важнейшие положения кандидатской диссертации (1968) и вышедшей в 1979 г. монографии о носителях титула *sḏm* ʕ «послушные призыву». При всей неожиданности главного вывода, что «понятие “послушный призыву” не было социально-экономическим термином»⁴⁶, египтологическое сообщество сразу признало его вполне обоснованным⁴⁷.

Важнейшим трудом Богословского стала монография «Древнеегипетские мастера», написанная на «впервые в мировой науке произведенной росписи 19 000 древнеегипетских текстов»⁴⁸, — «уникальное по всесторонности и глубине исследование жизни работников из Дейр эль-Медины, до сих пор остающееся непревзойденным как описание функционирования единицы древнеегипетского общества на практическом уровне»⁴⁹. В рецензии Д. Меекса подчеркивалось, что «как в том, что касается просопографии, так и в том, что касается анализа социально-профессиональных

⁴¹ Из задуманного масштабного труда «Именное предложение. Древнейшее афразийское именное предложение: проблемы анализа и реконструкции» опубликован только первый том «История термина “Именное предложение”» (2007). Статья А.С. Четверухина по этой теме (Chetverukhin 1990) учтена в Depuydt 2009.

⁴² Bol'shakov 2013, 8.

⁴³ О тщательности учета источников свидетельствует, к примеру, такой факт: если издавшей статью о ссуде и найме в древнем Египте Б. Меню было известно лишь 48 опубликованных источников по этой теме, то Е.С. Богословский указал 84 (Bogoslovskiy 1987, 192).

⁴⁴ Janssen 1975, 160, n. 1975.

⁴⁵ См. библиографию Е.С. Богословского на сайте «Египтологический изборник»: URL: <http://www.egyptology.ru/personal/bibl-bogoslovskij.htm>; дата обращения: 29.09.2023.

⁴⁶ Bogoslovskiy 1979, 146.

⁴⁷ Roccati 1981; Wallet-Lebrun 1983.

⁴⁸ Bogoslovskiy 1983, 2.

⁴⁹ Bol'shakov 2013, 9.

групп, их места в сообществе Дейр эль-Медина» первые две части книги «являются существенным вкладом в изучение ... египетского общества эпохи Рамессидов в целом»⁵⁰. Третья часть книги, где Е.С. Богословский переходил к обобщениям, названа «в высшей степени информативной и новаторской»: «автором замечательно показаны взаимоотношения мастеров (*hmtw*) и вспомогательной рабочей силы (*smdt*), эволюция обязанностей этих двух категорий и, следовательно, их места в обществе... Гораздо яснее стала теперь разница между частной собственностью и должностным имуществом. Предложенная автором реконструкция ... дает убедительные ответы на вопросы, остававшиеся до сих пор нерешенными»⁵¹. Д. Меекс и другие рецензенты особо благодарили Богословского за разъяснение социально-правового и экономического смысла понятия *smdt* — одного из важнейших социальных обозначений времени Нового царства⁵².

Однако ни пересказы в рецензиях⁵³, ни зарубежные статьи самого Богословского не могли передать богатства и разнообразия содержащейся в книге информации, а ее частичный рукописный перевод — причем на малопонятный большинству египтологов голландский язык — имелся только в Нидерландском институте Ближнего Востока, так что постоянно им пользовался лишь работавший там Я.Я. Янссен⁵⁴. В результате этот выдающийся труд оставался, по существу, неизвестен зарубежной науке⁵⁵. Лишь к 2018 г. К. Габлер удалось найти финансирование для рабочего немецкого перевода «Мастеров», который теперь — ввиду сохраняющейся научной значимости и актуальности этого исследования — готовится к публикации.

В своей монографии о вспомогательных контингентах работников царского кладбища на западном берегу Фив К. Габлер поставила книгу Богословского в один ряд с трудами таких гигантов «дейр эль-мединистики», как Я. Черни и Я.Я. Янссен. По прошествии четырех десятилетий после выхода «Мастеров» Богословский остается единственным египтологом, «совокупно рассмотревшим со всей тщательностью как квалифицированных работников, так и вспомогательный персонал со множеством их должностных обозначений и сфер деятельности»⁵⁶. Он первым проследил социально-экономическое развитие Дейр эль-Медина на протяжении Нового царства, выявил принципы и механизмы целенаправленного государственного регулирования численности и состава профессиональных отрядов, их социально-правового и экономического статуса⁵⁷.

Всего шире известны за рубежом труды О.Д. Берлева, на протяжении многих лет являвшегося единственным в мире египтологом, последовательно «исследовавшим все титулы, названия профессий, социальную и родственную ей

⁵⁰ Meeks 1987, 332.

⁵¹ Meeks 1987, 332.

⁵² Cardascia, Menu 1986, 152; Meeks 1987, 332.

⁵³ См. также Stoof 1988.

⁵⁴ Gabler 2018, 20 n. 62.

⁵⁵ Gabler 2018, 20.

⁵⁶ Gabler 2018, 21.

⁵⁷ Gabler 2018, 21.

терминологию времени Среднего царства»⁵⁸. Он первым систематически изучил крайне разрозненные источники по социальной истории Среднего царства, большинство которых прежде обстоятельно не рассматривалось.

Еще будучи аспирантом, О.Д. Берлев раскрыл значение важнейших наименований для «дома» и «домохозяйства» египетского царя⁵⁹. В дальнейшем он публиковал на французском и английском языках статьи о социально-профессиональном устройстве и терминологии Среднего царства, его династийно-политической истории, датировке знаменитых литературных сочинений, царской идеологии и т.д. По-прежнему очень ценны почти два десятка англоязычных рецензий с существенными поправками и дополнениями к зарубежным изданиям памятников и монографиям; порой в них кратко пересказаны берлевские открытия и гипотезы принципиального историко-культурного значения⁶⁰.

Однако главными результатами тематических исследований О.Д. Берлева стали монографии «Трудовое население Египта эпохи Среднего царства» и «Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства» — первопроходческие и до сих пор непревзойденные по широте и тщательности лексикографические исследования социально-профессиональной терминологии Среднего царства. Было доказано, что обобщающим обозначением социально-правового статуса основных производителей материальных благ был термин *hm n(y)-swt* «слуга царя». Но поскольку обязанностью таких людей была работа в рамках определенной профессии, в письменных источниках чаще указывалась их профессиональная принадлежность. О.Д. Берлев исчерпывающе рассмотрел соотношение понятия *hm n(y)-swt* с другими важнейшими обозначениями подневольных тружеников (*mryt*, *b3kw*, *n(y)-dt*) и с номенклатурой профессий obsługi вельможеских хозяйств.

Подчеркивая новаторское и основополагающее значение этих трудов, зарубежные рецензенты старались как можно полнее их пересказать на родных языках⁶¹, но было очевидно, что никакие «рефераты» не могут отразить богатства учтенной Берлевым информации и виртуозность его аргументации. В 1981–1982 гг. для профессора Университета Окленда А. Спэлинжера «при любезном содействии правительства Новой Зеландии» выполнен английский перевод «Трудового населения...». В 1985 г. он подарил копию этого текста немецкому египтологу Д. Франке, который скопировал ее для библиотеки Гейдельбергского университета и давал коллегам для ознакомления⁶². Монография «Общественные отношения...» была переведена на французский язык для личного пользования Г. Адрё, которая затем тоже позволяла некоторым коллегам скопировать этот

⁵⁸ Berlev 1986, 238.

⁵⁹ Berlev 1960. Применение этих выводов в зарубежных исследованиях см., например, в Quirke 1990; Römer 2009, 39, n. 132.

⁶⁰ См. составленный А.И. Еланской список трудов О.Д. Берлева в Quirke 2003, VII–XV; на сайте ИВР РАН: URL: <http://www.orientalstudies.ru/rus/images/personalia/pdf/berlev.pdf>; дата обращения: 29.09.2023; на сайте «Египтологический изборник»: URL: <http://www.egyptology.ru/berlev.htm>; дата обращения: 29.09.2023.

⁶¹ Grieshammer 1972; Roccati 1974; Endesfelder 1977.

⁶² Franke 2003, 65, n. 1; Spalinger 2013, 176, n. 80; Römer 2017, 93.

текст⁶³. Таким образом, переводы двух названных монографий стали своего рода «самиздатом» западной египтологии, оставаясь доступными, к сожалению, лишь сравнительно узкому кругу исследователей⁶⁴. Специально для чтения трудов Берлева С. Квёрк и Д. Франке учили русский язык, в чем первый преуспел⁶⁵.

В недавней монографии М. Ди Теодоро о государственных трудовых повинностях Среднего царства и в посвященном этому периоду очерке В. Грайетцки для «Оксфордского справочника египтологии» выводы Берлева приняты как основополагающие⁶⁶. Из труда Ди Теодоро при этом следует, что ни вводимые теперь в научный оборот новые письменные источники (лахунские папирусы), ни данные «археологии поселений» (*settlement archaeology*) не противоречат суждениям советского египтолога.

Зарубежные коллеги единодушно называют Берлева одним из первопроходцев в исследованиях социально-профессиональной структуры древнеегипетского общества, достигшим в этой сфере небывалых высот⁶⁷. И даже стоящий на принципиально иных научных позициях Х.К. Морено Гарсия вынужден признать, что Берлев шел путями, тогда неведомыми западной египтологии, и что высочайшее качество его работ «по-прежнему служит образцом для современных исследований»⁶⁸. Брошюра С. Квёрка о государственном аппарате Среднего царства начинается словами «Any study of administration is inevitably a tribute to Oleg Berlev»⁶⁹, и в дальнейшем автор более полутора сотен раз ссылается на суждения русского египтолога⁷⁰.

Из русскоязычных статей О.Д. Берлева за рубежом всего шире известна «Сokol, плывущий в ладье: иероглиф и бог», по существу, открывшая науке египетского бога Немти (*nmti*)⁷¹. Ее английский пересказ был даже включен в передовицу пятьдесят восьмого тома лондонского «Журнала египетской археологии» (1972). Уже после смерти Берлева было осознано основополагающее значение его статьи «Египетский военный флот в эпоху Среднего царства» (1967), где впервые выявлены военные структуры монархии Среднего царства, доказано наличие там профессионального войска, состоявшего преимущественно из флотских экипажей, раскрыты смысл и соотношение связанных с этим воинских «званий» и т.д.⁷² Продолжившая это исследование статья Берлева на французском языке, по оценке Я.Я. Янссена, имела «эпохальное значение (*an epoch-making article*)»⁷³. Несомненна

⁶³ Franke 2003, 65, n. 1. Из переписки одного из авторов с Д. Франке, однако, выяснилось, что некоторые разделы монографии О.Д. Берлева в этом переводе пропущены.

⁶⁴ Как и наш «самиздат», эти переводы копировались вновь и вновь до почти полной неразличимости букв. Такую плохо читаемую ксерокопию одному из авторов этой статьи довелось видеть в домашней библиотеке проф. Х.-В. Фишера-Элфорта (Лейден).

⁶⁵ Franke 2003, 65, n. 1. Перефразируя известные строчки В. Маяковского, можно сказать, что Франке и Квёрк учили русский «только за то, что им разговаривал Берлев».

⁶⁶ Di Teodoro 2018, 7, 39–40, 49, 63, 83, 160, 177; Grajetzki 2020a, 767, n. 30.

⁶⁷ Roccati 1974, 63; Endesfelder 1977; Franke 2003; Luft 2019, 631.

⁶⁸ Moreno García, 2011, 252; 2014, 10–11.

⁶⁹ Quirke 2004, V.

⁷⁰ См. также Quirke 2010, 405–407.

⁷¹ Berlev 1969.

⁷² См. Quirke 2004, 97; Spalinger 2005, 25–26, n. 3, 81, n. 4; 2006, 7–8; Stefanović 2006, V. Попытку опровергнуть некоторые из выводов Берлева теперь см. в Michaux-Colombot 2014.

⁷³ Janssen 1999, 192; см. Berlev 1971.

действенность разработанного Берлевым способа датировки стел по «призывам к живущим»⁷⁴. А. Спэллингер поддержал и развил предложенное русским египтологом понимание древнеегипетской доктрины землепользования⁷⁵. Этот же автор, являющийся сегодня ведущим знатоком древнеегипетского календаря, подтвердил обоснованность вывода Берлева о дате начала отсчета «циклов Сириуса» — суждения основополагающего для хронологии ближневосточной древности конца IV—III тысячелетий до н.э.⁷⁶

Стремясь видеть изучаемые явления «глазами самих египтян»⁷⁷, О.Д. Берлев распознал ряд ключевых концептов древнеегипетской картины мира, хотя написал об этом немного. В сфере царской идеологии «важнейшая теория двух солнц была опубликована лишь посмертно, причем не с полным доказательством, а в описательном изложении, при жизни же он по разным поводам очень робко приоткрывал только отдельные ее элементы»⁷⁸. Тем не менее, теперь эти выводы получают признание⁷⁹, равно как и его трактовка важного теологического понятия *hmt* — «внешней формы, манифестации божества, покорной его воле»⁸⁰.

Знакомство с монографиями О.Д. Берлева решающим образом повлияло на научное творчество видных исследователей Среднего царства Д. Франке и С. Квёрка, так что первый даже назвал его своим египтологическим «отцом»⁸¹. С. Квёрк подчеркивает свою приверженность «берлевскому» методу тотального учета письменных данных по теме исследования с тщательным анализом их историко-культурного контекста по времени, типу памятника, и т.д.⁸² О восхищении русским ученым писал одному из авторов этой статьи троекратно избиравшийся президент Международной ассоциации египтологов профессор Йельского университета У.К. Симпсон⁸³. О.Д. Берлев — единственный российский египтолог, память о котором зарубежные египтологи почтили посвященным ему сборником статей⁸⁴.

К сожалению, практически неизвестны за рубежом публикации И.В. Виноградова об аграрных отношениях в Новом царстве, а английский перевод его очерка истории Среднего царства и нашествия гиксосов замечен египтологами только теперь⁸⁵.

⁷⁴ См. Berlev 1962; Ilin-Tomich 2015; Miniachi, Grajetzki 2016, 101, n. 49, 212, 233, 291 (24), 321 (64); ранее см. Franke 2013, 27–28.

⁷⁵ Spalinger 2015, 318–324.

⁷⁶ Berlev 1999a; 1999b, 600–601; Spalinger 2011; 2012, 307, n. 16; см. также Demidchik 2018. С учетом естественно-научных данных возможность соответствующей «длинной» хронологии теперь обоснована в Gautschy *et al.* 2017.

⁷⁷ Berlev 1959, 162.

⁷⁸ Bol'shakov 2009b, 21.

⁷⁹ Berlev 1979; 1981; 2003. См., например, Spalinger 2015; Darnell C. 2020, 659, n. 26; Darnell J. 2020, 1123, n.125.

⁸⁰ Berlev 1972, 32–44; Berlev, Hodjash 2004, 146. См., например, Quirke 2015, 92–93; Shaw 2010, 175–179; см. также Demidchik 2015, 29–30; 2022b, 73–76.

⁸¹ Franke 1994, VI; 2003, 65.

⁸² Quirke 2010, 407; 2018.

⁸³ «Oleg Berlev, whom I admired so much» (письмо от 15.09.2015).

⁸⁴ Quirke 2003.

⁸⁵ Vinogradov 1991; Grajetzki 2020a, 767, n. 30; 2020b, 24, n. 28, 213, n. 259.

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ

Если в 1920–1950-х годах памятники древнего Ближнего Востока из советских собраний (не считая урартских) почти не публиковались, то в последующие десятилетия количество и объемы такого рода публикаций заметно возросли, а их авторами становились не только сотрудники музеев и библиотек, хранящих памятники, но и ученые из институтов АН СССР. Уже во второй половине 1950-х годов вышли в свет составленные М.А. Коростовцевым и Б.Б. Пиотровским обзоры древнеегипетских находок на территории СССР. Ценный опыт был получен возглавляемой Б.Б. Пиотровским советской экспедицией, проводившей раскопки в северном Судане в рамках операции ЮНЕСКО по спасению нубийских памятников перед строительством высотной плотины в Асуане⁸⁶. Помимо более чем двух сотен скальных надписей, важной находкой стал памятник Хор Дауд в устье Вади Аллаки — скопление из 578 ям с пустыми сосудами, — который советские ученые сочли молочной фермой, обеспечивающей жизнь ненайденного додинастического поселения. Результаты работы экспедиции были оперативно опубликованы на русском и (в сокращенном виде) на английском языках⁸⁷.

На рубеже 1950–1960-х годов вышли в свет публикации значимых иератических рукописей из отечественных собраний, подготовленные В.И. Евгеновой и М.А. Коростовцевым. Издание саркофагов из собраний Эрмитажа и ГМИИ им. А.С. Пушкина готовил работавший в одном отделе с молодыми Берлевым и Богословским опытный И.Г. Лившиц⁸⁸.

⁸⁶ Еще раньше, в апреле 1959 г., в Египет был на год командирован для сбора научных материалов Н.С. Петровский (Приказ по Министерству высшего образования № 258-Аф от 06.04.1959). Согласно устному преданию на кафедре Древнего Востока СПбГУ, в Каирском музее он обнаружил «недостачу» одного из посохов Тутанхамона, и дело даже дошло до президента страны Г.А. Насера.

⁸⁷ Список соответствующих публикаций см. в Piotrovskiy 1983, 4. Судьба открытия в Хор Дауде заслуживает хотя бы краткого комментария. Предложенная Б.Б. Пиотровским интерпретация была оспорена Х. Нордстрёмом, датировавшим найденную керамику древнейшим периодом «нубийской группы А» и принявшим Хор Дауд за центр обмена или дальней торговли (Nordström 1972, 26). У. Адамс подверг выводы советских археологов разгромной критике как «пример торжества (марксистской) идеологии над здравым смыслом» (Adams 1977, 126; поводом стали приведенные Пиотровским типологические параллели с месопотамской культурой; нужно признать, что, сосредоточившись на косвенной аргументации, авторы забыли упомянуть главный аргумент в пользу кисломолочного производства — аккуратные дырки в нижней части сосудов). Тем не менее, в течение полувека после публикации результатов работы советской экспедиции Хор Дауд не покидал страниц изданий по истории Нубии как пример особого типа памятника. И вот совсем недавно на основании параллелей с синхронными египетскими поселениями было признано, что Хор Дауд мог служить складом общины близлежащего крупного поселения начала IV тысячелетия до н.э. (Gatto 2019, 276).

⁸⁸ См. «Список основных публикаций И.Г. Лившица» на сайте ИВР РАН: URL: <http://www.orientalstudies.ru/rus/images/personalia/pdf/livshits.i.pdf>; дата обращения: 29.09.2023.

Публикаторская деятельность Е. С. Богословского стала неотъемлемой частью его исследований с тотальным учетом источников о «послушных призыву (*sdm-š*)» и о поселке ремесленников в Дейр эль-Медина. В статьях и в монографии «“Слуги” фараонов, богов и частных лиц» он опубликовал почти четыре десятка разнообразных памятников, прежде не издававшихся или нуждавшихся в переиздании: стелы, статуэтки и статуи, пирамидион, саркофаг, острака, погребальные конусы, статуэтки-ушебти, а также предназначенные для последних ящики и саркофаги и т.д.⁸⁹ Изданная в ВДИ в 1972–1973 гг. серия статей «Памятники и документы из Дейр эль-Медина, хранящиеся в музеях СССР» была «по существу разделенной на части большой монографией — полный свод соответствующих памятников, снабженных тщательнейшим комментарием»⁹⁰. При возможности Богословский публиковал и памятники из зарубежных собраний⁹¹. Доскональное знание просопографии позволяло ему с небывалой полнотой восстанавливать судьбы связанных с ними людей и семейств. Эти труды учтены в «Систематической библиографии Дейр эль-Медина»⁹²; несколько зарубежных египтологов смогли прочитать его комментарии к памятникам на русском языке⁹³.

Неудачно сложилась судьба последней монографии Е. С. Богословского «Новые источники по истории Египта XV–X вв. до н.э.» (2019), посвященной двадцати семи памятникам преимущественно из зарубежных собраний: статуэтки, стелы, папирусы, рельефы, остракон, жертвенник, наос, ящик для ушебти, сосуд, и даже мерный локоть⁹⁴. Новаторское исследование, где «памятники подобраны с глубоким, хотя на первый взгляд не вполне очевидным смыслом»⁹⁵, затрагивает биографии почти четырехсот человек и прослеживает историю ряда семейств на протяжении трех-пяти поколений. Но хотя книга была заявлена в планах издательства «Наука» еще на 1990 г., она увидела свет с тридцатилетним опозданием⁹⁶.

Поразительно плодотворной была публикаторская деятельность О. Д. Берлева. Помимо почти двух десятков статей, раскрывающих историко-культурное значение отдельных источников, он в соавторстве с С. И. Ходжаш подготовил альбом-каталог рельефов и стел и вышедший уже после его смерти каталог скульптуры из египетских собраний ГМИИ им. Пушкина — в сумме более четырех с половиной сотен памятников⁹⁷. Другим поистине титаническим свершением этих авторов стал «Каталог египетских памятников из музеев Российской Федерации,

⁸⁹ См. список публикаций Е. С. Богословского на сайте ИВР РАН: URL: <http://www.orientalstudies.ru/rus/images/personalia/pdf/bogoslovsky.pdf>; дата обращения: 29.09.2023; на сайте «Египтологический сборник»: URL: <http://www.egyptology.ru/personal/bibl-bogoslovskij.htm>; дата обращения: 29.09.2023. Bogoslovskiy 1979, 205–239.

⁹⁰ Editorial 1991, 234–235; Bol'shakov 2013, 7, 12, n. 3.

⁹¹ Например, Bogoslovskiy 1979, 206–213, 219, 233.

⁹² Zonhoven 1982, 248–249; Demarée *et al.* 2018.

⁹³ Например, Borghouts 1982, 53, n. 79; 54, n. 80; Ward 1994, 166, n. 9; 169, n. 29; Metawi 2015, 282, n. 18.

⁹⁴ Bogoslovskiy 2019.

⁹⁵ Editorial 1991, 235.

⁹⁶ Превосходно подготовил монографию к состоявшейся публикации И. В. Богданов; см. также Karlova, Safronov 2022.

⁹⁷ Hodjash, Berlev 1982; Berlev, Hodjash 2004.

Украины, Белоруссии, Кавказа, Средней Азии и Прибалтики» (за исключением ГМИИ им. А.С. Пушкина и Эрмитажа), где Берлевым были изучены больше двух тысяч предметов от додинастического до греко-римского времени включительно⁹⁸. Поскольку рецензии на эти издания уже напечатаны в ВДИ⁹⁹, отметим лишь обстоятельства, особенно значимые для данной статьи.

Стараниями О.Д. Берлева и С.И. Ходжаши в научный оборот были введены не только важные разделы хранящейся в ГМИИ им. А.С. Пушкина всемирно знаменитой коллекции В.С. Голенищева, но и предметы из малоизвестных и труднодостижимых собраний пятидесяти музеев десяти республик бывшего СССР. Эта вторая составляющая публикаторской деятельности Берлева и Ходжаши столь ценна для науки, что издание уникального «Каталога» было профинансировано Швейцарской академией гуманитарных и социальных наук и ректоратом Университета Фрайбурга. Непреходящее значение «Каталога» состоит и в том, что некоторые из опубликованных в нем памятников к настоящему времени утеряны¹⁰⁰.

Появившиеся рецензии и опыт обращения египтологов к упомянутым изданиям свидетельствуют, что выводы О.Д. Берлева о происхождении и предназначении памятников, его прочтения и переводы в подавляющем большинстве случаев безупречны. А отдельные его наблюдения и суждения при этом столь новы и значимы для египтологии, что заслуживали бы развернутого изложения в специальных статьях и даже монографиях¹⁰¹.

Почти все источники, когда-либо публиковавшиеся О.Д. Берлевым или с его участием, были переведены и прокомментированы им на английском или французском языках. За полуторавековую историю российской египтологии никто и никогда не публиковал древнеегипетские памятники из отечественных собраний в таком количестве, не раскрывал их историко-культурную ценность с таким исследовательским блеском и в столь удобной для ученых всего мира форме, как это было сделано совместными усилиями О.Д. Берлева и С.И. Ходжаши. Альбом-каталог стел и рельефов из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина является самой цитируемой за рубежом отечественной египтологической публикацией со времени В.С. Голенищева.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ?

При всей значимости достижений ленинградской школы египтологии зарубежной наукой они пока учтены неравномерно и неполно. Что мешает должной рецепции ее достижений?

Проникавшая за рубеж информация об отечественных публикациях «ленинградцев» была крайне нерегулярна и скудна¹⁰², а резюме на иностранном языке

⁹⁸ Berlev, Hodge 1998. В рецензии Э. Титер (Восточный институт Чикагского университета) об этом говорится как о «monumental task» и «mammoth undertaking» (Teeter 2001, 194).

⁹⁹ Bol'shakov 1986; Tomashevich 2003; см. также Bingen 1982; Malek 1999; Sist 2001; Teeter 2001.

¹⁰⁰ См. Tomashevich 2003, 101.

¹⁰¹ Bol'shakov 1986, 160–162; Tomashevich 2003, 92–100.

¹⁰² Bogoslovskiy 1987, 193–194.

в большинстве их книг отсутствуют. Без профессионального перевода сколько-нибудь понятны иностранным коллегам только отдельные разделы монографий О.Д. Берлева с транслитерацией имен, титулов и перечнями соответствующих источников. Важнейшие выводы Берлева, однако, зиждутся на «логической паутине»¹⁰³ суждений столь глубоких, остроумных и неожиданных, что вполне оценить их можно, лишь вникнув в смысл каждого слова¹⁰⁴. Препятствующий этому языковой барьер Д. Франке назвал «одним из самых печальных фактов истории египтологии»¹⁰⁵. Непостижимы для иностранных ученых отечественные публикации Ю.Я. Перепелкина с их невиданной «кириллической» транслитерацией, архаизированным русским языком и передачей имен собственных «на коптский лад»¹⁰⁶.

Не всегда позволяют составить должное представление о широте и тщательности исследований «ленинградцев» публикации их трудов на иностранных языках. Скажем, основополагающий, но вместе с тем неожиданный вывод о термине *hmnw n(y)-swt* как обобщающем обозначении «трудового населения» Среднего царства был пояснен О.Д. Берлевым на английском языке лишь очень кратко¹⁰⁷, в т.ч. в малоподходящей для этого рецензии на репринтное переиздание давно известной книги¹⁰⁸. Так же в рецензии и тоже предельно кратко была изложена блестящая догадка о событиях, положивших конец Старому царству¹⁰⁹; в результате эти два абзаца, принадлежащие «к числу лучшего, что было написано за всю историю египтологии»¹¹⁰, замечены и поняты очень немногими. Научно-популярная по форме книга Ю.Я. Перепелкина «Тайна золотого гроба» и в переводе лишена справочно-библиографического аппарата, чем сильно затрудняется восприятие доказательной базы ее новаторских суждений¹¹¹.

¹⁰³ Bol'shakov 2013, 12.

¹⁰⁴ «Разнообразие и виртуозность анализа, учитывающего все детали», А. Роккати считал важнейшей чертой первой монографии О.Д. Берлева (Roccati 1974, 61).

¹⁰⁵ Franke 2003, 65.

¹⁰⁶ См., например, Munro 1987, 143; Krikh 2020, 127, 128.

¹⁰⁷ Berlev 1987, 154–156. Вывод о *hmnw n(y)-swt* как обобщающем обозначении «трудового населения» Среднего царства доказан «на основании данных всего двух списков челяди» (Berlev 1972, 20) и при довольно редких упоминаниях *hmnw n(y)-swt* в других источниках (Berlev 1973). Сходным образом, только при тщательном следовании за авторской мыслью становится ясна справедливость вывода Берлева о начале «циклов Сириуса» в Год 18 Джосера (Berlev 1999a; ср. Spalinger 2011). Но и об этом исследовании он сообщил за рубежом лишь в рецензии, см. Berlev 1999b, 600–601.

¹⁰⁸ Berlev 1973, 208–209; ср. Berlev 1965, 267; Helck 1975, 150. Кроме того, исследование слоя *hm.w n(y)-swt* осталось незавершенным (см. Berlev 1978, 328; Bol'shakov 2009b, 24, п. 30). Судить о том, как О.Д. Берлеву виделась совокупная социальная структура Среднего царства, В. Грайетцкому пришлось по английскому переводу основанного на материалах Берлева очерка И.В. Виноградова (Vinogradov 1991; Grajetzki 2020a, 767, п. 30; 2020b, 24, п. 28, 213, п. 259). Ср. Ladynin 2008, 248–249; Bol'shakov 2009b, 16; 2021, 367. Как отметил Е.С. Богословский, нет «заключения в окончательно отработанном виде» и у книги Ю.Я. Перепелкина «Хозяйство староегипетских вельмож» (Perpelkin 1988, 3).

¹⁰⁹ Berlev 1997.

¹¹⁰ Bol'shakov 2009b, 21; см. Spalinger 2006, 11, п. 19; 2015, 324, п. 90.

¹¹¹ См. Walle 1980, 139–140.

Между тем, с последней трети XX в. резкий рост числа египтологических публикаций сделал почти невозможным исчерпывающее знакомство египтолога со всей литературой по теме исследования. Уже на исходе 1980-х годов Е.С. Богословский сетовал, что «исследования по источникам из Дер эль-Медина стали выходить так часто и помногу, что коллеги не успевают учитывать работы друг друга по техническим причинам... Это стало настоящим бичом нашей науки: непрерывно публикуются новые оригинальные и доказанные наблюдения, а в науку они не входят»¹¹². Широкое распространение грантового финансирования ситуацию только ухудшило: заранее установленные сжатые сроки часто не оставляют ученому времени для освоения всех необходимых публикаций, а литература на непривычных для египтологии языках обычно игнорируется.

Кроме того, после распада СССР укрепился стереотип об ущербности наук о Древнем Востоке в странах социалистического лагеря¹¹³: подчеркивается «узость их исследовательских подходов, навязанная сталинизмом и застойной марксистской традицией», отсутствие специализированных библиотек и доступа к крупнейшим собраниям египетских древностей и т.д.¹¹⁴ Такой снобизм¹¹⁵, естественно, не побуждает предпринимать экстраординарные усилия, необходимые для освоения русскоязычных трудов, и даже упоминание русской публикации в библиографическом списке часто не означает, что она действительно была прочтена¹¹⁶.

Складывается также впечатление, что ряд зарубежных египтологов не считает нужным упоминать труды «ленинградцев» по причине методологических и концептуальных расхождений с ними. Как отмечалось выше, в суждениях об общественном строе Древнего Египта ленинградские египтологи полагались прежде всего на изученные ими письменные и изобразительные источники, избегая «домысливания исторических фактов, исходя из общих представлений об историческом процессе»¹¹⁷. Признавая, что «доступный нам материал все еще слишком скуден и слишком разнокалиберен, чтобы дать нам полную картину» и что «многие важные аспекты проблемы пока остаются невыясненными и, видимо, будут оставаться такими ... вплоть до появления нового материала»¹¹⁸, О.Д. Берлев и Е.С. Богословский вместе с тем предполагали существование в Египте Среднего и Нового царства уникальной для древнего мира всеохватной системы государственного принудительного распределения населения по профессиям и работам¹¹⁹. Со всей решительностью этот вывод изложил Е.С. Богословский, утверждавший, что «главной внутренней (не просто знаковой) функцией царской власти было регулирование трудовых ресурсов, а посредством этого регулирования — формирование

¹¹² Bogoslovskiy 1991, 189, 193.

¹¹³ Fitzenreiter 2008, III–V; Haldon 2006; ср. Grajetzki 2020b, 5, 9–12.

¹¹⁴ Moreno García 2011, 251–252. Видный канадский египтолог доктор В.А. Тобин рассказывал автору этой статьи, что все его заявки на грант для английского перевода и публикации «Истории древнего Египта» Ю.Я. Перепелкина были отвергнуты.

¹¹⁵ Bogoslovskiy 1991, 191–193.

¹¹⁶ См. уже Bogoslovsky 1980, 158; 1987, 193.

¹¹⁷ Ср. Krikh 2020, 108.

¹¹⁸ Berlev 1972, 4; ср. Luft 2019, 632, Anm. 8.

¹¹⁹ Berlev 1978, 42; 1984.

общественной системы»¹²⁰; таким образом «государство в лице фараона и руками высшего сановника устанавливало оптимальные соотношения между разными частями общественной метасистемы»¹²¹. По мнению Богословского, «главная причина отличия древнеегипетского общества от других обществ Ближнего Востока заключена именно в необычайно сильно развитой государственности»¹²², следствием чего стали и выдающиеся достижения этой цивилизации, включая «устойчиво высокий уровень развития ремесел и искусств»¹²³.

Однако, даже будучи объяснены в пространной статье на английском языке¹²⁴, эти обобщения не получили отклика в зарубежной египтологии¹²⁵. В противоположность «ленинградцам» ряд влиятельных сегодня иностранных исследователей считает нужным интерпретировать данные о социальном строе Древнего Египта и восполнять нехватку таковых на основе сопоставлений с другими эпохами и цивилизациями с применением «изохронных методов и теорий, заимствованных из социальных наук»¹²⁶. Следствием этого стало мнение, что, как и в большинстве восточных обществ, в Египте государственное регулирование социально-экономических процессов могло быть лишь весьма ограниченным и сохраняло за подданными значительную свободу экономической деятельности¹²⁷. С 1990-х годов в Египте Среднего и Нового царства стали то и дело находить «докапиталистическую рыночную экономику»¹²⁸ и даже «зарождающийся капитализм» с «наемным трудом», «производством продукции на рынок»¹²⁹ и т.д. В. Грайетцки недавно объяснил нарастание этой тенденции тем, что в современном египтологическом сообществе возобладало неолиберальное мировоззрение, связывающее прогресс и величайшие достижения цивилизации прежде всего с развитием рыночных отношений, индивидуальной свободы, предпринимательства и предприимчивости¹³⁰.

Не пытаясь доказательно оспорить выводы лексикографических и просопографических исследований «ленинградцев», сторонники «неолиберального» понимания истории Египта просто оставляют их без внимания. Скажем, желая найти в Египте Среднего царства экономически независимый креативный «средний класс», некоторые египтологи объявляют его самоназванием существительное *ndsw* «маленькие», «малые»¹³¹, несмотря на безупречно обоснованный вывод О.Д. Берлева и Д. Франке о невозможности соотнесения этого слова со

¹²⁰ Bogoslovskiy 1983, 272.

¹²¹ Bogoslovskiy 1989, 110.

¹²² Bogoslovskiy 1989, 123.

¹²³ Bogoslovskiy 1989, 122.

¹²⁴ Bogoslovsky 1981.

¹²⁵ Хотя см. Grajetzki 2020b, 767, n. 30.

¹²⁶ Moreno García 2018a, 10–14, 187–202; 2018b.

¹²⁷ Например, Moreno García 2016, 492–493. Критику такого исследовательского подхода см. Luft 2019, 631–632, Anm. 3.

¹²⁸ Warburton 1997, 103, 108, 129, 300.

¹²⁹ Warburton 1997, 80; Moreno García 2018b; Grajetzki 2020b, 10.

¹³⁰ Grajetzki 2020b, 6–12.

¹³¹ Например, Moreno García 2016, 500–503.

сколько-нибудь определенным социальным слоем¹³². А в энциклопедическом очерке «Домохозяйства» Х.К. Морено Гарсии, сославшегося там на десять собственных публикаций¹³³, не упомянуты ни книга Ю.Я. Перепелкина «Хозяйство староегипетских вельмож», ни монография О.Д. Берлева «Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства» с ее непревзойденно полным списком и анализом обозначений работников домохозяйств. Перечислять подобные примеры можно долго.

Игнорирование трудов ленинградской школы египтологии, будь то по незнанию или намеренное, сильно вредит развитию мировой науки о древности, ибо ведет к ошибочным выводам или к появлению запоздалых «исследований» по вопросам давно решенным. Многочисленные примеры этого были отмечены уже самими «ленинградцами» в рецензиях на книги зарубежных коллег¹³⁴. Применительно же к последней четверти XX в. достаточно вспомнить затянувшуюся дискуссию о важном социальном термине *mr(y)t*, значение которого было ясно уже Ю.Я. Перепелкину и исчерпывающе разъяснено О.Д. Берлевым¹³⁵, или указать на ущербность всех новейших публикаций по древнеегипетской хронологии III тысячелетия до н.э., не учитывающих установленную Берлевым дату начала наблюдений гелиактических восходов Сириуса¹³⁶.

При всем этом в последние десятилетия научное наследие ленинградской школы египтологии за рубежом востребовано даже больше, нежели на родине. С уходом замечательных ленинградских исследователей пропали из нашей египтологии и темы, которыми они преданно занимались. Крутые перемены, постигшие наше общество в последние три десятилетия, привели к резкой смене исследовательских приоритетов отечественной науки о древнем Египте.

Сказанное выше, однако, свидетельствует, что у нас есть веские основания гордиться свершениями предшественников, а их исследовательские наработки не должны кануть в безвестность. Полноценное усвоение и развитие выдающихся достижений «ленинградцев» могло бы стать существенным вкладом отечественной египтологии в развитие мировой науки о Древнем Востоке.

Литература / References

- Adams, W.Y. 1977: *Nubia: Corridor to Africa*. Princeton.
 Allam, S. (ed.) 1986: *J.J. Perepelkin, Privateigentum in der Vorstellung der Ägypter des Alten Reichs*. Tübingen.
 Allam, S. 2007: Foundations in Pharaonic Egypt: The Oldest-Known Private Endowments in History. *Die Welt des Orients* 37, 8–30.
 Allen, J. 2014: *Middle Egyptian*. 3rd ed. Cambridge.

¹³² Berlev 1978, 73–125; теперь об этом см. Demidchik 2022a.

¹³³ Moreno García 2012.

¹³⁴ Например, Berlev 1986; Bogoslovsky 1980, 158; Bogoslovskiy 1987, 192–193; 1991, 190, n. 10, 192–193, 195–196.

¹³⁵ Berlev 1972, 96–146. С обзором соответствующей литературы теперь см. Spalinger 2013, 175, n. 80; Römer 2017, 79, Anm. 1; Di Teodoro 2018, 39–40, 84; Luft 2019, 660–667; Grajetzki 2020b, 205–206.

¹³⁶ См. выше прим. 78.

- Berlev, O.D. 1959: [Rev.: N.S. Petrovskiy. Egyptian Language. Leningrad University Publishing, 1958]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 161–167.
- Берлев, О.Д. Рец.: Н.С. Петровский. Египетский язык. Издательство Ленинградского университета, 1958. *ВДИ* 4, 161–167.
- Berlev, O.D. 1960: *The King's House in the Middle Kingdom*. Moscow.
- Berlev, O.D. 1962: [One of the Ways of Dating the Steles of the Middle Kingdom]. *Kratkie soobshcheniya Instituta narodov Azii* [Brief Proceedings of the Institute of Asian Peoples] 46, 45–87.
- Берлев, О.Д. Один из способов датировки стел Среднего царства. *Краткие сообщения Института народов Азии* 46, 45–87.
- Berlev, O.D. 1965: Rev.: William Kelly Simpson. Papyrus Reisner I. Boston, 1963. *Bibliotheca Orientalis* 22, 263–268.
- Berlev, O.D. 1969: ['Falcon in Boat', the Hieroglyph and the God]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 3–30.
- Берлев, О.Д. «Сокол, плывущий в ладье», иероглиф и бог. *ВДИ* 1, 3–30.
- Berlev, O.D. 1971: Les pretendus « citadins » au Moyen Empire. *Revue d'égyptologie* 23, 23–48.
- Berlev, O.D. 1972: *Trudovoe naselenie Egipta epokhi Srednego tsarstva* [The Working Population of Egypt in the Middle Kingdom]. Moscow.
- Берлев, О.Д. *Трудовое население Египта эпохи Среднего царства*. М.
- Berlev, O.D. 1973: Rev.: William C. Hayes. A Papyrus of the Late Middle Kingdom in the Brooklyn Museum (Papyrus Brooklyn 35.1446). New York, 1972. *Bibliotheca Orientalis* 30, 207–209.
- Berlev, O.D. 1978: *Obshchestvennyye otnosheniya v Egipte epokhi Srednego tsarstva* [The Social Relations in Egypt in the Middle Kingdom]. Moscow.
- Берлев, О.Д. *Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства*. М.
- Berlev, O.D. 1979: [The 'Golden Name' of the Egyptian King]. In: I.S. Katsnel'son (ed.), *Zh.F. Shampol'on i deshifrovka egypetskikh ieroglifov* [J.F. Champollion and the Decipherment of the Egyptian Hieroglyphs]. Moscow, 41–59.
- Берлев, О.Д. «Золотое имя» египетского царя. В сб.: И.С. Кацнельсон (отв. ред.), *Ж.Ф. Шампольон и дешифровка египетских иероглифов*. М., 41–59.
- Berlev, O.D. 1981: The Eleventh Dynasty in the Dynastic History of Egypt. In: D.W. Young (ed.), *Studies Presented to H.J. Polotsky*. Beacon Hill (MA), 361–377.
- Berlev, O.D. 1984: The Oldest Description of the Social Organization of Egypt. In: M.A. Dandamaev (ed.), *Problemy sotsial'nykh otnosheniy i form zavisimosti na drevnem Vostoke* [Problems of Social Relations and Forms of Dependence in the Ancient East]. Moscow, 26–34.
- Берлев, О.Д. Древнейшее описание социальной организации Египта. В сб.: М.А. Дандамаев (ред.), *Проблемы социальных отношений и форм зависимости на древнем Востоке*. М., 26–34.
- Berlev, O.D. 1986: Rev.: William A. Ward. Index of Egyptian Administrative and Religious Titles of the Middle Kingdom. Beirut, 1982. *Chronique d'Égypte* 56, 238–239.
- Berlev, O.D. 1987: A Social Experiment in Nubia during the Years 9–17 of Sesostris I. In: M.A. Powell (ed.), *Labor in the Ancient Near East*. New Heaven, 143–157.
- Berlev, O.D. 1997: Rev.: Cl. Vandersleyen. L'Égypte et la vallée du Nil. T. 2. Paris, 1995. *Orientalia* 66, 98–99.
- Berlev, O.D. 1999a: Precisely Two Sothic Periods Between Year 18 of King Sénu/Tosortros and Year 2 of Pharaoh Antonius Pius. In: *Drevniy Egipt: yazyk — kul'tura — soznanie* [Ancient Egypt: Language — Culture — Consciousness]. Moscow, 42–62.
- Берлев, О.Д. Два периода Сотиса между Годом 18 царя Сену, или Тосортроса, и Годом 2 фараона Антонина Пия. В сб.: *Древний Египет: язык — культура — сознание*. М., 42–62.
- Berlev, O.D. 1999b: Rev.: Manuelian, Peter Der (ed.), *Studies in Honor of William Kelly Simpson*. 2 vols. Boston, 1996. *Bibliotheca Orientalis* 56, 597–601.
- Berlev, O.D. 2003: Two Kings — Two Suns: On the Worldview of the Ancient Egyptians. In: S. Quirke (ed.), *Discovering Egypt from the Neva: The Egyptological Legacy of Oleg D. Berlev*. Berlin, 19–35.
- Berlev, O.D., Hodjash, S.I. 1998: *Catalogue of the Monuments of Ancient Egypt. From the Museums of the Russian Federation, Ukraine, Byelorussia, Caucasus, Middle Asia and the Baltic States*. Fribourg—Göttingen.
- Berlev, O.D., Hodjash, S.I. 2004: *Sculpture of Ancient Egypt in the Collection of the Pushkin Museum of Fine Arts*. Moscow.
- Bingen, J. 1982: S. Hodjash, O. Berlev. The Egyptian Reliefs and Stelae in the Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow. *Chronique d'Égypte* 57 (114), 375–376.

- Bogoslovskij, E.S. 1983: Yu.Ja. Perepelkin. Die Revolution von Amen-hotp IV. I. Band (russisch). Moskau, 1967. *Göttinger Miszellen* 61, 53–63.
- Bogoslovskiy, E.S. 1979: «*Slugi faraonov, bogov i chastnykh lits* [“Servants” of the Pharaohs, Gods and Private Persons]. Moscow.
Богословский, Е.С. «Слуги» фараонов, богов и частных лиц. М.
- Bogoslovskiy, E.S. 1983: *Drevneegipetskie мастера: po materialam iz Deyr el'-Medina* [Ancient Egyptian Master Craftsmen: According to Material from Deir el-Medina]. Moscow.
Богословский, Е.С. *Древнеегипетские мастера: по материалам из Дейр эль-Медина*. М.
- Bogoslovskiy, E.S. 1987: [Rev.: B. Menu. Recherches sur l'histoire juridique, économique et sociale de l'ancienne Égypte. P., 1982; B. Menu. Droit-économie-société de l'Égypte ancienne (Chronique bibliographique 1967–1982). Versailles, 1983]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 190–194.
Богословский, Е.С. Рец.: B. Menu. Recherches sur l'histoire juridique, économique et sociale de l'ancienne Égypte. P., 1982; B. Menu. Droit-économie-société de l'Égypte ancienne (Chronique bibliographique 1967–1982). Versailles, 1983. *ВДИ* 2, 190–194.
- Bogoslovskiy, E.S. 1989: [The Factor of the State in the Structural Formation of Egyptian Society in the Second Half of the 2nd Millennium B.C.]. In: M.A. Dandamaev (ed.), *Gosudarstvo i sotsial'nye struktury na drevnem Vostoke* [State and Social Structures in the Ancient East]. Moscow, 109–127.
Богословский, Е.С. Фактор государства в структурообразовании египетского общества второй половины II тысячелетия до н.э. В сб.: М.А. Дандамаев (отв. ред.), *Государство и социальные структуры на древнем Востоке*. М., 109–127.
- Bogoslovskiy, E.S. 1991: [Rev.: M. Gutgesell. Die Datierung der Ostraka und Papyri aus Deir el-Medineh und ihre ökonomische Interpretation. Hildesheim, 1981; M.L. Bierbrier. The Tomb-builders of the Pharaohs. New York, 1984; D. Valbelle. «Les ouvriers de la tombe». Deir el-Médineh a l'époque ramesside. Paris, 1985; R. Ventura. Living in a City of the Dead. Freiburg, Schweiz; Göttingen, 1986]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 188–198.
Богословский, Е.С. Рец.: M. Gutgesell. Die Datierung der Ostraka und Papyri aus Deir el-Medineh und ihre ökonomische Interpretation. Hildesheim, 1981; M.L. Bierbrier. The Tomb-builders of the Pharaohs. New York, 1984; D. Valbelle. «Les ouvriers de la tombe». Deir el-Médineh a l'époque ramesside. Paris, 1985; R. Ventura. Living in a City of the Dead. Freiburg, Schweiz; Göttingen, 1986. *ВДИ* 1, 188–198.
- Bogoslovskiy, E.S. 2019: *Novye istochniki po istorii Egipta XV–X vv. do n.e.* [New Sources for the History of Egypt in the 15th–10th Centuries B.C.]. Saint Petersburg.
Богословский, Е.С. *Новые источники по истории Египта XV–X вв. до н.э.* СПб.
- Bogoslovsky, E.S. 1979: Egyptology in the USSR. *Göttinger Miszellen* 35, 7–12.
- Bogoslovsky, E. 1980: Rev.: Habachi, Labib 1977. Tavole d'offerta, are e bacili da libagione: n. 22001–22067. Catalogo del Museo Egizio di Torino, serie seconda – collezioni 2. Torino. *Chronique d'Égypte* 55, 154–58.
- Bogoslovsky, E.S. 1981: On the System of the Ancient Egyptian Society of the Epoch of the New Kingdom. *Altorientalische Forschungen* 8, 5–21.
- Bogoslovsky, E.S. 1986: Rev.: Yu.Ja. Perepelkin. Amenhotp's IV Revolution (in Russian). Vol. 2. Moscow, 1984. *Göttinger Miszellen* 93, 85–93.
- Bol'shakov, A.O. 1986: [Rev.: S. Hodjash, O. Berlev. The Egyptian Reliefs and Stelae in the Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow. Leningrad, 1982]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 159–162.
Большаков, А.О. Рец.: S. Hodjash, O. Berlev, The Egyptian Reliefs and Stelae in the Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow. Leningrad, 1982. *ВДИ* 1, 159–162.
- Bol'shakov, A.O. 1994: *mw.t.f n(j).t d.t.f* – ‘His Own Mother’. *Göttinger Miszellen* 141, 39–42.
- Bol'shakov, A.O. 2007: [Golénisheff and Us]. In: A.O. Bol'shakov (ed.), *Peterburgskie egiptologicheskie chteniya 2006* [Saint Petersburg Egyptological Readings 2006]. Saint Petersburg, 5–13.
Большаков, А.О. Голенищев и мы. В сб.: А.О. Большаков (ред.), *Петербургские египтологические чтения 2006*. СПб., 5–13.
- Bol'shakov, A.O. 2009a: [Editorial Foreword]. In: A.O. Bol'shakov (ed.), *Peterburgskie egiptologicheskie chteniya 2007–2008* [Saint Petersburg Egyptological Readings 2007–2008]. Saint Petersburg, 5–6.
Большаков, А.О. От редактора. В сб.: А.О. Большаков (ред.), *Петербургские египтологические чтения 2007–2008*. СПб., 5–6.

- Bol'shakov, A.O. 2009b: [Demiurge. Some Words about Oleg D. Berlev]. In: A.O. Bol'shakov (ed.), *Peterburgskie egiptologicheskie chteniya 2007–2008* [Saint Petersburg Egyptological Readings 2007–2008]. Saint Petersburg, 14–24.
- Большаков, А.О. Демиург: Заметки об Олеге Дмитриевиче Берлеве. В сб.: А.О. Большаков (ред.), *Петербургские египтологические чтения 2007–2008*. СПб., 14–24.
- Bol'shakov, A.O. 2013: [Master. Several Words about Evgeniy S. Bogoslovskiy]. In: A.O. Bol'shakov (ed.), *Peterburgskie egiptologicheskie chteniya 2011–2012* [Saint Petersburg Egyptological Readings 2011–2012]. Saint Petersburg, 7–13.
- Большаков, А.О. Мастер. Несколько слов о Евгении Степановиче Богословском. В сб.: А.О. Большаков (ред.), *Петербургские египтологические чтения 2011–2012*. СПб., 7–13.
- Bol'shakov, A.O. 2015: [The Liveliness of the Heritage of Yuriy Ja. Perepelkin]. In: A.O. Bol'shakov (ed.), *Peterburgskie egiptologicheskie chteniya 2013–2014* [Saint Petersburg Egyptological Readings 2013–2014]. Saint Petersburg, 7–15.
- Большаков, А.О. Живость наследия Ю.Я. Перепелкина. В сб.: А.О. Большаков (ред.), *Петербургские египтологические чтения 2013–2014*. СПб., 7–15.
- Bol'shakov, A.O. 2021: Russia. In: A. Bernadski, A. Dodson, S. Ikram (eds.), *The History of World Egyptology*. Cambridge, 354–368.
- Borghouts, J.F. 1982: Divine Intervention in Ancient Egypt and Its Manifestation (*b3w*). In: R.J. Demarée, J.J. Janssen (eds.), *Gleanings from Deir el-Medīna*. Leiden, 1–70.
- Cardascia, G., Menu, B. 1986: Droits de l'Antiquité. In: *Revue historique de droit français et étranger* (1922–). Vol. 64/1. Paris. 117–158.
- Chetverukhin, A. 1990: Some Theoretical Aspects of Old Egyptian Nominal Sentence. Structure and Semantics. *Altorientalische Forschungen* 17, 3–17.
- Darnell, C.M. 2020: The New Kingdom. In: I. Shaw, E. Bloxam (eds.), *Oxford Handbook of Egyptology*. Oxford, 657–683.
- Darnell, J.C. 2020: Rock Art, Rock Inscriptions and Graffiti. In: I. Shaw, E. Bloxam (eds.), *Oxford Handbook of Egyptology*. Oxford, 1111–1137.
- Demarée, R.J., Haring, B.J.J., Hovestreydt, W., Zonhoven, L.M.J. 2018: *Systematic Bibliography on Deir el-Medīna*. 2018. URL: <https://dmd.wepwawet.nl/bibliography.htm>; accessed on: 16.10.2023.
- Demidchik, A.E. 2015: Eleventh Dynasty Written Evidence on the Relationship between the *k3* and the Cult Image. *Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde* 142, 35–42.
- Demidchik, A.E. 2018: [A Northern Version of the “Famine Stela” Narrative?]. In: M.A. Chegodaev, N.V. Lavrent'eva (eds.), *Aegyptiaca Rossica*. Issue 6. Moscow, 105–112.
- Демидчик, А.Е. Нижнеегипетский вариант сказания «Стелы голода». В сб.: М.А. Чегодаев, Н.В. Лаврентьева (ред.), *Aegyptiaca Rossica*. Вып. 6. М., 105–112.
- Demidchik, A.E. 2022a: [Ancient Egyptian *ndsw*: A Historiographic Merry-go-Round]. In: N.N. Dyakov, P.I. Rysakova (eds.), *Doklady XXXI Mezhdunarodnogo kongressa po istochnikovedeniyu i istoriografii stran Azii i Afriki* [Proceedings of the XXXI International Congress on Historiography and Source Studies of Asia and Africa]. Vol. II/2. Saint Petersburg, 108–119.
- Демидчик, А.Е. Древнеегипетские *ndsw*: историографическая сказка про белого бычка. В сб.: Н.Н. Дьяков, П.И. Рысакова (ред.), *Доклады XXXI Международного конгресса по источниковедению и историографии стран Азии и Африки*. Т. II/2. СПб., 108–119.
- Demidchik, A.E. 2022b: Some Remarks on Neha's Spell for Gaining Power over his Servant Statuettes. In: G. Miniaci, W. Grajetzki (eds.), *The World of Middle Kingdom Egypt*. Vol. III. (Middle Kingdom Studies, 12). London, 73–81.
- Depuydt, L. 2009: Towards the Full Digitalization of Grammar. The Case of the Egyptian and Coptic Nominal Sentence. *Lingua Aegyptia* 17, 27–50.
- Di Teodoro, M. 2018: *Labor Organization in Middle Kingdom Egypt*. London.
- D'yakonov, I.M. 1997: [The Emergence of Agriculture, Cattle Breeding and Handicrafts. General Features of the First Period of the History of the Ancient World and the Problem of the Ways of Development]. In: *Istoriya Vostoka* [The History of the East]. Vol. I. Moscow, 27–44.
- Дьяконов, И.М. Возникновение земледелия, скотоводства и ремесла. Общие черты первого периода истории древнего мира и проблема путей развития. В кн.: *История Востока*. Т. I. М., 27–44.

- D'yakov, I.M., Belova, A.G., Militarev, A.Yu., Porkhomovskiy, V.Ja., Stolbova, O.V., Chetverukhin, A.S. 1981–1986: *Sravnitel'no-istoricheskij slovar' afraziyskikh yazykov* [Comparative Historical Dictionary of Afroasian Languages]. Vol. I–III. Moscow.
- Дьяконов, И.М., Белова, А.Г., Милитарев, А.Ю., Порхоновский, В.Я., Столбова, О.В., Четверухин, А.С. *Сравнительно-исторический словарь афразийских языков*. Т. I–III. М.
- Editorial, 1991: [Evgeniy Stepanovich Bogoslovskiy]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 234–236.
- Евгений Степанович Богословский. *ВДИ* 1, 234–236.
- Endesfelder, E. 1977: Rev.: O.D. Berlev. Die werktätige Bevölkerung Ägyptens in der Epoche des Mittleren Reiches. *Moskau 1972. Orientalistische Literaturzeitung* 72, 254–257.
- Eyre, Ch. 1987: Work and the Organisation of Work in the Old Kingdom. In: M.A. Powell (ed.), *Labor in the Ancient Near East*. New Haven, 5–49.
- Fitzenreiter, M. 2008: Vorwort des Herausgebers. In: P. Andrassy (Hrsg.), *Untersuchungen zum ägyptischen Staat des Alten Reiches und seinen Institutionen*. London, I–VIII.
- Franke, D. 1994: *Das Heiligtum des Heqaib auf Elephantine. Geschichte eines Provinzheiligtums im Mittleren Reich*. Heidelberg.
- Franke, D. 2003: *Sem-priest on Duty*. In: S. Quirke (ed.), *Discovering Egypt from the Neva: The Egyptological Legacy of Oleg D. Berlev*. Berlin, 65–78.
- Franke, D. 2013: *Egyptian Stelae in the British Museum from the 13th–17th Dynasties*. Vol. I. London.
- Gabler, K. 2018: *Who's Who around Deir el-Medina. Untersuchungen zur Organisation, Prosopographie und Entwicklung des Versorgungspersonals für die Arbeitersiedlung und das Tal der Könige*. Leiden–Leuven.
- Gatto, M.C. 2019: The Later Prehistory of Nubia in its Interregional Setting. In: D. Raue (ed.), *Handbook of Ancient Nubia*. Berlin–Boston, 259–291.
- Gautschi, R., Habicht, M.E., Galassi, F.M., Rutica, D., Rühli, F.J., Hannig, R. 2017: A New Astronomically Based Chronological Model for the Egyptian Old Kingdom. *Journal of Egyptian History* 10, 69–108.
- Grajetzki, W. 2020a: National Administration. In: I. Shaw, E. Bloxam (eds.), *The Oxford Handbook of Egyptology*. Oxford, 763–777.
- Grajetzki, W. 2020b: *The People of the Cobra Province in Egypt*. Oxford.
- Grieshammer, R. 1972: Rev.: O.D. Berlev, Trudovoe naselenie Egipta v epochu srednego carstva. *Moskva 1972. Göttinger Miszellen* 2, 61–62.
- Hafemann, I. 2009: *Dienstverpflichtung im alten Ägypten während des Alten und Mittleren Reiches*. Berlin–London.
- Haldon, J. 2006: The Paths of History, Igor M. Diakonoff. *Historical Materialism* 14, 169–201.
- Hannig, R. 2003: *Ägyptisches Wörterbuch*. Vol. I. Mainz am Rhein.
- Harari, I. 1992: Rev.: Jurij Jakovlevič Perepelkin. Privateigentum in der Vorstellung der Ägypter des Alten Reichs. *Tübingen, 1986. Chronique d'Égypte* 67, 80–82.
- Harris, J.R. 1974. *Kiya. Chronique d'Égypte* 49, 25–30.
- Helck, W. 1975: *Wirtschaftsgeschichte des Alten Ägypten im 3. und 2. Jahrtausend vor Chr.* Leiden–Köln.
- Hodjash, S.I., Berlev, O.D. 1982: *The Egyptian Reliefs and Stelae in the Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow*. Leningrad.
- Ilin-Tomich, A. 2015. King Seankhibra and the Middle Kingdom Appeal to the Living. In: G. Miniaci, W. Grajetzki (eds.), *The World of Middle Kingdom Egypt (2000–1550 BC)*. Vol. I. London, 145–168.
- Janssen, J.J. 1975: Prolegomena to the Study of Egypt's Economic History during the New Kingdom. *Studien zur Altägyptischen Kultur* 3, 127–185.
- Janssen, J.J. 1999: A Marital Title from the New Kingdom. In: E. Teeter, J.A. Larson (eds.), *Gold of Praise. Studies on Ancient Egypt in Honor of Edward F. Weate*. Chicago, 185–192.
- Kanawati, N. 1988: Rev.: Jurij Jakovlevič Perepelkin. Privateigentum in der Vorstellung der Ägypter des Alten Reichs (ed. and transl. by Renate Müller-Wollermann). *Tübingen, 1986. Bibliotheca Orientalis* 45, 316–17.
- Karlova, K.F., Safronov, A.V. 2022: Rev.: E.S. Bogoslovskiy. New Sources for the History of Egypt in the 15th–10th Centuries B.C. Saint Petersburg, 2019. *Pis'mennye pamyatniki Vostoka* [Written Sources of the Orient] 19/2, 114–119.
- Карлова, К.Ф., Сафронов, А.В. Рец.: Е.С. Богословский. Новые источники по истории Египта XV–X вв. СПб., 2019. *Письменные памятники Востока* 19/2, 114–117.

- Krauss, R. 1991: Die amarnazeitliche Familienstele Berlin 14145 unter besonderer Berücksichtigung von Maßordnung und Komposition. *Jahrbuch der Berliner Museen* 33, 7–36.
- Krikkh, S. 2020: *Drugaya istoriya. «Periferiynaya» sovetskaya nauka o drevnosti* [Another History. “Peripheral” Soviet Studies on Antiquity]. Moscow.
- Крих С. *Другая история. «Периферийная» советская наука о древности*. М.
- Ladynin, I.A. 2008: [The Society and the State in Ancient Egypt in Foreign and Domestic Historiography. The Problem of the Ancient Egyptian Royal Ideology]. In: V.I. Kuzishchin (ed.), *Istoriografiya istorii drevnego Vostoka* [Historiography of the History of the Ancient East]. Vol. I. Moscow.
- Ладынин, И.А. Общество и государство в древнем Египте в зарубежной и отечественной историографии. Проблема древнеегипетской идеологии царской власти. В кн.: В.И. Кузিশчин (ред.), *Историография истории древнего Востока*. Т. I. М., 199–275.
- Ladynin, I.A. 2016: [Features of the Landscape (How Marxist Was the “Soviet Antiquity”?)]. *Vestnik Universiteta Dmitriya Pozharskogo* [Bulletin of Dmitry Pozharskiy University] 2 (4), 9–32.
- Ладынин, И.А. Особенности ландшафта (Насколько марксистской была «советская древность»?). *Вестник Университета Дмитрия Пожарского* 2 (4), 9–32.
- Ladynin, I.A. 2018: [Originator]. In: M.A. Chegodaev, N.V. Lavrent'eva (eds.), *Aegyptiaca Rossica*. Issue 6. Moscow, 13–21.
- Ладынин, И.А. Устроитель. В сб.: М.А. Чегодаев, Н.В. Лаврентьева (ред.), *Aegyptiaca Rossica*. Вып. 6. М., 13–21.
- Lippert, S. 2008: *Einführung in die altägyptische Rechtsgeschichte*. Berlin–Münster.
- Loktionov, A.A. 2017: Of Pilgrims and Poets, Prisoners and Politics: The Story of Egyptology in Russia. In: Ch. Langer (ed.), *Global Egyptology: Negotiations in the Production of Knowledges on Ancient Egypt in Global Context*. London, 129–145.
- Luft, U. 2019: Die Socialstruktur der unteren Bevölkerungsschicht im Mittleren Reich. In: M. Brose, P. Dils, F. Naether, L. Popko, D. Raue (Hrsg.), *En detail – Philologie und Archäologie im Discurs. Festschrift für Hans-Werner Fischer-Elfert*. Berlin–Boston, 631–674.
- Malek, J. 1999: Rev.: Berlev, O., Hodjash, S. Catalogue of the Monuments of Ancient Egypt. From the Museums of the Russian Federation, Ukraine, Bielorrussia, Caucasus, Middle Asia and the Baltic States. Fribourg–Göttingen, 1998. *Discussions in Egyptology* 44, 109–114.
- Meeks, D. 1987: Rev.: E.S. Bogoslovskij. Drevn'e-egipetskije mast'era po mat'erialam iz Der el'-Médina. Moscou, 1983. *Journal of the Economic and Social History of the Orient* 30, 328–332.
- Metawi, R. 2015: An Interesting New Kingdom Stela from Thebes Cairo Museum (CG 34045). *Journal of the American Research Center in Egypt* 51, 277–284.
- Michaux-Colombot, D. 2014: The Ruler's Table in Lower Nubia during the Egyptian Middle Kingdom. In: E. Fantusati, M. Baldi (eds.), *Atti della Quarta Giornata di Studi Nubiani: A Tribute to the Nubian Civilization*. Roma, 185–202.
- Miniaci, G., Grajetzki, W. (eds.) 2016: *The World of Middle Kingdom Egypt (2000–1550 BC)*. Vol. II. London.
- Moreno García, J.C. 2007: A New Old Kingdom Inscription from Giza (CGC57163), and the Problem of *sn-dt* in Pharaonic Third Millennium Society. *Journal of Egyptian Archaeology* 93, 117–136.
- Moreno García, J.C. 2011: Rev.: Hafemann, I. Dienstverpflichtung im Alten Ägypten während des Alten und Mittleren Reiches. London, 2009. *Journal of Egyptian Archaeology* 97, 251–253.
- Moreno García, J.C. 2012: Households. In: *UCLA Encyclopedia of Egyptology*. URL: <http://escholarship.org/uc/item/2bn8c9gz>; accessed on: 16.10.2023.
- Moreno García, J.C. 2014: Penser l'économie pharaonique. *Annales. Histoire, Sciences Sociales* 69/1, 7–38.
- Moreno García, J.C. 2016: Social Inequality, Private Accumulation of Wealth, and New Ideological Values in Late 3rd Millennium BC Egypt. In: H. Meller, H.P. Hahn, R. Jung, R. Risch (eds.), *Rich and Poor – Competing for Resources in Prehistoric Societies: 8th Archeological Conference of Central Germany. October 22–24, 2015 in Halle (Saale)*. Halle (Saale), 491–512.
- Moreno García, J.C. 2018a: *The State in Ancient Egypt*. London–New York–Oxford–New Dehli–Sydney.
- Moreno García, J.C. 2018b: Rev.: D.A. Warburton. The Fundamentals of Economics. Lessons from the Bronze Age Near East. Grand-Saconnex, 2016. *Bibliotheca Orientalis* 74, 59–65.

- Munro, I. 1986: Zusammenstellung von Datierungskriterien für Inschriften der Amarna-Zeit nach J.J. Perepelkin “Die Revolution Amenophis IV”. *Göttinger Miszellen* 94, 81–91.
- Munro, I. 1987: Rev.: Yu.Ja. Perepelkin. 218a. The Revolution of Amenhotep IV (Perevorot Amen-Khotpa IV). Moskau, 1984. *Bibliotheca Orientalis* 44, 137–143.
- Nordström, H.Å. 1972: *Neolithic and A-group Sites*. Uppsala.
- Perepelkin, Yu.Ja. 1960: *Das Schnau-Haus im Alten Reiche*. Moskau.
- Perepelkin, Yu.Ja. 1978: *The Secret of the Gold Coffin*. Moscow.
- Perepelkin, Yu.Ja. 1986: *Privateigentum in der Vorstellung der Ägypter des Alten Reichs*. Darmstadt.
- Perepelkin, Yu.Ja. 1988: *Khozyaystvo staroegipetskikh vel'mozh* [The Household of Old Kingdom Nobility]. Moscow.
- Перепелкин, Ю.Я. *Хозяйство староегипетских вельмож*. М.
- Perepelkin, Yu.Ja. 1989: [King's Priest at the Head of the State]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 4–28.
- Перепелкин, Ю.Я. Жрец царя во главе государства. *ВДИ* 3, 4–28.
- Petrovskiy, N.S. 1958: *Egipetskiy yazyk* [Egyptian Language]. Leningrad.
- Петровский, Н.С. *Египетский язык*. Л.
- Petrovskiy, N.S. 1978: *Zvukovye znaki egipetskogo pis'ma kak sistema* [The Sound-signs of the Egyptian Writing as a System]. Leningrad.
- Петровский, Н.С. *Звуковые знаки египетского письма как система*. Л.
- Piotrovskiy, B.B. 1983: *Wadi Allaki – put' k zolotym rudnikam Nubii* [Wadi Allaki – A Road to Nubian Gold Mines]. Moscow.
- Пиотровский, Б.Б. *Вади Алаки – путь к золотым рудникам Нубии*. М.
- Quirke, S. 1990: *The Administration of Egypt in the Late Middle Kingdom: The Hieratic Documents*. New Malden.
- Quirke, S. 2003: Introduction. In: S. Quirke (ed.), *Discovering Egypt from the Neva: The Egyptological Legacy of Oleg D. Berlev*. Berlin.
- Quirke, S. 2004: *Titles and Bureaux of Egypt 1850–1700 BC*. London.
- Quirke, S. 2010: *Hidden Hands: Egyptian Workforces in Petrie Excavation Archives, 1880–1924*. Bristol.
- Quirke, S. 2015: *Exploring Religion in Ancient Egypt*. Chichester–Malden.
- Quirke, S. 2018: Languages of Artists: Closed and Open Channels. In: G. Miniaci, J.C. Moreno García, S. Quirke, A. Stauder (eds.), *The Arts of Making in Ancient Egypt: Voices, Images, and Objects of Material Producers 2000–1550 BC*. Leiden, 175–196.
- Roccati, A.O. 1974: Rev.: O.D. Berlev. Trudovoe naselenie Egipta epokhi Srednego tsarstva. Moskva, 1972. *Oriens antiquus* 13, 60–63.
- Roccati, A.O. 1981: Rev.: E.S. Bogoslovskij, “Slugi” faraonov, bogov i castnykh lic, Moskva, 1979. *Oriens antiquus* 20, 318–319.
- Römer, M. 2009: Hauswirtschaft – Häuserwirtschaft – Gesamtwirtschaft “Ökonomie” im pharaonischen Ägypten. *Orientalia* 78, 1–43.
- Römer, M. 2017: Die *mr(ṯ)*-Leute. Was sich aus den Ostraca der frühen 18. Dynastie von Deir el-Bahri ergibt. *Göttinger Miszellen* 251, 79–93.
- Shaw, G.J. 2010: The Meaning of the Phrase *m ḥm n spt-s3*. *Journal of Egyptian Archaeology* 96, 175–190.
- Sist, L. 2001: Rev.: O. Berlev, S. Hodjash, Catalogue of the Monuments of Ancient Egypt. From the Museums of the Russian Federation, Ukraine, Byelorussia, Caucasus, Middle Asia and the Baltic States. Fribourg–Göttingen, 1998. *Orientalia* 70, 325–326.
- Spalinger, A. 1991: Some Revisions of Temple Endowments in the New Kingdom. *Journal of the American Research Center in Egypt* 28, 21–39.
- Spalinger, A.J. 2005: *War in Ancient Egypt: The New Kingdom*. Malden (MA)–Oxford.
- Spalinger, A. 2006: *Five Views on Egypt*. Göttingen.
- Spalinger, A. 2011: The Beginning of the Civil Calendar. In: M. Bárta, F. Coppens, J. Krejčí (eds.), *Abusir and Saqqara in the Year 2010*. Prague, 723–735.
- Spalinger, A. 2012: Steinzeit und Sternzeit. Altägyptische Zeitkonzepte by Jan Assmann. *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes* 102, 303–310.
- Spalinger, A. 2013: Further Remarks on the Old Kingdom Phyle System. *Orientalia* 82/3, 157–206.
- Spalinger, A. 2015: Feasts Calendars, Royalty, and Economics: A Trio of Unwilling Associates. In: F. Coppens, J. Janák, H. Vymazalová (eds.), *Royal Versus Divine Authority: Acquisition,*

- Legitimization and Renewal of Power, Prague, June 26–28, 2013. 7. Symposion zur ägyptischen Königsideologie / 7th Symposium on Egyptian Royal Ideology.* Prague, 305–324.
- Stefanović, D. 2006: *The Holders of Regular Military Titles in the Period of the Middle Kingdom: Dossiers.* London.
- Stoof, M. 1988: Rev.: E. G. Bogoslovskij. *Drevne-egipetskie mastaba. Po materialam iz Der el-Medina.* Moskau: Nauka 1983. *Orientalistische Literaturzeitung* 83, 660–662.
- Teeter, E. 2001: Rev.: O. Berlev, S. Hodjash. Catalogue of the Monuments of Ancient Egypt. From the Museums of the Russian Federation, Ukraine, Byelorussia, Caucasus, Middle Asia and the Baltic States. Fribourg–Göttingen, 1998. *Journal of Near Eastern Studies* 60, 193–194.
- Tomashevich, O.V. 2003: [Rev.: O.D. Berlev, S.I. Hodjash. Catalogue of the Monuments of Ancient Egypt. From the Museums of the Russian Federation, Ukraine, Byelorussia, Caucasus, Middle Asia and the Baltic States. Fribourg–Göttingen. 1998]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1, 87–93.
- Томашевич, О.В. Рец.: О.Д. Берлев, С.И. Ходжаш. Каталог египетских памятников из музеев Российской Федерации, Украины, Белоруссии, Кавказа, Средней Азии и Прибалтики. Fribourg–Göttingen, 1998. *ВДИ* 1, 87–93.
- Uchitel, A. 1993: Early Antiquity by I.M. Diakonoff and Alexander Kirjanov. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London* 56, 351–353.
- Vinogradov, I.V. 1991: The Middle Kingdom of Egypt and the Hyksos Invasion. In: I.M. Diakonoff (ed.), *Early Antiquity*, 158–171. Chicago.
- Walle, B. 1980: Rev.: G. Perepelkin. The Secret of the Gold Coffin. Moscow, 1978. *Chronique d'Égypte* 55, 36–140.
- Wallet-Lebrun, C. 1983: « Serviteurs » des pharaons, dieux et particuliers by E.S. Bogoslovski. *Journal of the Economic and Social History of the Orient* 26/2, 200–203.
- Warburton, D.A. 1997: *State and Economy in Ancient Egypt: Fiscal Vocabulary of the New Kingdom.* Fribourg–Göttingen.
- Ward, W. 1994: Foreigners Living in the Village. In: L.H. Lesko (ed.), *Pharaoh's Workers.* New York, 61–86, 163–174.
- Zakharov, A.O. 2016. *Istoriya Drevnego Vostoka. Kurs lektsiy [A History of the Ancient Near East. A Lecture Course]*. Moscow.
- Захаров, А.О. *История Древнего Востока. Курс лекций.* М.
- Zonhoven, L.M.J. 1982: A Systematic Bibliography on Deir el-Medīna. In: R.J. Demarée, J.J. Janssen (eds.), *Gleanings from Deir el-Medīna.* Leiden, 245–298.

DOI: 10.31857/S032103910029258-6

ЗАГРАНИЧНЫЕ КОМАНДИРОВКИ ВЫПУСКНИКОВ ИМПЕРАТОРСКОГО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

Н. В. Колышницына¹, С. Б. Ланцов²

¹*Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова, Симферополь, Россия*

²*Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия*

¹*E-mail:* kolishnitsina@mail.ru ²*E-mail:* sergey_lantsov@mail.ru

¹*ORCID:* 0009-0000-0942-2996 ²*ORCID:* 0009-0006-2584-8835

В статье обсуждаются заграничные поездки выпускников Императорского Санкт-Петербургского историко-филологического института, организованные для подготовки молодых людей к дальнейшей профессиональной деятельности. Начавшись в 1873 г. в формате стажировок у «дружественных» профессоров из университетов Германии (Лейпциг, Страсбург, Бонн), эти поездки продолжились в 1880-е – 1890-е годы в новом формате: планы по созданию Русской археологической школы в Афинах по образцу французской и немецкой привели к тому, что именно Афины стали основным направлением командировок выпускников Историко-филологического института.

Ключевые слова: история образования, Императорский историко-филологический институт, стажировки, классическая филология, филологические семинары, история эпиграфики

ABROAD JOURNEYS OF GRADUATES OF THE IMPERIAL HISTORICAL AND PHILOLOGICAL INSTITUTE IN SAINT PETERSBURG

Nataliya V. Kolyshnitsyna¹, Sergey B. Lantsov²

¹*Fevzi Yakubov Crimean University of Engineering and Pedagogy, Simferopol, Russia*

²*Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia*

¹*E-mail:* kolishnitsina@mail.ru ²*E-mail:* sergey_lantsov@mail.ru

Данные об авторах. Наталья Валерьевна Колышницына — кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории Крымского инженерно-педагогического университета им. Февзи Якубова; Сергей Борисович Ланцов — кандидат исторических наук, заведующий отделом античной археологии Института археологии Крыма РАН.

The article discusses the travels of the graduates of the Imperial Historical and Philological Institute abroad in order to prepare for their professional career. Established in 1873 in the form of an internship in German universities (Leipzig, Strasbourg, Bonn), in 1880–1890 they started to develop in a new direction. With the creation of the Russian Archaeological Institute in Greece being planned (in a manner of already existing French and German), the place of the fellowship for the graduates of the Imperial Historical and Philological Institute was changed to Athens.

Keywords: history of education, Imperial Historical and Philological Institute, fellowships, classical philology, philological seminary, history of epigraphy

Во второй половине 1860-х годов в связи с проведением реформы средней школы стал очевиден недостаток учителей гимназий, в первую очередь по гуманитарным предметам. Существовавшие при университетах педагогические курсы этой проблемы не решали, а уровень подготовки их выпускников не отвечал требованиям времени. По мнению Министерства народного просвещения, лучшим средством для устранения этой проблемы могло стать учреждение специального института, который бы осуществлял подготовку учителей историко-филологического направления. С этой целью 27 июня 1867 г. в Петербурге был учрежден Императорский историко-филологический институт (ИИФИ). Поскольку одной из задач нового высшего учебного заведения была подготовка не только учителей гимназий, но и профессуры для университетов страны, в уставе института было определено, что студенты, с успехом завершившие курс, имели право через год после его окончания сдавать экзамен на степень магистра. Особо отличившихся студентов, по представлению Конференции, оставляли при институте для подготовки к профессорскому званию. Именно они и могли претендовать на заграничные стажировки¹.

Порядок осуществления таких командировок был подробно регламентирован Общим уставом российских университетов. Регулярно публиковал отчеты о командированных и их деятельности «Журнал Министерства народного просвещения»². Большая же часть документов, относящихся к самим поездкам (ходатайства Конференции института, инструкции профессоров, отчеты командированных, финансовая документация) находятся в фонде Петроградского историко-филологического института, хранящегося в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (Ф. 53).

Рассматривая проблему заграничных командировок и стажировок, можно выделить несколько типов таких поездок. Во-первых, это поездки как ученых, так и студентов в вакационное время и за собственный счет; во-вторых – групповые экскурсии студентов и слушателей с образовательными целями, и, наконец, командировки лиц, «оставленных при кафедре для подготовки к профессорскому званию»³. Для воспитанников ИИФИ были характерны только две из

¹ ПСЗ. 1867. Собр. II. Т. XLII. Ст. 44767.

² ПСЗ. 1863. Собр. II. Т. XXXVIII. Ст. 39752; ЖМНП. 1866. Ч. 129. № 1. Отд. IV. С. 1–24: по поводу мер, принимаемых Министерством народного просвещения с 1862 г. для приготовления кандидатов к профессорскому званию.

³ Sveshnikov 2012, 849.

них. В документах института нет никаких сведений о групповых поездках студентов, что в целом неудивительно. Институт был закрытым учебным заведением, где содержание студентов полностью обеспечивало государство. В его специальных суммах просто не имелось такой статьи расходов. Сами же студенты, будучи в большинстве своем выходцами из малообеспеченных семей, такие поездки финансировать не могли. Большинство известных нам заграничных командировок «по собственному желанию» совершалось уже выпускниками учебного заведения через прошение директора и финансировалось министерством. Иными словами, применительно к институту речь должна идти только о вакационных командировках выпускников и преподавателей за государственный счет и двухлетних стажировках магистрантов.

Алгоритм организации заграничной стажировки был сформирован еще в начале 1860-х годов. Министерство народного просвещения распределяло стажировки профессорских кандидатов формально, не участвуя в непосредственном выборе подходящих лиц⁴. В университетах процедура организации командировки представляла собой цепь ходатайств: наставник подавал прошение на факультет, тот, в свою очередь, в университетский Совет, который после баллотировки по выдвинутой кандидатуре через попечителя делал представление министру⁵. В ИИФИ эта схема была существенно проще: уже перед выпускным актом Конференция института намечала тех лиц, которые, по ее мнению, были достойны получения в будущем профессорского звания, и подавала ходатайство на имя министра народного просвещения о предоставлении им заграничной командировки.

Каждый профессорский стипендиат получал от Конференции института, а чаще всего от своего наставника, подробную инструкцию о целях и порядке прохождения командировки. Формой контроля за их работой были отчеты, которые направлялись в Конференцию каждые полгода. Они представляли собой одну из форм обратной связи между стипендиатом и учебным заведением, давая возможность контролировать работу воспитанников за границей, а молодым ученым — получать новые инструкции, корректировки своих учебных планов и замечания по поводу выполняемой работы⁶. Поощрялось издание в Европе и в России научных статей или брошюр, связанных с темой научных исследований или будущей диссертации. Иногда такие работы могли заменять сами отчеты.

По возвращении из заграничной командировки молодые люди должны были сдать магистерский экзамен и защитить магистерскую диссертацию. Большинство из них так и поступало. Однако иногда защита откладывалась на достаточно длительный срок. В такой ситуации Конференция института требовала объяснений. Причинами невыполнения обязательств, как правило, указывались либо большая занятость по службе, либо проблемы со здоровьем, но встречаются и казусы следующего содержания: «Здоровья нет, средств к жизни нет, душа

⁴ Trokhimovskiy 2007, 20.

⁵ Skvortsov 2012, 405–407.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 550.

болит»⁷. Бывали и совсем уж редкие случаи, когда после заграничной стажировки магистерская диссертация так и не была защищена.

Заграничные командировки выпускников ИИФИ можно разделить на две группы. Первые командированные направлялись в основном в западноевропейские, в первую очередь немецкие, университеты по примеру выпускников университетов. А с 1880 г. выпускники института стали направляться в Грецию и Италию. Рассмотрим более внимательно оба направления этих стажировок.

22 декабря 1872 г. директор института К.В. Кедров направил в Министерство народного просвещения докладную записку следующего содержания: «Конференция Историко-филологического института в заседании 20 декабря, обсуждая вопрос о мерах привлечения студентов к более ревностным занятиям древними языками и об открытии для лучших из окончивших курс студентов возможности готовиться к испытаниям на высшие ученые степени, ввиду настоятельной потребности улучшить преподавание древних языков в гимназии, а равно и подготавливать способных и благонадежных молодых людей к занятиям профессорских кафедр по классической филологии, признала весьма полезной для этой цели мерой — студентов, окончивших курс в институте с отличными успехами, преимущественно по древним языкам, посылать за границу на два года. Осуществление такой меры вместе с тем имело бы благоприятное влияние на привлечение к институту хорошо подготовленных молодых людей и на более ответственное настоящим потребностям распределение их по специальностям»⁸. Министерство народного просвещения выделяло командированным по 1500 руб. в год на каждого. 30 декабря 1872 г. министр народного просвещения Д.А. Толстой одобрил инициативу.

Летом 1873 г. была подготовлена первая стажировка. Командированные в Германию студенты должны были слушать лекции университетских профессоров, принимать участие в практических занятиях филологических семинариев и активно заниматься самостоятельной работой, связанной с чтением древних авторов и подготовкой магистерских диссертаций. Семинаром, или как тогда говорили «семинарием», назывались специальные университетские курсы по какой-либо отрасли филологических наук, чаще всего по классической филологии, под руководством одного или двух профессоров на латинском языке. На таких занятиях занимались как критическим чтением древних писателей и надписей, так и обсуждением научных работ участников. Тему каждый выбирал самостоятельно, готовая работа рецензировалась несколькими оппонентами из членов семинара и обсуждалась публично на занятии. Согласно отчетам, стажирующиеся на первых порах принимали пассивное участие в работе этих семинаров, что было связано главным образом с отсутствием практики разговорной латинской речи. И это при том, что филологическая подготовка выпускников института отличалась высоким уровнем, поскольку большая часть учебного времени и времени, отданного на самостоятельную подготовку, отводилась на разбор и чтение произведений античных авторов.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1191. Л. 54.

⁸ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 453. Л. 1–2.

В помощь заграничным стипендиатам в институте была создана специальная библиотека. Выступая с инициативой ее открытия, директор института К. В. Кедров отмечал в октябре 1871 г.: «Для лиц, приготовляющихся к профессорскому и учительскому званиям, необходимо предварительно отправления их с этой целью за границу, ознакомиться как с сочинениями, касающимися лучшего метода преподавания в заграничных университетах по избранным молодыми людьми специальностям, так и с самой организацией заграничных учебных заведений, а потому я полагал бы весьма полезным учредить особую библиотеку из книг, относящихся до вышеупомянутых предметов»⁹. Ежегодно на содержание и пополнение этой библиотеки Министерство народного просвещения выделяло 1000–1200 руб.¹⁰

1 июля 1873 г. за границу направили первых выпускников: П. В. Никитина (выпуск 1871 г.), В. М. Колесникова и Н. С. Кириллова (оба выпуска 1872 г.)¹¹. Они должны были провести три первых семестра в Лейпцигском университете, а четвертый — в Геттингене¹². Лейпцигский университет был избран не случайно. В 1870-х годах благодаря Ф. Ричлю и Г. Курциусу лейпцигская филологическая школа считалась одной из самых сильных в Европе¹³. Более того, глубоко сочувствуя учебной реформе, проводившейся в России, Ф. Ричль оказал Министерству народного просвещения важную услугу, открыв при Лейпцигском университете Русскую филологическую семинарию.

За два года пребывания в Германии молодые люди должны были предоставить в институт два отчета: после первого и после третьего семестра. Один из пунктов инструкции (п. 6) рекомендовал стажировавшимся не только заниматься университетскими курсами, но и методично собирать материалы для будущей магистерской диссертации, с тем «чтобы в возможно непродолжительном времени подготовиться к сдаче магистерского экзамена»¹⁴.

Сохранился отзыв за 1874 г. проф. Ф. Ф. Соколова, который, видимо, с самого начала курировал эти командировки: «Отчеты показывают, что все трое занимались добросовестно и не теряли даром времени»¹⁵. Наиболее емко Ф. Ф. Соколов дает характеристику отчету П. В. Никитина, который «своей подробностью и обстоятельностью дает возможность составить более ясное понятие о ходе и направлении работ молодого ученого»¹⁶. Особое внимание рецензент обращает на то, что П. В. Никитин много рассказывает о своих самостоятельных занятиях, излагает мысли и тезисы будущей диссертации, вступает в полемику с немецкими

⁹ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 415. Л. 1–1 об.

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 525. Л. 6–6 об.

¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 78. Л. 74–74 об.

¹² ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 453. Л. 14–15.

¹³ Фридрих Вильгельм Ричль (F. W. Ritschl, 1806–1876) был ведущим специалистом по истории латинского языка и архаической латыни и в 1862 г. осуществил издание древних латинских надписей (*Priscae latinitatis monumenta epigraphica*). Георг Курциус (G. Curtius, 1820–1885), будучи специалистом в области грамматики, одним из первых применил сравнительное языкознание в классической филологии.

¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 453. Л. 14 об.

¹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 453. Л. 16.

¹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 453. Л. 16–16 об.

учеными, причем полемику, по мнению Ф.Ф. Соколова, обдуманную, конструктивную и объективную: «Никитин скептически относится к излишествах конъектуральной критики новых немецких ученых. Мало того, он, если не ошибаюсь, считает ложным самый принцип новых исследований текстов Феокрита, может быть, точнее будет сказать — упрекает эти исследования в отсутствии принципа. Но, высказывая такие решительные мнения о некоторых работах знаменитых ученых, он в то же время, как видно из всего отчета, далек от излишней самонадеянности и проникнут уважением к почтенной деятельности этих ученых»¹⁷. Первые отчеты В.М. Колесникова и Н.С. Кириллова — это краткие перечни прослушанных ими лекций и прочитанных авторов¹⁸. Однако Ф.Ф. Соколова приятно поразили объем прочитанных и проработанных текстов, что и позволило сделать вывод об их усердной работе. Было ясно, что все трое быстро усвоили главный педагогический прием Ф. Ричля: «читать, много читать, очень много читать, как можно больше читать»¹⁹.

Что касается следующих отчетов, то, сохраняя в них перечисление прослушанных курсов и прочитанных авторов, стажировавшиеся подходили по-разному ко второй, научной части. Так, П.В. Никитин подготовил полноценную статью, которая была опубликована в *ЖМНП*²⁰. Отчет Н.С. Кириллова был почти полностью посвящен его работе над магистерской диссертацией: определен объем литературы и источников, поставлена цель работы, сформулирован план и основные положения²¹. Тем более удивительно, что Николай Стратоникович оказался первым из командированных, кто так и не защитил магистерской диссертации. Когда в 1876 г. Конференция института затребовала от него объяснений, он ответил, что расстройство здоровья и отсутствие у него призвания к ученой деятельности не дают ему возможности подготовить научный труд. По решению Конференции от 12 мая 1879 г. он был освобожден от защиты²². Дальнейшая жизнь Н.С. Кирилова была связана с Нежинским историко-филологическим институтом, где он служил наставником до своей смерти в 1908 г.²³, а в 1879—1898 гг. преподавал греческий язык²⁴.

Отчеты первых командированных в Германию выпускников института показывают разительное отличие их от стажировавшихся за границей универсантов. А.Г. Новоселов²⁵, критически оценивая состояние немецкой классической

¹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 453. Л. 16—16 об.

¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 550. Л. 11—12, 13—15 об.

¹⁹ Basargina 2004, 28.

²⁰ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 550. Л. 16—23 об.; Д. 453. Л. 38; Nikitin 1875, 69—106.

²¹ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 550. Л. 61—71 об.

²² ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1191. Л. 56—65.

²³ *Памятная книжка Императорского С.-Петербургского Историко-филологического института и гимназии при оном. 1867—1887*. СПб., 1887 (далее: *Памятная книжка ИИФИ*).

²⁴ *Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине. 1875—1900. Преподаватели и воспитанники*. Нежин, 1900. С. 38 (URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003647892>; дата обращения: 13.10.2023; далее — *Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине*).

²⁵ Новоселов Александр Григорьевич (1834—1887) — филолог, окончил Главный педагогический институт и Петербургский университет (1860), затем работал директором 4-й Московской гимназии.

филологии, погрязшей, по его мнению, в мелочах скрупулезного толкования текстов, писал: «И стоит ли молодому истинно любознательному человеку 30 часов в неделю убивать на слушание таких комментариев? Неужели здесь есть для него что-нибудь живое, развивающее ум и сердце, внушающее любовь к гражданским доблестям и приготовляющее его к жизни? ... Мне кажется, что такая узкая рамка чтения, такое преобладающее лингвистическое направление, такое насильственное ограничение кругозора молодых людей в деле знакомства их с классическим миром, такое искусственное отвлечение их внимания от живых сторон в произведениях и жизни древних скорее способны или возбудить отвращение от изучения греческой и римской литературы, или притупить всякое живое чувство, всякую разумную любознательность»²⁶. Но выпускников ИИФИ, нацеленных на изучение эпиграфики и критического разбора текстов, привлекала именно эта скрупулезность, и за обучением таким методам работы с текстами они и ехали в Германию.

В 1875 г. первые командированные вернулись в Россию. И если после первой пробной лекции В.М. Колесникова на тему «Consecutio temporum» Конференция затруднилась дать заключение о возможности его преподавания в высших учебных заведениях, то после второй лекции, которая представляла собой перевод на латинский язык довольно трудного отрывка русского текста с комментариями, Конференция единогласно избрала его преподавателем латинского языка в институте²⁷, где он работал до 1877 г., а затем перешел преподавателем древних языков в Ананьевскую гимназию (Херсонская губ.), где и прослужил в указанной должности до 1917 г.

Петр Васильевич Никитин был принят на кафедру классической филологии Нежинского ИФИ и в 1876 г. в Университете св. Владимира в Киеве защитил магистерскую диссертацию. Дальнейшая судьба этого талантливого ученого хорошо известна: профессор и ректор Императорского Санкт-Петербургского университета, академик, вице-президент Академии наук (1900–1916)²⁸.

В 1874 г. на тех же основаниях и с теми же рекомендациями в Лейпциг и Геттинген были отправлены А.Г. Фогель (выпуск 1873 г.) и А.Ф. Абрамов (выпуск 1871 г.). Однако инструкция, выданная этим молодым людям, была более требовательна в отношении отчетов: «Отчеты должны заключать в себе обстоятельное изложение как занятий в университете, так и домашних занятий; желательно, чтобы направление и выбор работ были мотивированны»²⁹. Такие же пожелания звучат и в отзывах на отчеты этих молодых людей, подписанных проф. И.В. Помяловским. Особенно это касалось отчета А.Г. Фогеля, в котором не было представлено «никаких данных для суждения об основательности его самостоятельных работ и о приготовлении им диссертации»³⁰. В отчетах А.Ф. Абрамова мы встречаем не просто тематику курсов с фамилиями профессоров их читающих, но и характеристику последних: «Профессор Экштейн говорит замечательно изящным латинским языком, а это не

²⁶ Цит. по: Sveshnikov 2012, 855.

²⁷ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 453. Л. 47–48.

²⁸ Basargina 2004.

²⁹ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 453. Л. 24–25.

³⁰ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 973. Л. 53 об. – 56.

может не быть полезным для меня как намеревающегося вскоре вступить в число деятельных членов семинарии ... Немалое влияние на выбор лекций Ланге имело также и то обстоятельство, что он вообще читает не быстро и потому для непривычного еще к немецкой речи понимание его гораздо легче дается, чем, например, Ричля, читающего свои лекции с жаром, с увлечением и потому трудно понимаемого ... Объяснения г. Ланге были для меня полезны в том отношении, что указали, какими средствами должен располагать желающий взяться за дело критики и как должно употреблять эти средства в дело. Что касается до самих лекций Ланге, то я должен сказать, что они обогатили меня многими историческими, литературными и палеографическими знаниями. В высшей степени объективное, строго систематическое, обстоятельное, основанное на положительных факторах изложение показало, как много нужно знать для того, чтобы быть в состоянии с успехом работать в области классической филологии и не только нужно знать много, но знать это многое основательно»³¹.

В обязанность молодых людей, командированных в Лейпциг, помимо непосредственных занятий с местными профессорами и домашних чтений входило также и проведение занятий в Русской филологической семинарии. Последняя начала свою деятельность в октябре 1873 г. с целью подготовки специалистов-классиков для российских средних учебных заведений. Принимали туда выпускников гимназий из славянских земель Австрии и российских гимназий³². Стажировавшиеся при Лейпцигском университете, выпускники ИИФИ должны были заниматься с семинаристами русским языком по 6–8 часов в неделю, а также изучать с ними русскую литературу, историю и географию³³. Таким образом, с одной стороны, работа молодых русских ученых в Филологической семинарии была неплохой педагогической практикой, с другой, как свидетельствуют некоторые их отчеты, отнимала огромное количество времени непосредственно от научных занятий. У всех командированных было разное отношение к этой обязанности. Например, А.Ф. Абрамов в своем отчете за зимний семестр 1874–1875 учебного года писал, что «занятия в семинарии отнимали 5 часов в неделю, но были полезны: я должен был переводить с семинаристами те греческие и латинские тексты, которые переводимы были ими в семинарии у Ф. Ричля, В.А. Гершельмана, а также от них требовалось изложение содержания лекций Г. Курциуса о греческой грамматике»³⁴.

В 1876 г. А.М. Фогель и А.Ф. Абрамов получили места наставников в Нежинском институте и оба не торопились с защитой магистерских диссертаций. В объяснениях, данных Конференции института в 1879 г., А.М. Фогель ссылаясь на большую загруженность работой в Нежинском институте и отсутствие в библиотеке последнего необходимых пособий, а А.Ф. Абрамов — на нездоровье супруги. По распоряжению Конференции Андрей Федорович был освобожден от защиты диссертации, оставшись на службе в гимназии при Нежинском институте, сначала

³¹ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 550. Л. 1–10.

³² Ptitsyn 2017, 97–98.

³³ Ptitsyn 2017, 100.

³⁴ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 550. Л. 8–9.

наставником-руководителем, а затем дослужился до должности ее заведующего³⁵, скончался он в мае 1911 г. Андрею Магнусовичу Фогелю было предписано до защиты диссертации каждые полгода представлять Конференции института отчеты о работе над ней³⁶. Он планировал завершить работу к началу 1881 г.³⁷ Однако защита диссертации на тему «*P. Terentii Afri Eupuchus*» с введением, объяснением и критическими прибавлениями» состоялась только в 1884 г. в Университете св. Владимира, после чего А.М. Фогель был избран профессором римской словесности в Нежинском ИФИ, в котором прослужил до своей смерти в 1897 г.³⁸

В последующие годы тексты инструкций, выдаваемые командированным, оставались практически неизменными, только с 1875 г. им было разрешено самим выбирать университет пребывания³⁹. С.Н. Жданов (выпуск 1871 г.) избрал Лейпцигский университет, где «слушал у Курциуса историю гомеровского вопроса, у Ричля — историю греческой трагедии»⁴⁰. В целом отчеты С.Н. Жданова представляют собой достаточно подробное изложение лекций профессоров Г. Курциуса, Ф.В. Ричля и Г. Фрицше с его собственными дополнениями и критическими замечаниями. Помимо этого, основу второго отчета составила первая глава его магистерской диссертации «К учению о греческом ударении»⁴¹, которая была защищена в 1878 г. Впоследствии С.Н. Жданов возглавил кафедру греческой словесности Нежинского ИФИ, издал ряд учебников по грамматике греческого языка⁴². Скончался 1 сентября 1903 г. в Нежине.

Вместе с С.Н. Ждановым в командировку был отправлен М.А. Дрейер (выпуск 1872 г.). Однако он успел предоставить только один отчет, так как скоропостижно скончался в 1876 г. Этот отчет, хотя и был признан удовлетворительным, вызвал большое количество нареканий проф. А.К. Наука. Следует заметить, что эта критика была справедлива и по отношению ко многим другим отчетам: слишком подробные пересказы лекций немецких профессоров и сильное доверие, без критического отношения, к новой филологической литературе. В своих замечаниях А.К. Наука отмечал: «Знание новой филологической литературы желательно для всякого, который занимается древностью; но гораздо важнее чтение сочинений, дошедших до нас от древности: оно должно служить основанием изучения новой филологической литературы ... Вообще новые сочинения следует читать с выбором, чтобы выиграть время для изучения источников»⁴³.

В 1876 г. в Германию уехали М.И. Аквилонов (выпуск 1871 г.) и П.А. Адрианов (выпуск 1876 г.). В этот раз впервые в заграничную командировку был отправлен молодой человек, едва окончивший институт, что несколько противоречило

³⁵ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1191. Л. 74; *Памятная книжка ИИФИ; Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине*. С. 1..

³⁶ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1191. Л. 83.

³⁷ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 550. Л. 351–320.

³⁸ *Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине*. С. 66–67.

³⁹ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 453. Л. 41–41 об.

⁴⁰ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 453. Л. 53–57.

⁴¹ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 550. Л. 71–87 об., 182–196 об.

⁴² *Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине*. С. 26.

⁴³ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 973. Л. 55–56; Д. 885; Д. 453. Л. 64–64 об.

положениям устава учебного заведения, и это нашло отражение в ходатайстве Конференции: «Относительно Адрианова можно отступить от соблюдавшегося до сих пор правила не посылать за границу прямо со студенческой скамьи, потому что означенный студент, известный своей благонадежностью, желал бы служить на родине в Томске, а между тем в Томске предполагается основание университета»⁴⁴. Занятия его в Боннском и Берлинском университетах⁴⁵ были сосредоточены на углубленном изучении римской словесности, и в первую очередь на произведениях Ювенала. Мнения членов Конференции И.В. Помяловского и И.А. Шебора о работах П.А. Адрианова достаточно высокие⁴⁶. В Томск Павел Александрович не вернулся, открытие университета задерживалось, и он был определен в Нежинский ИФИ, где прослужил до 1890 г. преподавателем латинского языка и наставником студентов⁴⁷. Магистерскую диссертацию так и не защитил. Затем был окружным инспектором Оренбургского учебного округа, помощником попечителя Киевского учебного округа и директором Винницкой гимназии. Его судьба после 1917 г. неизвестна.

В инструкции М.И. Аквилонovu пункт о предоставлении отчетов был дополнен. Помимо двух отчетов Конференции он должен был в начале каждого семестра «доставлять в письмах на имя директора краткие сведения о своих предположениях относительно занятий в предстоящем семестре, а начиная со второго семестра и о том, что сделано им в минувший»⁴⁸. И с этого года письма директору становятся обязательным дополнением отчетов для всех командированных. Достаточно любопытен отзыв Ф.Ф. Соколова на отчет М.И. Аквилонова от 6 мая 1877 г.: «Аквилонov не излагает подробно содержания курсов, но перечисляет те мысли, которые показались ему замечательными. Из этого перечисления видно, что Аквилонov сумел отыскать в лекциях то, что было интересно в научном отношении, новые мысли или предложения, то или другое решение спорных вопросов... Он сообщает некоторые дельные замечания, которые показывают, что он отнесся критически и самостоятельно к работам новых ученых; и в то же время он отнесся к этим работам с большой внимательностью, стремясь не пропустить в них ничего; ему понадобилось делать такие большие выписки из книг, что он даже не имел возможности все выписывать сам и нанимал других, как это делается при списывании рукописных документов, хранящихся в архивах. Эти выписки распределены у Аквилонова по отделам»⁴⁹. Вторая часть этого отзыва — уже скорее рассуждения самого рецензента на заинтересовавшую его тему. Соколов вступает здесь в полемику с размышлениями Кирхгофа по гомеровскому вопросу и о хронологической последовательности и подложности сочинений Плутарха⁵⁰. Последний год командировки оказался для Михаила Ивановича Аквилонова чрезвычайно сложным. Он тяжело заболел и в результате оказался

⁴⁴ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 973. Л. 13–13 об.

⁴⁵ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 973. Л. 77 об.—80; Д. 453. Л. 68–68 об.

⁴⁶ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 550. Л. 293–299, 300–312.

⁴⁷ *Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине*. С. 1–2.

⁴⁸ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 973. Л. 75 об.—77 об.; Д. 453. Л. 67–67 об.

⁴⁹ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 453. Л. 92–92 об.

⁵⁰ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 453. Л. 93–93 об.

в непростой материальной ситуации. Директор института смог ходатайствовать для него у министра народного просвещения дополнительное пособие в размере 200 руб. для возвращения на родину⁵¹, где он получил место в Симферопольской гимназии⁵². В связи с упомянутыми событиями защитить диссертацию вовремя он не смог⁵³. В 1890 г. он вернулся в Петербург и занял должность наставника-руководителя и заведующего гимназией при ИИФИ⁵⁴. Вышел в отставку по болезни в 1905 г. и поселился в Виннице, о его дальнейшей судьбе ничего не известно.

В 1880 г. Конференция института обратилась в министерство с ходатайством о предоставлении командировки Е.А. Шмидту-фон-дер-Лауницу (выпуск 1880 г.). Местом его пребывания на первый семестр был назначен Боннский университет, где ему следовало заниматься под руководством профессора Ф. Бюхелера. К началу 1881 г. Евгений Александрович принял решение покинуть Бонн, и он достаточно подробно объясняет причины этого: «Для меня наибольшее значение имеет участие в работе филологического семинария и просеминария. Между тем Боннский филологический семинарий представляет строго замкнутое учреждение, рассчитанное только на 9 членов, так что все остальные студенты-филологи должны довольствоваться участием в занятиях просеминария»⁵⁵. Молодого русского ученого не устроили и лекции профессоров Боннского университета: они отличались общим характером, а для него интерес имели интерпретации классиков. Выбор места дальнейшей стажировки пал на Страсбургский университет: «в Страсбурге я имею возможность принимать участие в работах филологического семинара и просеминара и самый метод профессоров, заведующих здесь этими заведениями, гораздо практичнее профессоров в Бонне. Сверх того, здешние профессора привлекают к участию в семинарских рассуждениях всех членов семинара, как ординарных, так и экстраординарных»⁵⁶. В Страсбурге он посещал занятия профессоров Ф. Шёлля и В. Штудемунда. Вернувшись из командировки, он работал преподавателем древних языков во 2-й Варшавской женской, Люблинской мужской, Сувалкской, Ревельской Александровской, Ревельской Николаевской и 2-й Киевской гимназиях, защитил магистерскую диссертацию «О финальных предложениях у древнейших аттиков, преимущественно Фукидида». Скончался в ноябре 1902 г.

В 1890-е годы командировки выпускников института в западноевропейские университеты прекращаются. Конференция принимала решение оставлять наиболее успешных выпускников для подготовки к защитах магистерских диссертаций непосредственно при институте, сразу поручая им чтение лекций. Именно таким образом в 1892–1894 гг. готовились к экзаменам на степень магистра Н.К. Гельвих и А.И. Малеин, которые смогли заменить вышедшего в отставку проф. О.А. Шебора и умершего проф. Л.А. Миллера на занятиях по римской

⁵¹ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 876. Л. 3–4.

⁵² ГА РК. Ф. 104. Оп. 1. Д. 281. Л. 22–22 об., 60 об., 102; Д. 1268. Л. 70 об.–79.

⁵³ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1191. Л. 85.

⁵⁴ ЦГИА СПб. Ф. 72. Оп. 1. Д. 1468. Л. 4–14, 22–32.

⁵⁵ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 453. Л. 108–108 об.

⁵⁶ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 453. Л. 110–115.

словесности⁵⁷. В 1898 г. такое же решение было принято в отношении выпускника Б.В. Варнеке⁵⁸. Справедливости ради нужно отметить, что А.И. Малеин был отправлен в командировку в 1894—1896 гг. Согласно инструкции, первые два или три семестра он должен был провести в германских университетах (Гейдельбергском, Боннском, Мюнхенском или других) и не менее полугода путешествовать по Италии⁵⁹. Задачей этой командировки, определенной К.В. Кедровым, О.А. Шебором и Ф.Ф. Зелинским, было углубление знаний молодого ученого по римской литературе серебряного века. В этой связи ему предписывалось прослушать в германских университетах курсы лекций и принять участие в филологических семинарах профессоров Ф. Шелля, Э. Роде, К. Цангемейстера, П.Х. Брандта, Г. Улиха, Г. Остгоффа, Ф. Бюхелера, Г. Узенера и др. При этом предписывалось обращать особое внимание не только на содержание излагаемого, но и на способ изложения этих «искусных и опытных профессоров»⁶⁰. Рукописное отделение библиотеки Гейдельбергского университета, возглавляемой К. Цангемейстером, было определено в качестве места для практических упражнений в палеографии. Что касается Италии, то А.И. Малеину было рекомендовано провести зимние месяцы в Риме для изучения императорской эпохи и ознакомиться с рукописями латинских авторов, а затем обязательно посетить Национальный музей в Неаполе и Помпеи. Отчеты А.И. Малеина о работах в германских университетах заслуживают отдельного внимания, поскольку показывают, как изменилась география германских путешествий выпускников института за прошедшие со времен первой командировки годы. Если в 1870-х годах основной базой пребывания наших студентов был Лейпцигский университет, а в 1881 г. Е.А. Шмид-фон-дер-Лауниц вынужден был покинуть Бонн, не найдя там поддержки, то в начале 1890-х годов ситуация меняется. Впрочем, здесь лучше процитировать отчет А.И. Малеина за 1895 г.: «Я провел летний семестр в Боннском университете, где прослушал все намеченные мною раньше курсы. Наиболее сильное впечатление произвел на меня профессор Бюхелер. Его комментарии отличались такой глубиной и содержательностью, таким всесторонним знанием древнего мира, какое трудно себе представить в наше время, когда филологическая литература разрослась до столь гигантских размеров. Одно из отличительных достоинств Бюхелера составляет, несомненно, знакомство его с надписями и умение пользоваться этим крайне разбросанным материалом. Что касается характера комментариев вообще, то они представляют собой данные к истории развития латинского литературного языка — свойство деятельности профессора, которое его коллега Узенер окрестил именем *ἀρετὴ ὑρασιματιῆς* ... В первом своем отчете я высказал довольно безотрадное мнение о гейдельбергских филологах-студентах. Теперь я могу сравнить с ними семинаристов в Бонне. Конечно, последние производят более приятное впечатление своей начитанностью в древних текстах и филологических пособиях, но это объясняется главным образом тем,

⁵⁷ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2502. Л. 1—1 об.

⁵⁸ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2603. Л. 1—1 об.; Tunkina 2011, 435—466.

⁵⁹ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2308. Л. 1—2, 6—7; Ф. 53. Оп. 1. Д. 1956. Л. 35—35 об.

⁶⁰ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2308. Л. 6—7.

что члены семинария в Бонне — молодые люди, прослушавшие минимум 6 семестров, а некоторые даже и доктора. Для начинающих же филологов есть так называемый просеминарий, где разговор и все работы ведутся на немецком языке»⁶¹. Далее Александр Иустинович дает подробную характеристику курсов и особенностей их чтения профессорами Г. Узенером и Г. Лешке. По окончании командировки, в 1896 г. А.И. Малеин вернулся к преподаванию в ИИФИ⁶². В 1900 г. он защитил магистерскую диссертацию «Марциал. Исследования в области рукописного предания поэта и его интерпретации». Составил две хрестоматии для гимназистов из произведений Вергилия и Тита Ливия. В 1921–1926 гг. заведовал кафедрой классической филологии Петербургского университета, а в 1924–1931 гг. организовал в Библиотеке АН СССР Кабинет инкунабул, редких иностранных книг, иностранных рукописей и гравюр⁶³.

Подводя первые итоги «западноевропейских» командировок, нужно отметить, что все «готовящиеся к профессорскому званию» стажировались в области классической филологии. Они командировались в основном в Лейпцигский, Боннский, Страсбургский университеты. Принимая во внимание заслуги проф. Ф.В. Ричля и Г. Курциуса и приват-доцента В.А. Гершельмана в деле образования русских магистрантов, руководство института в 1874 г. выступило с предложением о награждении их русскими орденами⁶⁴. Почему изначально были выбраны немецкие университеты? Как отмечал А.Ю. Андреев, именно в Германии классическая филология переживала свое возрождение. Были найдены новые методы разработки наследия античных авторов. Вместо лекционных толкований канонических текстов были введены филологические семинары — прообраз нынешних занятий древними языками⁶⁵.

Отчеты командированных в германские университеты — это скорее работы все еще студентов, основу которых составляет перечисление прослушанных курсов, впечатления о профессорах и перечень выполненных «домашних работ». В них немного критического отношения или анализа услышанного или прочитанного. За исключением, пожалуй, П.В. Никитина никто не представляет в этот период и самостоятельных научных работ.

Практически с самого начала таких командировок молодые люди сталкивались и с проблемами финансового характера. Достаточно небольшое содержание, которое им выплачивало министерство, бывало, задерживали. Неслучайно в отчетах, которые должны были носить научный характер, встречаем и упоминание о бытовых вопросах: «Я в продолжение уже целого месяца нахожусь в самом неловком положении по причине невысылки содержания: от книгопродавца Зимеля получил уже вторичное приглашение к уплате за взятые у него книги; хозяин, не получив денег, отказывает в квартире, и, наконец... в настоящую минуту у меня нет ни одного пфеннига. Я очень хорошо понимаю, что мне не следовало

⁶¹ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2308. Л. 12–14 об.

⁶² ЦГИА СПб. Ф. 114. Оп. 1. Д. 7863А. Л. 1–3; Ф. 53. Оп. 1. Д. 2604. Л. 2; Д. 2452. Л. 2.

⁶³ Derzhavin 1938; El'zon 1983; Pitul'ko 1991.

⁶⁴ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 769.

⁶⁵ Andreev 2005, 140.

бы писать об этом ученому собранию, но... уста заговорили от избытка сердца», — писал в 1876 г. А. Ф. Абрамов⁶⁶.

Вторым направлением заграничных командировок для студентов ИИФИ 1880—1890-х годов стала Греция. В 1879 г. русский посланник в Афинах П. А. Сабуров высказал идею создания в Греции русского археологического учреждения по примеру других стран⁶⁷. Директор ИИФИ К. В. Кедров предложил для начала оправить в Афины в длительную командировку группу молодых людей, которые высказывали бы интерес к греческим древностям из бывших студентов ИИФИ или Петербургского университета. Командировать их предлагалось на тех же условиях, что и в Германию для подготовки к профессорскому званию. Кроме того, они должны были войти в контакт с иностранными учреждениями и греческими учеными. С этой же целью и для консультаций молодым ученым предполагалось отправить в Афины в середине мая Ф. Ф. Соколова⁶⁸. Ему было выделено 300 руб. на приобретение изданий надписей и некоторых пособий, которые могли быть необходимы для занятий⁶⁹. Именно они составили основу небольшой библиотеки, которая хранилась в доме русской церкви в Афинах. Большую помощь нашим молодым ученым оказали уже работавшие на территории Греции французский и немецкий археологический институты⁷⁰.

Так же, как и лицам, командированным в Германию, Министерство народного просвещения определило им на расходы 1500 руб. в год. Однако уже в ноябре 1880 г. К. В. Кедров обратился с ходатайством в министерство о необходимости увеличения этого денежного содержания: «ассигнованные им денежные средства, по отзыву лиц, знающих местные условия, недостаточно обеспечивают удовлетворение их самых насущных потребностей. Не говоря уже о низком заграничном курсе наших денег, им пришлось из выделенной им суммы по 1 января 1881 г. истратить значительную часть оной на переезд до Афин; причитающиеся же им деньги за первую половину 1881 г. они могут получить не ранее конца

⁶⁶ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 550. Л. 42 об.

⁶⁷ Basargina 2008b, 206.

⁶⁸ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 1—2 об.

⁶⁹ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 33.

⁷⁰ Французская школа в Афинах (École française d'Athènes) существовала с 1846 г. «для изучения языка, истории и древностей». Стипендиаты были обязаны ежегодно предоставлять отчеты о научных занятиях в Министерство народного просвещения и раз в год посещать различные области Греции, Турции или Малой Азии. Наибольшего расцвета это учреждение достигло под руководством А. Дюмона. Издавался научный журнал «Bulletin de correspondance Hellénique», в котором публиковали свои труды и наши молодые ученые, в том числе В. В. Латышев, А. Н. Щукарев и др. Отделение Германского археологического института (Deutsches Archäologisches Institut) в Афинах существовало с 1875 г. В программе занятий там стояли исключительно греческая археология и эпиграфика. Для участия в работе отделения прикомандировывались молодые немецкие археологи-стипендиаты, которые здесь завершали свое образование. Большим успехом пользовались «Путешествия», устраиваемые ежегодно по Греции и по островам под руководством В. Дёрпфельда. Периодический орган института «Athenische Mitteilungen» также предоставлял свои печатные площади для молодых русских исследователей.

января — начала февраля 1881 г. Чтобы не поставить их к концу истекающего года в крайне затруднительное положение по недостатку денежных средств, я считаю своей обязанностью ходатайствовать о назначении им в настоящее время денежного пособия в возмещении расходов на проезд до Афин в размере 200 руб. на каждого и об отправлении этих денег в возможно непродолжительном времени»⁷¹. Министерство народного просвещения пошло навстречу. Годовое пособие всем командированным в Афины было увеличено до 1800 руб., кроме того, на путевые издержки отдельно выделялось по 150 рублей.

После подготовительных работ встал вопрос о кандидатурах первых командированных. Первыми в Афины отправились В.В. Латышев (выпуск 1876 г.) и магистрант историко-филологического факультета Петербургского университета В.К. Ернштедт, который состоял при университете преподавателем греческого языка. Оба они получили подробнейшие инструкции от проф. Ф.Ф. Соколова, в которых, в частности, указывалось, что молодые люди командироваются с целью ознакомления с учеными трудами и открытиями в области греческой истории и греческих древностей, чтобы сообщать русскому обществу результаты этих трудов и открытий. За время командировки они должны были представить Конференции три отчета: первый — за год (к 1 июля 1881 г.), второй — за полгода (к 1 января 1882 г.), третий — к 1 июля 1882 г. Выбор отрасли занятий командированные осуществляли свободно. Основу отчетов должны были составлять сообщения о собственных научных занятиях молодых людей⁷².

В ноябре 1880 г. В.В. Латышев и В.К. Ернштедт представили весьма дельные работы, которые были опубликованы в ноябрьской книге ЖМНП. Их общая работа под названием «Одна из вновь найденных афинских надписей» представляла собой открытое письмо к Ф.Ф. Соколову⁷³. Речь в ней шла о надписи времен диадохов, найденной на западе Акрополя у Пропилей. Надпись к моменту написания статьи была еще не опубликована, списать ее им не разрешили, и молодые ученые делали построчный анализ этой надписи по памяти.

В.В. Латышев большую часть первого года пребывания в Греции (1880—1881) провел в Афинах, совершая небольшие поездки в разные местности Аттики. За это время он написал несколько научных статей⁷⁴. Уже эти первые работы характеризуют Василия Васильевича как вдумчивого и скрупулезного ученого. Это совсем не те «студенческие» отчеты, что получала Конференция от командированных из Германии, а взвешенные и полновесные научные труды. Более того, в статье «К вопросу о культе Аммона в Афинах» В.В. Латышев, публикуя комментарии к надписи уже изданной Х.Д. Беком (*C.I. Gr.* № 157) по копии М. Фурмона, отмечает: «В приложении под лит. А помещена сделанная мною копия надписи с подлинника камня, так как копия Фурмона у Бека неточна»⁷⁵. И это характерно для Латышева: важен не авторитет ученых, а истина, до которой молодой человек

⁷¹ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 25—26.

⁷² ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 24—24 об.

⁷³ Latyshev, Jernstedt 1880.

⁷⁴ Latyshev 1880; 1881a; 1881b; 1881c; 1882; 1883.

⁷⁵ Latyshev 1881a, 24.

скрупулезно докапывался. Во втором полугодии 1881 г. он предпринял поездку на о. Делос и познакомился с проводимыми там раскопками. С периодичностью в две недели посещал заседания Афинского отделения Германского археологического института, членом-корреспондентом которого он был избран 21 апреля 1881 г. В целом отчеты Латышева — это скорее некие сопроводительные письма к тем научным статьям, которые он присылал для публикации. В некоторых из них можно встретить и планы на будущие путешествия, и планируемые в связи с этим научные работы самого ученого⁷⁶.

Ф.Ф. Соколов, давая В.В. Латышеву отзыв о его деятельности в Афинах, особенно отмечал удивительную энергию и блестящие успехи, которыми увенчалась эта командировка. Латышев постоянно работал в афинских библиотеках, приобрел основательные знания по «истории древней греческой жизни в самом обширном значении»⁷⁷. Помимо этого, «он достиг замечательного умения в чтении и разборе надписей, нашел много новых, неизвестных обломков в самих Афинах и на основании их обработал некоторые интересные вопросы афинских древностей, например, об афинских праздниках. Его статья «Die Festzeit der Pamboiotein», прочитанная в Афинском отделении Германского археологического института, заслужила общее и живое одобрение немецких и греческих ученых, присутствовавших на заседании»⁷⁸. В качестве показательного примера, характеризующего необыкновенную преданность науке и упорство своего ученика, Ф.Ф. Соколов приводит такой случай: «В Южной Фессалии, в Ламисе, зимою услышал Латышев, что в летнем жилище одного ламийского помещика есть надпись. Тотчас поехал он на эту дачу зимою, в такую местность, что нельзя было достать куска хлеба, в снегу лежа описывал камень и возвратился в Ламию только потому, что иначе бы он умер от голода. Надпись оказалась вполне заслуживающей таких мучений: это был сенатус-консулт II в. до н.э.»⁷⁹. Из Афин Латышев вернулся сложившимся ученым. Не случайно, по мнению А.В. Никитского, В.В. Латышев имел реальную возможность стать во главе Русского археологического института в Афинах, если бы таковой был создан⁸⁰. В 1878 г. Русское археологическое общество именно ему поручило издание древних надписей, найденных на юге России (*IOSPE*)⁸¹. Много занимался он научной и преподавательской деятельностью. С 1903 г. возглавил ИИФИ. Подробная биография ученого разработана целым рядом исследователей⁸².

Не менее успешной оказалась эта командировка и для Виктора Карловича Ернштедта, продлившаяся три года. В 1882 г. в качестве отчета за проделанную работу В.К. Ернштедт прислал в Петербург свою статью «Саламинская битва»⁸³. Последний год он провел в Италии, где занимался изучением средневековых

⁷⁶ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 30–32, 41–42 об.

⁷⁷ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 46.

⁷⁸ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 46 об.

⁷⁹ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 47.

⁸⁰ Tunkina 1999, 178–179; Basargina 2008b.

⁸¹ Buzeskul 1931, 135–136.

⁸² Tunkina 1999.

⁸³ Jernstedt 1882.

рукописей, содержащих произведения античных и византийских писателей. Здесь окончательно определились и его дальнейшие научные интересы — текстология и палеография. Вплоть до самой смерти в 1902 г. Виктор Карлович продолжал чтение лекций в университете. С 1893 г. стал действительным членом Императорской Академии наук. Был активным членом Русского археологического общества. В 1892—1902 гг. заведовал отделением классической филологии ЖМНП. Работы В.К. Ернштедта составили целую эпоху в области изучения и издания греческих текстов, многие из них и по сей день не потеряли своего значения⁸⁴.

В 1881 г. было принято решение отправить в Афины следующего командированного, не дожидаясь возвращения в Россию В.К. Ернштедта и В.В. Латышева, с тем чтобы они могли оказать ему на первых порах методическую помощь и ввести в научные круги французского, немецкого и греческого институтов⁸⁵. С этой целью до 1 января 1882 г. был оставлен в институте для специальной подготовки под руководством проф. Ф.Ф. Соколова Д.Н. Корольков. Несмотря на неудачное начало (Дмитрий Николаевич серьезно заболел в начале командировки и около четырех месяцев потратил на лечение), поездка оказалась очень плодотворной. Молодой человек много путешествовал, объехал почти все области древней Греции: Пелопоннес, Мегариду, Эпир, Беотию, Коринф, Платею и др. Везде он занимался изучением надписей: уже найденные и опубликованные сверял с оригиналами, уделял много внимания поиску новых. Все изученные им надписи молодой человек срисовывал⁸⁶. Столь масштабные поездки вынудили Д.Н. Королькова обратиться через содействие К.В. Кедрова в Министерство народного просвещения с прошением о продлении командировки. Это ходатайство было удовлетворено. Привлекли внимание исследователя и археологические раскопки, которые в эти годы велись в Элевсине и Эпидавре. В 1884 г. в ЖМНП была опубликована первая статья молодого ученого «Новые раскопки в Элевсине»⁸⁷. После окончания командировки Дмитрий Николаевич был назначен преподавателем древних языков во 2-ю Московскую гимназию. На некоторое время он вынужден был прервать научную работу из-за тяжелой болезни глаз. Диссертацию не защитил, а звание профессора получил в 1913 г. на правах *honoris causa*. Всю свою дальнейшую жизнь он связал с Москвой и педагогической деятельностью⁸⁸.

⁸⁴ Kuklina 1999, 68—130.

⁸⁵ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1429. Л. 146.

⁸⁶ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 55—57, 72—75, 77—78 об.

⁸⁷ Korol'kov 1884.

⁸⁸ В 1896 г. стал инспектором 4-й Московской гимназии, а с 1904 г. — директором Московской гимназии им. П.Г. Шелапутина и председателем совета частных женских гимназий кн. Е.В. Енгальчевой, М.В. Приклонской и Е.В. Констан. С 1909 г. — преподаватель методики латинского языка на учрежденных при Московском учебном округе курсах для подготовки учителей и учительниц средних учебных заведений. С 1911 г. — член педагогического совета, член правления и преподаватель методики древних языков в Московском педагогическом институте им. П.Г. Шелапутина. С 1905 г. он был редактором «Педагогической библиотеки». С 1906 г. руководил занятиями по древним языкам на Курсах для подготовки преподавателей средних учебных заведений. В советское время преподавал в Институте красной профессуры и МИФЛИ. Много времени он уделял переводам методических руководств и монографий по

Вслед за Д. Н. Корольковым в командировку в Афины отправились А. В. Никитский и Н. И. Новосадский. В июле—декабре 1883 г. занятия Александра Васильевича Никитского проходили преимущественно в Афинах и их окрестностях. Он изучал эпиграфические, архитектурные и скульптурные памятники, занимался изучением топографии Афин по трудам У. М. Лика, К. Ваксмута, Г. Курциуса и И. А. Кауперта, проверяя их выводы на месте. Большое внимание в этот период времени ученый уделял Элевсинскому культу⁸⁹, сделав вывод, что культ стал хтоническим в результате длительных войн между Афинами и Элевсином. С 1884 г. научные интересы А. В. Никитского сосредоточились вокруг дельфийского оракула. Он активно занимался разбором дельфийских надписей, в частности впервые опубликовал надписи, списанные им самим в июле 1884 г. в Дельфах⁹⁰. В это же время он обрабатывал надписи Западной Локриды⁹¹. Вернувшись в Россию, с осени 1885 г. продолжил преподавание в Одесской духовной семинарии. В 1886 г. А. В. Никитский был избран приват-доцентом Новороссийского университета⁹², в 1895 г. защитил магистерскую диссертацию «Дельфийские эпиграфические этюды». Эта работа ученого получила характеристику «образцового эпиграфического исследования» и «выдающейся работы в области греческой истории и эпиграфики»⁹³. В 1896—1902 гг. — профессор Юрьевского университета⁹⁴. С 1902 г. — ординарный профессор Московского университета (после защиты докторской диссертации «Исследования в области греческих надписей») ⁹⁵. Был членом Учебного комитета Министерства народного просвещения (1914), преподавал в ИИФИ (1912), Петербургском университете (1912—1915), Женском педагогическом институте (1914). В 1919 г. Александр Васильевич был избран действительным членом Академии наук⁹⁶.

Составляя инструкцию для Николая Ивановича Новосадского, проф. Ф. Ф. Соколов рекомендовал остановиться на более подробном изучении Элевсинского культа. В первом отчете Н. И. Новосадский так характеризовал свои занятия: «списывая надписи в акропольском музее и изучая опубликованные сборники, следил за проводящимися раскопками и случайными открытиями надписей и памятников древнего искусства, изучал труды новейших ученых по Элевсинским мистериям, занимался изучением культа Исиды»⁹⁷. Кроме занятий эпиграфикой молодой человек изучал и топографию древней Греции: «Пособиями при этом служили мне

педагогике, дидактике и методикам преподавания древних языков. Являлся одним из авторов «Латинско-русского словаря», вышедшего после его смерти в 1949 г. Сам Д. Н. Корольков скончался в Москве в 1942 г.

⁸⁹ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 87—97 об.

⁹⁰ Nikitsky 1884a.

⁹¹ Nikitsky 1884b.

⁹² *Пятидесятилетие Петроградского историко-филологического института. Биографический словарь лиц, окончивших курс института. Часть I. Выпускники I—XXIII (1871—1893)*. Под ред. В. В. Латышева. Петроград, 1917. С. 199—203.

⁹³ Zhebelev 1896, 88.

⁹⁴ Buzeskul 2005, 375.

⁹⁵ Buzeskul 1931, 137—139.

⁹⁶ Подробнее см. Jailenko 1972; Volkov *et al.* 2006, 175—176.

⁹⁷ Novosadsky 1885; 1886.

работы Ваксмута, А. Моммзена, Форбигера, Лика и Бурсиана. Но главной основой, конечно, были древние авторы и, где это было возможно, описываемая ими местность. Тут искал я данных для проверки взглядов новых ученых»⁹⁸. Правда, он тут же отмечает, что, не зная новогреческого языка, он не мог посетить отдаленные области Греции и принужден был ограничиться ближайшими к Афинам Пиреем и Элевсином. Во время этих занятий, 30 октября 1884 г., Николай Иванович сопровождал греческую королеву Ольгу Константиновну с великим князем Михаилом Михайловичем в Центральный, Политехнический и Акропольский музеи Афин. В дальнейшем его внимание было обращено на эпиграфику Беотии, Фокиды, Западной и Восточной Локриды, Фессалии. Николай Иванович лично объехал все эти области. Ему удалось заручиться поддержкой профессора Афинского университета С.А. Куманудиса и получить разрешение Греческого археологического общества, занимаясь в музеях Беотии и Фессалии, списывать находящиеся там надписи, даже если они еще не были опубликованы. В своем отчете Конференции института Новосадский дает подробный анализ тех из опубликованных надписей, интерпретация которых вызывала сомнения или дискуссии. Некоторые из надписей он приводит в тексте. Много внимания он уделяет поискам прорицалища Тифония в Ливадии, результатам французских раскопок в Дельфах и Элатье в Фокиде. Параллельно с этим ему удалось собрать богатейший материал для изучения критского диалекта, представленный в первую очередь Гортинской надписью⁹⁹. В это же время ученый начал собирать материал по Самофракийским мистериям, по вопросу о народонаселении древней Греции, об ἑξήρῳτῳ у древних греков. Наиболее подробно в своих работах Н.И. Новосадский останавливается на изучении культа Котито¹⁰⁰.

Выполняя инструкции Ф.Ф. Соколова досконально, Н.И. Новосадский очень подробно в своих отчетах рассказывает о новых вышедших в свет изданиях, посвященных истории и археологии древней Греции. Причем он не просто перечисляет все новые работы, а дает их критический разбор¹⁰¹. В 1886 г. Николай Иванович был избран членом Германского археологического института. В начале того же года он получил разрешение два последних месяца командировки провести в Риме для окончательной работы над диссертацией. Он посетил Ватиканскую библиотеку, а также совершил поездку в Геркуланум и Помпеи¹⁰².

Вернувшись из командировки в 1886 г., Н.И. Новосадский преподавал древние языки в Петербургской гимназии Видемана и в ИИФИ¹⁰³. В 1887 г. он защитил магистерскую диссертацию по теме «Элевсинские мистерии». По отзыву Ф.Ф. Соколова, диссертация эта заслуживала очень пристального внимания со стороны ученой общественности¹⁰⁴. Через год стал экстраординарным

⁹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 112 об.

⁹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 131–146.

¹⁰⁰ Novosadsky 1886.

¹⁰¹ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 131–146.

¹⁰² ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 151–151 об.

¹⁰³ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1906. Л. 2, 4, 6.

¹⁰⁴ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1766. Л. 5–6.

профессором кафедры греческой словесности Варшавского университета¹⁰⁵. В 1905 г. был избран деканом, а затем исполняющим обязанности ректора Варшавского университета. С 1909 г. — ординарный профессор кафедры классической филологии Московского университета. В 1919—1934 гг. — заведующий отделом классической филологии, главный библиотекарь и ученый консультант Всесоюзной библиотеки им. В.И. Ленина, с 1937 г. возглавил основанную по его инициативе кафедру древних языков МГУ¹⁰⁶.

Для продолжения занятий русских ученых в Греции в 1885 г. следовало командировать очередного кандидата. В институте подходящей кандидатуры не нашлось, и Ф.Ф. Соколов рекомендовал оканчивающего курс наук в Петербургском университете А.Н. Шукарева. Молодой человек уже обладал навыками в копировании надписей: для упражнений он списывал надписи, находящиеся в Эрмитаже, Московском и Одесском музеях. Некоторые копии А.Н. Шукарева упомянуты в своде В.В. Латышева (*IOSPE*)¹⁰⁷. Согласно инструкции Ф.Ф. Соколова, ему следовало обратить особое внимание на топографию древних Афин, совершить поездки в Элевсин, Амфиарай, Олимпию, снять копии с надписей, открытых в святилище Амфиарая. За первое полугодие Шукарев составил табличный каталог критских надписей, а в дальнейшем сосредоточился на изучении топографии и эпиграфических памятников Афин и Пелопоннеса. Он смог посетить Мегары и сделал там копии 12 надписей, четыре из которых еще не были изданы. Кроме того, получив разрешение заниматься вместе с эфором Леонардосом приведением в порядок и расшифровкой надписей в Центральном музее, списал несколько надписей по просьбе В.В. Латышева для *IOSPE*, в том числе надпись в честь сыновей Левкона, находящуюся в Пирее в частной коллекции. Составил подробный список памятников, упоминающихся у Павсания, отметив те, которые сохранились и были опубликованы. Подготовил полный список новейших научных статей по топографии Афин.

В целом Александр Николаевич очень скрупулезно подходил к работе с надписями, уделяя большое внимание как списыванию уже опубликованных источников, так и сличению изданных и вновь найденных надписей в поисках недостающих фрагментов. Сам он так описывал свою работу в отчете К.В. Кедрову: «Особенно тщательно отмечались все спорные места надписей. Надписи, изданные в *Corpus inscriptionum Graecarum*, были списаны только курсивом, так как их, во всяком случае, следует снова списывать; сличение для них недоступно. Надписи, изданные у Le Bas и в других новейших изданиях, списывались эпиграфическим шрифтом с пропуском некоторых наиболее бесспорных строк. Число строк всегда помечалось при этом, чтобы не быть введенному в заблуждение»¹⁰⁸. Во второй половине 1886 г. Александр Николаевич совершил путешествие по Пелопоннесу, посетив Арголиду, Аркадию, Лаконику, Мессению, Спарту. В последней он обнаружил и списал надпись в честь Филиппа Македонского (сам обломок

¹⁰⁵ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1906. Л. 7.

¹⁰⁶ Belousov 2017, 28.

¹⁰⁷ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 118—119 об.

¹⁰⁸ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 159—159 об.

с надписью он передал П.Ф. Фукару). В это же время Александр Николаевич окончательно определился с темой магистерской диссертации: «Об афинских архонтах III в. до Р.Х.». Тема эта была выбрана им потому, что удалось собрать большое количество архонтских имен и заняться их датировкой (список приводится в работе и в отчете Ф.Ф. Соколову)¹⁰⁹.

За годы командировки А.Н. Щукарев опубликовал несколько статей, посвященных изученным им эпиграфическим источникам¹¹⁰. Увидевшие свет работы были выполнены на высоком профессиональном уровне. Они и выполненная на их основе магистерская диссертация А.Н. Щукарева послужили основанием для исследований будущего поколения антиковедов как в России (С.А. Жебелёв), так и за рубежом (В. Фергюсон, В. Кольбе и К.Ю. Белох)¹¹¹. Попутно надо заметить, что тексты отчетов Щукарева несколько отличаются от работ его предшественников. Они весьма пространны, в них дается подробнейшее описание занятий самого Александра Николаевича, перечисляются все предпринятые им поездки, прочитанные источники; очень много внимания уделено описанию хода раскопок на Акрополе и полученных в результате находок. Не менее скрупулезно он подошел и к описанию коллекций греческих археологических музеев, даже самых незначительных. Его описания посещенных исторических мест, «экскурсий», как называет эти поездки сам автор отчетов, очень напоминают заметки путешественника, написанные хорошим литературным языком¹¹².

После возвращения из Афин А.Н. Щукарев преподавал в гимназии при ИИФИ, Петербургском коммерческом училище, Петербургской гимназии Гуревича, Николаевской Царскосельской гимназии, Александровском лицее. В 1890 г. он защитил магистерскую диссертацию по теме «Исследования в области каталога афинских архонтов» и тогда же был допущен к чтению лекций по всеобщей истории в звании приват-доцента Петербургского университета. В университете он преподавал до самой своей смерти. В разные годы читал курсы по истории древнего искусства, палеографии греческих надписей, археологической топографии древней Греции (не зря были пространные отчеты о путешествиях). В журнале «Филологическое обозрение» вел рубрику «Археологическая хроника эллинского Востока». Опубликовал курсы лекций по истории искусства. К сожалению, Александр Николаевич Щукарев, подающий большие надежды русский ученый, безвременно скончался в 1900 г. в возрасте 39 лет¹¹³.

Командировка А.Н. Щукарева закончилась в январе 1888 г. К сожалению, в связи с финансовыми трудностями в Министерстве народного просвещения, на смену ему в Афины никто послан не был. Только через год, в 1889 г., К.В. Кедров вновь ходатайствует перед министром народного просвещения о возобновлении командировок в Грецию с января 1890 г. Согласно отношению Ф.Ф. Соколова,

¹⁰⁹ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 167–174 об.

¹¹⁰ Stschoukareff 1887a; 1887b; 1888.

¹¹¹ Rostovtzeff 1900; Zhebelev 1901; Frolov 1999.

¹¹² ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 157–199.

¹¹³ Buzeskul 1931, 142; 2005, 376.

в Грецию были командированы С.А. Селиванов и Р.Х. Лепер. Эта командировка проходила под патронажем не только Ф.Ф. Соколова, но и В.В. Латышева¹¹⁴.

Сергей Андреевич Селиванов занимался под руководством В.В. Латышева. Уже на третьем курсе он написал превосходное курсовое сочинение «О древнейшей истории Родоса». В нескольких случаях ему удалось даже исправить ошибки некоторых новых авторов. Ф.Ф. Соколов писал: «Г. Селиванов... занимается самым усердным образом и с выдающимся успехом. Еще студентом он начал специальное изучение о. Родоса и посвятил этому предмету два курсовых сочинения. Но его труды не ограничивались узкою специальной темой. Кто хочет вполне и всесторонне изучить какую-либо малую часть науки классической древности или истории, тот скоро принужден будет расширить объем своих знаний, познакомиться основательно со всею наукою. Им [Селивановым. — Н. К., С. Л.] сделано несколько открытий в области древней топографии города...»¹¹⁵.

Уже в первом своем отчете Сергей Андреевич обращает внимание администрации на то, что библиотека, находящаяся в доме русской церкви в Афинах, сформированная еще Ф.Ф. Соколовым десятилетием ранее, значительно устарела и назрела серьезная необходимость в ее пополнении¹¹⁶. В частности, он указывал, что «там нет таких книг, которые, говоря без преувеличений, необходимы археологу для справок каждую минуту (например *Corpus inscriptionum Graecarum* и *Corpus inscriptionum Atticarum*)»¹¹⁷. Эта просьба была услышана: из сумм русского посольства в Афинах было ассигновано на пополнение библиотеки 1100 драхм. Часть необходимой литературы С.А. Селиванов и Р.Х. Лепер приобрели в Афинах, часть выписали из-за границы¹¹⁸.

Весь первый отчет молодого ученого посвящен Акрополю, а именно соотношению описания Павсания с сохранившимися памятниками, а также попытке восстановить облик акрополя по Павсанию¹¹⁹. Помимо этого, Сергей Андреевич обращается и к новейшим работам, в которых делаются попытки восстановить древнюю топографию Акрополя, и дает их обстоятельный анализ, обращая внимание на ошибки и неточности. Надо заметить, что отчет этот составлен очень добротнo, написан прекрасным научным языком, что уже характеризует С.А. Селиванова как великолепного специалиста. Результатом работы второго полугодия стали частные письма В.В. Латышеву и рецензирование труда Т. Леншау «*De rebus Priensium*». Одновременно молодой человек начал подготовку к путешествию на о. Родос, поскольку темой своей магистерской диссертации он избрал его историю и государственное устройство. В своем отчете он дает подробнейшее топографическое описание и указывает, что на острове не сохранилось почти никаких архитектурных произведений эллинской поры, за исключением древних могил¹²⁰. В своей работе С.А. Селиванов попытался соотнести определенные

¹¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 200–200 об.

¹¹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 252–252 об.

¹¹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 209–210 об., 211.

¹¹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 210.

¹¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 250 об.

¹¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 211–221 об.

¹²⁰ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 23–250.

местности острова с описаниями античных авторов, в первую очередь с трудами Страбона и Павсания.

Главным результатом работы С.А. Селиванова в январе—сентябре 1891 г. стали написанные и отосланные В.В. Латышеву в Казань и в *ЖМНП* «Топографические очерки острова Родоса», которые состояли из двух основных частей: введения и самого текста, и примечаний и приложений, в которых были представлены копия карты о. Родоса по Птолемею, карта из сочинений Коронелли и Дапперу, карта острова Родоса на основании составленной Г. Кипертом с изменениями и дополнениями С.А. Селиванова, планы городов Родоса, Линда, Камира. В.В. Латышев, давая отзыв на эту работу, отмечал следующее: «Первоначально он предполагал расширить и усовершенствовать свою студенческую „Историю Родоса“ для подготовки ее в качестве магистерской диссертации. Но после посещения острова, занявшись вопросами его топонимики, которые по первоначальному плану должны были составить первую часть работы, он разработал их настолько обстоятельно, что у него составила́ся целая монография. Рукопись состоит из 426 страниц, из них 297 страниц — текст, остальные — примечания, в том числе 7 карт и планов, из которых особенно хороша современная карта Родоса с указанием мест древних поселений. Автор рассматривает все источники и существующую литературу подробно и обстоятельно»¹²¹. Вместе с тем, молодой ученый смог подготовить еще несколько заметок¹²², совершить экскурсии по Пелопоннесу, присутствовать при раскопках в Олимпии и на Керамике¹²³. В ноябре 1891 г. С.А. Селиванов путешествовал по Малой Азии, посетил Колофонскую и Эфесскую области и Магнесий у реки Меандр¹²⁴. В первом полугодии 1892 г. он посетил Фокиду, обратив главное внимание на Дельфы, Беотию, Халкиду и Эретрию. Получив разрешение на продление командировки, он смог посетить библиотеки Лондона, Парижа, Берлина и Рима, а также прослушать курс лекций по эпиграфике в Берлинском университете¹²⁵.

По возвращении из Греции Сергей Андреевич очень сильно заболел и смог приступить к научным занятиям только осенью 1894 г., тогда же он начал преподавать древние языки в Одесской 2-й гимназии. С 1896 г. С.А. Селиванов — приват-доцент Новороссийского университета, член историко-филологического общества при Новороссийском университете. Он активно помогал В.В. Латышеву при работе над сборником «*Scythica and Caucasica*». Скончался в 1908 г. в Симбирске.

Роман Христианович Лепер в Афинах сосредоточился на отработке навыка в чтении, списывании и снятии эстампажей, а также изучал различия в характере письма разного времени. Одновременно он старался внимательно ознакомиться с остатками древних Афин и Пирея, разобраться в спутанных наслоениях разных времен, с приемами постройки и с характером и назначением построек. Надо заметить, что этот опыт оказался весьма полезным для дальнейшей научной судьбы ученого при изучении им древностей Юго-Западного Крыма. Р.Х. Лепер, как и его предшественники, посещал в Афинах лекции В. Дёрпфельда, но только он сохранил для нас в своем

¹²¹ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 255—256 об.

¹²² Selivanov 1891a; 1891b.

¹²³ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 195. Л. 259—268.

¹²⁴ Selivanov 1892.

¹²⁵ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 251—251 об.

отчете перечень этих лекций¹²⁶. В Греции он написал свой главный труд «К вопросу о димах Аттики», который содержит богатый материал для внутренней истории Греции. Вернувшись в 1894 г. в Петербург, стал преподавателем древних языков в 10-й мужской гимназии¹²⁷, но вскоре перешел в гимназию Видемана. В 1901–1909 гг. Роберт Христианович был ученым секретарем Императорского Русского археологического института в Константинополе. В 1909–1914 гг. как член Императорской Археологической комиссии возглавлял раскопки в Херсонесе Таврическом. В ходе работ он нашел несколько новых надписей, в том числе и договор херсонеситов с Фарнаком, который он опубликовал с обстоятельными комментариями (*IOSPE I*, 402)¹²⁸. Однако в целом научная карьера Романа Христиановича не задалась: диссертацию он так и не защитил, а многие из работ оставил незавершенными.

Командировка С.А. Селиванова и Р.Х. Лепера оказалась последней. В 1895 г. за счет средств Министерства народного просвещения в Грецию был направлен Е.М. Придик. Однако с Историко-филологическим институтом его связывало только научное руководство поездкой Ф.Ф. Соколова. Трудно сказать, по какой причине прекратилась эта практика. По всей видимости, отсутствие необходимых средств в Министерстве народного просвещения и последовавшая вскоре смерть одного из главных вдохновителей этого предприятия, директора К.В. Кедрова, и стали основными факторами, прекратившими столь полезное и важное дело. И хотя так и не удалось в полной мере реализовать идею создания русского археологического института в Афинах (наподобие немецкого или французского), тем не менее, работа наших молодых ученых за границей значительно подняла престиж русской науки об античности за рубежом. Ф.Ф. Соколов писал: «Наши молодые ученые показали удивительную ревность, настойчивое и упорное трудолюбие, и их труды вознаградились находками, всегда приносившими значительную пользу науке, а иногда блестящими»¹²⁹. Молодые русские ученые смогли наладить в Афинах отношения с учеными разных национальностей, работающих в Греции. Немецкие и французские ученые всегда любезно и предупредительно относились к занятиям русских командированных. Наилучшие отношения установились и с греческими учеными.

Литература /References

- Andreev, A. Yu. 2005: *Russkie studenty v nemetskikh universitetakh XVIII – pervoy poloviny XIX v.* [Russian Students in German Universities in the XVIII – First Half of the XIX Century]. Moscow.
- Андреев, А.Ю. *Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX в.* М.
- Basargina, E. Yu. 2004: *Vitse-prezident Imperatorskoy Akademii nauk P.V. Nikitin: Iz istorii rossiyskoy nauki (1867–1916)* [Vice-president of the Imperial Academy of Sciences P.V. Nikitin: From the History of Russian Science (1867–1916)]. Saint Petersburg.
- Басаргина, Е.Ю. *Вице-президент Императорской Академии наук П.В. Никитин: Из истории российской науки (1867–1916)*. СПб.
- Basargina, E. Yu. 2008a: [To R.G.H. Loeper's Biography]. In: *Istoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 150-letiyu so*

¹²⁶ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 222–233.

¹²⁷ Basargina 2008a, 230.

¹²⁸ Basargina 2008a, 228–231.

¹²⁹ ЦГИА СПб. Ф.53. Оп. 1. Д. 2301. Л. 4.

- dnya rozhdeniya chlena-korrespondenta AN SSSR, professora A.A. Spitsyna* [History and Practice of Archaeological Research. Materials of the Scientific Conference dedicated to the 150th Anniversary of the Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences Professor A.A. Spitsyn]. Saint Petersburg, 228–231.
- Басаргина, Е.Ю. К биографии Р.Х. Лёпера. В сб.: Е.Н. Носов, И.Л. Тихонов (отв. ред.), *История и практика археологических исследований. Материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР, профессора А.А. Спицына*. СПб., 228–231.
- Basargina, E. Yu. 2008b: [Projects of Russian Archaeological Institutes Abroad]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 205–213.
- Басаргина, Е.Ю. Проекты создания русских археологических институтов за рубежом. *ВДИ* 4, 205–213.
- Belousov, A.V. 2017: [Nikolay Ivanovich Novosadsky (1859–1941) – the Founder of the Department of Ancient Languages at the Faculty of History of MSU: Life and Works on the Materials from the RAS Archive]. In: A.V. Podossinov, I. Yu. Shabaga (eds.), *Trudy kafedry drevnykh yazykov* [Proceedings of the Department of Ancient Languages]. Issue 5. Moscow, 28–103.
- Белусов, А.В. Николай Иванович Новосадский (1859–1941) – основатель кафедры древних языков исторического факультета МГУ: жизнь и труды по материалам Архива РАН. В сб.: А.В. Подосинов, И.Ю. Шабига (ред.), *Труды кафедры древних языков*. Вып. V. М. 28–103.
- Buzeskul, V.P. 1931: *Vseobshchaya istoriya i ee predstaviteli v Rossii v XIX i nachale XX veka* [Global History and Its Representatives in Russia in the 19th and Early 20th Century]. Pt. 2. Moscow.
- Бузескул, В.П. *Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века*. Ч. 2. М. Бузескул, В.П. 2005: *Vvedenie v istoriyu Gretsii. Obzor istochnikov i ocherk razrabotki grecheskoy istorii v XIX i v nachale XX veka* [Introduction to Greek History. A Review of Sources and an Essay on the Development of the Greek History in the 19th and Early 20th Century]. Saint Petersburg.
- Бузескул, В.П. *Введение в историю Греции. Обзор источников и очерк разработки греческой истории в XIX и в начале XX века*. СПб.
- Derzhavin, N.S. 1938: [Alexander Ustinovich Malein (Obituary)]. *Vestnik AN SSSR* [Bulletin of the USSR Academy of Sciences] 11, 116–117.
- Державин, Н.С. Александр Иустинович Малеин (некролог). *Вестник АН СССР* 11, 116–117.
- El'zon, M.D. 1983: [Alexander Ustinovich Malein]. *Kniga. Issledovaniya i materialy* [Book. Research and Materials] 47, 170–180.
- Эльзон, М.Д. Александр Иустинович Малеин. *Книга. Исследования и материалы* 47, 170–180.
- Frolov, E.D. 1999: *Russkaya nauka ob antichnosti: istoriograficheskie ocherki* [Russian Science of Classical Antiquity. Historiographical Essays]. Saint Petersburg.
- Фролов, Э.Д. *Русская наука об античности: историографические очерки*. СПб.
- Jailenko, V.P. 1972: [Alexander Vasilyevich Nikitsky (on the 50th Anniversary of His Death)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 175–180.
- Яйленко, В.П. Александр Васильевич Никитский (к 50-летию со дня смерти). *ВДИ* 4, 175–180.
- Jernstedt, V.K. 1882: [Battle of Salamis]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of National Education] 220, 105–127.
- Ернштедт, В.К. Саламинская битва. *ЖМНП* 220, 105–127.
- Korol'kov, D.N. 1884: [New excavations in Eleusis]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of National Education] 232, 88–101.
- Корольков, Д.Н. Новые раскопки в Элевсине. *ЖМНП* 232, 88–101.
- Kuklina, I.V. 1999: [V.K. Jernstedt: Review of Manuscript Heritage]. In: I.P. Medvedev (ed.), *Rukopisnoe nasledie rysskikh vizantinistov v arkhivakh Sankt-Peterburga* [The Handwritten Heritage of the Russian Byzantinists in the Archives of Saint Petersburg]. Saint Petersburg, 68–130.
- Кукулина, И.В. В.К. Ернштедт: обзор научного рукописного наследия. В сб.: И.П. Медведев (ред.), *Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга*. СПб., 68–130.
- Latyshev, V.V. 1880: [Epigraphic Studies. I]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of National Education] 212, 441–466.
- Латышев, В.В. Эпиграфические этюды. I. *ЖМНП* 212, 441–466.
- Latyshev, V.V. 1881a: [To the Question of the Ammon's Cult in Athens]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of National Education] 213, 24–44.
- Латышев, В.В. К вопросу о культе Аммона в Афинах. *ЖМНП* 213, 24–44.

- Latyshev, V.V. 1881b: [Epigraphic Studies. II]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of National Education] 214, 157–169.
Латышев, В.В. Эпиграфические этюды. II. *ЖМНП* 214, 157–169.
- Latyshev, V.V. 1881c: [Epigraphic Studies. III]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of National Education] 216, 305–313.
Латышев, В.В. Эпиграфические этюды. III. *ЖМНП* 216, 305–313.
- Latyshev, V.V. 1882: [Archaeological Research in Chaeronea in 1879 and 1880]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of National Education] 219, 89–104.
Латышев, В.В. Археологические исследования в Херонее в 1879 и 1880 годах. *ЖМНП* 219, 89–104.
- Latyshev, V.V. 1883: [To Athenian Heortology]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of National Education] 225, 1–24.
Латышев, В.В. К афинской эортологии. *ЖМНП* 225, 1–24.
- Latyshev, V.V., Jernstedt, V.K. 1880: [One of the Newly Found Athenian Inscriptions]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of National Education] 212, 467–471.
Латышев, В.В., Ернштедт, В.К. Одна из вновь найденных афинских надписей. *ЖМНП* 212, 467–471.
- Nikitin, P.V. 1875: [About the Ancient Cypriot Dialect]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of National Education] 179, 69–106.
Никитин, П.В. О древнекипрском диалекте. *ЖМНП* 179, 69–106.
- Nikitsky, A.V. 1884a: [Unpublished Inscriptions from Delphi]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of National Education] 236, 36–39.
Никитский, А.В. Незданные надписи из Дельф. *ЖМНП* 236, 36–39.
- Nikitsky, A.V. 1884b: [Inscriptions from the Western Locris]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of National Education] 236, 47–65.
Никитский, А.В. Надписи из Западной Локриды. *ЖМНП* 236, 47–65.
- Novosadsky, N. 1885: De inscriptione Lebadaiae nuper inventa. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung* 10/3, 217–218.
- Novosadsky, N.I. 1886: [Kotito]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of National Education] 245, 118–124.
Новосадский, Н.И. Котито. *ЖМНП* 245, 118–124.
- Pitul'ko, G.N. 1991: [A.I. Malein as the Organizer of the *incunabula* Cabinet]. In: V.P. Leonov (ed.), *275 let Biblioteki Akademii nauk. Sbornik докладov yubileynoy nauchnoy konferentsii 28.11–11.12.1989* [275 Years of the Library of the Academy of Sciences. The Collection of Papers of the Anniversary Academic Conference 28.11–11.12.1989]. Saint Petersburg, 287–294.
Питулько, Г.Н. А.И. Малеин как организатор Кабинета инкунабулов (1924–1930). В сб.: В.П. Леонов (отв. ред.), *275 лет Библиотеке Академии наук. Сборник докладов юбилейной научной конференции 28.11–11.12.1989*. СПб., 287–294.
- Ptitsyn, A.N. 2017: [Russian Philological Seminary in Leipzig and Emigration of Austro-hungarian Slavs to Russia]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya* [Humanities and Law Research] 1, 97–102.
Птицын, А.Н. Русская филологическая семинария в Лейпциге и эмиграция австро-венгерских славян в Россию. *Гуманитарные и юридические исследования* 1, 97–102.
- Rostovtzeff, M.I. 1900: [A.N. Stschoukareff in memoriam]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of National Education] 332, 46–50.
Ростовцев, М.И. Памяти Александра Николаевича Щукарева. *ЖМНП* 332, 46–50.
- Selivanov, S.A. 1891a: [To the Article “Some Unpublished Inscriptions of Rhodes”]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of National Education] 276, 53–56.
Селиванов, С.А. К статье «Несколько незданных родосских надписей». *ЖМНП* 276, 53–56.
- Selivanov, S.A. 1891b: Ad inscriptiones Rhodias ineditas supplementum. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung* 16/2, 240–242.
- Selivanov, S.A. 1892: [On the Colophon, Notium, Claros and the New Inscriptions from the Colophon Area]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of National Education] 284, 67–82.
Селиванов, С.А. О Колофоне, Нотии, Кларе и о новых надписях Колофонской области. *ЖМНП* 284, 67–82.

- Skvortsov, A.M. 2012: [Educational Journeys Abroad as a Stage of Professional Training for Classicists (on the Example of V.S. Kutorga School)]. In: E.D. Frolov (ed.), *Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira* [Studies and Publications on the History of Ancient World]. Issue 11. Saint Petersburg, 403–418.
- Скворцов, А.М. Заграничные командировки как этап профессиональной подготовки антиковедов (на примере научной школы М.С. Куторги). В сб.: *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира*. Выпуск 11. СПб., 403–418.
- Stschoukareff, A. 1887a: Ein unedirter attischer „Catalogus iudicialis“. In: *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung* 12/1–2, 131–135.
- Stschoukareff, A.N. 1887b: Συμπλήρωμα τοῦ καταλόγου τῶν Ἀθηνησιν ἀρχόντων. *Ἐφημερίς ἀρχαιολογική* 3, 47–50.
- Stschoukareff, A.N. 1888: [To the Catalogue of the Athenian Archons]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of National Education] 257, 58–83.
- Щукарев, А.Н. К каталогу афинских архонтов. *ЖМНП* 257, 58–83.
- Sveshnikov, A.V. 2012: [State Policy in the Field of Foreign Travels of Russian Researchers in the Second Half of the 19th Century – Early 20th Century]. In: A.N. Dmitriev (ed.), *Raspisanie peremen. Ocherki istorii obrazovatel'noy i nauchnoy politiki Rossiyskoy imperii – SSSR (konets 1880–1930-e gg.)* [The Schedule of Changes. Essays on the History of Educational and Academic Policy in the Russian Empire – the USSR (the End of 1880–1930-s)]. Moscow, 849–887.
- Свешников, А.В. Правительственная политика в сфере зарубежных командировок русских ученых второй половины XIX – начала XX века. В сб.: А.Н. Дмитриев (ред.), *Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880–1930-е гг.)*. М., 849–887.
- Trokhimovskiy, A. Yu. 2007: *Zagranichnye komandirovki uchenykh Moskovskogo universiteta v 1856–1881 gg.* [Journeys Abroad of the Moscow University Researchers during 1856–1881]. Moscow.
- Трохимовский, А.Ю. *Заграничные командировки ученых Московского университета в 1856–1881 гг.* Автореф. к.и.н. М.
- Tunkina, I.V. 1999: [V.V. Latyshev: Life and Academic Works (Based on the Manuscript Heritage)]. In: I.P. Medvedev (ed.), *Rukopisnoe nasledie rysskikh vizantinistov v arkhivakh Sankt-Peterburga* [The Handwritten Heritage of the Russian Byzantinists in the Archives of Saint Petersburg]. Saint Petersburg, 172–288.
- Тункина, И.В. В.В. Латышев: Жизнь и ученые труды (по материалам рукописного наследия). В сб.: И.П. Медведев (ред.), *Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга*. СПб., 172–288.
- Tunkina, I.V. 2011: [B.V. Warnecke and His Memoirs on Scientists]. In: M.D. Bukharin (ed.), *Scripta antiqua. Voprosy drevney istorii, filologii, iskusstva i material'noy kul'tury: Al'manakh.* [Scripta antiqua. Ancient History, Philology, Arts and Material Culture. The Almanac]. T.I. Moscow, 435–493.
- Тункина, И.В. Б.В. Варнеке и его воспоминания об ученых. В сб.: М.Д. Бухарин (ред.), *Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры: Альманах*. Т. 1. М., 435–493.
- Volkov, V.A., Kulikova, M.V., Loginov, V.S. 2006: *Moskovskie professora XVIII – nachala XIX vekov* [Moscow Professors of the XVIII – Early XX Centuries]. Moscow.
- Волков, В.А., Куликова, М.В., Логинов, В.С. *Московские профессора XVIII – начала XX веков*. М.
- Zhebelev, S.A. 1896: [Alexander Nikitskiy. Delphic Epigraphic Studies. I–IV. Odessa, 1894–1895]. *Filologicheskoe obozrenie* [Philological Review] 10, 88.
- Жебелёв, С.А. Александр Никитский. Дельфийские эпиграфические этюды. I–IV. Одесса, 1894–1895. *Филологическое обозрение* 10, 88.
- Zhebelev, S.A. 1901: [A.N. Shchukin in memoriam. An Obituary]. *Zapiski Russkogo arkheologicheskogo obshchestva* [Notes of the Russian Archaeological Society] XII/3–4, 1–14.
- Жебелёв, С.А. Памяти Александра Николаевича Щукарева. Некролог. *Записки Русского археологического общества* XII/3–4, 1–14.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Vestnik drevney istorii
83/4 (2023), 929–933
© The Author(s) 2023

Вестник древней истории
83/4 (2023), 929–933
© Автор(ы) 2023

DOI: 10.31857/S032103910023553-1

J. GERRISH. *Sallust's Histories and Triumviral Historiography: Confronting the End of History.* London—New York: Routledge, 2019. X, 158 p. ISBN 978-1-138-21856-7

Монография Дженнифер Герриш является результатом коренной переработки ее диссертации, так что перед нами, в сущности, новое сочинение. В центре книги, как следует из ее названия, находится последнее произведение Саллюстия. В конце своего творческого пути он перешел от «монографий» к анналистике, поскольку данный жанр предоставлял более широкое тематическое поле и большую свободу повествования.

«История» интересует Герриш прежде всего как образец историографии, основанной на аллюзиях (allusive history). Исследовательница предлагает новое прочтение этого труда, трактуя его не как попытку автора спрятаться от действительности в прошлом или будущем, а как реакцию на настоящее. Такого рода историография «тренирует» читателя, помогая ему правильно понимать настоящее, т.е. события эпохи триумвиров, чью деятельность Саллюстий, несомненно, осуждал и с пропагандой которых спорил. В мире, где ценность примеров прошлого оказалась поставлена под сомнение, дидактическая история была бесполезна. В этом одна из главных причин того, что в прологе к «Истории» нет защиты историописания: ясная формулировка цели труда оказалась бы контрпродуктивна. (Суждение спорное, если учесть, что введение к «Истории» дошло до нас не полностью.) «Саллюстий находился, по-видимому, в наилучшем положении, чем кто-либо, чтобы принять на себя роль защитника исторической истины. Его политический опыт давал ему основания для анализа, тогда как его отстраненность от публичной жизни создавала видимость объективности» (с. 2–3).

Древние авторы любили проводить параллели между событиями. При этом надо различать исторические аллюзии и интертекстуальные отсылки (аллюзии на более ранние рассказы об исторических событиях) или повторение историографических тропов. В случае с Саллюстием, писавшим через 40 лет после событий, это не так важно. Истории 70–60-х годов до н.э. еще создано не было, но он мог сослаться на памфлеты, речи и прочие материалы, нам уже недоступные. Дело усложняется тем, что различные персонажи или эпизоды могут порождать различные параллели, как в «Энеиде», по наблюдениям Дж. Гриффина, Дидона может «быть» и Клеопатрой, и Навсикаей, и Калипсо, и даже Медеей. Впрочем, в монографии эта «многоуровневость» образов «Истории» практически не прослеживается.

Подобно Фукидиду, Саллюстий тревожил контраст между словами и делами (см. *Cat.* 38. 2; 52. 11). То же мы наблюдаем и в «Истории» (I. 12M) — людей стали причислять к порядочным (*pro bono dusebatur*) не за заслуги, а за богатство и возможность творить несправедливости. Это тем важнее, что «обличение Саллюстием триумвиров направлено острием против их энергичных и явно лживых претензий на установление мира и согласия и даже сейчас напоминает нам о живучести и полезности истории перед лицом деспотического режима» (с. 5). Впрочем, как признает Герриш, триумвиры явно не преследовали авторов «крамольных» сочинений так, как это делал Нерон, а потому не похоже, чтобы страх перед возможными последствиями сдерживал Саллюстия.

Рецензия выполнена за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01181 «Миф о “восточном деспотизме” в европейской литературной традиции (от античности до раннего Нового времени)».

На умонастроения писателя оказывало сильнейшее влияние то обстоятельство, что гражданские войны продолжались в течение всей его жизни, а потому казались ему бесконечными. По мнению Герриш, это отразилось в той роли, которую играет у Саллюстия ссора Ромула и Рема. «Первородный грех» Рима, братоубийство, теперь возродился в форме bella civilia. У Цицерона встречается разная трактовка образа Ромула. В *Rep.* I. 64 устами Сципиона Эмилиана он характеризуется как *iustus rex, optimus rex*, тогда как в *Off.* III. 41 обвиняется в братоубийстве ради единовластия. Еще более суров в оценке основателя Рима Гораций, обеспокоенный повторяемостью гражданских войн и коллективной виной за убийство Рема. У Саллюстия Ромул упоминается лишь один раз, в речи Лепида (*Hist.* I. 55. 5M), где оратор, по мнению Герриш, с помощью слов *iste* и *scaevos*¹ обращает против Суллы его попытки изображать себя вторым Ромулом (*quae cuncta scaevos iste Romulus quasi ab externis rapta tenet*). Однако автор усматривает намеки на Ромула и в других пассажах, например в *Hist.* I. 7M, где «первые раздоры (*primae dissensiones*)» у римлян произошли из-за недостатков человеческого нрава, беспокойного и неукротимого (*inquietus atque indomitum*). По мнению Герриш, здесь явно подразумевается ссора Ромула и Рема, коль скоро речь о *prima dissensio*. Усматривает она ее и в письме Митридата, называющего римлян пришлецами без отечества, добывшими грабежом все, что у них есть (IV. 69. 17M). Здесь «Митридат артикулирует то, что Саллюстий избегает говорить от собственного имени: из-за дурных поступков основателя Рима склонность к раздору закрепились в характере римлян» (с. 58). Наконец, видная роль в «Истории» Гая Лициния Макра могла обуславливаться тем, что в своих «Анналах» он, видимо, подчеркивал связь между гражданскими раздорами в Риме и смертью Рема.

Все эти построения представляются весьма спорными. Вполне возможно, что реплика Лепида лишь отражает насмешки со стороны оппозиционеров, называвших Суллу «карликовым Ромулом»², а не его пропаганду³. В *Hist.* I. 7M неясно, о каких *primae dissensiones* речь, вполне возможно, что подразумеваются раздоры после изгнания Тарквиния, т.е. борьба патрициев и плебеев. Рискованно также видеть в письме Митридата отражение взглядов самого Саллюстия⁴, поскольку в цитированном пассаже он пишет, будто римляне предают и уничтожают своих союзников, что куда больше похоже на изложение антиримской пропаганды, нежели на мнение добропорядочного сенатора. К тому же о братоубийстве Ромула в письме Митридата не говорится. И уж совершенно умозрительным выглядит объяснение роли Макра в «Истории» его воззрениями на последствия убийства Рема, трактовку которых исследовательница к тому же признает лишь предположительной.

«Аллюзия, — отмечает Герриш, — сама по себе является формой повторения». Обращаясь с ее помощью к конфликтам своего времени, Саллюстий тем самым подчеркивает повторяющийся характер гражданских войн; он доводит историю римской смуты до своих дней и отсылает к неизвестному будущему (с. 48).

Как же события 30-х годов отражаются в изложении Саллюстия? Достаточно вспомнить начало «Истории» — смерть диктатора, возобновление гражданской войны и т.д. Если же рассматривать вопрос детальнее, то мятеж Лепида, например, обнаруживает значительное сходство с Перузинской войной: и то, и другое произошло в Этрурии, в обоих случаях важнейшей причиной стало недовольство италиков. Речь Филиппа против Лепида перекликается с цicerоновскими филиппиками, причем Филипп добивался экстраординарного командования для Помпея, как и Цицерон — для Октавиана, оба ссылались на угрозу *res publica*, ускоряя тем самым ее падение. При этом и в 70-х, и в 30-х годах до н.э. действуют представители одних и тех же фамилий. Преступления, осуждаемые в речи Лепида, продолжали совершаться и во времена написания «Истории». Филипп критикует те же действия Лепида, которые позволял себе его внучатый пасынок Октавиан, прежде всего марш на Рим. При этом один из коллег последнего по триумвирату — сын этого Лепида⁵.

¹ Герриш учитывает и обсуждавшийся в литературе вариант *saevus* (с. 67, прим. 129).

² Keaveney 2005, 159. Это мнение осталось Герриш неизвестным.

³ Точка зрения весьма распространенная, см. Fündling 2010, 153, 184, Anm. 120 (с библиографией).

⁴ См. La Penna 1963, 249–254.

⁵ Удивительным образом упускается из виду параллель с Мутинской войной, которая на-
прашивается среди прочего и в указанном контексте — оба раза в Мутине оказались осаждены Бруты (Perl 1969, 212).

Как уже говорилось, одна из важнейших задач Саллюстия, по мнению Герриш, — опровержение пропаганды триумвиров. Октавиан изображал *bellum Perusinum* как войну с интриганкой Фульвией, а не настоящими римлянами, противостояние же Сексту Помпею — как борьбу с рабами и пиратами (Саллюстий же бросает вызов такому его изображению). При этом *pietas* последнего ставилась под сомнение, ибо отец Секста сам боролся с пиратами, и истинным наследником Помпея оказывался молодой Цезарь. Он использовал «неисториографические» средства вроде эпиграмм и памфлетов, тем самым «превентивно» выполняя работу историка. Пропаганда Октавиана была агрессивной и, что важнее, «авторской», особенно когда позднее он написал мемуары.

В этом контексте интересен образ Сертория. О последнем, как считает Саллюстий, писали мало, и в «Истории» он извращает его имя от забвения. В то же время Серторий способен написать свою историю иными средствами, ставя тем самым под вопрос необходимость усилий *scriptores rerum* — он радуется (*laetabatur*) своим ранам, и особенно выбитому в боях глазу, знакам его доблести, создавая таким образом своего рода *self-narrative*. Между тем упомянутый глагол *laetari* и производные от него часто имеют у Саллюстия отрицательные коннотации, указывая на неумеренное или неуместное веселье. Т.е. можно полагать, что радость Сертория в глазах Саллюстия неуместна, и даже вызывает тревогу, как и попытки тех его современников, которые хотели «контролировать собственный имидж» и, в сущности, «писать» собственную историю. Между тем позиция Сертория в этом смысле очень уязвима, ибо созданный им *self-narrative* исчезнет с его телом и ему все равно понадобится свой *scriptor rerum*.

Роль историка узурпировал, подобно Серторию и Октавиану, и Помпей. С одной стороны, у него был собственный историограф Феофан Митиленский, с другой — он и напрямую вмешивался в формирование нарратива о себе: в письме сенату (хотя, признает Герриш, неясно, насколько оно отражает подлинное) Помпей представлял победы над Серторием как победы над внешним врагом (см. *Flor.* III. 22. 1), ту же идею выражал и трофей, поставленный Помпеем в Пиренеях. Это и понятно: за победу в гражданской войне он не получил бы триумфа, да и римляне слишком устали от смут, чтобы напоминать им о ней.

Думается, однако, что ни Сертория, ни Помпея Саллюстий не считал посягавшими на ценность труда историка, поскольку ни гордость собственными ранами, ни возведение трофея никак не противоречили идее историописания. В тексте Саллюстия ничто не подтверждает точку зрения Герриш, а ссылка на отрицательные коннотации глагола *laetari* ничего не доказывает, поскольку он имел и вполне положительные оттенки (*Sall. Cat.* 46. 2; *Iug.* 14. 10).

Обличение Помпея является одной из важнейших тем «Истории». Саллюстий видел главный вред от его деятельности в том, что полководец желал отстаивать свои интересы за счет интересов государства, и в легкости, с которой он обращался к угрозам для запугивания сената — достаточно вспомнить, как он предупреждал в письме сенату (*Hist.* II. 98. 10M), что вернется с армией в Италию, если не получит требуемой помощи. Экстраординарная карьера Помпея обнаруживает явные параллели с аналогичной карьерой Октавиана. Для Помпея у Саллюстия характерны не только непомерные амбиции, но и притворство, расхождение между претензиями и реальностью: *oris probi, animo inverecundo* (II. 16M), т.е. был не тем, за кого себя выдавал — очередной пример расхождения между словом и делом.

Зато Спартак, в отличие от Помпея и Октавиана, в историке нуждается. Он — одна из центральных фигур «Истории», причем описывает его Саллюстий иначе, чем Диодор Эвна и Сальвия, стереотипных восточных варваров с их магией и трюками для обмана толпы. О Спартаке вообще писали мало, и при формировании его образа у Саллюстия был куда больший простор. Он спасает вождя восставших рабов от забвения, испытывая к нему некоторую симпатию, и «его портрет Спартака может означать сохранение некоторого оптимизма по поводу ценности историописания» (с. 92). Саллюстий показывает, что историк по-прежнему способен возвеличивать или ввергать в забвение, поднимая беглого гладиатора до крупной фигуры в своем *opus magnum*.

Кроме того, Спартак не изображается как единоличный руководитель движения, подобно Эвну и Сальвию, — он ссорится со своими соратниками Ганником и Кастом (своего рода триумвират), из-за раздоров в лагере повстанцев гибнет Крикс. Рабы терпят поражение по тем же причинам, по которым распадалось и римское государство. Таким образом, в «Истории» восстание рабов — модель того же процесса, от которого страдала и Республика, *seditiones*, тогда как Цицерон считал, что они необходимы были для жизнеспособности Республики (*De or.* II. 199).

Описание Спартаковской войны дает повод для интересного экскурса, посвященного Скилле. Он примечателен тем, что эта скала находится на Сицилии, куда восстание *не* перенеслось. Скилла — подходящий образ для рассказа о гражданской войне, поскольку ее тело находится в войне с самим собой. Кроме того, по мнению Герриш, это явный намек на Секста Помпея, который чеканил изображение Скиллы на монетах — знак его власти на морях. Младший Помпей, полагает она, сравнивается со Спартаксом, так как угроза со стороны обоих стабильности *res publica*, по мысли Саллюстия, недооценивалась их оппонентами. Думается, однако, что источники для такого вывода оснований не дают и куда более вероятно параллель между Секстом Помпеем и Серторием, оставшаяся Герриш неизвестной⁶.

Интересен и другой экскурс — об Островах Блаженных. На них действие также не переносится, Саллюстия же они могли интересовать с точки зрения альтернативной истории: ведь если бы Серторий отправился на них, то не появилось бы необходимости посылать в Испанию Помпея в неслыханном для несенатора ранге проконсула, что стало трамплином для его дальнейшего возвышения, оказавшегося столь пагубным для Республики. Однако Саллюстий, по мысли Герриш, приходит к неутешительному выводу, что Помпей нашел бы другой случай выдвинуться, не говоря уже об иных претендентах на высшую власть. Но эта трактовка не находит подтверждения в тексте источника, и куда вероятнее, что речь шла, как и у Горация, об Островах Блаженных как о символе максимального дистанцирования от гражданских смут.

В заключении отмечается, что «История» проникнута духом бессилия, отчаяния и безнадежности. Саллюстий слишком поздно занялся биографией Помпея, чье восхождение к вершинам власти так навредило Республике, как запоздала и его попытка обратить внимание на взлет Октавиана. Но он также знал, что из-за особенностей человеческой природы подобные кризисы повторяются, а потому его последний труд мог пригодиться в будущем. Поэтому, несмотря на пессимизм Саллюстия, «История», по мысли исследовательницы, свидетельствует о вере автора в важность и ценность историописания.

Попытка Герриш выяснить характер «Истории» представляется весьма интересной, особенно если учесть плохую сохранность ее текста. Многие соображения автора о параллелях между событиями 70-х и 30-х годов до н.э. в последнем сочинении Саллюстия, равно как и о критике триумвиров (прежде всего Октавиана), очень полезны и побуждают к его дальнейшему осмыслению. Весьма плодотворна и гипотеза о влиянии на настроения Саллюстия его восприятия гражданских войн как феномена постоянно повторяющегося и, по сути, бесконечного. В то же время главная мысль Герриш об «Истории» как о труде, основанном на аллюзиях с целью критики триумвиров и их попыток создавать свой образ действительности, как представляется, ее текстом, да и характером мышления Саллюстия не подтверждается. Учитывая масштаб и специфику событий 80—60-х годов до н.э., трудно представить, чтобы для Саллюстия они служили лишь параллелями происходившему в 40—30-е годы. Вопросы восстановления прав трибунов или хлебных дотаций для этого периода уже утратили актуальность. Неясно также, чьими прототипами (хотя бы частично) могли стать Сулла, Катул, Метелл Пий, Лукулл, Лициний Макр и другие герои Саллюстия, и Герриш на сей счет никаких предположений не высказывает, без чего ее теория еще больше теряет в убедительности. Еще более абсурдной представляется мысль автора о том, будто Помпей и Серторий, по мнению Саллюстия, подрывали значение историографии тем, что создавали собственный имидж (это тем более удивительно, что Герриш не забывает о Феофане Митиленском, создававшем «рекламу» Помпею именно методами историографии). Стоит также отметить недостаточную работу с литературой вопроса (см. прим. 2, 5, 6). Нередко концепция автора явно доминирует над материалом. Тем не менее книга Герриш представляет определенный интерес, побуждая к дальнейшим дискуссиям о последнем сочинении Саллюстия.

Литература / References

Fündling, J. 2010: *Sulla*. Darmstadt.

Katz, B.R. 1981: Sertorius, Caesar, and Sallust. *Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae* 29, 285—314.

⁶ См. Katz 1981, 309—310.

Keaveney, A. 2005: *Sulla: The Last Republican*. London—New York.

La Penna, A. 1963: Le «*Historiae*» di Sallustio e l'interpretazione della crisi repubblicana. *Athenaeum* 51, 201–274.

Perl, G. 1969: Sallust und die Krise der römischen Republik. *Philologus* 113, 201–216.

Anton V. Korolenkov,

Pskov State University,
Pskov, Russia;

State Academic University
for the Humanities,
Moscow, Russia

E-mail: sallust@list.ru

ORCID: 0000-0002-3628-2754

Acknowledgements: Russian Science Foundation,
project no. 22-28-01181

A.B. Korolenkov,

к.и.н.,

научный сотрудник лаборатории

«Центр комплексного изучения

проблем региональной

безопасности» Псковского

государственного университета,

Псков, Россия;

доцент Государственного академического

университета гуманитарных наук,

Москва, Россия

DOI: 10.31857/S032103910029260-9

Г.М. НИКОЛАЕНКО, Т.Н. СМЕКАЛОВА, Э.А. ТЕРЕХИН, А.Е. ПАСУМАНСКИЙ. Атлас ближней хоры Херсонеса Таврического. Т. I. СПб.: Алетейя, 2020. 292 с., 449 ил. (Археологические атласы Северного Причерноморья, 3). ISBN 978-5-00165-142-0;

Г.М. НИКОЛАЕНКО, Т.Н. СМЕКАЛОВА, Э.А. ТЕРЕХИН, Е.Н. ВОСКРЕСЕНСКАЯ, В.В. ЛЕБЕДИНСКИЙ, А.Е. ПАСУМАНСКИЙ. Атлас ближней хоры Херсонеса Таврического. Т. II. СПб.: Алетейя, 2022. 312 с., 668 ил. (Археологические атласы Северного Причерноморья, 4). ISBN 978-5-00165-414-8

В 2020 и 2022 г. в Санкт-Петербурге в издательстве «Алетейя» в крупноформатной (А3) серии «Археологические атласы Северного Причерноморья» был выпущен двухтомный «Атлас ближней хоры Херсонеса Таврического» (далее — Атлас). Это фундаментальное издание принадлежит к новому типу исследований, в которых для анализа остатков важнейших памятников материальной культуры наряду с традиционными археологическими методами активно применяются методы точных наук.

Античный Херсонес Таврический и его размежеванная сельская территория, занимающая почти весь Гераклеийский полуостров Крыма, являются археологическими памятниками мирового научного и культурного значения. Благодаря прекрасной сохранности остатков античной межевой системы Херсонес Таврический представляет собой уникальную возможность для изучения его социально-экономической истории с опорой как на археологические, так и на важнейшие картографические и эпиграфические источники. Среди последних важнейшими являются акт об аренде или продаже земель (*IOSPE I² 403*), знаменитая Присяга граждан Херсонеса (*IOSPE I² 401*) и надпись на постаменте статуи Агасикла (*IOSPE I² 418*).

Почти вся территория Гераклеийского полуострова вплоть до 1960-х годов была минимально подвержена антропогенному воздействию и оставалась незастроенной. По подсчетам авторов, в 1940-е годы более половины всех античных участков не подверглись разрушениям. В настоящее время приходится с огромным сожалением констатировать, что полностью уцелевших участков не осталось ни одного, а сохранившихся наполовину насчитывается только четыре (Атлас, т. I, с. 83). Сегодня почти весь полуостров занят объектами военной, промышленной и гражданской застройки, лесопосадками, современной дорожной сетью. Как справедливо замечают авторы, издание Атласов является попыткой реконструкции утраченных за последние десятилетия античных объектов.

Натурные наблюдения и исследования херсонесской хоры, проведенные с конца XVIII до середины XX в., имеют большую ценность для изучения истории и археологии полиса. Существует обширная историография по начальным рукописным картографическим и изобразительным документам конца XVIII — начала XIX в. с фиксацией археологических памятников города и его окрестностей, хранящихся в отечественных и зарубежных архивах¹. Эти документы, к сожалению, лишь в минимальных объемах используются археологами для изучения древнего культурного ландшафта, реконструкции открытых в прошлом архитектурно-археологических ком-

¹ Tunkina 2002, 39, 316, 487–488; 2016a; 2016b; 2018.

плексов и воссоздания истории археологического изучения Херсонеса. Авторы рецензируемого Атласа не составили исключения: среди иллюстраций приведена только составленная под наблюдением естествоиспытателя К.И. Габлица в 1786 г. топографическая съемка Гераклейского полуострова с нанесением на нее видимой на дневной поверхности сети древних дорог и развалин построек (т. I, с. 33, рис. II, 5). Для реконструкции системы античных дорог можно было привлечь многочисленные картографические документы, созданные по указанию Г.А. Потемкина в 1784–1785 гг., на которых нанесены планы развалин Херсонеса-Херсона, зафиксировавшие систему обороны и остатки античной межевой системы. Сегодня большинство этих карт хранится в Российском государственном военно-историческом архиве, Российском государственном архиве древних актов, в Отделе картографии Российской государственной библиотеки в Москве, Российском государственном историческом архиве и Российском государственном архиве военно-морского флота, в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге, а также в Отделе картографии Института рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского НАНУ в Киеве и в Государственном архиве Одесской области². Особенно полезным для детального анализа является план Маячного полуострова (Старого Херсонеса Страбона), выполненный инструментально по приказу генерал-губернатора Новороссийского края М.С. Воронцова графом Л. Серростори в 1825 г.³ Вместо этого авторы рассматривают глазомерный план Маячного полуострова Э.Д. Кларка (т. I, с. 34).

Важнейшей археологической картой Гераклейского полуострова с фиксацией остатков античной межевой системы является план полуверстового масштаба (1:21 000), созданный в 1886 г. по инициативе А.Л. Бертье-Делагара военным топографом Тяпиным, который хранится в РГВИА. К сожалению, он опубликован в Атласе исключительно как иллюстративный материал без детального анализа зафиксированных археологических остатков и сопоставления этой информации с материалами из других источников (т. I, с. 38, рис. II, 14). Авторы не посчитали нужным перенести на современную топооснову археологическую нагрузку с плана 1886 г. (как и с других детальных инструментальных планов более раннего времени), т.е. видимые еще в XIX в. следы изначального межевания, отмеченные с помощью точной инструментальной съемки. Заметим, что планы 1786 и 1886 г. с архивных оригиналов впервые были опубликованы рецензентом⁴, о чем в Атласе даже не упомянуто.

Некоторая недооценка авторами Атласа познавательной роли картографических источников с фиксацией остатков античных руин объясняется тем, что они, на мой взгляд, всецело увлеклись новым уникальным документальным материалом, впервые введенным ими в научный оборот: коллекцией отпечатков немецких трофейных аэрофотографий Luftwaffe, снятых в 1941–1944 гг. и охватывающих всю территорию Гераклейского полуострова, которая сегодня хранится в Национальном архиве США в Колледж-Парке (NARA II). Среди архивных первоисточников этот комплекс, безусловно, занимает совершенно особое место. В связи с огромным стратегическим значением Севастополя военные разведчики фотографировали город и его окрестности с воздуха еще со времен Первой мировой войны, о чем свидетельствует снимок части Камышовой бухты 1916 г. (т. I, с. 58, рис. III, 1а). Коллекция включает отпечатки фотографий, полученные в 1941–1944 гг., причем первые разведочные снимки были сделаны 21 мая 1941 г., то есть за месяц до начала Великой Отечественной войны (т. I, с. 58–59). Снимки периода войны, сделанные цейссовской фотоаппаратурой с низких высот, приведенные в Атласе в виде крупных отпечатков, поражают своей детальностью, на которых исторический ландшафт Гераклейского полуострова отражен с документальной достоверностью и точностью.

Рецензируемый Атлас, главным образом, базируется на анализе именно этого уникального документального источника. Заслуга авторов состоит в открытии и осознании важности аэрофотоснимков военного времени, тщательном сканировании почти тысячи фотографий с высоким разрешением в Национальном архиве США, последующей сборке их в планшеты с помощью специального компьютерного обеспечения, коррекции на неvertикальность съемки и геореферировании (т. I, с. 59–60). Под руководством Т.Н. Смекаловой каждым этапом компьютерной обработки занимались ведущие в своих отраслях (геоинформационные системы и фотограмметрия) специалисты Э.А. Терехин и А.Е. Пасуманский. Основные этапы работы

² Tunkina 2018, 54.

³ Tunkina 2018, 64.

⁴ Tunkina 2002, 485–487, 494–496, рис. 126, 136, 137.

по проекту нашли отражение в ряде публикаций, в том числе, на страницах журнала «Вестник древней истории»⁵.

По собранной мозаике аэрофотографий была воссоздана сеть древних дорог, делящих всю территорию Гераклейского полуострова на более чем 430 блоков земельных наделов (т. I, с. 78, рис. III, 22). Важность построенной новой сетки земельных участков и отличие от ранее публиковавшейся⁶ состоит в том, что она построена в точных географических координатах и на основе документального источника. В таком виде сетка античных наделов может быть наложена на современные карты, космические снимки, аэрофотоснимки с целью определения местонахождения того или иного древнего надела, усадьбы или дороги (т. I, с. 82, рис. IV, 6; с. 86, рис. IV, 12). Таким образом, впервые за почти два с половиной века со времени создания первой карты античного размежевания Гераклейского полуострова К. И. Габлица (1786 г.) авторами воссоздана сеть античного межевания, причем в виде геореферированного слоя, который можно накладывать на любую топооснову.

Кроме выявления структурообразующей для хоры сетки дорог, авторами была решена задача следующего уровня — построены планы внутреннего межевания для каждого из более чем четырех сотен блоков участков. Они собраны в «Каталоге блоков участков», который занимает большую часть объема Атласа. Его предваряет глава по истории исследования херсонесской хоры (т. I, с. 32–57), которая, несмотря на изложение историографии, вызывает ряд недоуменных вопросов. О недооценке анализа исторических картографических документов с точки зрения археологии уже говорилось, однако имеются лакуны и в изложении вклада тех или иных исследователей в изучении хоры Херсонеса Таврического. Рассмотрены взгляды Н. М. Печёнкина, В. П. Лисина, С. Ф. Стржелецкого, А. Н. Щеглова, Г. М. Николаенко, И. Т. Кругликовой, С. Ю. Сапрыкина (т. I, с. 17–57), но характеристика их взглядов неоправданно краткая. Недостаточно, на мой взгляд, отмечен вклад Н. М. Печёнкина в изучение и картографирование следов начального херсонесского межевания на Маячном полуострове в 1910–1911 гг., когда античные межевые стены и ограды, делящие его территорию на наделы, еще стояли практически полностью сохранившимися. Между тем, именно А. М. Печёнкин первым выделил единичный гражданский надел херсонесита, равный примерно 4,5 га, на основе изучения чертежей трех равных земельных наделов на Маячном полуострове⁷.

В Атласе приведены данные о современной природе и географии Гераклейского полуострова (т. I, с. 17–31), но отсутствует ретроспективный анализ изменения среды обитания с древнейших времен до наших дней. Этот аспект чрезвычайно важен для оценки экономического потенциала античного полиса, базирующегося на сельском хозяйстве, в основном, на земледелии. Отчасти этот пробел компенсируется собранными сведениями по изменению древнего климата и конфигурации береговой линии в северной части полуострова. Стоит, однако, заметить, что эти главы, приведенные во втором томе Атласа, кажутся несколько оторванными от главной темы книги, так как авторами не проанализирована связь между динамикой природных явлений и социально-экономическим развитием хоры (т. II, с. 16–27).

Безусловно, главное достоинство работы — публикация полного Каталога блоков участков ближней хоры Херсонеса Таврического. В первом томе Атласа помещен Каталог первых 112 блоков (т. I, с. 129–281), во втором томе — блоки 113–4086 (т. II, с. 55–305). Авторы использовали общепринятую нумерацию блоков участков, предложенную в 1981 г. И. Т. Кругликовой и Е. Н. Жеребцовым⁸. На каждый из более чем четырехсот блоков участков были выбраны наиболее информативные аэрофотоснимки, изданные в каталоге в максимально возможном размере. По ним создавались планы внутреннего межевания каждого блока. Учитывались и полевые чертежи, сделанные в 1960-е годы Г. М. Николаенко и Е. Н. Жеребцовым под руководством С. Ф. Стржелецкого, а также позднее Г. М. Николаенко во время разведок на хоре в 1970–1990-е годы. Чертежи внутреннего межевания приводятся на основе редкой топографической карты 1931 г. масштаба 1:5000. Бросается в глаза отсутствие консенсуса у соавторов Атласа — Г. М. Николаенко с одной стороны, и Т. Н. Смекаловой и Э. А. Терехина с другой, — о границах наделов блоков 57, 58 и 58а, 61 в средней части Маячного полуострова (т. I,

⁵ Smekalova 2019; Smekalova, Terekhin 2018; Smekalova *et al.* 2018.

⁶ Nikolaenko 2001, 72–73.

⁷ Tunkina 2014; 2017.

⁸ Kruglikova 1981, рис. 1; Nikolaenko 2001, 72–73.

с. 213, 214, 218). Публикация противоречивых мнений о границах участков вместе с детальными аэрофотоснимками позволяют читателю самому решить, какая из версий является правильной. В целом Атлас станет отправной точкой для последующих исследований пространственной организации хоры, которые теперь подкреплены документальными источниками в виде архивных аэрофотографий.

На планах детального внутреннего межевания каждого блока участков показаны 252 усадьбы, которые выявлены по данным предшествующих полевых исследований и на основе анализа аэрофотоснимков. Отметим, что результаты изучения такого важного археологического объекта, как крупный комплекс в балке Бермана, публикуются впервые вместе с планами раскопок, значимыми находками и выводами авторов (т. II, с. 246–251). Локализация усадеб на планах участков позволит специалистам руководствоваться их точными координатами в ориентирах современного ландшафта. Вместе с тем, на мой взгляд, в Атласе недостаточно проанализирован датирующий амфорный и нумизматический материал, дающий ценную информацию по динамике пространственно-временного развития хоры.

В целом каталог блоков участков является значительным вкладом в дело изучения хоры античного Херсонеса Таврического, так как он вводит в научный оборот их детальные характеристики в виде документальных аэрофотографий и планов внутреннего межевания. Значение этого банка данных трудно переоценить: он является прочной основой для дальнейшего анализа структуры, принципов размежевания, развития системы землепользования и землеустройства, укрупнения земельной собственности граждан Херсонеса и изучения других вопросов социально-экономической истории античного государства.

Аналитическая часть рецензируемого Атласа имеет не меньшую научную значимость. Авторы подняли важные вопросы, касающиеся строительной метрологии, распространения и использования стандартов линейных мер (т. I, главы V–VIII; т. II, глава I). Основное внимание было уделено выявлению констант и модулей херсонесского межевания и прежде всего определению смысла гапаксного термина «гекаторюг» (ἑκατόριον), дважды встречающегося в надписи *IOSPE I*² 403. Авторы Атласа далеко не первые, кто обратился к загадке гекаторюга. Этот термин был предметом дискуссии, начиная с работ Ф.Ф. Соколова, Б. Кайля и В.В. Латышева, в которую включились практически все ученые, исследовавшие хору Херсонеса в XX – начале XXI в. Краткая история изучения вопроса приведена в статье А.В. Буйских⁹. Наиболее важные выводы были получены Г.М. Николаенко, Э.И. Соломоник и А.В. Буйских, о чем в тексте Атласа сказано лишь вскользь. Г.М. Николаенко, вслед за В.Д. Блаватским, признала существование двойной меры, назвав гекаторюг «мерой площади», а плетр – «единицей площади». Эта точка зрения была подвергнута справедливой критике А.В. Буйских, которая согласилась с мнением Ю.Г. Виноградова и А.Н. Щеглова о невозможности существования двух мер площади в землемерной практике одного полиса¹⁰. Кроме того, по мнению А.В. Буйских, плетр (100×100 футов), хотя и был общепринятой греческой мерой площади, не использовался на херсонесской хоре. Действительно, здесь повсеместно видны следы квадратного модуля величиной 52,5×52,5 м (100×100 египетских локтей), с помощью которого была размежевана территория Гераклеийского полуострова, включая Маячный, а также херсонесские территориальные владения в Северо-Западном Крыму¹¹. Г.М. Николаенко первой обратила внимание на равенство этого модуля египетской аруре, и тем более странным кажется ее утверждение, что единицей измерения площади был плетр. А.В. Буйских справедливо возразила, что это невозможно, так как тогда модуль-арура будет равна 2,25 плетра. Но если бы в основу модульной сетки был положен плетр, то он также должен был бы исчисляться целыми единицами, а не четвертями. Следовательно, именно арура, а не плетр была положена в основу размежевания¹². А.В. Буйских полагала, что гекаторюгом является квадрат со стороной в 100 египетских локтей или 52,5 м (фактически, арура), на основании того, что периметр сторон равен 100 оргиям (52,5×4=210 м или 100 оргий)¹³. Авторы Атласа резонно возразили, что таким образом (длиной периметра) никто и никогда не определял величину квадрата. Например, единица площади

⁹ Buyskikh 1998.

¹⁰ Buyskikh 1998, 65.

¹¹ Buyskikh 1998, 67.

¹² Buyskikh 1998, 68.

¹³ Buyskikh 1998, 69.

плетр — квадрат со стороной в 1 плетр. Следовательно, гекаторюг — квадрат со стороной сто оргий, который равен 16 арурам (т. I, с. 99—101).

Изучение детальной аэрофотосъемки 1940-х годов позволило подтвердить, что гекаторюг — действительно реально существующий модуль херсонесского размежевания, так как он встречается на всех без исключения блоках земельных наделов. Впервые авторы Атласа отождествили гекаторюг с понятием «единичный гражданский надел» и уточнили его величину, равную квадрату со стороной в 100 оргий (примерно 209,4 м): $\xi\kappa\alpha\tau\acute{o}\rho\upsilon\gamma\omicron\varsigma = \xi\kappa\alpha\tau\acute{o}\nu$ (сто) + $\delta\rho\upsilon\alpha$ (оргия). Вторым модулем херсонесского размежевания являлась арура — квадрат со стороной в 100 египетских локтей, или 52,35 м. Именно арура подразумевается в надписи *IOSPE I*² 403, а не плетр, как считали Э.И. Соломоник и Г.М. Николаенко¹⁴. Они первыми предположили, что в надписи упоминаются площади участков, а не их стоимости, как полагали ранее, но ошиблись с определением единиц измерения площадей. В Атласе математически точно доказано, что в надписи упоминаются не плетры, а аруры, поэтому авторам удалось не только предложить правильное прочтение цифровых символов, обозначающих площади земельных участков (т. I, с. 106—107), но и впервые выделить еще один модуль херсонесского межевания, встречающийся в надписи: плантажный ряд или полосу (т. I, с. 100—101), которую можно наблюдать визуально и на картах, и на аэрофототрафиях в виде часто идущих стенок, сложенных из мелкого камня. Анализ аэрофотоснимков показал, что во всех случаях, где присутствует плантаж в виде каменных стенок, их число на одну аруру составляет 16, то есть плантажный ряд соответствует 1/16 аруры (т. I, с. 102—104). В случае более редкого плантажа делался пропуск 1, 2, 3 или 4-х плантажных полос. Таким образом, строительство виноградного плантажа на хоре Херсонеса было строго стандартизовано, а плантажный ряд входил в число модулей херсонесского межевания наряду с гекаторюгом и арурой. Следует подчеркнуть, что никто из предыдущих исследователей не обращал внимания на стандартизацию приемов постройки плантажных стен на виноградниках и не выявлял величины их постоянного количества — 16 на одну аруру, хотя ближе всего к решению этого вопроса подошли С.Ф. Стржелецкий и Е.Н. Жеребцов (т. I, с. 102).

Этапы построения херсонесской межевой системы на ближней хоре Херсонеса Таврического определены авторами на основе изучения построенной сетки земельных наделов. Ими высказано предположение, что не только Маячный¹⁵, но и Срединный полуостров были в числе первых размежеванных территорий в первой половине IV в. до н.э. (т. II, с. 10—15), о чем свидетельствует отличие направления осей размежевания и группировка гекаторюгов по 4 на начальных площадях, по сравнению с остальной территорией Гераклеийского полуострова, где в одном блоке соединено по 6 единичных наделов. Следует отметить, что для доказательства такого утверждения в тексте не хватает анализа датирующего материала, найденного на усадьбах и наделах Срединного полуострова с целью выяснить время возникновения усадеб и размежевания территории.

Тотальное расширение хоры относится уже к третьей четверти IV в. до н.э., когда была размежевана почти вся территория Гераклеийского полуострова величиной около 12 тыс. га. Авторы впервые выделили две стадии в построении системы прямолинейных дорог, составляющих основную опорную сетку межевания (т. II, с. 15, рис. I, 8—I, 9). Следует согласиться с авторами, что первоначально, видимо, прокладывались прямолинейные и параллельные поперечные дороги по обе стороны от Большой херсонесской дороги, проходящей вдоль линии, соединяющей верховья бухт. Затем прокладывались продольные дороги, причем одновременно с двух сторон: с северо-восточной границы от Южной бухты и Сарандинакиной балки к середине, и от средней дороги 'J' в юго-западном направлении, к морскому побережью (т. II, с. 15, рис. I, 8—I, 9).

Остроумной кажется догадка авторов, почему в северо-восточной половине Гераклеийского полуострова блоки наделов представляют собой не прямоугольники, а параллелограммы. Авторы предполагают, что прокладка дорог началась от северо-восточного края и затем продвигалась к середине полуострова методом засечек на поперечных дорогах. Возможно, каким-то образом землемеры ошиблись ровно на два блока: вдоль Большой херсонесской дороги их число на два больше, чем вдоль последней юго-восточной поперечной дороги. Поэтому в середине размежеванной территории образовался постепенно сужающийся к югу «клин» (т. II, с. 15, рис. I, 9).

¹⁴ Nikolaenko, Solomonik 1990, 86.

¹⁵ Nikolaenko 2018, 6.

Полученные в ходе исследования результаты позволили авторам предложить свое объяснение смысла надписи *IOSPE* P 403 с дополнениями и небольшого фрагмента аналогичной надписи, найденного в 1983 г. Они интерпретировали эти лапидарные памятники как кадастровую перепись земель граждан Херсонеса в северной, приморской части Гераклейского полуострова, сделанную с целью определения арендной платы за разросшиеся виноградники. Интригующей, но пока недостаточно доказанной, представляется гипотеза авторов, что в надписи последовательно приводятся имена владельцев, величины площадей их участков, начиная от стен Херсонеса и заканчивая Маячным полуостровом включительно. Именно здесь располагались обширные виноградники, занимающие подчас большую часть блоков участков (т. I, с. 102, 111–119). Можно согласиться с авторами, что надпись представляет собой государственный юридический документ, созданный для упорядочивания имущественных отношений на хоре в прибрежной части Гераклейского полуострова.

Несколько уязвимым представляется предположение авторов о заимствовании херсонесской системы размежевания, имеющей в своей основе аруру (квадрат со стороной в 100 египетских локтей), из Египта, в котором арура (по-египетски *сечат*) была главной единицей измерения площадей, начиная еще с Третьей династии. Кажется сомнительной прямая параллель последовательного деления участков пополам, затем еще раз пополам и т.д., наблюдаемого на хоре Херсонеса, с делением глаза Хора на части от 1/2 до 1/64 (т. I, с. 123, рис. VIII, 6). Простые операции, применяемые при делении земельных участков, такие как использование мерного шнура с узелками, наматываемого на руку, согнутую в локте (локоть — единица длины земельных участков), деление расстояний пополам и др. относятся к разряду «естественных», связанных с очевидными действиями землемера. Они могли возникнуть в Египте, а затем заимствоваться греками вместе с единицей измерения площадей — арурой, ведь само слово «арура» греческое, означающее «поле». Эти единицы и приемы скорее пришли в Херсонес через греческий мир, хотя истоки их зародились, несомненно, в Египте.

Авторы пришли к важному выводу об укрупнении земельной собственности на хоре Херсонеса, основываясь на совместном анализе надписи *IOSPE* P 403 с новым прочтением цифровых символов и структуры наделов по архивным аэрофотографиям (т. I, с. 127). Уже к началу III в. до н.э. (ко времени создания надписи *IOSPE* P 403) первоначальная система деления участков на равные наделы была в значительной степени нарушена, особенно в северной части Гераклейского полуострова. В надписи перечисляются всего 8 единичных наделов-гекаторюгов. Остальные участки гораздо больше, причем авторы подметили, что наиболее крупные участки, судя по надписи, находились на Маячном полуострове (т. I, с. 127). Действительно, на Маячном полуострове, размежеванном еще в середине IV в. до н.э., были сосредоточены крупные владения наиболее влиятельных граждан-первопоселенцев (т. I, с. 127–128).

Таким образом, к началу III в. до н.э. первоначальная структура хоры Херсонеса, отражающая социальное равенство граждан-первопоселенцев, сменилась на крупные частные владения-виноградники. Этот качественный переход может быть точно датирован началом массового производства и клеймения амфор в Херсонесе Таврическом в третьей четверти IV в. до н.э.¹⁶

Двухтомный «Атлас ближней хоры Херсонеса Таврического» — крупное явление в современном фундаментальном отечественном антиковедении. Несмотря на указанные недоработки и ряд недостаточно аргументированных выводов авторов, необходимо признать, что рецензируемый «Атлас ближней хоры Херсонеса Таврического» впервые ввел в научный оборот новые материалы по экономической и политической истории античного города. Авторам удалось воспользоваться научным потенциалом архивных аэрофотографий, который раскрылся благодаря их скрупулезному систематическому анализу в сочетании с данными археологии. Это, в свою очередь, способствовало переосмыслению содержания замечательных памятников каменного архива полиса.

Литература / References

Buyskikh, A.V. 1998: [Once again about the Chersonesus *hecatorygos*]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology] 1, 65–70.

Буйских, А.В. Еще раз о херсонесском гекаторюге. *Российская археология* 1, 65–70.

¹⁶ Monakhov 1989, 94.

- Kruglikova, I.T. 1981: [Land Allotments of Chersonesites on Heracleian Peninsula]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii AN SSSR* [Brief Communications of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR] 168, 9–16.
Кругликова, И.Т. Земельные наделы херсонеситов на Гераклейском полуострове. *Краткие сообщения Института археологии* 168, 9–16.
- Monakhov, S. Yu. 1989: *Amfory Khersonesa Tavricheskogo IV–II vv. do n.e. Opyt sistemnogo analiza* [Amphorae of Chersonesus Taurica of the 4th–2nd Centuries BC. Exercises in System Analysis]. Saratov. Монахов, С.Ю. *Амфоры Херсонеса Таврического IV–II вв. до н.э. Опыт системного анализа*. Саратов.
- Nikolaenko, G.M. 2001: *Khora Khersonesa Tavricheskogo. Zemel'nyy kadastr IV–III vv. do n.e.* [Chora of Chersonesus Taurica. Land Cadaster of the 4th–3rd Centuries BC]. Pt. 2. Sevastopol. Николаенко, Г.М. *Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV–III вв. до н.э.* Ч. 2. Севастополь.
- Nikolaenko, G.M. 2018: *Drevnosti Mayachnogo poluostrova. Arkheologicheskaya kharakteristika pamyatnikov* [Antiquities of the Mayachny Peninsula. Archaeological Description of the Monuments]. Sevastopol. Николаенко, Г.М. *Древности Маячного полуострова. Археологическая характеристика памятников*. Севастополь.
- Nikolaenko, G.M., Solomonik, E.I. 1990: [The Land Plots of Chersonesos in the Early Third Century B.C. (ad IOSPE P, 403)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 79–99. Николаенко, Г.М., Соломоник, Э.И. О земельных участках Херсонеса в начале III в. до н.э. (к IOSPE P, 403). *ВДИ* 2, 79–99.
- Smekalova, T.N. 2019: [On the Size of Land Plots and Units of their Measurement on the Chora of Tauric Chersonesos]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 79/1, 58–76. Смекалова, Т.Н. О величинах площади и единицах ее измерения на хоре Херсонеса Таврического. *ВДИ* 79/1, 58–76.
- Smekalova, T.N., Terekhin, E.A. 2018: [New Data about Military Organization of Chersonessian Citizens, Reflected in the Structure of Its Land Cadaster]. *Stratum Plus* 6, 89–105. Смекалова, Т.Н., Терехин, Э.А. Новые данные о военной организации граждан Херсонеса Таврического, отраженной в структуре его земельного кадастра. *Stratum Plus* 6, 89–105.
- Smekalova, T.N., Terekhin, E.A., Pasumanskiy, A.E. 2018: [Reconstructing the Ancient Land Division System of Tauric Chersonesos with the Aid of Remote Sensing]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 78/2, 306–332. Смекалова, Т.Н., Терехин, Э.А., Пасуманский, А.Е. Реконструкция античной системы межевания Херсонеса Таврического с использованием методов дистанционного зондирования. *ВДИ* 78/2, 306–332.
- Tunkina, I.V. 2002: *Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh yuga Rossii (XVIII – seredina XIX vv.)* [Russian Research to Classical Antiquities of Southern Russia (18th – mid 19th Century)]. Saint Petersburg. Тункина, И.В. *Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.)*. СПб.
- Tunkina, I.V. 2014: [To the Biography of Nikolai Mikhailovich Pechenkin: New Archival Materials]. In: V. Yu. Zuev, V.A. Khrshanovsky (eds.), *Pogrebal'naya kul'tura Bosporskogo tsarstva. Materialy kruglogo stola, posvyashchennogo 100-letiyu Mikhaila Moiseyevicha Kublanova (1914–1998)* [Sepulchral Culture of the Bosporan Kingdom. Papers of the Round Table in Memoriam of M. M. M. Kublanov (1914–1998). Saint Petersburg, November 25–26, 2014]. Saint Petersburg, 233–238. Тункина, И.В. К биографии Николая Михайловича Печенкина: Новые архивные материалы. В кн.: В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский (ред.), *Погребальная культура Боспорского царства. Материалы круглого стола, посвященного 100-летию Михаила Моисеевича Кубланова (1914–1998)*. Санкт-Петербург, 25–26 ноября 2014 г. СПб., 233–238.
- Tunkina, I.V. 2016a: [Cartographic and Visual Documents of the late 18th–19th Centuries about Tauric Chersonesus and the Monuments of the Heracleian Peninsula in the Crimea. New Archival Discoveries]. In: V. Yu. Zuev, V.A. Khrshanovsky (eds.), *Elita Bospora i bosporskaya elitarnaya kul'tura: Materialy mezhdunarodnogo Kruglogo stola (Sankt-Peterburg, 22–25 noyabrya 2016 g.)* [Elite of the Bosphorus and the Bosporan Elite Culture: Proceedings of the International Round Table (St. Petersburg, November 22–25, 2016)]. Saint Petersburg, 321–327.

- Тункина, И.В. Картографические и изобразительные документы конца XVIII—XIX вв. о Херсонесе Таврическом и памятниках Гераклеяского полуострова в Крыму. Новые архивные открытия. В кн.: В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский (ред.), *Элита Боспора и боспорская элитарная культура: Материалы международного Круглого стола (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2016 г.)*. СПб., 321–327.
- Tunkina, I.V. 2016b: [Archaeological Sites of the Heracleian Peninsula of Crimea in Russian Cartographic Documents of the 18th–19th Centuries]. In: E.B. Altabaeva, E.N. Maximova (eds.), *Paradigmy istorii i obshchestvennogo razvitiya [Paradigms of History and Social Development]* Issues 2–3. Sevastopol, 11–16.
- Тункина, И.В. Археологические памятники Гераклеяского полуострова Крыма в русских картографических документах XVIII—XIX вв. В кн.: Е.Б. Алтабаева, Е.Н. Максимова (ред.), *Парадигмы истории и общественного развития*. Вып. 2–3. Севастополь, 11–16.
- Tunkina, I.V. 2017: [Pechenkin Nikolay Mikhailovich]. In: I.V. Tunkina (ed.), *Zhebelev S.A. Russkoe arkheologicheskoe obshchestvo za tret'yu chetvert' veka svoego sushchestvovaniya. 1897–1921: Istoricheskiy ocherk. Prilozhenie: Biobibliograficheskiy slovar' chlenov RAO (1846–1924) [Zhebelev S.A. Russian Archaeological Society for the Third Quarter of a Century of Its Existence. 1897–1921: An Historical Essay. Appendix: Biobibliographic Dictionary of the RAO Members (1846–1924)]*. Moscow, 483–484.
- Тункина, И.В. Печенкин Николай Михайлович. В кн.: И.В. Тункина (ред.), *Жебелев С.А. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921: Исторический очерк. Приложение: Биобиблиографический словарь членов РАО (1846–1924)*. М., 483–484.
- Tunkina, I.V. 2018: [Tauric Chersonesus and Heracleian Peninsula in Handwritten Cartographic Materials of the Late 18th – early 19th Centuries]. In: A.N. Kovalenko (eds.), *Prichernomor'e v antichnoe i rannesrednevekovoe vremya. Vypusk 2: Sbornik nauchnykh trudov, posvyashchenny 70-letiyu professora V.P. Kopylova [Black Sea Region in Ancient and Early Medieval Times. Issue 2: Collection of Scientific Works Dedicated to the 70th Anniversary of Professor V.P. Kopylov]*. Rostov-on-Don, 53–75.
- Тункина, И.В. Херсонес Таврический и Гераклеяский полуостров в рукописных картографических материалах конца XVIII – начала XIX вв. В кн.: А.Н. Коваленко (ред.), *Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Вып. 2: Сборник научных трудов, посвященный 70-летию профессора В.П. Копылова*. Ростов-на-Дону, 53–75.

Irina V. Tunkina,

Archive of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg Branch,
Saint Petersburg, Russia
E-mail: tunkina@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5793-3977

И.В. Тункина,

д. и. н., директор
Санкт-Петербургского филиала
Архива Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.31857/S032103910025514-8

A.O. BOULTON. Democracy and Empire: The Athenian Invasion of Sicily, 415–413 BCE. Lanham: Hamilton Books, 2021. XIV + 161 p. ISBN: 978-0-761-87297-9

Рецензируемая книга Александра Бултона «Демократия и империя: афинское вторжение на Сицилию, 415–413 гг. до н.э.» не является, как уже во введении оговаривает автор, монографическим исследованием, а имеет популярный характер и адресована широкой аудитории. Однако, по нашему глубокому убеждению, такие издания имеют право на существование и заслуживают рассмотрения и оценки. Это также дает повод высказать некоторые соображения о том, какими чертами должна обладать качественная научно-популярная историческая литература, тем более что рецензент сам имеет определенный опыт в работе над таковой.

В том, что она нужна, сомнений у нас не возникает. Историк-антиковед не должен замыкаться в «башню из слоновой кости», посвящать свою деятельность исключительно анализу частных проблем, каким бы филигранным этот анализ ни был. Сказанное ни в коей мере не следует понимать в том смысле, что мы отрицаем необходимость идиографических изысканий, что было бы и странно: они составляют очень важную часть работы ученого, которая, однако, не должна становиться единственной.

Популяризация нашей науки и выполняет образовательную миссию, и служит важной задаче — связывать античность, такую далекую и чужую в глазах общества, с современностью, делать ее релевантной в плане волнующих нынешних людей вопросов. Стремиться к этой релевантности из года в год настойчиво призывал, в частности, такой видный специалист, как Дж. Обер¹. По мнению некоторых коллег, больше ориентированных на академическую среду², он в данном плане даже несколько «перегибал палку».

Античность всегда будет интересна широкому кругу читателей и востребована ими. Периодически этот интерес к ней обостряется по различным причинам. Так, П. Бриан отмечал³, что выход в 2004 г. нашумевшего фильма Оливера Стоуна «Александр Великий» дал толчок значительному количественному росту литературы о главном герое (литературы, что характерно, не только популярной, но даже и специальной⁴). По поговорке «свято место пусто не бывает» нередко популяризацией антиковедения занимаются дилетанты (журналисты, писатели и т.п.), продукция которых, как правило, не отличается сколь-либо серьезными достоинствами. Разумеется, заведомо предпочтительнее, когда за подобный труд берется специалист, ученый, но такое случается несравненно реже: и времени нет, и не у всех коллег имеется соответствующий дар.

Возможен и промежуточный вариант, когда популярная работа по какому-нибудь сюжету, взятому из античности, принадлежит историку, но не являющемуся непосредственно антиковедом. Например, Перес Загорин, видный американский исследователь истории Европы раннего Нового времени, на склоне лет опубликовал достаточно удачное введение к «Истории» Фукидида

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-28-00024 «Две демократии: антидемократические перевороты в Афинах в конце V в. до н.э. и их значение для эволюции афинского государственного устройства и политических практик».

¹ Например, Ober 1989; 2009.

² Например, Rhodes 2003, 60–61, 72–76.

³ Briant 2009, 77.

⁴ Впрочем, нельзя не оговорить, что во многих странах Запада грань между этими двумя категориями достаточно условна. Так, в англосаксонской традиции книги, в том числе и монографии, в принципе принято писать более легким и доступным слогом, нежели статьи.

для широкого круга читателей⁵. То издание, которое мы здесь рассматриваем, относится к той же категории. А. Бултон — отставной профессор Университета Стивенсона (штат Мериленд), занимавшийся в основном проблемами культурной истории США. Несомненно, он обратился к Пелопоннесской войне, ориентируясь именно на прецедент Загорина. Это явствует хотя бы из того, что, перечисляя в пространной сноске (с. 4, прим. 4) важнейшие работы по избранной им теме, он на первое место ставит книгу Загорина, и только потом идут труды Д. Кэгена, написавшего об этом вооруженном конфликте, наверное, больше, чем кто-либо, и других авторов.

Бултон и не скрывает, что ему, собственно, тоже интересен прежде всего Фукидид, сочинение которого, по его мнению, проливает свет на взгляды «отцов-основателей» США, на идеи относительно демократии, национальной идентичности и т.п. (с. 161). Видимо, таким образом он оправдывает свой переход от американской истории к древнегреческой. Сам Фукидид характеризуется им как сугубо объективный ученый-рационалист (с. 2–3). Нужно отметить, что этот расхожий взгляд на Фукидида как этакого позитивиста, «античного Ранке» (примерно таким его видел, скажем, еще Уэстлейк⁶), уже утратил популярность, его подвергали принципиальной критике⁷, и ныне автора трактата о Пелопоннесской войне чаще характеризуют как политического мыслителя⁸.

При этом Бултон склонен возлагать на самого Фукидида часть вины за то, что такая захватывающая перипетия, как Сицилийская экспедиция, ныне мало кому хорошо известна (кроме узких специалистов), равно как и Пелопоннесская война в целом. Его «Историю» не читают, дескать, потому, что она «во многих местах представляет собой сухой и скучный каталог мест и событий» (с. 3). Подобное суждение о Фукидиде, замечательном мастере слова, выглядит глубоко несправедливым. Автор рецензируемой книги очевидным образом неудачно подобрал здесь выражения. Стиль Фукидида⁹, безусловно, труден, даже очень труден, но уж точно не скучен; сложность восприятия его текста обусловливается отнюдь не мнимой «сухостью», а иным — концентрированной напряженностью, суровой драматичной риторикой.

Итак, Бултон задался целью просто «адаптировать» Фукидида? Не вполне. Хотя не можем не отметить, что изложение событий он дает всецело на материале этого писателя. Другой имеющийся в нашем распоряжении крупный нарратив о Пелопоннесской войне — соответствующие части «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского — даже не привлекается в рассказе о ходе этой войны. В принципе это распространенная практика. Традиционно считается, что для того отрезка войны, который описал Фукидид (до 411 г. до н.э.), Диодор практически бесполезен¹⁰. В целом эта пессимистическая позиция, пожалуй, не лишена оснований, но из всякого правила есть исключения. Не будем забывать о том, что главный предмет книги — экспедиция на Сицилию, а Диодор был уроженцем этого острова и обильно использовал труды представителей тамошней локальной историографической школы, одной из лучших в греческом мире. Многие его данные о сицилийских делах восходят в конечном счете к Филисту¹¹. А Филист (между прочим, находившийся в Сиракузах во время афинской осады) всегда характеризовался и характеризуется как историк первоклассный, «сицилийский Фукидид». Так что когда речь заходит о Сицилии, Диодор, может быть, и не заслуживает такого пренебрежения, с каким к нему обычно относятся.

Во введении Бултон пишет: «При написании этой книги моей изначальной целью было описать только сицилийскую кампанию, которую я считаю важнейшим поворотным пунктом в войне между Афинами и Спартой... Однако по мере того как я писал и пересматривал работу, становилось ясно, что рассказать об этом нельзя, если не рассмотреть также сложные отношения между афинской демократией и Афинской империей¹²» (с. 3). Книга действительно по содержанию значительно шире, во всяком случае, своего подзаголовка.

⁵ Zagorin 2005.

⁶ Westlake 1989 (книга составлена из статей разных лет).

⁷ Например, Finley 1985, 47–66; Tucker 2016.

⁸ Например, Parry 1972 (один из первых примеров); Farrar 1988, 126–191; Ober 2006.

⁹ Стиль Фукидида в последние десятилетия исследовался достаточно интенсивно. Назовем лишь несколько важных работ: Connor 1985; Orwin 1994; Dewald 2005; Rengakos 2006; Greenwood 2015; Joho 2017; Rawlings 2017.

¹⁰ Buck 1994, XV–XVI.

¹¹ Frolov 2001, 303.

¹² В отличие от отечественной историографии, в которой выражения «Афинская империя» обычно избегают, пользуясь формулировками «Афинская архэ», «Афинская морская держава»

Ее основная часть состоит из четырех глав. В первой (с. 5–30) разворачивается, так сказать, экспозиция: речь идет о Спарте и более подробно — об Афинах, их истории от реформ Солона до начала Пелопоннесской войны. Темой второй (с. 31–67) является ход войны до 415 г. до н.э. Третья глава посвящена собственно Сицилийской экспедиции; она самая большая в книге, составляет чуть ли не половину ее (с. 69–133). Наконец, последняя глава, довольно краткая (с. 135–150), доводится изложением до конца Пелопоннесской войны, а затем в ней делается ряд обобщающих наблюдений, на которых мы бы и хотели сосредоточиться в рецензии, ибо вряд ли имеет смысл пересказывать содержание книги, которое представляет собой просто изложение событийного ряда, выполненное в основном корректно. Впрочем, встречаются и фактические ошибки, порой даже грубые; но о них уместнее будет поговорить отдельно, ближе к концу рецензии.

Книга построена таким образом, что ее, если можно так выразиться, идейные основы вполне ясны, они прямо сформулированы автором. С его стороны налицо стремление связать античность с современностью, древнегреческую историю — с американской. Порой «связки» выглядят достаточно искусственными и надуманными. Например: «...мы видим параллели между нашей сегодняшней ситуацией и крахом Афинской империи или закатом и упадком Римской империи 1000 лет спустя» (с. 2); в чем заключаются эти параллели — не разъяснено. В другом месте такое разъяснение дается, но его нельзя не назвать весьма сомнительным: «Один из способов начать размышлять об античной греческой истории — сравнение ее с историей США. Обе истории начинаются с революции. История США начинается с американской революции 1775–1783 гг. История античной Греции — в нашем контексте — начинается с восстания греческих государств против Персии, которое привело к персидским войнам 490 и 480 г. до н.э. В обоих случаях восстали маленькие, культурно отсталые государства на периферии великой империи, и в ходе воспоследовавшей войны они объединились и создали свою собственную уникальную идентичность» (с. 5). Не то чтобы в этом суждении решительно *всё* было неверно, но, наверное, совсем без упрощений в популярной литературе не обойтись; однако здесь перед нами упрощение такого рода, что оно уже напоминает инсинуацию, способную вызвать только улыбку (в частности, архаический период, решающий для формирования античной цивилизации, здесь совсем вычеркнут из ее истории).

С другой стороны, вполне верно (хотя, разумеется, отнюдь не оригинально) указание Бултона (с. 2) на то, что «отцы-основатели» США резко критически относились к афинской демократии, считая ее чрезмерно радикальной, причем одним из главных доказательств порочности этой системы были для них как раз неудачи Афин в Пелопоннесской войне и, в частности, провал на Сицилии. Эта их позиция, приведшая к тому, что при конституировании нового государства за основу была принята не афинская, а римская модель (даже с рецепцией таких понятий, как «сенат», «Капитолий» и т.п.), давно отмечалась в литературе¹³. В начале работы обозначив данную проблему, в заключительной части автор предлагает свой взгляд на нее, и мы к этому еще вернемся.

В тех местах, где Бултон от изложения материала обращается к его теоретическому осмыслению, особенно часто появляются рассуждения о так называемом «афинском тезисе». Это выражение принадлежит выдающемуся политическому мыслителю XX в. Лео Штраусу¹⁴, глубоко и тонко знавшему античность. Суть «афинского тезиса» определяется в рецензируемой книге как «идеи о том, что фундаментальными мотивациями для людей являются страх вместе с честью и выгодой и что слабый должен подчиняться сильному» (с. 34). В «Истории» Фукидида концепт, о котором идет речь, обрисовывается неоднократно: в наиболее развернутой форме, само собой, в «Мелосском диалоге» (Thuc. V. 85–113), но также в речи афинских послов в Спарте (I. 73–78), в речи Клеона перед афинянами (III. 37–40), в речи Алкивиада перед ними же (VI. 16–18), в речи афинянина Евфема в Сиракузах (VI. 82–87). Это — пассажи, перечисляемые самим Бултоном, а мы бы добавили к ним, пожалуй, еще и последнюю речь Перикла (II. 60–64), в которой откровенно говорится: «Ваше владычество подобно тирании» — мотив, позже эхом откликающийся в речи Клеона.

«Афинский тезис», отмечает автор, всегда, вплоть до нашего времени (тут появляется даже имя Д. Трампа), пользовался популярностью в среде политиков и политических теоретиков,

и т.п., в западном антиковедении оно воспринимается как что-то само собой разумеющееся (хотя см. критику подобной практики в Morris 2009).

¹³ См. хотя бы Roberts 1993. Констатировалось (Cartledge 2009, 166), что и в целом американским просветителям XVIII в. Рим был милее, чем Греция.

¹⁴ Strauss 1964, 183.

склонных к Realpolitik. «Они видят в “афинском тезисе” всеобщий закон международных отношений. Согласно железным законам, направляющим отношения между государствами, вопросы политической идеологии и гуманизма не играют рациональной роли при определении действий государств. Могущество может быть или использовано, или утрачено... Но верил ли сам Фукидид в “афинский тезис”? Вероятно, нет» (с. 144).

По мнению Бултона, Фукидид в своем нарративе имплицитно отвергает идеи, составляющие пресловутый тезис. Он «последовательно хвалит людей, которые предпочитали умеренность в действиях и избегали ненужного конфликта или агрессии» (с. 145). Среди таких людей — Перикл, Никий¹⁵, Диодот (оппонент Клеона в «митиленских дебатах» в III книге¹⁶). Фукидид, похоже, симпатизирует мелосцам, подвергшимся бесчеловечной расправе со стороны афинян. С последним высказыванием, кстати, крайне трудно согласиться. В. Виль в специальном монографическом исследовании о мелосском инциденте¹⁷ вполне убедительно продемонстрировал, что историк не проявляет никакого сочувствия к жителям Мелоса, дерзнувшим сопротивляться заведомо превосходящей силе. О том, как с ними поступили, он говорит (Thus. V. 116) кратко, сухо и бесстрастно (что особенно заметно по контрасту с его же эмоциональным, прочувствованным рассказом о резне, учиненной в беотийском городке Микалессе отрядом наемников-фракийцев: VII. 29—30). В другой книге¹⁸ тот же Виль показал, что Перикл отнюдь не был таким «голубем»-миротворцем, каким его нередко рисуют в панегирических биографиях¹⁹: сама Пелопоннесская война была, в общем-то, во многом его рук делом.

Итак, логика автора рецензируемой здесь работы такова: «афинский тезис», утверждающий право сильного, привел армию афинян на Сицилию, где она нашла трагический конец, который предопределил и дальнейшую гибель могущества Афин. Сицилийская экспедиция оказалась, следовательно, «великим испытанием» (с. 145) «афинского тезиса», которое он не прошел, а потому оказался опровергнутым. Подробно рассказывая об этом, Фукидид тем самым и свидетельствует против «афинского тезиса». Но на самом-то деле против него свидетельствовал ход событий, а не тот, кто эти события описал.

Бултон, впрочем, готов сделать уступку, признавая, что «единственная идея, ассоциирующаяся с “афинским тезисом”, с которой Фукидид, возможно, соглашался, — это идея о том, что выгода более важна, чем абстрактные соображения права и справедливости» (с. 145). Совершенно верно, но именно эта самая идея является ключевой в рассматриваемом круге представлений, из нее закономерно вытекают все соответствующие импликации²⁰. Коль скоро в политических вопросах этика неуместна, то вполне закономерным оказывается признание права сильного. Как нам представляется, в книге «Демократия и империя» можно наблюдать применительно к Фукидиду ту же тенденцию (нередкую в современной историографии), которая проявляется и в стремлении изобразить Платона или Аристотеля умеренными сторонниками

¹⁵ На самом деле отношение Фукидида к Никии не было таким уж однозначно положительным, оно является предметом дискуссий в науке. См. Кагруик 1994, 38—57 (с анализом предшествующей литературы); Will 2003, 88—100.

¹⁶ О роли Диодота в этом эпизоде см. Debnar 2000. В связи с какими-либо другими событиями афинской истории Диодот неизвестен, так что иногда даже считают, что этот персонаж вымышлен Фукидидом для роли «рупора» определенных идей.

¹⁷ Will 2006.

¹⁸ Will 1995.

¹⁹ Таких как Kagan 1991.

²⁰ В довольно давней, но чрезвычайно важной концептуальной статье А. Пэрри излагает весьма интересную, импонирующую нам интерпретацию понимания сути исторического процесса Фукидидом (Parry 1972). Для последнего история — это путь от дикости и варварства к цивилизации, а цивилизованность достигает высшей кульминации в восхитавших его Перикловых Афинах. Но в то же время для Фукидида едва ли не главное мерило степени развития цивилизации — сила, мощь, в том числе и в военном плане (поэтому историк в начале своего труда, в так называемой «Археологии», показывает, какими слабыми и незначительными на фоне этих Афин были, по его мнению, все предшествовавшие государства). Возрастание же мощи с неизбежностью порождает претензии на первенство; это, в свою очередь, вызывает крупные войны (для Фукидида, опять же, Пелопоннесская война — самая крупная из всех, какие когда-либо были, и он это настойчиво подчеркивает), а война разрушает накопленную мощь, приводит ее носителя к краху. Иными словами, цивилизация губит сама себя. Такова неутешительная пессимистическая позиция историка.

демократии, а не ее оппонентами. Психологически это понятно: трудно совместить пиетет перед великими с признанием того, что они выказывали крайне «неполиткорректные» взгляды.

Далее, ближе к концу заключительной главы, Бултон, как отмечалось выше, возвращается к негативной оценке афинской демократии «отцами-основателями» США и в целом общественным мнением их времени. Цитируется Дж. Мэдисон: «Демократии всегда являли зрелище беспорядка и раздоров, всегда оказывались несовместимыми с личной безопасностью и правом собственности; в целом их жизнь была настолько же краткой, насколько жестокой была их гибель» (с. 146).

За этим следуют ожидаемые оговорки: что афинская демократия действительно имела ряд существенных недостатков, но заключились они отнюдь не в том, за что этот строй винили в XVIII в., а совсем в ином. «Демократическая система античных Афин... не была демократической по нашим нынешним стандартам» (с. 146). Полноправие распространялось только на граждан мужского пола, но не на женщин, рабов, а также «торговцев и ремесленников, которые являлись иноземцами» (с. 146). Под последними имеются в виду, понятно, метеки; но не можем не заметить, что и в современных государствах, даже в самых наидемократичнейших из них, иммигранты тоже не имеют равных прав с гражданами. А женщины в тех же США получили их относительно недавно по историческим меркам. Именно с позиций принципа историзма нужно подходить к реалиям прошлого. Такие элементарные вещи авторы популярной литературы должны четко осознавать и уметь объяснить читателю.

Далее, конечно, оговаривается и то, что процветание демократических Афин было во многом основано на эксплуатации полисов, входивших в Делосский союз и сделанных бесправными. Общий вывод: в классических Афинах «было не слишком много демократии, а слишком мало» (с. 147). Заходит речь еще и о «большом социальном и экономическом расслоении» в афинском государстве, о том, что «Афины никогда в полной мере не уничтожили власть локальных феодальных (sic) аристократов» (с. 147). А вот это уж точно не соответствует действительности.

Здесь как раз уместно перейти к наличествующим в рецензируемой книге ошибкам. Будем прежде всего отличать ошибки как таковые от упрощений. Без последних, повторим, издания такого рода, видимо, обходиться просто не могут, и к этому следует относиться со снисхождением. Так, говоря об имевшем место вскоре после сицилийской катастрофы (и, естественно, ставшем ее прямым следствием) олигархическом перевороте 411 г. до н.э. («перевороте Четырехсот»), Бултон утверждает, что его совершила группа аристократов (с. 135). В действительности давно уже было подмечено, что среди вождей Четырехсот вообще не было ни одного аристократа²¹. Тут перед нами заключение согласно стандартной (и именно упрощающей) модели «раз аристократ, — значит, олигарх»²². Это в данном случае затемняет суть происшедшего, которая заключалась не в какой-то аристократической реакции (афинская аристократия конца V в. до н.э. отнюдь не представляла собой силы, способной свершить какой бы то ни было переворот), а в том, что безобразным ведением сицилийской кампании радикальная демократия продемонстрировала свою неэффективность²³ и от нее отшатнулись средние слои гражданского коллектива²⁴.

Но оставим это на совести автора, а равным образом и разные мелочи, среди которых, например, характеристика Фукидида как «одного из самых выдающихся афинских полководцев» времен Пелопоннесской войны (с. 1). Понятно, что таковым он совершенно не был и ничем значительным на военном поприще себя не зарекомендовал. Другой пример мелкой неточности (с. 15): после убийства Гармодием и Аристогитоном Гиппарха, брата Гиппия, последний «через несколько месяцев... был изгнан из города» (на самом деле — через несколько лет).

Но гораздо строже следует отнестись к ошибкам серьезным и несомненным. Так, что касается того же Фукидида, — Бултон почему-то делает вывод, что Фукидид прекратил писать свой исторический труд в 410 г. до н.э. (коль скоро изложение в нем доведено до этого времени) и даже называет этот «факт» таинственным (с. 138). Характерная aberrация, отождествляю-

²¹ Gomme 1986, 37–39. В массе своей это были богатые представители класса триерархов, ранее выдвигнувшиеся как локальные лидеры на уровне демов (Surikov 2021, 196–203).

²² Поэтому Бултон и Кимона ничтоже сумняшеся называет олигархом (с. 20).

²³ Osborne 2003, 257. «До сицилийского бедствия не было и следа “олигархической” оппозиции» (Badian 1995, 81).

²⁴ Taylor 2002.

шая датировку свидетельства с датировкой того, о чем свидетельствуется (как будто речь идет о каком-то летописце, немедленно заносящим каждое событие в свои анналы). Если следовать подобной логике, Геродот отложил перо в 478 г. до н.э., что абсурдно.

Разумеется, историк продолжал работать над сочинением не только после 410 г. до н.э., но и после 404 г. до н.э., когда Пелопоннесская война окончилась. Он, в частности, знает, что конфликт продолжался 27 лет (а такое можно было написать только после его завершения), о чем прямо говорится в так называемом «втором введении» (Thuc. V. 26). Правда, относительно этого пассажа высказывалось предположение²⁵, что его мог добавить Ксенофонт, который издал «Историю» Фукидида, а перед тем скорее всего редактировал ее. Но ведь не только из «второго введения» видно, что Фукидид застал исход войны. Конечное поражение Афин упоминается у него и в других местах (например: II. 65. 12, с ламентациями на тему о том, что, поживи подольше Перикл, дела могли бы сложиться и иначе).

Кстати, о Перикле мы с удивлением прочли в рецензируемой книге (с. 21), что при нем афинским фетам было предоставлено право участвовать в народном собрании, а до него они этого права якобы не имели и даже не владели землей. В действительности феты, будучи гражданами, естественно, владели земельными участками, а к участию в народном собрании они были допущены, как минимум, со времен Солона (Arist. *Ath. pol.* VII. 2).

Но особенно много ошибок находим в связи с различными событиями биографии Алкивиада. И это даже странно, поскольку этот деятель по определению является одним из главных героев любой книги о Сицилийской экспедиции и уж его-то судьбу автору надлежало изучить особенно основательно. Бултон же утверждает, например (с. 93), что вначале Алкивиад оказался в Спарте, а уже потом, «когда афинское народное собрание узнало, что Алкивиад перешел на сторону врага, оно *in absentia* приговорило его к смерти». На самом деле всё обстояло как раз наоборот: вначале ему вынесли смертный приговор, и уже только за ним последовала измена²⁶. Здесь перед нами не мелочь: оценка самого поступка Алкивиада в двух случаях будет далеко не одинаковой. К тому же судил его, разумеется, дикастерий, а не народное собрание.

Далее, умеренная олигархия Пяти тысяч, учрежденная в 411 г. до н.э., отменила смертный приговор Алкивиаду и избрала его стратегом, но в Афины он тогда не прибыл, а несколько лет воевал на море, одержал ряд громких побед и лишь в 407 г. до н.э. в ореоле триумфатора причалил в Пирейской гавани. А у Бултона выходит (с. 137–138), будто Алкивиад посетил родину сразу после восстановления в правах, был восторженно встречен, увенчан золотым венком (но тогда делать это было еще совершенно не за что!) и только после этого получил пост стратега.

Даже о времени гибели Алкивиада в книге не дается правильного понятия. «Алкивиад не дожид до окончательного поражения Афин» (с. 140). И дожид, и пережил. Он перебрался во владения персидского сатрапа Фарнабаза, а инициатором его убийства выступил Критий — лидер олигархии Тридцати, установившейся уже после окончания Пелопоннесской войны.

Мы не задаемся целью перечислять все фактические ошибки, допущенные Бултоном. Уже из сказанного видно, что их немало (наверное, нужно было дать почитать рукопись антиковеду). И это весьма досадно, потому что компрометирует книгу, которую в целом мы бы никак не назвали безнадежно плохой: она обладает определенными достоинствами, ценимыми именно в популярной литературе. Среди таковых — живая и занимательная, местами яркая манера изложения; просто-таки с увлечением читаются, например, описания автором сухопутных (с. 60–62, 118–119) и морских (с. 114–117, 121–124) сражений. Приветствовать следует и его стремление через рассказ о событиях далекого прошлого выйти на вопросы общего характера (как о том же «афинском тезисе»), актуальные и поныне.

Литература / References

Badian, E. 1995: The Ghost of Empire: Reflections on Athenian Foreign Policy in the Fourth Century BC. In: W. Eder (ed.), *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform?* Stuttgart, 79–106.

²⁵ Canfora 2006, 14–17.

²⁶ Фукидид не говорит об этом эксплицитно (но не говорит и о противоположном). Правильную последовательность событий узнаем из Плутарха (Plut. *Alc.* 22–23).

- Briant, P. 2009: Alexander the Great. In: G. Boys-Stones, B. Graziosi, P. Vasunia (eds.), *The Oxford Handbook of Hellenic Studies*. Oxford, 77–85.
- Buck, R.J. 1994: *Boiotia and the Boiotian League, 432–371 B.C.* Edmonton.
- Canfora, L. 2006: Biographical Obscurities and Problems of Composition. In: A. Rengakos, A. Tsakmakis (eds.), *Brill's Companion to Thucydides*. Leiden, 3–31.
- Cartledge, P. 2009: Hellenism in the Enlightenment. In: G. Boys-Stones, B. Graziosi, P. Vasunia (eds.), *The Oxford Handbook of Hellenic Studies*. Oxford, 166–172.
- Connor, W.R. 1985: *Thucydides*. Princeton.
- Debnar, P.A. 2000: Diodotus' Paradox and the Mytilene Debate (Thucydides 3.37–49). *Rheinisches Museum für Philologie* 143/2, 161–178.
- Dewald, C.J. 2005: *Thucydides' War Narrative. A Structural Study*. Berkeley.
- Farrar, C. 1988: *The Origins of Democratic Thinking: The Invention of Politics in Classical Athens*. Cambridge.
- Finley, M.I. 1985: *Ancient History: Evidence and Models*. New York.
- Frolov, E.D. 2001: *Gretsiya v epokhu pozdney klassiki (Obshchestvo. Lichnost'. Vlast')* [Greece in the Late Classical Period (Society. Personality. Authority)]. Saint Petersburg.
- Фролов, Э.Д. Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть). СПб.
- Gomme, A.W. 1986: *The Population of Athens in the Fifth and Fourth Centuries B.C.* Westport.
- Greenwood, E. 2015: On Translating Thucydides. In: C. Lee, N. Morley (eds.), *A Handbook to the Reception of Thucydides*. Oxford, 91–121.
- Joho, T. 2017: Thucydides, Epic, and Tragedy. In: R.K. Balot, S. Forsdyke, E. Foster (eds.), *The Oxford Handbook of Thucydides*. Oxford, 587–604.
- Kagan, D. 1991: *Pericles of Athens and the Birth of Democracy*. New York.
- Karpyuk, S.G. 1994: [Nikias: Virtue and Politics]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 38–57.
- Карпюк, С.Г. Никий: доблесть и политика. *ВДИ* 3, 38–57.
- Morris, I. 2009: The Greater Athenian State. In: I. Morris, W. Scheidel (eds.), *The Dynamics of Ancient Empires: State Power from Assyria to Byzantium*. Oxford, 99–177.
- Ober, J. 1989: Models and Paradigms in Ancient History. *Ancient History Bulletin* 3, 134–137.
- Ober, J. 2006: Thucydides and the Invention of Political Science. In: A. Rengakos, A. Tsakmakis (eds.), *Brill's Companion to Thucydides*. Leiden, 131–159.
- Ober, J. 2009: Personal Perspectives: Why I Study Ancient History, and Why I Suppose it Matters. In: A. Erskine (ed.), *A Companion to Ancient History*. Oxford, 1–3.
- Orwin, C. 1994: *The Humanity of Thucydides*. Princeton.
- Osborne, R. 2003: Changing the Discourse. In: K.A. Morgan (ed.), *Popular Tyranny: Sovereignty and its Discontents in Ancient Greece*, 251–272.
- Parry, A. 1972: Thucydides' Historical Perspective. In: A. Parry (ed.), *Studies in Fifth-Century Thought and Literature*. Cambridge, 47–62.
- Rawlings, H.R. 2017: Writing History Implicitly through Refined Structuring. In: R.K. Balot, S. Forsdyke, E. Foster (eds.), *The Oxford Handbook of Thucydides*. Oxford, 195–209.
- Rengakos, A. 2006: Thucydides' Narrative: The Epic and Herodotean Heritage. In: A. Rengakos, A. Tsakmakis (eds.), *Brill's Companion to Thucydides*. Leiden, 279–300.
- Rhodes, P.J. 2003: *Ancient Democracy and Modern Ideology*. London.
- Roberts, J. 1993: Athenian Democracy Denounced. The Political Rhetoric of America's Founders. In: J. Ober, C.W. Hedrick (eds.), *The Birth of Democracy*. Athens, 164–167.
- Strauss, L. 1964: *The City and Man*. Charlottesville.
- Surikov, I.E. 2021: *Antichnaya Gretsiya: Mekhanizmy politicheskoy zhizni* [Ancient Greece: Machinery of Political Life]. Moscow.
- Суриков, И.Е. Античная Греция: Механизмы политической жизни. (Opuscula selecta, III). М.
- Taylor, M.C. 2002: Implicating the Demos: A Reading of Thucydides on the Rise of the Four Hundred. *Journal of Hellenic Studies* 122, 91–108.
- Tucker, A. 2016: Historiographic Ancients and Moderns: The Difference between Thucydides and Ranke. In: A. Lianeri (ed.), *Knowing Future Time in and through Greek Historiography*. Berlin–Boston, 361–384.
- Westlake, H.D. 1989: *Studies in Thucydides and Greek History*. Bristol.
- Will, W. 1995: *Perikles*. Reinbek.

-
- Will, W. 2003: *Thukydides und Perikles: Der Historiker und sein Held*. Bonn.
Will, W. 2006: *Der Untergang von Melos: Machtpolitik im Urteil des Thukydides und einiger Zeitgenossen*. Bonn–Leipzig.
Zagorin, P. 2005: *Thucydides: An Introduction for the Common Reader*. Princeton.

Igor E. Surikov,

Institute of World History,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

E-mail: isurikov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2603-6146

Acknowledgements: Russian Scientific Foundation,
project no. 23-28-00024

И.Е. Суриков,

д. и. н.,
главный научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН,
Москва, Россия

DOI: 10.31857/S032103910024803-6

P. ROCHE. Dracontius' Orestes. London: Routledge, 2022. 168 p. ISBN: 978-1-0321-3127-6

Эпилий Драконция «Трагедия Ореста» (Карфаген, конец V в. н. э.) наконец дождался выхода на английском языке: перевод с комментарием и вступительными замечаниями появился в издательстве «Routledge» на исходе 2022 г. Ее автор — доцент университета Сиднея Пол Рош, ранее известный переводом Лукана¹ и исследованиями Плиния², а теперь решивший переключиться на позднюю античность.

Необходимость подготовки английского перевода указанного эпилия назрела давно. Сочинение латиноязычного поэта из вандальской Африки, одно из крупнейших в его творчестве (974 гекзаметрических строки), традиционно привлекает внимание исследователей и издателей по всему миру. Предыдущий опыт перевода «Трагедии» на современный язык, не считая билингвальных изданий, принадлежит перу В. Н. Ярхо³, но он и в целом мало известен читателям за пределами России⁴, и весьма скуден комментариями, так что не вполне удовлетворяет запросам взыскательной части аудитории. П. Рош — предсказуемо — с ним не знаком.

В двуязычном формате (оригинал с переводом) «Трагедия» издавалась в рамках публикации Opera omnia Драконция в 1980–1990-е годы во французском издательстве «Les Belles Lettres», а также в Италии, усилиями А. Гриллоне⁵ и Э. Рapisарды⁶. Помимо этого в последние годы пространный комментарий, хотя и без перевода, выпустил О. Цвирильн⁷. Английский текст, на котором составлено новое издание, заведомо предполагает более широкую аудиторию, о чем прямо заявлено в аннотации: среди потенциальных читателей указаны как scholars, так и non-scholars.

Амбиций, подобных тем, что были у автора русского перевода В. Н. Ярхо — перевести «Ореста» гекзаметром, — П. Рош не имел. Зато и откровенных промахов автор нового издания не допускает — в отличие от того же Ярхо. Например, строка 7 «Трагедии» ([canam] Matris in exitium memorem oblitumque parentis [Oresten]) совершенно не может быть переведена «буду Ореста я петь, кто помнил в беспамятстве мать», как это сделал русский переводчик. Помня о ней как об убийце Агамемнона, Орест должен забыть о кровном родстве, чтобы совершить возмездие за отца. Формулировка П. Роша «mindful and oblivious of a parent» (с. 30) значительно точнее отражает сказанное в оригинале — он по крайней мере не меняет смысл текста на противоположный. Или в «узурпаторском» монологе Клитемнестры (410–411: Rex Agamemnon erat, patriae dominator amarus: / Cuius Egistus erit me profitente maritum) речь действительно не о том, что она зачем-то объявляет Эгисфа «гражданином». Объявляет она его «мужем», а «гражданином», вернее «гражданским правителем», в противовес «угнетателю» Агамемнону он дол-

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-326).

¹ Roche 2009; 2019.

² Roche 2011.

³ Yarkho 2000; 2001.

⁴ Исключением можно считать разве что польскую исследовательницу А. М. Василь (Wasył 2011).

⁵ Grillone 2008.

⁶ Rapisarda 1951.

⁷ Zwierlein 2017.

жен стать сам. (Aegisthus will be a citizen king: I declare him as my husband у Роша, ср. перевод Ярхо: «стал мне супругом Эгист; гражданином его объявляю»⁸).

Однако читателю, по крайней мере русскоязычному, не всегда будет под силу разобраться в тонкостях терминологической игры Драконция без латинского текста. Например, противоречие между *iustus* и *iniustus* в характеристике богов (OT 9: *Iniustos, sed iure, deos ratione feroci*) — это именно противоречие между «правом» и «несправедливостью», как получилось в том же русском переводе («Разум жестокий богов, несправедливых по праву» у Ярхо). Английская антонимия *just — unjust*, использованная Рошем (I'll sing of unjust gods whose savage plan was just), вряд ли способна передать эту разницу в полной мере для тех, у кого английский язык не родной.

Встречаются и некоторые неточности, вроде бы не нарушающие общего понимания сюжета, но переиначающие авторскую расстановку акцентов. Так, в пророческом монологе Кассандры Клитемнестра названа «мстительницей за Дарданидов», *avenger of the Dardanians*. В оригинале же — «месть за Дарданидов», *ultio Dardanidum* (OT 138), гораздо более безличное выражение, превращающее убийцу Агамемнона из преступника с умыслом в инструмент злого рока. Или — предсказанное там же — «безумие», *furor* Ореста, которое в момент убийства Пирра станет «большим» согласно английскому тексту (*more madness possesses the wretch*), у Драконция названо попросту «иным», *alter* (OT 151).

Впрочем, оценивать качество английского перевода, да еще и без латинского сопровождения, сподручнее носителям языка. Большую часть настоящей рецензии я хотел бы посвятить двум другим и не менее значимым разделам, которые касаются трактовки произведения: вступительному исследованию и комментарию.

Во вводной части обобщена известная биографическая информация о Драконции, его сочинениях, общая картина культурной жизни в вандалской Африке. Узким специалистам эти вещи и так хорошо известны, но здесь систематизированы умело и будут полезны для читателя, только начинающего знакомство с этим автором. Вопросов они не вызывают. Разбираются возможные источники Драконция, жанровые особенности, обсуждается, знал ли поэт греческий язык: проверить это наверняка невозможно, но П. Рош предполагает, что знал. Далее переводчик переходит к описанию структуры текста, основным темам и мотивам.

Исследователь выделяет шесть основных тем в следующем порядке: семья (с. 15), политика и государство (с. 17), религия и сверхъестественное (с. 18), месть (с. 19), справедливость (с. 20), гендер (с. 21). Трудно спорить с тем, что сюжет «Ореста» их объединяет: главная интрига строится вокруг измены Клитемнестры Агамемнону с Эгисфом, их заговору против него с последующим убийством и мести Ореста, вместе с Пиладом бессудно казнившего преступников. Однако при такой расстановке тем создается впечатление, что единого идейного стержня в сочинении нет и его можно лишь изолированно рассматривать в какой-нибудь одной из шести заданных плоскостей.

Небольшая зацепка, позволяющая все же увидеть «Трагедию» в целостном виде, возникает в рассуждениях о социально-политическом контексте, в котором создавалось произведение и жил его автор (с. 35). Характер взаимоотношений между римской и вандалской элитами, сложившимися в Северной Африке к концу V в., — отдельная исследовательская проблема, и оценивается она по-разному: начиная от идеи об их острейшем конфликте⁹ и заканчивая предположением о симбиозе¹⁰. Однако вряд ли оспоримо, что политическая борьба в королевстве вандалов так или иначе была, а Драконций был ее прямым участником, по меньшей мере в качестве пропагандиста. Главной вехой в жизни поэта стало тюремное заключение после ссоры с королем Гунтамундом (484—496) из-за некоего «неправильного» панегирика, а в ранних стихах угадывались явные антивандалские настроения¹¹. Попытки увидеть в этой связи в изо-

⁸ Ошибка в переводе повлекла и несуразницу в комментарии — от «гражданина» В.Н. Ярхо вынужден был отделаться, списав его в анахронизмы, хотя противопоставление *ciuis* и *dominator* очевидно: слово приведено здесь вполне осмысленно, на что справедливо указывает и П. Рош уже в собственных примечаниях (с. 92).

⁹ Geary 1999, 121—122; Heather 1999, 248.

¹⁰ Clover 1989; Merrills, Miles 2009; Conant 2012; Whelan 2018.

¹¹ Речь идет о посвящении Фелициану Грамматикю, в котором варвары сравниваются с хищными дикими зверьми. На это уже обращали внимание исследователи. См., например, Diedrich 2019.

бражении семейных драм, которыми изобилует творчество Драконция¹², не просто религиозное нравоучение о вреде прелюбодеяния, а политический подтекст, время от времени предпринимаются в литературе¹³, хотя мейнстримом считать их едва ли возможно. Очень осторожен в этом смысле и П. Рош. Он, к примеру, упоминает о робко высказанной предшественниками идее найти в апологетическом монологе Клитемнестры (ОТ 390–393) завуалированный призыв к гражданскому миру, актуальный для «преисполненной насилия» Северной Африки¹⁴, но подчеркивает, что преувеличивать ее значение не нужно: «Хоть это и очень возможно, и мы уже убедились, что Драконций выносит политическую составляющую своего сюжета на первый план, подходить к подобным интерпретациям стоит с осторожностью» (с. 35).

В то же время если целиком исключить возможность политических аллегорий для этого текста, он покажется просто литературной игрой с шаблонами, доставшимися в наследство от классической античной традиции, без внятной конечной цели. В случае с Драконцием, активно вовлеченным в политическую жизнь, вряд ли это могло быть так. Даже сами литературные параллели, между прочим, не ускользнувшие от внимания П. Роша, косвенно указывают на социально-политическую проблематику поэмы. Среди литературных источников Драконция важнейшее место принадлежит «Энеиде» Вергилия (с. 13–14), активно эксплуатировавшего тему гражданской войны; аналогии просматриваются и с «Фарсалией» Лукана (с. 108, 114, 115).

Другое дело, что сюжет «Ореста» затруднительно связать с какими-то конкретными событиями, современными Драконцию. В меньшей степени и политическую трактовку произведения, и его интерпретацию в принципе усложняет система персонажей, выстроенная на таких парадоксах, что бесспорную мораль в нем обнаружить просто невозможно.

В характеристике своих героев Драконций использует оксюморонные словосочетания, вроде «благочестивого безумия» (*pius furor*), «вредного благочестия» (*noxia pietas*), относимые как раз к главному действующему лицу, Оресту¹⁵. П. Рош, замечая это, приходит к нейтральному заключению, что главная фигура в «Трагедии» противоречива (с. 25–26). Однако никаких глобальных выводов об идейном содержимом произведения и этических интенциях его автора сделать на таком основании не получится.

В существующей на этот счет дискуссии сложились три равновесные версии. Первая состоит в том, что дидактика карфагенского поэта направлена против измены и вероломства, т.е. главные злодеи в «Оресте» — Клитемнестра и Эгисф, Агамемнон — несчастная жертва, а Орест — праведный мститель¹⁶. Вторая предполагает, что Орест в своем безумии все же отрицательный персонаж¹⁷. В рамках третьей интерпретации положительных героев в «Трагедии» нет вовсе, а все произведение является инвективой против языческой древности¹⁸. Авторы всех трех трактовок отталкиваются в первую очередь от возможного религиозного подтекста: сочинение Драконция тогда выглядит как большая христианская притча. Однако пороки, оказывающиеся в таком случае возможной мишенью, — прелюбодеяние, предательство, безрассудная месть — ничуть не меньше могли бы быть объектом критики и вне споров о вере. На это как раз П. Рош указывает вполне обоснованно (с. 34). Если же оставить в стороне религиозный аспект, социально-политическая повестка окажется чуть ли не единственной возможностью рассматривать «Ореста» Драконция чуть шире, чем просто драму о несчастной семье мифического царя.

Похожая модель конфликта воспроизводится в написанном в опальный период жизни поэта «Искуплении» (*Satisfactio*), где автор просит вандальского короля о прощении за то, что славил «не тех господ», взывает к милосердию и даже критикует за жестокость. П. Рош игнорирует возможную связь между «Орестом» и «Искуплением», хотя рассуждает об обоих произведениях в контексте тюремного заключения Драконция (с. 3, 35), что в теории позволяет хронологически поставить их близко друг от друга.

¹² Кроме «Ореста» теме сексуальной измены и реакции на нее посвящены «Медия», «Похищение Елены», «Гил».

¹³ Tizzoni 2012; Boshoff 2017.

¹⁴ Rapisarda 1951, 121; Bright 1987, 162.

¹⁵ ОТ 19. К подобному приему Драконций прибегает и в третьей книге богословской поэмы «Хвала Господу» (*De Laudibus Dei*), рассуждая о героях классической античной мифологии.

¹⁶ Kelly 1993, 26; Bouquet, Wolff 1995, 28–37; van Zyl Smit 2010; Wasyl 2011, 73.

¹⁷ Privitera 2013.

¹⁸ Bright 1987, 205–206; Bisanti 2017.

Однако здесь важен не хронометраж, совсем не очевидный, а возможная идейная общность поэм. Супружеская измена вполне может быть прочитана как аллегория политической неверности, которая, конечно, является преступлением/грехом, но не таким страшным, как несоизмеримое наказание, сопровождаемое избыточным насилием, в ответ. Это и может быть главной идеей «Ореста», если рассматривать его сюжет как проекцию римско-вандалского конфликта — вполне возможную, тем более что автор оказался лично в него вовлечен.

Формат рецензии не позволяет развернуть всю аргументацию в пользу политического прочтения «Трагедии», однако дает возможность высказаться о проблеме его недооценки, как в целом, так и в новом вышедшем издании в частности, а также обозначить возможные контуры этого интерпретационного поля. Помимо отмеченного выше, политический подтекст может крыться и в нарочито беспросветном изображении всего греческого в «Оресте». Неправота мстителя Ореста не делает правыми ни изменницу Клитемнестру, ни соблазнителя и узурпатора Эгисфа, ни даже вроде бы безвинного Агамемнона. Последнего П. Рош считает однозначно положительным (с. 23), хотя тот захватил и насильно вывез из Трои в качестве наложницы Кассандру и без особых раздумий был готов принести в жертву Ифигению ради успеха в Троянской войне — с чего и начинается эпиллий. Нельзя забывать, что происходящее в поэме, по сути, оказывается ее продолжением, и Агамемнон в каком-то смысле своей смертью платит именно за участие в ней — недаром Клитемнестра названа «местью за Дарданидов».

Протроянские симпатии Драконция на фоне антигреческой риторики заметны и в прочих его поэмах. Особенно ярко эта комбинация артикулирована в «Похищении Елены», где причиной войны фактически называется неуступчивость Теламона, отказавшегося вернуть Приаму Гесиону (*De Raptu Helenae*. 45–52). Сестра троянского царя оказывается в таком же положении, что и Кассандра в «Оресте»: сексуальной рабыни, и обе героини вызывают ассоциацию с похищением вдовы императора Валентиниана Евдокии во время набега вандалов на Рим в 455 г.

Римско-вандалский конфликт при этом мог составлять только одну из возможных подоплек политического характера для Драконция, но не единственную. Северная Африка еще до образования вандалского королевства оказалась зоной конфликта интересов, в частности, между Западом и Востоком. Гильдонов мятеж в конце IV в. чуть не был использован Константинополем для фактического захвата местных провинций, ранее представлявших ареал влияния западной части империи. Это не просто вызвало всплеск враждебных по отношению к Востоку настроений у прозападно настроенных римлян, но и обусловило соответствующие тенденции в литературе, например антигреческую риторику у Клавдия Клавдиана¹⁹. Драконций жил в другую эпоху, и вандалская власть должна была показаться отнюдь не милее константинопольского протектората ни ему, ни другим карфагенским римлянам. Но даже спустя 70 лет уже современные автору «греки» дали ничуть не меньший повод оскорбить их в стихах — когда в 474 г. император Зенон признал законность вандалского правительства и тем самым поставил точку в разговорах о сомнительной легитимности варварского королевства в Африке, что не могло не ударить по позициям местной римской общины. Таким образом, греческие персонажи Драконция не обязательно должны были служить шаблонным образом врага, примеряемым непременно к вандалам, хотя и такой расклад исключать нельзя, а вполне могли воплощать византийское правительство, поведшее себя не очень порядочно.

Если бы подобные вещи были учтены в работе с текстом «Ореста», это обогатило бы и комментарий. Взять историю со штормом, в который попадает Агамемнон, возвращаясь домой с Троянской войны (OT 41–45). Для П. Роша это всего лишь сюжетный прием, необходимый, чтобы перенести героя из одного пространства в другое — после бури микенский царь на время оказывается в Тавриде, где находит живой Ифигению (с. 74). Похожее случается и в «Похищении Елены»: Парис, отправляясь с Саламина в Трою, попадает на Кипр, благодаря чему знакомится с невестой. Литературные корни обоих эпизодов, разумеется, лежат в первой книге «Энеиды», где в шторм попадает флот Энея. Но нельзя упускать из виду тот факт, что у Вергилия буря на море оказывается метафорой войны, как гражданской (Verg. *Aen.* I. 148–156)²⁰, так и, судя по лексическому ряду второй книги, греко-тройанской (Verg. *Aen.* II. 494–500): есть все основания порассуждать об этом и в новом контексте.

¹⁹ См. об этом, например, Christiansen 1970.

²⁰ См. обзор многочисленной литературы на этот счет, например в статье Mountford 2017.

Даже оставляя за скобками «Энеиду», просто с композиционной точки зрения шторму у Драконция принадлежит важнейшая роль: и в «Похищении», и в «Оресте» он становится предвестником дурных событий, соответственно незаконной свадьбы Париса и войны в первом случае, и заговора против Агамемнона во втором. И оба раза играет роковую с точки зрения сюжета роль, в первом случае давая возможность для знакомства Париса и Елены, а во втором — позволяя Клитемнестре с Эгисфом лучше продумать злое дело, пока их жертва задерживается в пути.

То же касается комментария о близости Фив и Микен (с. 96, комментарий к строке 492). Проще всего увидеть в ее обозначении топографическую ошибку, что и сделал П. Рош; но совершенно не обязательно, что Драконций имел в виду их реальное соседство. Поэт вполне мог метафорически объединить таким образом два пространства зла, заодно обозначив связь с другой поэмой собственного сочинения, «Медеей»²¹.

Если бы такие детали были учтены в новой публикации «Ореста» исчерпывающе, она, конечно, занимала бы не 142 страницы, как получилось, а в несколько раз больше. Но в сегодняшнем виде издание служит скорее популяризации произведения Драконция и его творчества в целом, нежели решает какой-нибудь из крупных вопросов, касающихся интерпретации этого дискуссионного сочинения, или хотя бы приближает их решение.

Литература / References

- Bisanti, A. 2017: Responsabilità e (de)merito negli epilli di Draconzio. *Hormos. Ricerche di Storia Antica* 9, 649–663.
- Boshoff, L.A. 2017: *The Mythological Epics of Dracontius in their Socio-Politic Context*. PhD thesis. Oxford.
- Bouquet, J., Wolff, É. (eds.) 1995: *Dracontius. Œuvres*. T. III. *La tragédie d'Oreste. Poèmes Profanes I–V*. Paris.
- Bright, D.F. 1987: *The Miniature Epic in Vandal Africa*. Norman.
- Christiansen, P.G. 1970: Claudian and the East. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 19/1, 113–120.
- Clover, F.M. 1989: The Symbiosis of Romans and Vandals in Africa. In: E.K. Chrysos, A. Schwarz (Hrsg.), *Das Reich und die Barbaren*. Vienna, 57–73.
- Conant, J. 2012: *Staying Roman. Conquest and Identity in Africa and the Mediterranean, 439–700*. Cambridge–New York.
- Diederich, S. 2019: Dracontius auf Konfrontationskurs. Widerständige Positionen in De laudibus Dei'. In: K. Pohl (Hrsg.), *Dichtung zwischen Römern und Vandalen. Tradition, Transformation und Innovation in den Werken des Dracontius*. Stuttgart, 261–272.
- Geary, P.J. 1999: Barbarians and Ethnicity. In: G.W. Bowersock, P. Brown, O. Grabar (eds.), *Late Antiquity: A Guide to the Postclassical World*. Cambridge (MA), 107–129.
- Grillone, A. 2008: *Blossi Aem. Draconti. Orestis Tragoedia. Introduzione, testo critic e commento*. Bari.
- Heather, P. 1999: The Barbarian in Late Antiquity: Image, Reality, and Transformation. In: R. Miles (ed.), *Constructing Identities in Late Antiquity*. London, 234–258.
- Kelly, H.A. 1993: *Ideas and Forms of Tragedy from Aristotle to the Middle Ages*. Cambridge–New York.
- Malamud, M. 2012: Double, Double: Two African Medeas. *Ramus: Critical Studies in Greek and Roman Literature* 41/1–2, 161–189.
- Merrills, A.H., Miles, R. 2009: *The Vandals*. Oxford.
- Mountford, P. 2017: Some Thoughts on the First Simile in the Aeneid: Aeneid 1.148–156. *Iris* 30, 77–83.
- Privitera, T. 2013: Draconzio e il recupero dell'Oreste virgiliano. *Res publica litterarum: Studies in the Classical Tradition* 36, 170–181.
- Rapisarda, E. (ed.) 1951: *Draconzio: La Tragedia di Oreste*. Catania.
- Roche, P. (ed.) 2009: *Lucan. De Bello Civili. Book I*. New York.
- Roche, P. (ed.) 2011: *Pliny's Praise: The Panegyricus in the Roman World*. New York.
- Roche, P. (ed.) 2019: *Lucan. De Bello Civili. Book VII*. Cambridge.

²¹ Подобные замечания уже делали исследователи. См., например, Malamud 2012.

- Tizzoni, M.L. 2012: *The Poems of Dracontius in Their Vandalic and Visigothic Context*. PhD thesis. (URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/29029892.pdf>; дата обращения: 08.10.2023).
- Van Zyl Smit, B. 2010: The Amorous Queen and the Country Bumpkin: Clytaemestra and Egistus in Dracontius' Orestis tragoedia. *Akroterion* 55, 25–36.
- Wasył, A.M. 2011: *Genres Rediscovered: Studies in Latin Miniature Epic, Love Elegy, and Epigram of the Romano-Barbaric Age*. Kraków.
- Whelan, R. 2018: *Being Christian in Vandal Africa: The Politics of Orthodoxy in the Post-Imperial West*. Oakland.
- Yarkho, V.N. (ed.) 2000: [Aemilius Blossius Dracontius. Tragoedia Orestis. Introduction, Translation and Commentary by V.N. Yarkho]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 3, 208–221. Ярхо, В.Н. (ред.). Эмилий Блоссий Драконций. Трагедия Ореста. Вступительная статья, перевод и комментарий. *ВДИ* 3, 208–221.
- Yarkho, V.N. 2001 (ed.): *Emiliy Blossiy Dracontsiy. Mifologicheskie poemu. Perevod s latinskogo, vstupil'naya stat'ya i kommentarii V.N. Yarkho [Aemilius Blossius Dracontius. Mythological Poems. Introduction, Translation and Commentary by V.N. Yarkho]*. Moscow. Ярхо, В.Н. (ред.). Эмилий Блоссий Драконций. Мифологические поэмы. М.
- Zwierlein, O. 2017: *Die «Carmina profana» des Dracontius. Prolegomena und kritischer Kommentar zur Editio Teubneriana. Mit einem Anhang: Dracontius und die 'Aegritudo Perdicae'*. (Untersuchungen zur antiken Literatur und Geschichte, 127). Berlin–Boston.

Ivan M. Nikolsky,

Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration,
Moscow, Russia

E-mail: ivan.nikolsky@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6428-5357

Acknowledgements: Ministry of Science and
Higher Education of the Russian Federation grant
no. 075-15-2022-326

И.М. Никольский,

к.и.н.,
доцент Института общественных наук
РАНХиГС,
Москва, Россия

DOI: 10.31857/S032103910024787-8

СИМПОЗИУМ «ИСТОРИК И ТЕКСТ–XI» И КРУГЛЫЙ СТОЛ «ЦИВИЛИЗАЦИИ ДРЕВНЕГО БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И АНТИЧНОСТИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ОБЩЕГО И ОСОБЕННОГО»

(Москва, 30 июня — 1 июля; 12–13 декабря 2022 г.)

По сложившейся традиции в четный год Отдел сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН летом проводит симпозиум, а зимой — круглый стол, посвященные разработке текущих тем исследований и научных интересов сотрудников отдела. 2022 год не стал исключением, и оба мероприятия были проведены при участии не только сотрудников ИВИ РАН, но и ученых из других учреждений. Очередной летний симпозиум «Историк и текст — XI» состоялся 30 июня — 1 июля 2022 г., в первый день его работа проходила в очном, а во второй — в дистанционном формате.

Утреннее заседание 30 июня (председатель — С. В. Смирнов) открыл доклад *Т. А. Сафина* (Москва) «Древнекитайские линиджи XIII — XI вв. до н. э.: к проблеме описания родственных групп в древних текстах». Автор доклада обратил внимание на заимствование и сохранение в исторической науке устаревших антропологических концепций. Например, основой для реконструкции древнекитайских родственных групп в их современном понимании послужили наблюдения 1920-х годов, сделанные в Полинезии. Сложившаяся модель крупной, всесословной, локализованной родственной группы, в которой доминирует принцип генеалогического старшинства, известна под различными названиями (в том числе «статусный линидж»). К настоящему времени эта концепция уже почти оставлена специалистами по полинезийской антропологии, но продолжает использоваться историками-китаистами, несмотря на то что родственные группы XIII—XI вв. до н. э. скорее всего обладали совершенно иными характеристиками. Более того, многие «родственные» группы, которые описаны в литературе, на самом деле либо не существовали, либо не были основаны на родстве.

В. Ю. Шелестин (Москва) выступил с докладом «Боги страны Киццувадна в хеттских международных договорах». Перечни богов—хранителей клятвы были важным элементом хеттских международных договоров, начиная с договора хеттского царя Тудхалии I с правителем Киццувадны Сунассурой. В новохеттский период, после присоединения Киццувадны, ее боги добавляются к списку божественных свидетелей договоров Хеттского царства с правителями Митанни, Египта и сирийских государств. Однако в эпоху Мурсили II они уже не фигурируют среди богов—хранителей клятвы. Докладчик проследил эволюцию этого элемента перечня богов—хранителей клятвы и проанализировал причины исчезновения богов Киццувадны из списка при Мурсили II.

В докладе *А. А. Немировского* и *И. А. Ладынина* (Москва) «Реминисценции хеттской войны Рамсеса II в легендарной традиции о египетском царе-мирозавоевателе Сесострисе/Сесоосисе» были подробно проанализированы сведения античной традиции о предполагаемой войне между египтянами под предводительством легендарного царя Сесостриса (Сесоосиса/Везосиса) и скифами. В историографии данный сюжет было принято считать фикцией, однако докладчики продемонстрировали, что в изначальной версии рассказа должно было говориться о поражении египтян скифами. При этом как характер сюжета, так и его положение в относительной хронологии античной традиции (в частности, в труде Геродота) позволяют уверенно говорить о том, что он представляет собой переосмысленные реминисценции о в целом неудачной для Египта войне с хеттами в 1285–1270 гг. до н. э.

Е. И. Соломатина (Москва) в докладе «Античная традиция об эолийской миграции Темных веков» представила результаты изучения истории складывания античной традиции об эолийцах в целом и эолийской миграции как составной части этой традиции, которая в процессе своего формирования, начиная с первых разрозненных упоминаний об эолийцах и заканчивая данными об их поселениях на Лесбосе и в Малой Азии, вобрала в себя не только исторические факты, но, главным образом, представления греков об этих фактах. Появление эолийских поселений на упомянутой территории древние греки чаще всего связывали с миграцией колонистов из материковой Греции, относя это событие к Темным векам. Легенды об эолийской миграции, сформировавшиеся в середине V в. до н.э., стали альтернативной версией традиции, объясняющей причины возникновения эолийского Лесбоса.

И. Е. Суриков (Москва) представил доклад «Существовал ли ранний историк Симонид Кеосский?», в котором привел убедительные доказательства своей (отличной от общепринятой) точки зрения на поставленный в заглавии вопрос. В одной из статей византийского лексикона «Суда» упоминается историк-генеалог Симонид Кеосский (это единственное свидетельство о нем), причем сказано, что он был внуком одноименного лирического поэта и жил в V в. до н.э., до Пелопоннесской войны. Обычно этот писатель признается реальной личностью. Ф. Якоби во «Фрагментах греческих историков» связал с ним семь фрагментов — два с уверенностью и пять в качестве «спорных и сомнительных». Р. Фаулер в «Ранней греческой мифографии» считает Симонида-внука автором только двух фрагментов, однако и он не отрицает его историчности, хотя и соглашается, что в сведениях о нем имеются несообразности. Докладчик рассмотрел все семь фрагментов и попытался доказать, что мифограф V в. до н.э. Симонид, внук поэта, не существовал; часть фрагментов, атрибутированных ему Якоби, следует отнести к лирику, а часть — к малоизвестному эллинистическому автору Симониду Младшему, упоминаемому в «Естественной истории» Плиния.

Е. М. Берзон (Москва) в своем докладе «Царь Антиох, царица Апама и эллинистический Урук: комментарий к YOS 20. 87» постаралась уточнить сложившиеся представления о вавилонской политике первых Селевкидов. Так, в современной историографии преобладает представление о том, что ранние Селевкиды в Вавилонии проявляли внимание главным образом к «столичным» храмовым комплексам Вавилона и Борсиппы, тогда как Урук едва ли удостоивался такой чести. Между тем в клинописном тексте YOS 20. 87 содержатся отсылки к распоряжениям царя Антиоха (LUGAL *Atti'ikusu*) и царицы Апамы (*šarrat Apam*) касательно восстановления храма Бит-Реш в Уруке, причем эти события относятся к периоду между 22 и 28 г. селевкидской эры (290—284/3 гг. до н.э.). Кроме того, упоминание в YOS 20. 87 свидетельствует о том, что Апама, первая жена Селевка Никатора, в середине 280-х годов, по-видимому, была еще жива и вместе со своим сыном-соправителем Антиохом, который уже носил царский титул, проявляла заботу о восстановлении святилища Бит-Реш в Уруке, а царский патронаж, таким образом, не ограничивался вниманием лишь к Вавилону и Борсиппе.

Вечернее заседание симпозиума (модератор — Е. В. Ляпустина) открылось докладом *А. В. Короленкова* (Москва) «Предыстория “мятежа” Лепида». В нем было развита высказывавшаяся ранее в литературе мысль об ошибочности представлений о том, что уже в 78 г. до н.э. Лепид демонстрировал свою оппозиционность по отношению к послесулланскому режиму: предложений, которые подрывали бы его, он не вносил, но позднее его радикальные лозунги 77 г. стали датировать временем консулата. Его трения с Католом не были столь уж значительными, но их стали рассматривать как очевидное предвестие восстания. Поводом для объявления Лепида мятежником явилась его просьба позволить ему участвовать в консульских выборах без соблюдения 10-летнего интервала, что Л. Марций Филипп, Кв. Лутаций Катул и некоторые другие политики расценили как стремление к узурпации власти, хотя в действительности таких намерений у Лепида, как кажется, не было.

Л. Л. Кофанов (Москва) выступил с докладом «О природе преторского вето». Право вето использовалось в Риме не только плебейскими трибунами, но и вообще всеми магистратами. Особенно широко право интерцессии использовалось римским претором, например в области так называемой владельческой защиты. Знамениты слова преторского эдикта: *vim fieri veto*, «запрещаю, чтобы свершалось насилие». Преторское вето как проявление его империя, т.е. административной власти императивного характера, имело широчайшее применение в частном, публичном и сакральном праве. Своим происхождением оно обязано «запретам» (табу) религиозного характера, сформировавшимся в рамках понтификального и авгурального права.

Доклад *А.Е. Барышникова* (Нижний Новгород/Москва) «Историк, текст, идеология: опыт несвоевременной рецензии на одну вышедшую невовремя книгу» был посвящен монографии британского исследователя Нила Фолкнера «The Decline and Fall of Roman Britain», опубликованной в 2000 г., в самый разгар теоретических споров о романизации и сущности римского империализма. Несклько упрощая реальность, можно сказать, что книга осталась незамеченной. Это нисколько не уменьшает оригинальности подхода Фолкнера и сделанных им наблюдений о сущности римского прошлого Британии, которые, как кажется, становятся сейчас актуальнее, однако при этом остаются за пределами внимания большинства исследователей.

В докладе *Н.В. Бугаевой* (Москва) «Древнейшая история Тосканы в *Historia Pistoriensis* Джанноццо Манетти» было рассмотрено освещение событий античной истории Тосканы в труде флорентийского гуманиста XV в. Основное внимание было уделено анализу методов работы с разными категориями источников: древнеримской и древнегреческой традицией, «недавними авторами» и общераспространенными представлениями, остатками материальной культуры, архивными документами. Для Манетти необходимым условием надежной реконструкции прошлого служило наличие древнеримского нарратива. В то же время гуманист доверял широко распространенным верованиям, отраженным в том числе в трудах тосканских хронистов. Древнегреческая традиция привлекалась Манетти слабо и лишь как дополнение к латинской. Характерная черта «Истории Пистои» — полемика с рационалистическим подходом Л. Бруни, актуальная в свете современных источниковедческих подходов.

Работа симпозиума продолжилась на следующий день, 1 июля, в дистанционном формате на платформе Zoom (модераторы — Е.Н. Андреева и М.Н. Кириллова). Заседание открылось докладом *Д.Б. Меркина* (Москва) «Истребление Бранхидов» Александром Великим: сведения античной традиции и оценки исследователей». Разрушению города Бранхидов Александром Македонским в историографии даются разные оценки: от отрицания его историчности до признания этих событий геноцидом в духе модернизаторского подхода. В ряде источников эти события оцениваются в контексте среднего платонизма как божественное отмщение: Бранхиды были пособниками персов при разорении святилища в Дидимах, за что их потомки претерпели наказание. Курций Руф подходит с более рационализаторской позиции, считая, что Бранхиды не несут ответственности за деяния своих предков, поэтому в его описании подчеркивается проявленная Александром при взятии города жестокость, а поступок самого царя осуждается. С точки зрения докладчика, действия Александра не противоречили политике, которую он вел в ходе продвижения по Бактрии и Согдиане. Возможно, масштаб разрушений в целом был преувеличен традицией, что косвенно могут подтвердить находки дипинти из Дильберджина с именами Бранхидов: «Βρο/αχϋδ(ῶν), Βρο/αχϋ(ῶν)». В докладе был представлен критический разбор всех свидетельств.

А.А. Немировский (Москва) выступил с докладом «Ученые люди позднего Египта и их источники: предание о пророчестве царю Суриду в коптской — исламско-египетской исторической традиции». Доклад был посвящен анализу сна-пророчества царю Суриду — сюжета, сохранившегося в средневековой арабо-египетской передаче и заимствованного из предысламской коптской традиции. В рамках доклада было показано, как реальные события египетской истории Древнего царства, в первую очередь исторические личности фараонов IV династии Снофру и Хуфу, были воспроизведены в египетских легендах, греческой и египетской эллинистической исторической традиции. Если у Геродота и Диодора Снофру и Хуфу — это две разные личности, то в III в. до н.э. у Эратосфена Киренского произошло их слияние в одну. В сюжете же сна Сурида произошла контаминация не только образов этих царей, но и двух разных египетских легенд о пророчествах, которые цари получали. Таким образом, можно сделать вывод о существовании совокупности текстов, на протяжении столетий востребованных египетскими учеными людьми; сюжеты этих текстов в связи с принятием частью коптов ислама были интегрированы в арабо-египетскую традицию.

Н.А. Филянов (Москва) в рамках доклада «Цинна, populi Italici и bellum Octavianum: «италийский вопрос» в 87–85/84 гг. до н.э.» проанализировал сообщения Аппиана, Грания Лициниана, Диона Кассия и эпитоматора Ливия об участии италиков в гражданской войне между опальным консулом 87 г. до н.э. Л. Корнелием Цинной и сенатом во главе с Гн. Октавием. Особое внимание автор доклада уделил вопросам реконструкции и датировки закона о предоставлении римского гражданства тем италикам (dediticii populi), которые не стали римскими гражданами по законам Юлия и Плавтия-Папирия (90–89 гг. до н.э.). С точки зрения

Н.А. Филянова, сведения источников указывают на проведение Цинной отдельного закона в 86 г. до н.э., благодаря которому италики, не ставшие римскими гражданами после окончания Союзнической войны, смогли добиться изменения своего статуса. Данная мера, наряду с проведением ценза 86/85 г. до н.э. и принятием «муниципального закона», привела к стабилизации и фактическому разрешению «италийского вопроса». Однако по иронии судьбы последствием упомянутых инициатив циннанского режима стал его окончательный крах в ходе нового раунда гражданской войны в 83 и 82 г. до н.э.

М.Н. Кириллова (Москва) в докладе «*Sulcus primigenius* и практика основания римских колоний (I в. до н.э. — I в. н.э.)» обратилась к обрядовым практикам, сопровождавшим основание колонии. Одной из наиболее известных таких практик является *sulcus primigenius* — ритуальное обозначение территории поселения, опахиваемой упряжкой из быка и коровы. Землемерные трактаты эпохи Империи ничего не упоминают об этой практике, тем более интересны сохранившиеся у Цицерона указания на живучесть этой традиции в I в. до н.э. С точки зрения автора доклада, политическая нестабильность последнего века римской Республики выдвинула на первый план землемерные и правовые меры обозначения и охраны земельных участков, однако религиозные обряды, связанные с землепользованием, полностью не исчезли из землемерной практики.

И.А. Гвоздева (Москва) выступила с докладом «Агенний Урбик — комментатор Юлия Фронтин». Фронтин, основатель римской агрименсуры, заложил основные направления изучения землеустройства и земельного права Древнего Рима. Комментатор его текстов Агенний Урбик (IV в. н.э.) сосредоточил внимание в основном на правовом положении земель в римском кадастре. Сложности правового положения разных категорий земель он раскрывает, разбирая контрверсии *de loco* и *de modo*. Передавая все основные положения *agri divisi*, он останавливается и на *arsifinius*, подчеркивая значение такого типа земель, как *inculta*, не подвергавшихся межеванию и служивих для предоставления угодий новопоселенцам. Урбик заново просматривает споры о древних посессионах, основанных еще на *fides*, и разбирает нюансы соседских отношений, зависящих от точности соблюдения рекомендаций землемеров, разясняя статус каждой контрверсии. Этот текст демонстрирует, как в IV в. происходит сущностное сближение контрверсий *de loco* и *de modo*. По мнению докладчицы, Агенний Урбик подводит итог эволюции агрименсуры и земельного права Древнего Рима.

Доклад *Л.Л. Селивановой* (Москва) «Читая образы на монетах (животный мир древней Кирены)» был посвящен анализу киренских монет доримского времени с изображением животных. Первые монеты с изображением животных появились в Греции на острове Эгина в VII в. до н.э., на их аверсе изображалась черепаха. В докладе было показано, что, помимо представления о богатой киренской фауне, монеты способны рассказать об экологии, эволюции культов и о политической истории этого региона. В доримский период образы животных на монетах Кирены эффективно служили эмблематическим дополнением к государственному символу города. Они исчезли с монет во времена Римской империи, сменившись портретами императоров, ликами богов и мифологизированными символами власти.

Доклад *С.В. Смирнова* (Москва) «А есть ли корреляция? Об одной гипотезе П. Иоссифа» был посвящен анализу гипотезы одного из ведущих специалистов в античной нумизматике П. Иоссифа о прямой корреляции между оригинальными объемами выпуска бронзовой монеты в государстве Селевкидов и тем количеством материала, которым располагает современный исследователь. База данных селевкидских монет, созданная в ходе работы над каталогом монет государства Селевкидов из музейных собраний РФ, позволила проверить и подтвердить основные выводы П. Иоссифа на новом, ранее неопубликованном материале. Вместе с тем результаты количественного исследования материала (разведывательный анализ данных — Exploratory Data Analysis (EDA)) позволяют выделить три компонента «естественной» выборки материала, условно обозначенные как «археологический», «музейный» и «коллекционерский».

Е.В. Ляпустина (Москва) сделала доклад «Не всегда *opus magnum* приносит славу мирскую: «Римская история» Т. Моммзена и *SEHRE* М.И. Ростовцева». Указанные труды Т. Моммзена и М.И. Ростовцева объединяет не только слава, которую они принесли своим авторам. Эти работы были написаны в похожих обстоятельствах, когда их авторы были оторваны от своей привычной научной и преподавательской деятельности, на основе лекций, обе они были реакцией на текущую политическую ситуацию: «Римская история» Моммзена — на революцию 1848 г., «Общество и хозяйство Римской империи» М.И. Ростовцева — на революцию в Российской

империи. На этих примерах Е. В. Ляпустина продемонстрировала, что самый известный труд историка совершенно не обязательно представляет собой результат глубокого и профессионального исследования темы: такие работы, как правило, оказываются востребованы специалистами. Широкою же публику привлекают труды, выходящие за рамки узких научных тем; как правило, это такие работы, которые, помимо профессионального совершенства, содержат некую идею, представляющую собой реакцию на современные их авторам события.

* * *

Работа зимнего круглого стола (12–13 декабря 2022 г.), посвященного презентации промежуточных итогов работы Отдела сравнительного изучения древних цивилизаций ИВИ РАН над плановой темой «Цивилизации древнего Ближнего Востока и античности: историческая динамика общего и особенного», проходила в смешанном формате. Особенностью круглого стола в 2022 г. стало включение в его рамки заседания нумизматического семинара, организованного в отдельную секцию.

Утреннее заседание 12 декабря (председатель — Е. И. Соломатина) открылось докладом *И. Е. Сурикова* (Москва) «Ранний историк Ксанф Лидийский: некоторые проблемы биографии и творчества». Доклад был посвящен видному представителю раннего греческого историописания Ксанфу Лидийскому, жизнь и наследие которого изучались недостаточно, из-за чего с этим именем связано немало нерешенных проблем. В частности, существуют разные мнения относительно времени его жизни и поэтому неясно, он ли оказал влияние на Геродота или наоборот. В докладе были рассмотрены черты сходства между сочинениями двух вышеупомянутых историков и приведены аргументы в пользу того, что Ксанф был старшим современником Геродота и, соответственно, влияние исходило с его стороны.

В докладе *И. А. Ладынина* (Москва) «Греко-египетские синхронизмы Манефона как оформление переломных моментов истории Египта: казус рубежа XVII и XVIII династий» был предпринят анализ синхронизмов между событиями египетской и греческой истории в сведениях второго тома труда Манефона. Показано, что синхронизм между потопом Девкалиона и царствованием Мисфрагмутосиса (исторического Яхмоса I) стоит в одном ряду с синхронизмами между царствованием в Египте Сетоса-Рамессеса (исторического Сети I), сюжетно соответствующего, по-видимому, Хоремхебу и признаваемой греческой мифологией миграцией Хармаиса, или Даная, в Аргос, а также между царствованием Туориса (исторической царицы Таусерт) и взятием Трои. Каждый из этих синхронизмов приходится на этап рубежа между египетскими династиями, при этом «египетская часть» представляет собой надежно опознаваемые реминисценции о событиях египетского прошлого, во времена Манефона (III в. до н.э.) уже очень далекого. Докладчик пришел к выводу, что эта система синхронизмов должна была демонстрировать то, что на этапе ранней легендарной истории Греции в Египте государственность уже существовала и переживала эпоху своего высокого развития.

А. А. Немировский (Москва) выступил с докладом «Входил ли в “Египетскую историю” Манефона царский список?» Как известно, труд Манефона представлен, с одной стороны, обширными нарративными фрагментами, которые дошли в цитировании и пересказе Иосифа Флавия, а с другой — перечнем династий и царей со сроками правления, нумерацией и определениями династий (Фиванцы, Эфиопы и т.д.) и некоторыми краткими примечаниями, и этот перечень предстает как изложение сведений Манефона у Евсевия, Африкана и Латинского Варвара. Считается, что труд Манефона представлял собой нарратив, подобный обычному греческому историческому труду, а перечень династий и царей составили по этому нарративу эпиноматоры Манефона. Однако, учитывая, что в египетской традиции представления о прошлом структурировались царскими списками, существовавшими, как и в Месопотамии, как самостоятельный жанр, допустимо предположить существование у Манефона аналогичного царского списка. В докладе были приведены многочисленные аргументы в пользу этой точки зрения, в частности, подтверждающей параллелью к этому является построение последовательного нарратива обо всей истории Египта у информантов Геродота и источников Диодора.

В докладе *Л. С. Байон* (Москва) «Диалектное членение хетто-лувийского ареала и этноязыковые контакты» была проанализирована правомерность наблюдаемой в последние годы тенденции пересмотра исторических отношений между хетто-лувийскими языками и выделения так называемых «лувических языков» (лувийская группа, а также лидийский и карийский, II—I тыс. до н.э.), что не только нарушает картину их генеза, но и не подтверждается

лингвистическим материалом. Наряду с аргументами сравнительно-исторического характера, которые препятствуют объединению перечисленных языков в одну диалектную группу, нельзя игнорировать и грамматические изоглоссы, которые однозначно свидетельствуют о том, что речь не может идти о делении древнеанатолийского ареала на хетто-палайскую и «лувийскую» диалектные зоны. Одна из таких изоглосс выявлена в глагольных системах хетто-лувийских языков и связана с редулицированными глагольными формами. Отсутствие временной (морфологической) редуликации в северных, центральных и восточных регионах говорит о том, что она развивалась не в общеанатолийском, но лишь в части лувийских диалектов, расположенных на юго-западе анатолийского ареала. Образование данной изоглоссы, объединяющей часть лувийской диалектной области с древнегреческим языком, относится к достаточно раннему периоду, который предшествовал созданию клинописных лувийских памятников. Эта изоглосса является уникальной, поскольку она, с одной стороны, продолжает индоевропейские диалектные модели, с другой — свидетельствует о тесном этноязыковом (палайский и прагреческий элементы) взаимодействии на западе Малой Азии, которое могло привести к сохранению древней ареальной грамматической тенденции.

Е. И. Соломатиной (Москва) в докладе «Античная традиция и современные представления о заселении Лесбоса греками-эолийцами» были рассмотрены причины и время появления поселений греков-эолийцев на Лесбосе. С одной стороны, мы знакомы с представлениями древних авторов о миграциях из материковой Греции как основной причине возникновения поселений на новом месте. Эти миграции нашли отражение в двух версиях античной традиции. Первая версия связана с мифом о первопоселении Макаре, которого античная традиция пыталась встроить в общеэллинскую генеалогию, связав его узами родства с Эолом; вторая — с легендами об эолийской миграции Темных веков. С другой стороны, мы имеем предположения современных исследователей, отрицающих ранние миграции как причину основания поселений и выступающих за идею постепенной инфильтрации в начале архаической эпохи, что подтверждается данными археологии и лингвистики.

О. Л. Габелко (Москва) выступил с докладом «К интерпретации Dion. Byz. 32: забытый эпизод великой греческой колонизации?» В произведении Дионисия Византийского «Плавание по Боспору» говорится о существовании на северном берегу залива Рог гробницы некоего мегарского героя Гиппосфена; реальность данного топографического объекта позволяет считать этого персонажа историческим лицом. О мегарянине Гиппосфене другие источники ничего не сообщают, однако хорошо известен одноименный спартанский атлет, которому в Спарте был посвящен храм, где он, согласно некоему прорицанию, почитался наравне с Посейдоном. Наличие святилища Посейдона с оракулом на южном берегу Рога вкупе с сообщением Константина Порфирогенита об участии в основании Византии наряду с мегарцами и беотийцами также лакедемоняне позволяет предположить реконструировать в конце VII — начале VI в. до н.э. эпизод, связанный с выведением дополнительного контингента колонистов в Византию, к которому оказался причастен спартанец Гиппосфен. Он погиб в ходе этих событий, покрыв свое имя бесмертной славой, за что удостоился экстраординарных почестей и у себя на родине, и в Византии.

Доклад *С. Ю. Сапрыкина* (Москва) «К дискуссии о так называемом граффито Фанагора» был посвящен новому прочтению граффито на стенке хиосской амфоры из раскопок Фанагории, в котором, по предположению некоторых исследователей, читается имя Фанагора — ойкиста колонистов из Теоса, основавших Фанагорию. Автор доклада приводит все высказанные ранее точки зрения относительно чтения этой надписи, включая и его собственную, критически встреченную оппонентами. Учитывая все замечания и предложения, выдвигавшиеся в ходе дискуссии, докладчик заново обратился к тексту надписи, в котором, по новому прочтению, не фигурируют ни ойкист Фанагор, ни имена божеств. Согласно новой предложенной интерпретации, граффито является торговой запиской, связанной с продажей рыбы в Фанагории или ее одноименном импорте (или, быть может, проданной или переданной для продажи некоему Фанагору), причем указан и сорт рыбы — кериды, известная своими вкусовыми качествами и ценимая древними эллинами.

Л. Г. Елисеева (Москва) в докладе «Варвары в почетных декретах милетских колоний» обратилась к анализу государственных надписей милетских колоний на Черном море доримского времени. Формулы, содержащиеся в подобных надписях, — это своеобразные вехи, отмечающие путь принятия государственного решения. Составители текстов почетных декретов с помощью этих формул старались передать как можно больше деталей, связанных как с приня-

тием декрета, так и с обстоятельствами предыдущих благодеяний почтенного. В частности, он мог оказать городу помощь во взаимоотношениях с негреческим населением. Область, в которой наиболее чувствуется противопоставление между греками и варварами — политическая; при этом главный принцип организации отношений между разными государствами в греческом мире — это двусторонние отношения, приведенные в более или менее формализованную структуру. С точки зрения докладчицы, авторы государственных надписей придерживались определенной модели при описании взаимоотношений с варварами, что не могло не проявиться в формулах почетных декретов.

Первым докладом вечернего заседания (председатель — Е.В. Ляпустина) стало сообщение Е.Н. Андреевой (Москва) «К вопросу о культе Зевса Бронтон в римской Фригии: одна необычная группа эпиграфических памятников». Автор доклада обратилась к анализу посвящений Зевсу, почитавшемуся под эпиклесой Бронтон в северной Фригии. Этот культ, помимо традиционных посвящений, оставил и свидетельства почитания божества совместно с душами усопших родственников: надписи, нанесенные на предметы, посвященные «по обету», упоминают в качестве адресата не только самого Зевса, но и умерших. Больше ни одно из десятков известных фригийских божеств римского времени не получало такого рода посвящений. Анализ эпиграфических формул позволил выделить два основных подтипа в этой группе надписей и показал, что памятники одного типа могли быть использованы непосредственно как надгробия, а в других преобладала votивная функция и упоминания в нанесенных на них надписях имен умерших родственников могут расцениваться как дань памяти усопшим «по ассоциации» с Зевсом Брентоном.

М.Н. Кириллова (Москва) в докладе «*Disciplina etrusca* и формирование римского ортогонального межевания» обратилась к анализу землемерной традиции о появлении наиболее распространенной римской системы ортогонального межевания — лимитации. По сведениям авторов землемерных трактатов, происхождение лимитации тесно связано с «дисциплиной», древним религиозным учением этрусков. Как ни странно, до сих пор исследователи не обращались к уже известным примерам этрусского межевания, чтобы уточнить существование преемственности между ними и более поздними римскими практиками. Анализ археологических данных этрусского поселения в Мардзаботто приводит к мысли, что планировка этрусских городов действительно имела обусловленные религиозными ритуалами особенности, которые впоследствии могли быть заимствованы римлянами.

А.В. Короленков (Москва) в докладе «Изгнание Метелла Нумидийского и римский нобилитет» рассмотрел позицию нобилей во время изгнания Метелла Нумидийского и попытки вернуть его. Автор пришел к выводу о сомнительности распространенного мнения о том, будто в большинстве своем нобилитет сочувствовал Метеллу.

Доклад А.М. Сморгкова (Москва) «Личность и общество в восприятии Валерия Максима» был посвящен выбору Валерием Максимом сюжетов с точки зрения трех элементов «смешанной конституции». Отмечено, что в сочинении Валерия Максима явно преобладают сенат и выдающиеся личности, что вполне отвечает современной ему ситуации, где первую роль играли императоры и их сподвижники, но и сенат продолжал сохранять важное значение. Напротив, народное собрание, являвшееся политическим воплощением полиса, совершенно не интересует Валерия как политический институт. Несмотря на свой монархизм, республиканское прошлое Валерий оценивает преимущественно с просенатских позиций. Впрочем, за счет смещения акцентов при изложении в сторону морализаторства даже республиканские примеры вполне гармонично вписывались им в новые общественно-политические условия.

Е.В. Ляпустина (Москва) выступила с докладом «*Corpus inscriptionum Latinarum* и тшеславный трактиршик из Эфеса», в котором обратилась к эстампажу латинской погребальной надписи (CIL III 13680) из Эфеса, хранящемуся в СПбФ АРАН (Ф. 127. Оп. 3. Д. 6. Л. 1). В докладе была сформулирована гипотеза, согласно которой С.Д. Карпузас — хозяин трактира, во дворе которого находилась сама надпись, — имел отношение к изготовлению эстампажей с нее, быть может, распространяя их в качестве сувениров.

В докладе А.Д. Пантелева (Санкт-Петербург) «“Ради богатств своих и попечений отречутся от Господа”: социальные конфликты в христианских общинах во II–III вв.» была рассмотрена проблема богатства и бедности и их соотношения с добродетелью в раннем христианстве. В Новом Завете богатство трактуется как опасность для души, но там же встречаются указания на присутствие в общинах богатых христиан и на практики, связанные с благотворительностью. Сосуществование бедных и богатых верующих приводило к конфликтам и взаимным

обвинениям; в рамках доклада были рассмотрены свидетельства о подобных трениях, сохраненные в «Пастыре» Ерма, в сочинениях Климента Александрийского «Педагог» и «Строматы» и в трактатах Тертуллиана. Кроме церковного христианства, были проанализированы и альтернативные течения (ереси).

Доклад *В.Ю. Шелестина* (Москва) «Советско-турецкая экспедиция в Кюльтепе» был основан на неопубликованных документах из АРАН и архива ИИМК РАН, содержащих информацию о подготовке в 1934 г. совместной советско-турецкой археологической экспедиции в Кюльтепе. Проект экспедиции был рассмотрен в контексте археологических исследований этой эпохи и стремления отечественных ученых получать древневосточные материалы из первых рук. Автор доклада проанализировал обстоятельства, из-за которых экспедиция не состоялась.

Заседание завершилось докладом *С.Г. Картюка* (Москва) «Константин Константинович Зельин: биография и научные труды». В нем были реконструированы основные вехи биографии, а также научные труды выдающегося советского антиковеда. Особое внимание было уделено деятельности ученого в секторе древней истории Института истории АН СССР в 1950–1960-е годы, а также его работе в редколлегии и на посту заместителя главного редактора журнала «Вестник древней истории». Было показано также влияние К.К. Зельина на молодое поколение советских антиковедов.

13 декабря в рамках симпозиума по плановой теме Отдела сравнительного изучения древних цивилизаций ИВИ РАН состоялось пятнадцатое заседание Нумизматического семинара ИВИ РАН. Заседание было проведено в формате специальной тематической секции, главной темой которой стали презентация и анализ новых кладов античных монет. С докладами выступили ведущие отечественные специалисты по античной нумизматике: *С.А. Коваленко* (Москва) «Бронзовая чеканка в античности: к проблеме появления и назначения», *М.Г. Абрамзон* (Магнитогорск/Москва) «Клад тетрадрахм митридатского времени из Херсонеса», *А.М. Бутягин* (Санкт-Петербург) «Клад статеров александровского типа из Мирмекия», *Е.В. Захаров* (Москва) «Клад боспорских монет III в. до н.э. с хоры Патрея» и *С.В. Смирнов* (Москва) «Клад селевкидских монет из Южного Дагестана». В докладах были представлены новейшие неопубликованные нумизматические материалы, в том числе обнаруженные в ходе археологических раскопок последних лет, что позволило познакомить широкую исследовательскую аудиторию с предварительными исследованиями этого ценнейшего исторического материала.

Evgeniia N. Andreeva,

Institute of World History
of the Russian Academy of Sciences;
Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration,
Moscow, Russia
E-mail: aenik@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0728-4109

Maria N. Kirillova,

E-mail: marikirillowa@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9029-5727

Elena I. Solomatina,

Institute of World History
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
E-mail: solomatina_elena@yahoo.com
ORCID: 0000-0001-6671-0257

Е.Н. Андреева,

научный сотрудник ИВИ РАН;
старший преподаватель РАНХиГС

М.Н. Кириллова,

научный сотрудник

Е.И. Соломатина,

научный сотрудник
Институт всеобщей истории
Российской академии наук,
Москва, Россия

DOI: 10.31857/S032103910029261-0

XIII ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «МИУССКИЕ АНТИЧНЫЕ ПОСИДЕЛКИ»

(Москва, 31 марта – 1 апреля 2023 г.)

В нынешнем году в Институте восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета в рамках ежегодных «Гуманитарных чтений» после длительного перерыва были проведены очередные «Миусские античные посиделки». Их тема на этот раз была обозначена так: «Эллинизм и иранизм. Круглый стол по обсуждению монографии Шарлотт Леруж-Коэн “*Souvenirs du passé perse à l’époque hellénistique: Arménie. Cappadoce. Commagène. Perside. Pont. Royaume arsacide*”¹. Всесторонний анализ этой только что опубликованной капитальной книги французской исследовательницы из Университета Нантер (Париж) лег в основу конференции, поскольку автор, неоднократно обращавшаяся к подобной тематике и ранее², предложила собственный оригинальный взгляд на многие проблемы этого круга, безусловно, заслуживающий подробного обсуждения.

Участникам конференции было предложено: обсудить те или иные подходы, концептуальные положения, трактовки некоторых фактов политической и культурной истории эллинистического мира в монографии Ш. Леруж-Коэн, вступая в случае необходимости в полемику с ними; на примерах конкретных сюжетов проанализировать особенности взаимодействия греко-македонских, иранских и иных «варварских» начал в истории эллинистических монархий Востока; выявить специфику римской политики на Востоке I в. до н.э. – II в. н.э. и обозначить проблему сохранения иранско-эллинистического наследия в восточных провинциях Римской империи.

В приветственной речи проректор РГГУ, заведующий кафедрой истории Древнего мира ИВКА П. П. *Шкаренков* (Москва) отметил значимость выбранной темы и перспективность подобных исследований, особенно в свете открытия в новом учебном году в ИВКА РГГУ программ бакалавриата по истории и культуре Древнего Ирана и магистратуры по антиковедению. Во вступительном слове «Эллинизм и иранизм: постановка проблемы и поиски ее решения» председатель оргкомитета конференции О. Л. *Табелко* (Москва) обрисовал современную историографическую ситуацию в сфере иранско-эллинистических исследований. В последние десятилетия за рубежом вышел целый ряд содержательных работ по этой и смежной тематикам³. Многие поднятые Ш. Леруж-Коэн проблемы как конкретного, так и концептуального характера чрезвычайно интересны, но пока что нет оснований рассчитывать на их окончательное разрешение. Остаются дискуссионными, например, имеющие принципиальную значимость вопросы о смысле понятия «эллинистический Восток», его географических пределах и хронологических рамках, о том, в какой мере можно считать эллинистическим государством парфянскую державу Аршакидов и так или иначе ассоциированные с ней мелкие государственные объединения Переднего Востока. Детальный анализ различных аспектов римской политики на Востоке позволяет подробнее рассмотреть пути интеграции иранско-эллинистических государ-

Работа выполнена при поддержке РНФ в рамках гранта № 22–28–0121 «История Каппадокийского царства (IV в. до н.э. – I в. н.э.). Политика, экономика, культура».

¹ Lerouge-Cohen 2022.

² Помимо многих ее статей, опубликованных в авторитетных периодических изданиях и содержательных коллективных монографиях, достаточно отметить монографию Lerouge-Cohen 2007.

³ Stronk 2017; Strootman, Verslyus 2017 (показательно, что в данной монографии содержатся статьи двух участников нынешних «Посиделок» — А. В. Махлаюка и Э. В. Рунга); Kaizer 2022.

ственных объединений в римскую державу и придать надлежащую четкость вопросу о «долгом эллинизме», оспорив практически общепринятую, но все более и более кажущуюся сугубо условной дату «окончания» эллинизма — 30 г. до н.э.

В соответствии с выбранной проблематикой были определены секции конференции, традиционно именуемые «сидениями»: «монархическо-ахеменидское», «“нормальное” иранско-эллинистическое», «римско-иранско-эллинистическое» и «искусствоведческо-историографическо-рецепционное». В работе приняли участие 16 исследователей из пяти городов России.

Первую секцию открыл доклад *А.А. Немировского* и *И.А. Ладынина* (Москва) «Замечания о титуле “царь царей” в переднеазиатской и египетской традиции». В нем было продемонстрировано, что в первые полтора тысячелетия существования гегемоний и крупных держав Ближнего Востока их главы не применяют титул «царь царей» и ему подобные, так как избегают именованья себя и своих вассалов, а также иноземных государей одним и тем же основным титулюющим термином, да еще внутри собственного титула. Однако по мере «привыкания» к существованию примерно равновеликих «царей» и «царств» этот титул начинает спорадически появляться: в Египте — с основания XVIII династии, в Месопотамии — сначала в позднестаровавилонской литературной традиции, а с конца XIII в. — у реальных ассирийских царей. Династии же «молодых» великих держав I тыс. до н.э. — Урарту, Мидии, Персии — и вовсе уже не испытывают в связи со словосочетанием «царь царей» никакой неловкости и делают его стандартным титулом.

И.Е. Суриков (Москва) в докладе «Быт и нравы иранской монархии глазами эллина, но изнутри: Ктесий Книдский» обратил внимание на уникальное место Ктесия среди античных авторов. Этот грек, много лет проживший в Персии и по возвращении на родину решивший ближе познакомиться соотечественников с державой Ахеменидов, в полной мере обладал, можно сказать, «инсайдерской информацией», находясь в высоком статусе лейб-медика. Как историк он пользовался уже в древности заслуженно низкой репутацией, с которой в целом согласны и современные исследователи. Однако ситуация меняется при переходе к тем частям его трактата «Персидские дела» (начиная с 18-й книги), где он выступает уже не в качестве собственно историка, а скорее как мемуарист, рассказывая о событиях, произошедших на его памяти, и о людях, которых знал лично. Среди них — Дарий II, Артаксеркс II, Кир Младший, а отдельно следует отметить Парисатиду, от которой Ктесий получил особенно много информации.

Доклад *В.П. Орлова* (Казань) «Шесть знатных персов и их потомки на эллинистическом Востоке» был посвящен анализу генеалогических сведений периода эллинизма, в которых упоминается кто-либо из шести сподвижников Дария I, свергших узурпатора Гаумату: Виндафарна (Интафрен), Утана (Отан), Гаубарува (Гобрий), Видарна (Гидарн), Багабухша (Мегабиз), Ардуманиш (который у Геродота заменен на другого сподвижника Дария I — Аспатина). Автор сделал вывод о том, что возводимые к этим аристократам родословные Митридатидов, Оронтидов и других эллинистических правителей на данный момент можно восстанавливать лишь гипотетически, так как относительно достоверные сведения о потомках заговорщиков относятся самое позднее к V в. до н.э. Свидетельства последующего времени практически не сохранились или носят непроверяемый характер.

В докладе *Э.В. Рунга* (Казань) и *О.Л. Габелко* (Москва) «Соправительство, регентство или выбор наследника? Ахеменидские истоки династической политики на эллинистическом Востоке» рассматривались вопросы преемственности власти. Одним из средств ее обеспечения был выбор наследника, который часто оказывался связан с соправительством и/или регентством. В истории Ахеменидской империи большинство случаев, когда правящий монарх назначал преемником своего сына и предоставлял ему царский титул, фиксируются в текстах античных авторов. Древневосточные свидетельства, кажется, предполагают, что наследник царским титулом не обладал, если только он не назначался непосредственно царем, как это было в случае с Камбизом при Кире Великом. В эпоху эллинизма интересные примеры воспроизведения ахеменидских династических практик зафиксированы у царских домов Понта и Каппадокии. В их истории встречаются привлечение наследника к государственному управлению (включая «настоящее» соправительство?) и регентство (в т.ч. осуществляемое царицами). Каппадокийские монархи порой прибегали к усыновлению будущего наследника, практиковали передачу власти преемнику при фактическом отречении от власти (престарелого?) действующего монарха, а также, согласно ахеменидской традиции, принимали официальные «тронные имена» при вступлении на престол.

В начале второй секции *И. Н. Коровчинский* (Москва) в докладе «Пожалование городов в державе Ахеменидов и эллинистическом мире» обратился к рассмотрению тезиса монографии Ш. Леруж-Коэн, согласно которому пожалование городов царями персов предполагало не управление, а лишь получение доходов. Однако анализ текстов античных авторов, писавших о пожалованиях в державе Ахеменидов (Фукидида, Ксенофонта), показывает, что лица, получившие такие дарения, независимо от их этнического происхождения, именно правили городами. Упоминание Диодором Сицилийским (XXXIII. 5. 1) фактической покупки у представителя селевкидской администрации финикийского города Марафа враждебными ему жителями Арада с целью истребления марафийцев также говорит о том, что в эллинистическом мире государство передавало не только доходы с городов, но и широчайшую власть над ними, включая фактически власть над жизнью и смертью их жителей.

С. В. Смирнов (Москва) представил доклад «Каппадокийские выпуски тетрадрахм Антиоха VII и нумизматический подход Ш. Леруж-Коэн». Он рассмотрел давно известную в науке проблему — серийный выпуск имитаций тетрадрахм селевкидского царя Антиоха VII каппадокийскими правителями, главной причиной которого стало практически полное отсутствие в чеканке Каппадокии того времени крупных серебряных номиналов. Более того, адаптация тетрадрахм Антиоха VII в качестве образца для имитаций была продиктована особенностями обращения монет данного типа, которые, судя по многочисленным монетнымкладам, были весьма распространены в Малой Азии, Сирии и Закавказье. Тем не менее монетный тип тетрадрахм Антиоха — «голова правителя/Афина, держащая Нику» — был также ключевым монетным типом каппадокийских драхм, что, возможно, подчеркивает иконографическую и идеологическую близость между данными монетными выпусками.

С. В. Обухов (Москва) в докладе «Коммагенские фрурархи по эпиграфическим данным» рассмотрел текст надписи, происходящей из святилища царского культа Антиоха I (69—34 гг. до н.э.) в Арсамее на реке Нимфей (приток Евфрата). Там упоминается фрурарх — начальник гарнизона царских войск, а также царские войска на хоре города. Должность фрурарха с военной властью, отделенной от гражданской, характерна для многих эллинистических государств: Македонии, Понта, державы Птолемеев, царства Селевкидов. Появление же его в коммагенской Арсамее-на-Нимфее, возможно, объясняется тем, что последняя основывалась как укрепленный пункт на границе с Каппадокией, с которой у Коммагены нередко складывались непростые отношения.

М. Ю. Суханов (Сыктывкар) посвятил свой доклад «Знать ахеменидского *Heartland'a* в эпоху перемен: политическая культура эллинистического Парса (IV—II вв. до н.э.)» рассмотрению взаимодействия правителей эллинистического Востока (прежде всего Селевкидов) с аристократическим сообществом Персиды в политико-идеологическом контексте. Автор полагает, что фратараки были представителями персидской знати, чье сохранившееся после свержения Ахеменидов влияние было институционально признано Селевкидами. Фратараки намеренно приняли сложный и не обладающий четкими властными коннотациями «поэтический» титул *prtrk' zy 'lhy' / br prs*, «Фратарака (милостью) богов, перс», за которым, однако, скрывались вполне явные политические и территориальные притязания. М. Ю. Суханов отрицает влияние эллинистической традиции на идеологию местных правителей Парса, в то же время подвергая сомнению и гипотезы о множественных коммеморативных и ретроспективных практиках фратараков в отношении ахеменидского прошлого.

Е. М. Берзон (Москва) в докладе «Храмовые комплексы Вавилонии под властью Аршакидов» поставила следующие вопросы: насколько изменилось положение древних храмовых общин под властью парфянских царей после подчинения Митридатом I Месопотамии в 141 г. до н.э.? Отличалась ли вавилонская политика Аршакидов от политики их селевкидских предшественников? Источники свидетельствуют, что в первые два десятилетия парфянского владычества в Южной Месопотамии регион, по сути, оказался предоставлен сам себе, а парфяне, очевидно, проявляли к нему куда меньше внимания, нежели их селевкидские предшественники. Не существует данных о том, что кто-либо из аршакидских царей принимал личное участие в вавилонских храмовых ритуалах, как и сведений о государственном финансировании строительно-реставрационных работ в вавилонских храмовых комплексах. Население Вавилонии подвергалось набегам извне, а порой и репрессивным мерам и со стороны самих Аршакидов. Все эти факторы, по-видимому, сыграли не последнюю роль в судьбе вавилонских храмовых общин, история которых на рубеже эр подходит к концу.

Доклад *Е. О. Стоянова* (Санкт-Петербург) «Гелиодот и бактрийская Гестия: к интерпретации посвяtitельной надписи Кулябского алтаря» был посвящен одному из значимых памятников греко-бактрийской эпиграфики — посвяtitельной надписи т.н. «Кулябского алтаря» (конец III в. до н.э.). Анализируя содержание надписи, автор рассматривает личность посвяtitеля, перенесение в Бактрию культа Гестии, а также особенности используемой в надписи титулатуры («величайший из царей» Эвтидем) в контексте греко-иранских этнополитических и культурных взаимодействий на «дальнем Востоке» эллинистического мира.

В следующей секции было представлено два доклада. *Г. Л. Криволапов* (Москва) в докладе «Смерть Ариобарзана III: случайность или результат политических интриг?» отметил, что авторы двух главных источников, описывающих события на римском Востоке во время гражданской войны между триумвирами и цезареубийцами 44–42 гг. до н.э., Аппиан и Дион Кассий, расходятся в том, при каких обстоятельствах погиб царь Каппадокии Ариобарзан III. В историографии вследствие этого было выдвинуто множество предположений о причинах произошедшего. Объединение сведений обоих источников и рассмотрение внутривполитической ситуации в самой Каппадокии позволили докладчику предположить, что смерть каппадокийского царя явилась следствием политических интриг, в которых могли принимать участие брат царя Ариарат (X), галатский тетрарх Дейотар, а также римские магистраты Брут и Кассий.

В докладе *А. В. Махлаюка* (Нижний Новгород) «Персидские (парфянские) цари и династы в “Римской истории” Кассия Диона» был дан комментарий к нескольким пассажам, где упоминаются представители иранских (парфянских, персидских) династий, представлены суждения о восточных противниках Рима и дается их оценка. Как и многие другие античные авторы, Дион нередко смешивает парфян и персов, делает в некоторых случаях отсылки к истории Ахеменидов и восточному походу Александра, в специальном экскурсе описывает военное искусство парфян, характеризуя их как злейших врагов римлян. Из всех иранских правителей развернутую характеристику Дион дает только Тиридату I, брату парфянского царя Вологеза I, прибывшему в 66 г. н.э. в Рим, чтобы получить от Нерона царскую диадему и утверждение на армянском престоле. Но это описание, включающее ряд восточных деталей, служит в большей степени характеристике римского императора, а не парфянского правителя. В целом же в своих упоминаниях иранского мира Дион следует топосам, распространенным в греко-римской литературе.

Искусствоведческая проблематика была рассмотрена на третьей секции. *М. С. Назарова* (Санкт-Петербург) представила доклад «Образы парфян в античных источниках и их интерпретация в искусстве от Древнего мира до Нового времени». Автор отметила, что римская литературная традиция и изобразительное искусство унаследовали от эллинов некоторые особенности восприятия восточных соседей (характеристика парфян как «варваров», наделение их обязательным «восточным вероломством» и проч.). В официальном изобразительном искусстве Древнего Рима также можно проследить определенное сходство трактовки «образов парфян» с эллинским опытом репрезентации персов (элементы костюма, трактовка военных сюжетов). В докладе были проанализированы созданные древнеримскими мастерами изображения парфян в сопоставлении с данными античных письменных источников и выявлена их роль в создании образа противников римлян в европейском изобразительном искусстве. Также были продемонстрированы некоторые собственно парфянские памятники: рельефы, росписи, нумизматический материал, терракоты.

Т. П. Кишбали (Москва) выступил с докладом «Рельеф с “произрастающим божеством” из Дюлюк Баба Тепеси и проблема иконографического консерватизма». Этот рельеф был найден в 2014 г. недалеко от Газиантепа, где в древности располагалось святилище Юпитера Долихена. В докладе были рассмотрены и расширены параллели и интерпретация, предложенные при анализе памятника немецким исследователем М. Блёмером. Докладчик также затронул тему «консервации» образов на территории Коммагены и римской Сирии, поставив вопрос, в какой мере мы можем говорить о продолжении и возобновлении традиций более ранних периодов. Им были рассмотрены и возможности изменений в культе и иконографии, появления новых мотивов, разработанных при этом в русле архаизирующих художественных тенденций региона.

Большая часть докладов сопровождалась презентациями содержательного иллюстративного материала, и все они без исключения вызвали оживленную дискуссию. По материалам конференции планируется публикация сборника статей в издательстве РГГУ.

Литература / References

- Kaizer, T. (ed.) 2022: *A Companion to the Hellenistic and Roman Near East*. Hoboken (NJ).
- Lerouge-Cohen, Ch. 2007: *L'image des Parthes dans le monde gréco-romain. Du début du Ier siècle av. J.-C. jusqu'à la fin du Haut-Empire romain*. Stuttgart.
- Lerouge-Cohen, Ch. 2022: *Souvenirs du passé perse à l'époque hellénistique: Arménie. Cappadoce. Com-magène. Perside. Pont. Royaume arsacide*. Bruxelles—Bern—Berlin—New York—Oxford—Wien.
- Silverman, J.M., Waerzeggers, C. (eds.) 2015: *Political Memory in and after the Persian Empire*. Atlanta.
- Stronk, J.P. 2017: *Semiramis' Legacy: The History of Persia According to Diodorus of Sicily*. Edinburgh.
- Strootman, R., Versluys, M.J. (eds.) 2017: *Persianism in Antiquity*. Stuttgart.

Oleg L. Gabelko,

Russian State University for the Humanities,

Moscow, Russia

E-mail: gabelko@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8321-9195

Acknowledgements: Russian Science Foundation,
project no. 22-28-0121

О.Л. Габелко,

д.и.н., профессор

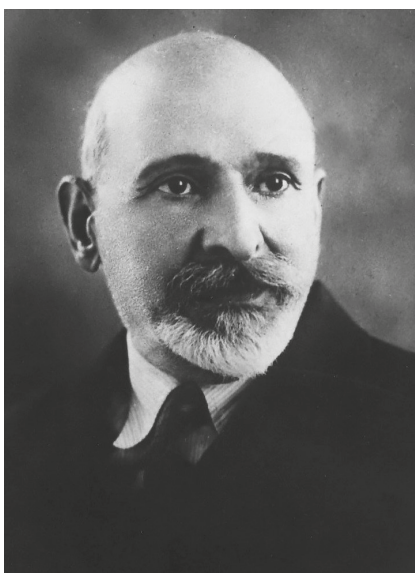
Российского государственного

гуманитарного университета,

Москва, Россия

DOI: 10.31857/S032103910029259-7

ЯКОВ АМАЗАСПОВИЧ МАНАНДЯН: К 150-ЛЕТИЮ ПАТРИАРХА АРМЯНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

22 ноября 2023 г. исполнилось 150 лет со дня рождения всемирно известного историка, источниковеда, филолога, доктора исторических наук, профессора, академика АН СССР (1939 г.) и Арм. ССР (1943 г.) Якова (Հովնր) Амазасповича Манандяна. Ученый родился в 1873 г. в городе Ахалцихе (Российская империя, в настоящее время Грузия), где и получил начальное образование. Затем учился в гимназии в г. Тифлисе, а в 1883–1893 гг. — в университетах Йены, Лейпцига и Страсбурга, получив звание доктора философии. В Лейпциге он защитил выпускную работу на тему «К вопросу авторства работы “История Кавказской Албании”». Официальными оппонентами были Б.Г.Г. Дельбрюк (1842–1922) и Г. Гельцер (1847–1906). Эта работа была представлена к публикации и вышла в свет в 1897 г.

В 1898 г. Я.А. Манандян экстерном окончил факультет восточных языков Санкт-Петербургского Императорского Университета, а в 1909 г. — юридический факультет Дерптского университета (ныне г. Тарту, Эстония). Затем он преподавал в Эчмиадзине (ныне г. Вагаршапат), Тифлисе, Баку, Ереване. Был одним из основоположников Ереванского государственного университета (декан исторического факультета и факультета востоковедения ЕГУ, а в 1921–1922 гг. — ректор ЕГУ и зав. кафедрой истории армянского народа). В 1925 г. ученому было присвоено звание профессора, в 1939 г. он был избран академиком АН СССР, а в 1943 г. — академиком АН Арм. ССР. Я.А. Манандян первым в ЕГУ стал читать лекции по

истории древней и средневековой Армении. Ученый является автором более 150 научных трудов на армянском, русском и немецком языках.

Главным трудом Я.А. Манандяна считается «Критический обзор по истории армянского народа» в трех томах¹, который был написан на третьем этапе его деятельности². Этот труд посвящен истории Армении с III тыс. до н.э. Историк поставил перед собой цель собрать сведения всех письменных источников (греческо-римских, византийских, арабийских и пр.) по истории Армении³. При этом автор лишь частично анализирует собранные сведения, хотя тексты приводит в работе целиком. Вероятно, именно поэтому книга названа «Критический обзор», а не «История армянского народа». Пробелы данного труда Я.А. Манандяна частично восполняет в книге «О некоторых спорных проблемах истории древней Армении»⁴. Кроме того, как бывает в таких объемных историях, поскольку ученый не считал себя специалистом по клинописным текстам, его задача в данном разделе всего труда сводилась к компиляции. Что касается письменных источников, то результатом стала практически исчерпывающая выборка. На текущий момент единственным открытием в этой области, сделанным после Я.А. Манандяна, является обнаружение академиком Г.Х. Саркисяном текста, упомянутого Порфирием (232/233–304/306) и Иеронимом (345/347–419/420) об основателе династии Арташесидов (198 г. до н.э. – 1 г. н.э.) Арташесе I, в котором говорится о том, что армянский царь во время Армяно-сирийской войны в 165 г. смог разбить Антиоха IV и вытеснить его из пределов своего государства в южную Месопотамию⁵.

На первом же этапе своей научной деятельности Я.А. Манандян занимался изучением армянской грекофильской школы, уделяя особое внимание исследованию творчества армянского философа VII в. Давида Непобедимого (Անախտ/Անհաղթ) в сопоставлении с творчеством позднеантичного философа VI в. Элия Александрийского⁶. Ученый рассматривает тексты литургического, патристического, мартирологического и агиографического содержания, а также церковные каноны и исторические тексты. Это работа стала продолжением изучения и издания перевода на армянский язык оригинальных древнегреческих текстов «Армянской мартирологической литературы» от Аристотеля до Нония Марцелла. Это совместное издание Я.А. Манандяна с языковедом, академиком Р.А. Ачаряном вышло в 1902 г. в Эчмиадзине (Валаршапате) в двух томах.

При анализе научной деятельности Я.А. Манандяна становится очевидным, что до преподавательской деятельности в ЕГУ он всецело занимался изучением философско-литературно-церковных текстов, а также историей армянской церкви, творчеством Евсевия Кесарийского. В 1921–1922 гг. ученый посвятил себя исследованию исключительно истории. Это стало вторым этапом его научной деятельности.

До Я.А. Манандяна практически никто не занимался изучением социально-экономического состояния древней и средневековой Армении. Его работа началась с исследования главных торговых путей древней Армении. Используя данные Певтингеровой таблицы (*Tabula Peutingeriana*), ученый обозначил главные торговые маршруты, которые способствовали экономиче-

¹ См. Манандян, Я.А. *Критический обзор по истории армянского народа*. Т. I. *От начала до установления Аршакидов в Армении (66 г.н.э.)*. Т. II. Ч. 1. *От установления Аршакидов до эпохи марзпанства (I–V вв.)*. Т. II. Ч. 2. *Армения от установления марзпанства до упадка царства Багратидов*. Т. III. *От XI до начала XV в.* Ереван, 1945–1960 (все на армянском языке).

² Научную деятельность Я.А. Манандяна можно условно разделить на три этапа, см. ниже.

³ Для сравнения см. Меликишвили, Г.А. *Урартские клинообразные надписи*. М., 1960; Арутюнян, Н.В. *Корпус урартских клинообразных надписей*. Ереван, 2001; Дьяконов, И.М. *Предыстория армянского народа. История армянского нагорья с 1500 по 500 г. до н.э.: хурриты, лувийцы, протоармяне*. Ереван, 1968; Капанцян, Гр.А. *Хайаса — колыбель армян*. Ереван, 1947 и др.

⁴ Названия глав этой книги уже говорят о многом: «О местонахождении древних стран армянского нагорья Уруатри и Наири», «Сообщения хеттских, ассирийских, уруатрийских и древнеармянских источников о Хайаса-Аззи» и др.

⁵ *Patrologiae cursus completus*. T. XXV. S. *Hieronymi*. T. V. Parisiis, 1845. coll. 667, 722: также Jacoby. *FGrHist*. II. 260. Fr. 56. См. также Еремян, С.Т. (ред.). *История армянского народа*. Т. I. *Армения в эпоху первобытнообщинного и рабовладельческого строя*. Ереван, 1971. С. 548.

⁶ Манандян, Я.А. *Грекофильская школа и этапы ее развития*. Вена, 1928. Впоследствии эту работу продолжала А.Н. Мурадян. См. Мурадян, А.Н. *Грекофильская школа и ее роль в создании армянской грамматической терминологии*. Ереван, 1971.

скому развитию страны: 1) Арташат—Багаван—Сатала; 2) Арташат—Тигранакерт; 3) Арташат—Себастополь; 4) Арташат—Хой—Паресака; 5) Двин—Партава⁷.

Естественным продолжением этой работы стал другой капитальный труд Я.А. Манандяна «О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. (V в. до н.э. — XV в. н.э.)», изданный в 1930 г. Автор рассмотрел социально-экономическую жизнь древней Армении через призму изучения главных путей, поскольку скудные и отрывистые (бессвязные) сведения источников (как античных, так и армянских, в первую очередь, историка Мовсеса Хоренаци), не позволяли и не позволяют по сей день дать полный и окончательный ответ на поставленные автором вопросы.

Совершенно иная картина выявляется в вопросе изучения средневекового периода истории Армении. Венцом исследования Я.А. Манандяном средневековья стал капитальный труд «Феодализм в Армении (эпоха Аршакидов и марзпанства)» (Ереван, 1934, на арм. яз.). Изобилие сведений позволило автору написать книгу о весах и мерах длины в Армении этого исторического периода (Ереван, 1930, на арм. яз.).

Начиная со второй половины 30-х годов прошлого столетия Я.А. Манандян сосредоточился на рассмотрении вопросов истории Армении и соседних государств. Так начался третий этап его творчества. В 1939 г. Я.А. Манандян вместе с литератором, академиком АН Арм. ССР М.Х. Абегианом (1865—1944) стал одним из организаторов празднования 1000-летия армянского эпоса «Давид Сасунский».

Я.А. Манандян прекрасно осознал политическую ситуацию, сложившуюся перед Второй мировой войной в Европе. Именно тогда он написал один из своих главных трудов «Тигран Второй и Рим. В новом освещении по первоисточникам» (на арм. яз.: Ереван, 1940, на рус. яз.: Ереван, 1943)⁸. В этой работе, равно как и в монографии «Краткий обзор истории древней Армении» (М.—Л., 1943) автор на примере истории армянского народа пытался доказать, что завоеватели приходят и уходят, однако народы и государства остаются. Период творчества Я.А. Манандяна с 1939 по 1940 г. можно назвать временем критики захватнической политики на примере Римской республики, частично, политики Гнея Помпея и Луция Лициния Лукулла и на примере завоеваний арабов. Историк пытался доказать, что все народы имеют право на существование, ради которого они должны бороться⁹. В этот период он написал свой главный труд «Критический обзор», упомянутый выше.

Спорными были и остаются две концепции Я.А. Манандяна, которые в настоящее время подвергаются критике. Первая концепция касается определения периода жизни и деятельности отца армянской историографии Мовсеса Хоренаци. В работе «Решение загадки Хоренаци» (Ереван, 1934) автор перенес армянского историографа из V в. в IX в. В дальнейшем многие исследователи, в первую очередь, знаток этого вопроса академик Г.Х. Саркисян, доказали, что Хоренаци жил и творил в V в.¹⁰ В то же время Я.А. Манандян считал, что автором «Древнеармянской географии («Ашхарһауцц», «Աշխարհացոյց»)), является именно Мовсес Хоренаци¹¹. Ученик Я.А. Манандяна академик С.Т. Еремян пришел к выводу, что автором этого памятника

⁷ См. Манандян, Я.А. *Труды*. Т. V. Ереван, 1984. С. 7—219; также Подосинов, А.В. *Восточная Европа в римской картографической традиции*. М., 2002. С. 361—365.

⁸ Несмотря на то, что вопросе изучения истории Понтийского царства, особенно эпохи Митридата VI, наука гигантскими шагами пошла вперед, и некоторые точки зрения Я.А. Манандяна устарели, однако работа сохранила свою актуальность. Для сравнения см. работы С.Ю. Сапрыкина. Сапрыкин, С.Ю. *Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье*. М., 1996; Город и царская власть в Понтийском государстве Митридатом. *Античный мир — Византия*. Харьков, 1997; Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии. *ВДИ*, 2003. № 1. С. 11—35; Источники по истории Понтийского царства. *Антология источников по истории, культуре и религии Древней Греции*. СПб., 2000; Новая Митридатовская катойкия на Боспоре. *ВДИ*, 2006. № 2. С. 79—96 и др.

⁹ См. Манандян, Я.А. Круговой путь Помпея в Закавказье (66—64 гг. до н.э.). *ВДИ*, 1939. № 4. С. 70—82; Маршруты понтийского похода Помпея и путь отступления Митридата в Колхиду. *ВДИ*, 1940. № 3—4. С. 89—100; *Народные восстания в Армении против арабского владычества*. Ереван, 1939.

¹⁰ См. Саркисян, Г.Х. (пер., ред.). *Мовсес Хоренаци. История Армении*. Ереван, 1990. С. VII—L.

¹¹ Манандян, Я.А. Когда и кем была составлена «Армянская география», приписываемая Моисею Хоренскому. *Византийский Временник*. Т. I (26). М., 1947. С. 127—143.

был только армянский натурфилософ VII в. Анания Ширакаци¹². Эти научные поиски позволили Э.Л. Даниеляну и другим прийти к выводу, что «Ашхарацуйц» был написан в V в. Мовсесом Хоренаци, а далее в VII в. дополнен Ананией Ширакаци¹³.

В жизни и деятельности Я.А. Манандяна есть сфера, которая до настоящего времени почти не затрагивалась — его публицистическая и общественно-политическая деятельность. Еще в начале XX в. историк в своих статьях, опубликованных в армянских газетах и журналах (Москва, Тбилиси и Валаршапат), критиковал Запад, утверждая, что в освободительной борьбе против турецкого ига армянам не следует ожидать помощи оттуда, при этом справедливо оговаривая, что надеяться надо только на Россию. Надо учитывать, что это говорил человек, получивший на Западе образование¹⁴.

Я.А. Манандян вместе с другими представителями интеллигенции Армении сразу после начала Великой отечественной войны выступил с призывами-статьями бороться против фашизма как в республиканских, так и во всесоюзных газетах («Правда», «Коммунист» и др.). Ученый призывал армян Армянской ССР и диаспоры сделать все возможное и невозможное для разгрома оккупантов¹⁵. Благодаря его призыву армяне от Америки до Египта, Эфиопии и стран Ближнего и Среднего Востока начали сбор пожертвований. На полученные средства были построены 50 танков для Советской Армии (танковая колонна «Давид Сасунский I» и танковая колонна «Давид Сасунский II», обе были названы именем героя армянского эпоса).

Я.А. Манандян был депутатом городского совета Еревана, где неоднократно выступал с пламенными речами. В 1935 г. ученому присвоили почетное звание заслуженного деятеля науки Армении. Также он был награжден медалью Трудового Красного знамени и другими почетными медалями.

Яков Амазаспович Манандян умер 4 февраля 1952 г. в Ереване. По желанию великого ученого его похоронили во дворе старого корпуса ЕГУ, однако в 2001 г. из-за строительства нового корпуса могилу перенесли в пантеон парка им. Комитаса, где захоронены многие выдающиеся деятели Армении. Бюст известного ученого выставлен в вестибюле главного корпуса ЕГУ.

Hakob Zh. Harutyunyan,

Yerevan State University,
Yerevan, Armenia

E-mail: hakobharutyunyan@ysu.am

ORCID: 0000-0003-3746-9657

А.Ж. Арутюнян,

д.и.н., проф. кафедры всемирной истории
Исторического факультета

Ереванского государственного университета,
Ереван, Армения

¹² Еремян, С.Т. *Армения по «Ашхарацуйц»-у (Армянской географии VII века) (опыт реконструкции армянской карты VII века на современной картографической основе)*. Ереван, 1963.

¹³ Даниелян, Э.Л. *Политическая история Армении и армянская апостольская церковь (VI–VII вв.)*. Ереван, 2000. С. 45. См. также Арутюнян, А.Ж. К вопросу определения авторства древнеармянской карты (или «Ашхарацуйц»-а). В.: *Сборник материалов I международной научно-практической конференции «Интеграция мировых научных процессов как основа общественного процесса (М-1). Общество науки и творчества»*. Казань, 2013. С. 1–5; Ориентация древнеармянской карты «Ашхарацуйц». *Восток (Oriens)*. М., 2013. № 3. С. 88–94.

¹⁴ Достаточно привести название одной из этих статей-передовиц: Манандян, Я.А. Обманчивая надежда европейского вмешательства. *Аршалуйс*, 1906. № 22 (31 января). С. 1. Только в 1906 г. он опубликовал 7 статей подобного содержания.

¹⁵ Всем армянам зарубежных стран. [Обращение к объединению всех сил для разгрома германского фашизма. Среди подписей: Я.А. Манандян]: *Правда*, 1941. № 227 (17 августа). С. 3. Главным сподвижником Я.А. Манандяна был патриарх армянской литературы А.С. Исаакян (1875–1957), 26 июня 1941 г. написавший стихотворение «Боевой клич». Он же 9 мая 1945 г. написал стихотворение «День великой Победы».

КУРТ АРНОЛЬД РААФЛАУБ (15.II.1941–12.IX.2023)

12 сентября 2023 г. в Провиденсе, штат Род-Айленд, США, на 83-м году жизни скончался крупный американский антиковед швейцарского происхождения Курт Раафлауб. Курт Арнольд Раафлауб родился в 1941 г. в Африке; его родители — Фриц Раафлауб и Хайди Нинк — служили миссионерами в Буза (Камерун). Курт переехал в Швейцарию в возрасте семи лет. Он получил степень доктора философии по классической филологии и античной истории в Базельском университете, его диссертация была вдохновлена работами немецкого историка Кристиана Майера и посвящена анализу мотивов и политической тактики в гражданской войне между Цезарем и Помпеем. После службы в швейцарских вооруженных силах Курт Раафлауб с 1972 г. стал работать в Свободном университете Западного Берлина. Именно там он написал свое, пожалуй, самое известное исследование — «Открытие свободы» (*Die Entdeckung der Freiheit*. München, 1985), диссертацию для получения профессорского звания (хабилитацию).

В 1978 г. Курт Раафлауб был приглашен в Университет Брауна (штат Род-Айленд, США), в котором преподавал вплоть до своей отставки в 2009 г. Его научные интересы были очень широки: он оставил важные исследования по проблемам соотношения эпоса и истории, включая Гомера, по истории архаической Греции и по истории политической свободы в Греции и Риме, писал и об интеллектуальной истории в Греции и Риме, и о Юлии Цезаре.

Многие из российских коллег хорошо знали Курта Раафлауба лично. С 1992 по 2000 г. вместе с женой и коллегой Деборой Бёдекер Курт Раафлауб был содиректором Центра эллинских исследований (*The Center for Hellenic Studies*) при Гарвардском университете (Вашингтон, округ Колумбия). Основной программой этого Центра был набор по международному конкурсу десяти постдоков, которые в течение года могли работать над своим проектом в идеальных условиях Центра. В период директорства Курта и Дебби среди этих десяти почти всегда был

российский антиковед, в том числе и некоторые члены редсовета и редколлегии нашего журнала. Все они смогли оценить не только выдающуюся научную компетентность обоих директоров Центра, но и их дружелюбие, открытость и тактичность. Им удалось создать в Центре уникальную атмосферу всеобщей доброжелательности, почти семейные отношения между всеми его обитателями. Завязавшиеся тогда дружеские связи сохранялись десятилетиями, и эта особая атмосфера, наряду с возможностями круглосуточной работы в прекрасной библиотеке, навсегда остались в памяти тех, кому повезло быть среди членов Центра.

Память о Курте Раафлаубе, блестящем ученом, выдающемся организаторе науки, знатоке и поклоннике классической музыки, умном и глубоком собеседнике и просто замечательном человеке навсегда останется с нами. Для многих коллег Курт Раафлауб был олицетворением той самой *eleutheria*, о которой он писал в своих научных трудах.

*Редколлегия и редсовет «Вестника древней истории»,
российские друзья и коллеги*

ПРИЛОЖЕНИЕ

Vestnik drevney istorii
83/4 (2023), 975–1003
© The Author(s) 2023

Вестник древней истории
83/4 (2023), 975–1003
© Автор(ы) 2023

DOI: 10.31857/S032103910023182-3

RS 34.165 – ПИСЬМО О БИТВЕ ПРИ НИХРИИ

*(Вступительная статья, перевод с аккадского и комментарий
Б. Е. Александрова)*

RS 34.165, аккадоязычное письмо из архивов Угарита, представляет собой важный, во многом исключительный памятник переднеазиатской эпистолярной литературы XIII в. до н.э. Автор этого письма, ассирийский царь, рассказывает о неудачных попытках хеттского правителя Тудхалии IV заключить с ним мир и о последовавшем военном столкновении между ассирийской и хеттской армиями. Сражение разыгралось рядом с городом Нихрия в Верхней Месопотамии, и его можно считать единственной документально засвидетельствованной битвой за всю историю взаимоотношений двух держав, в которой сошлись армии под предводительством двух царей. Данных о других столкновениях немного, они носят весьма лаконичный, подчас отрывочный характер, и ни для одного из них нет указаний на личное участие монархов. Кажется, не будет преувеличением сказать, что RS 34.165 – это единственное письмо во всем ближневосточном корпусе XIII в. до н.э., в котором в значительных подробностях описывается сражение от лица одного из участников. Угаритскому письму можно подыскать старовавилонские или новоассирийские аналогии¹, однако среди текстов эпохи поздней бронзы оно явно стоит особняком.

Данные RS 34.165 обладают исключительной важностью для реконструкции хетто-ассирийских отношений XIII в. до н.э. Более того, синхронизм, устанавливаемый благодаря этому письму между правителями Хатти и Ассирии, вносит существенный вклад в воссоздание всей переднеазиатской хронологии этого столетия. Особую ценность представляют также сведения о дипломатии, посольском обычае и практике заключения межгосударственных договоров.

Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ в рамках реализации проекта 18-18-00503 в Институте языкознания РАН.

¹ Например, ARM XXVI/2 357 для старовавилонского времени.

В настоящей статье предлагается перевод и историко-филологический комментарий RS 34.165. Вместе с тем, ввиду ограничений, накладываемых жанром статьи, в ней невозможно подробно проанализировать историческое содержание документа и его связи с данными других источников. Это должно стать задачей самостоятельного исследования.

ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ И ИЗУЧЕНИЯ ПИСЬМА

В 1972 г. на территории Рас-Шамры сирийская армия вела инженерные работы. На следующий год археологи обнаружили в грунте, извлеченном в ходе этих работ, несколько десятков клинописных табличек. Среди них оказался и текст письма RS 34.165. После неудачных попыток реставрации некоторых документов сирийская сторона решила привлечь к их изучению французских исследователей, и осенью 1973 г., в разгар очередной военно-политической эскалации на Ближнем Востоке, в Сирию прибыл французский археолог Клод Шеффер, целью которого было осмотреть место находки, оценить состояние артефактов и договориться об их дальнейшем исследовании. В соответствии с достигнутыми договоренностями реставрационные работы было решено проводить в лаборатории Национального музея Дамаска. Сделанные там фотографии и муляжи табличек были направлены во Францию для подготовки издания. В 1978 г. вышла статья К. Шеффера, содержащая каталог и фотографии табличек, в том числе RS 34.165². Спустя четыре года С. Лакенбашер представила первое полноценное издание текста, для которого потребовалась колляция оригинала, пополнившего к тому времени собрание музея в Алеппо³. Колляция позволила идентифицировать в музее третий фрагмент, относящийся к табличке. Важные сведения о письме дали и исследования археологов: начавшиеся в 1986 г. систематические раскопки на месте находки RS 34.165 и других табличек помогли установить, что они относились к архиву Уртену, важного сановника при последнем царе Угарита Аммурапи⁴. В 1991 г. первое издание RS 34.165 было практически без изменений воспроизведено Лакенбашер в RSOu VII⁵. Новое издание, выполненное М. Дитрихом на основе новых колляций, увидело свет в 2003 г.⁶ Кроме трех изданий, было опубликовано несколько переводов этого важного письма на различные европейские языки⁷. Анализ исторического содержания документа также стал предметом нескольких публикаций. Основу для дискуссии заложила статья И. Зингера 1985 г., в которой он отождествил автора письма с ассирийским царем Тукульти-Нинуртой I (1233–1197)⁸, а описанное в тексте сражение интерпретировал как один из эпизодов похода этого правителя против стран Наири⁹. Кроме того, Зингер привлек значительное число хеттских источников. Предложенное им отождествление Нихрии с Наири было подвергнуто критике, однако общая рамка его концепции сохраняет свою

² Schaeffer-Forrer 1978.

³ Lackenbacher 1982.

⁴ Об открытии и истории изучения «Дома Уртену» см. Yon 1995; 2006, 87–88; об аккадских текстах из этого комплекса — Malbran-Labat 2008.

⁵ Lackenbacher 1991.

⁶ Dietrich 2003; 2004. Предлагаемая ниже транслитерация основана прежде всего на прорисовке М. Дитриха, а также на фотографиях в работах Schaeffer-Forrer 1978, 449–450, pl. XLV; Lackenbacher 1982, 146; 1991, 204, pl. XXIV.

⁷ Harrak 1987; d'Alfonso 2006; Schwemer 2006.

⁸ Даты правлений среднеассирийских царей приводятся в соответствии с короткой хронологией, обоснованной в Wilhelm, Boese 1979. О современных хронологических реконструкциях, предполагающих повышение основных датировок XIII в. до н.э. на 5–7 лет по сравнению со схемой Г. Вильгельма и Й. Бёзе, см. Bloch 2012; Jeffers 2017.

⁹ Singer 1985.

актуальность по сей день: многие исследователи относят описанные в RS 34.165 события ко времени Тукульти-Нинурты I.

ТЕКСТ

Дата и место обнаружения: 1973 г., Рас-Шамра/Угарит, «Дом Уртену»

Место хранения: музей Алеппо

Инвентарный номер: М 889

Размеры: 123 × 81 × 26 мм

Номер СТН: 114

Краткое содержание

Хеттский царь Тудхалия обвиняет правителя Ассирии в том, что тот подчинил себе хеттского вассала Эхли-шарри, и грозит начать войну. Ассирийский царь принимает вызов. Тогда Тудхалия направляет в распоряжение ассирийцев посла. Посол передает царю Ассирии письмо с угрозами, выслушав которые ассирийские воины побуждают своего государя выступить против врага. По прошествии трех дней посол вручает ассирийскому царю документы с мирными предложениями Тудхалии. Хеттский царь клянется, что находится в мире с Ассирией, и обещает выдавать ей беглецов. Завершающая часть мирного послания Тудхалии остается неясной из-за поврежденности таблички. Рассказ на оборотной стороне начинается с сообщения о том, что хеттские силы укрепились в городе Нихрия. Между тем Нихрия враждебна Ассирии, и ассирийский царь требует от хеттов покинуть город. Тудхалия заявляет ассирийскому послу, что по-прежнему находится в мире с Ассирией, однако затем отказывается подтвердить это новой клятвой. Ассирийские войска отходят от Нихрии и располагаются лагерем у города Шурра. Перебежчик из хеттского стана сообщает царю Ассирии, что, несмотря на все заверения в мире, Тудхалия наступает на ассирийцев. Ассирийский царь спешно выходит навстречу врагу и вместе со своим войском наносит хеттам поражение.

Транслитерация

Лиц. ст.

1. [um-ma-a^{1d}šul-ma-na-]sag lugal kur^{r^{d1}}[a-šur^{ki}]
2. [a-na¹ⁱ-bi-ra-]na lugal kur^{r^{u1}}[-ga-ri-i^{ki} q^l-bi-ma]
-]—————[
3. [a-na ia-ši a-na é-hi-]a-ia dam-meš-i[a dumu²-meš-ia dumu-munus²-meš-ia]
4. [a-na lú-gal²-meš-ia giš-gigir²-meš-i]a anše-kur-ra-meš-i[a x-ia]
5. [a-na mīm-mu²-ia da-an-ni-i]š da-an-ni-i[š šul-mu]
-]—————[
6. [a-na ka-a-ši] a²-hu-ú-a lu-ú šul^l[-mu a-na é-hi-a-ka]
7. [a-na dam-meš-k]a a-na dumu-meš-ka [dumu-munus-meš-ka]
8. [a-na anše-kur-ra²-m]eš-ka a-n[a giš-gigir²-meš-ka]
9. [a-na x-meš-ka erín²-me]š-ka ki-kal¹-bad-m[eš-ka]
10. [da-an-ni-iš da-an-ni-iš lu-]ú šul-m[u]
-]—————[
11. [a-na u[gu-h]i²-ia ta-a[l-tap-ra]
12. ú¹ [u-ud-hu-li-ia luga]l kur ha-^rat-ti an-ni-ta¹ [i]l-tap-ra
13. a-na ug[u-hi-ia² nak-ra-ta²] am-mi-ni-e¹eh-li-lugal-ri¹
14. en ma-^rmi-ti¹-ia ta-ak-šu-ud-ma ta-al-qè
15. um-ma-a^ral¹-kà lu-ú ni-in-da-ah-hi-iš ma-a la-a

16. *ki-am-ma a-na-ku al-li-ka-ak-ku a-na mi-it-hu-ši*

17. *ù a-na-¹ku¹ an-ni-ta al-tap-ra-aš-šu ma-a at-ta am-mi-¹ni-e¹*
 18. *ta-al-li-ka ma-a a-na-ku al-li-ka-ak-ku-um-mi*
 19. *ù a-na-ku i-na u₄-mi-šu erín-meš-ia ù giš-gigir-meš-ia*
 20. *ad-de-ek-ki a-na uru te-e-di i-na la-a ka-ša-di*
 21. *ù ¹tu-ud-hu-li-ia lugal kur ha-at-ta-iu-ú lú-dumu-kin-šu ¹ša-ni-a¹*
 22. *a-na ugu-hi-ia il-tap-ra 2 ¹up-pa^{meš}-ti ša nu-kúr-ti*
 23. *ù 1-et ¹up-pa ša šul-mi na-a-ši 2 ¹up-pa^{meš}-ti ša kúr-ti*
 24. *a-na pa-ni-ia uk-ta-al-li-im ki-i-me-e erín-meš-ia*
 25. *a-ma-te^{meš} ša nu-ku-ur-ti il-ta-na-am-mu-ú*
 26. *ša-ar-mu-ni il-li-ku-ni ù lú-dumu-kin-ru*
 27. *ša lugal kur ha-at-ti i-da-gal ki-i-me-e u₄-3-kam*
 28. *i-te-et-qu ù lú-dumu-kin-ru ša lugal kur ha-at-ti*
 29. *¹up-pa ša šu-ul-mi a-na pa-ni-ia uq-tar-ri-ib*
 30. *ù i-na ša-bi ¹up-pi-šu a-kán-na ša-¹tir um-¹ma¹-a šu-ú-ma*
 31. *ma-a ^diškur ù ^dutu ¹lu¹-ú i-du-ú ma-a šum-ma ¹a¹-na-ku*
 32. *it-ti lugal kur ^da-šur šeš-ia nák-ra-ku-mi ¹ù¹ l[a-a]*
 33. *sal-ma-ku-mi ma-a šum-ma lú-meš mu-na-na-bi-t[ù-tù]*
 34. *la-a ut-ta-ar-ra-šu-me ù erín-meš ša ¹a-na¹ [x] x[...]*
 35. *ša i-na pa-ni lugal kur ^da-šur in-na-bi-tù-ma [x x x x]*
 36. *ù i-na ša lugal kur ha-at-ti i-te-er-bu ma-a ¹la-a¹ a[-ša-bar]*
 37. *ù a-na lugal kur ^da-šur la-a ú-še-bal ^dutu l[u-ú i-de]*
 38. *ma-a am-mi-ni-e š[e]š-meš ni-e-nu ¹it²-ti¹ a[-ha²-meš]*
 39. *nák-ra-ni ma-a ur-mah ¹ù¹ [...]*
 40. *i+du-uk-ku ù ka₅¹-a :š[e-li-bu ...]*
 41. *iš-še-na-ah ma-a 1-en [...]*
 42. *ù a-na-ku a-kal um-ma-a[-na-ti ...]*
 43. *ni-e-nu ù ul-tu ha[- ...]*
 44. *pag-ru ša lugal kur zu-l[a-pa² ...]*
 45. *ù a-na-ku it-ti-ha-m[eš² ...]*

Об. ст.

1. *¹ki¹-i a-ma-ta an-ni-ta lugal kur ha-a[t-ti a-na ugu-hi-ia]*
 2. *iš-pu-ra-am-ma ù uru ni-ih-ri-i[a ú-dan-ni-in²]*
 3. *ù a-na-ku erín-meš-ia uq-tar-ri-ib [...]*
 4. *ù uru ni-ih-ri-ia i-la-ab-bi 1/¹ lú gal [...]*
 5. *ša lugal kur ha-at-ti a-du erín-meš-šu ša kur h[a-at-ti]*
 6. *i-na uru ni-ih-ri-ia a-ši-ib ù a-na-ku a[-ma-ta an-ni-ta²]*
 7. *a-na ugu-hi lugal kur ha-at-ti al-ta-pár ma-a uru ¹ni-ih-ri¹[-ia]*
 8. *it-ti-ia na-kir ma-a am-mi-ni-e erín-meš-ka*
 9. *i-na uru ni-ih-ri-ia aš-bu ma-a i-na ki-it-ti-ma it-t[i-ia²]*
 10. *sal-ma-ta ù la-a nák-ra-ta ma-a am-mi-ni-ma*
 11. *erín-meš-ka uru ni-ih-ri-ia ú-da-an-ni-nu ma-a uru ni-ih-r[i-ia]*
 12. *a-la-am-mi ma-a šup-ra erín-meš-ka ul-tu ša uru ni-ih-ri[-ia]*
 13. *lu-še-eš-šu-ú la-a i-ma-an-gur la-a iš-pur-ra*
 14. *ù a-na pa-ni lú-dumu-kin-ia qa-at-šu a-na pa-ni ^dutu it-t[a-ši]*
 15. *ma-a at-ta ^dutu lu-ú ti-i-de ma-a šum-ma a-na-ku*
 16. *ul-tu lugal kur ^da-šur a¹-ša¹-ad-di-ru-ni ki-i-me-e a-na-ku*
 17. *a-ma-te^{meš}-šu an-na-a-ti al-te-me ù ¹up-pa ša ma-mi-ti*
 18. *al-ta-¹ar ù ul-te-bi-la-aš-šu ma-a i-na ki-it-ti-ka*

19. *ṭup-pa an-na-a a-na pa-ni^dutu lu-pu-ut ú-ul i-ma-an-gur*
20. *[tu]p-pa a-na pa-ni^dutu a-na la-pa-ti ù a-na-ku i-na u₄-mi-šu-ma*
21. *[er]ín-meš-ia ul-tu uru ni-ih-ri-ia at-ta-ša-ah*
22. *i-na uru šur-ra bàd¹ erín-meš-ia al-ta-kán^{an}*
23. *1 me-at 20 a-ša be-ri a-na bàd¹ erín-meš ša lugal kur ha-at-ti*
24. *ir-te-ia-¹ah¹ ù 1-en lú mu-un-na<-bi>-tù ul-tu šà-bi*
25. *erín-meš¹ ša¹ lugal kur ha-at-ti it-ta-bi-tá a-na ugu-ia*
26. *ik-ta-¹al¹-da a-na pa-ni-ia an-ni-ta iq-bi ma-a lugal kur ha[-at-ti]*
27. *ša-di-ir ù il-la-kà ù ha-am-da-ti il-ta-nap-pa-¹ra-ma¹*
28. *ù lu-ú ti-i-de ma-a lu-ú pu-ut-qu-da-ta ki-i-me-e*
29. *a-na-ku a-ma-te^{meš} ša lú mu-un-na-bi-ti₄ al-te-me*
30. *a-na lú[-ni]mgir :na-gi-ri ša ki-kal×bad-meš-ia al-ta-si*
31. *ma-a s[a-ri-]ia-na-te-ku-nu hu-ta-al-¹li-pa¹ ù giš-gigir-meš-ku-nu*
32. *ru-u[k-b]a ma-a lugal kur¹ hat¹-ti ša-di-ir ù il-lak-kà*
33. *¹a-na-ku li¹-ta-na-a giš-gigir-ia aš-ša-me-ed ù at-te-ši*
34. *[ma-^a lugal kur ha-a]t-ti ša-di-ir ù il-lak-kà [ù[?] erín[?]]¹meš¹-ia*
35. *[ù[?] giš-gigir-]¹meš¹-ia¹ ul-tu šà¹-bi uš-ma[-an-na-a-t]i la-a*
36. *[it[?]-te[?]-šù[?] x-]x i-na pa[?]-n[i-i]a ù a-n[a-]k[u a-]na šà-bi*
37. *[erín-meš ša kur ha-at-t]i i-te-ru-¹ub¹ di-ik-ta ra-ba-a lu ad-du-uk*
38. *[lú gal ...] ¹a¹-du erín-meš-šu ul-tu pa-ni-ia*
39. *[ul-tu uru ni-ih-r]i-ia it-ta-bi-ku it-ta-at-lak-ku*
40. *[... er]ín-meš-šu it-ta-bi-ku i[t-t]a-at[-lak-ku]*
41. *[... ul-tu šà-b]i uš-m[a[?]-an[?]-na[?]-a[?]-ti ...]*

Нелокализованный фрагмент

- 1'. [...] ¹x x¹ [...]
- 2'. [...] ¹x¹ [(x)] ¹x¹ an ši [...]
- 3'. [...] ¹x¹ e-ta-pa-aš [...]
- 4'. [...] erín[?]-meš ša mi-na[?] [...]
- 5'. [...-]meš [...]

Перевод

Лиц. ст. (1–2) [Так (говорит) Шульману]ашаред (?), царь страны [Ашшур. Скажи Ибира]ну (?), царю страны У[гарит]. /¹⁰

(3–5) [Со мной,] с моими [дома]ми, мо[ими] женами, [моими сыновьями, моими дочерьми, моими великими,] мо[ими] колесницами, мо[ими] конями, [моим(и) ..., моим имуществом (всё) пол]ностью благополучно. /

(6–10) [С тобой], о мой брат, да будет (всё) благоп[олучно! С твоими домами, тв]оими женами, твоими сыновьями, [твоими дочерьми, твои]ми [коня]ми, [твоими колесница]ми, твоими [воинами, твоим] военным лагерем да бу[дет (всё) полностью] благополучно! /

(11–16) [...] ты мне напи[сал]. И [Тудхулия, царь] страны Хатти, написал мне следующее: «[Ты враждебен] ко м[не]. Почему ты одолел и взял моего клятвенника Эхлишарри? (Я говорю:) “Приди ко мне, сразимся! Если же нет, то я приду к тебе. На битву!”». /

(17–28) Я написал ему следующее: «Почему ты идешь на меня? Это я пойду на тебя!» В тот же самый день я созвал мое пешее и колесничное войско. Когда оно еще

¹⁰ Знак / указывает на горизонтальные разделительные линии на самой табличке. Там, где он отсутствует, деление на абзацы принадлежит нам.

не достигло города Теду, Тудхулия, хеттский царь, прислал ко мне другого своего посла. Он вез с собой две таблички вражды и одну табличку мира. Он показал мне две таблички вражды. Когда мои воины слушали враждебные слова, они в порыве подходили ко мне, и посол царя страны Хатти наблюдал (это).

(28—45) Когда прошло три дня, посол царя страны Хатти принес мне табличку мира, и в этой его табличке было написано так: «Пусть Адад и Шамаш знают! Я клянусь, что не враждебен царю страны Ашшур, моему брату, и нахожусь с ними в мире. Я клянусь, что буду возвращать ему беглецов, что буду хватать и передавать ему воинов, которые [...] в [...], которые бежали от царя страны Ашшур и вошли в страну Хатти [...]. Пусть Шамаш [знает!] Почему мы, братья, должны враждовать друг[у с другом]? Лев и [(другой) лев] убивают [друг друга], а лиса [...] смеется от души, говоря: “Один [...], а я съем”. Так [...] мы. И из [...] тело царя страну Зула[ба ...], и я вместе с [...]».

Об. ст. (1—6) Когда царь страны Хат[ти] написал мне такие слова, он [укрепил] город Нихри[я ...]. Я подвел мое войско [...], и Нихрия стонала, [...]. *Цити*, главный [над ...] царя страны Хатти, вместе с своими воинами из страны Х[атти] находился в Нихрии.

(6—13) И я написал царю страны Хатти [такие] слова: «Нихри[я] враждует со мной. Почему твои войска находятся в Нихрии? Ты действительно дружен и не враждуешь со мной? Почему твои войска укрепили Нихрию? Я собираюсь осадить Нихрию. Напиши, чтобы твои войска вывели из Нихрии!»

(13—20) Он не согласился и не написал. В присутствии моего посла он поднял свою руку перед Шамашем (со словами): «Ты, о Шамаш, знай! Я клянусь, что не отступлюсь от царя страны Ашшур!» Когда я услышал эти его слова, я написал и отослал ему таблицу клятвы (со словами): «Прикоснись к этой табличке перед Шамашем по твоему обычаю!» Он не согласился прикоснуться к табличке перед Шамашем.

(20—28) Тогда я отвел мои войска от Нихрии. В городе Шурра я расположил лагерь моего войска. Расстояние в сто двадцать двойных часов оставалось до лагеря царя страны Хатти, и один перебежчик сбежал из войска страны Хатти, добрался до меня и сказал мне следующее: «Царь страны Хатти выстроился в боевой порядок и идет на тебя, не переставая писать тебе уклончивые письма. Знай (это), будь осторожен!»

(28—41) Когда я услышал эти слова перебежчика, я закричал глашатаю моего лагеря: «Надевайте ваши доспехи, садитесь в ваши колесницы! Царь страны Хатти в боевом порядке идет сюда». Я победно запряг мою колесницу и выступил [(со словами): «Царь страны Хатти идет сюда в боевом порядке!» Мои [воины и колесницы (еще) не вышли] из лаг[еря], а [...] передо мной, и я сам вошел в самую гущу [войск страны Хатти]. Я поистине устроил великую резню. [*Цити*, главный над ...], вместе с его войском были выведены и стали отступать передо мной [из Нихр]ии. [...] вместе с] его [во]йском были выведены и с[тали] отступать [...] из лаг[ерей] ...

Фраг. (1'—2') [...] ... [...] (3') [...] я/он сделал [...] (4') [...] войско, которое [*не имеет*?] числа? [...] (5') [...] ... [...].

КОММЕНТАРИЙ

Лицевая сторона

(1—2) От имени автора послания, которым скорее всего был ассирийский царь, в первой сохранившейся строке остался только знак SAG¹¹. Он встречается в имени

¹¹ В. ван Зольдт допускает чтение этого знака как КА или даже последовательности -*ни-и* (van Soldt 1991a, 868).

только одного ассирийского правителя XIII в. до н.э. – Салманасара I (1263–1234). Соответственно, есть основания полагать, что именно он был отправителем письма¹². Однако было высказано и предположение об авторстве сына Салманасара Тукульти-Нинурты I (1233–1197)¹³. По мнению сторонников этой точки зрения, имя Салманасара является частью филиации Тукульти-Нинурты ([*dumu* ^{1d}*silim/šul-ma-ni-s*]*ag* = «сын Шульманушареда»¹⁴). Однако в корпусе дипломатической переписки позднебронзового века нет других случаев использования филиации в адресной части посланий, поэтому сама по себе, без дополнительного подтверждения другими свидетельствами, эта гипотеза представляется шаткой¹⁵. Также сторонниками атрибуции письма Тукульти-Нинурте I допускалось, что знак SAG мог быть частью эпитета к имени этого царя, например, *ur-sag* ‘герой’¹⁶.

Впрочем, ассирийское происхождение письма ставилось под сомнение¹⁷. Так, А. Хагенбухнер предполагала, что автором был не царь Ассирии, а какой-то его вассал¹⁸.

Что касается адресата, от имени которого на табличке сохранился лишь конечный слог *-na*, то большинство исследователей склоняется к тому, что им был угаритский царь Ибирану VI¹⁹. Слог *-na* содержится в конце имени только этого правителя Угарита XIII в. до н.э. С. Лакенбашер также принимала во внимание гипотезу о правителе страны Амурру Бентешине, однако не считала ее вероятной²⁰. Слова с основой на *-ān*, к которым относится угаритское имя Ибирану, в аккадских текстах из Угарита

¹² Такая атрибуция письма в Lackenbacher 1982 (но допускается и авторство Тукульти-Нинурты I); Harrak 1987, 140–142, 185–186; 1998, 248; Liverani 1990, 169–171; Zaccagnini 1990, 41–42; Orlamünde 2001, 517; Dietrich 2003; Nemirovsky 2003, 7–14; 2008, 5–7; Nemirovsky, Alexandrov 2007, 62–65, 118–123; Mora, Giorgieri 2004, 61–62; Freu, Mazoyer 2009, 185–187; ср. также Weeden 2022, 596, где авторство Салманасара оценивается как более вероятное.

¹³ Допускается в Lackenbacher 1982, 155; подробная историческая реконструкция на основе этого допущения в Singer 1985, которому в целом следуют Klengel 1999, 281; Lackenbacher 2002, 180, n. 594; Vita 2002, 121; Bryce 2003, 29, 44; 2005, 316–317; Freu 2003, 106–107; 2006, 131; 2007; Jakob 2003, 67; Schwemer 2006; Cancik-Kirschbaum 2008, 209, n. 10; Fales 2011, 26; Yamada 2011, 202–203; de Martino 2016, 98; Reculeau 2022, 760. В ряде публикаций исследователи отказывались от определенного выбора между Салманасаром и Тукульти-Нинуртой, см. Giorgieri 2011, 181, 186; Llop-Radau 2015, 249, n. 25 и Thames 2023, 47, n. 60 со ссылками на литературу.

¹⁴ Правильным чтением первого компонента этого имени, по мнению К. Раднер, должно было быть *Салману-* (Radner 1998, 34–35). Для гипотезы об имени Салманасара как филиации важно учитывать, что в текстах Салманасара I компонент *ašarēdu* пишется всегда знаком SAG, а в надписях Тукульти-Нинурты I – как знаком SAG, так и знаком BAR, при этом второй вариант написания, с BAR, численно преобладает. См. Lackenbacher 1982, 154, n. 59.

¹⁵ Ср. Harrak 1987, 185; Dietrich 2003, 118; Nemirovsky 2003, 7–8, n. 15.

¹⁶ Singer 1999, 689, n. 287; Nemirovsky 2003, 7, n. 15.

¹⁷ В новой литературе ср., например, Stipich 2014, 341.

¹⁸ Хагенбухнер 1989, 165, n. 31. В частности, Хагенбухнер считает необычным, что отправитель называет себя не великим царем, а просто царем. Как и другие исследователи, она отмечает отсутствие параллелей из других дипломатических писем к использованию филиации в RS34.165. Возможно, филиация была допустима в посланиях по случаю восшествия на престол, однако, пишет Хагенбухнер, И. Зингер датирует RS 34.165 вторым, а не первым годом Тукульти-Нинурты I. Также в известном корпусе межгосударственной переписки позднебронзового века отсутствуют примеры обращений великого царя к вассалам другого великого царя (единственное исключение – КВо 1.24+, письмо Рамсеса II правителю страны Мира на западе Малой Азии). Наконец, по мнению Хагенбухнер, при допущении авторства ассирийского царя в тексте письма возникают смысловые противоречия. Сначала хеттский царь заверяет, что не хочет войны с царем Ассирии, а потом нападает на него. Это противоречие исчезнет, если развести фигуры царя Ассирии и отправителя письма. Последним, с точки зрения Хагенбухнер, мог быть какой-то ассирийский вассал царского статуса. В новейшей литературе авторство кого-то из ближайшего окружения ассирийского царя допускала Э. Канчик-Кишбаум (см. выше примеч. 13).

¹⁹ Singer 1985; Dietrich 2003.

²⁰ Lackenbacher 1982, 149, n. 35.

часто склоняются диптотно, с окончаниями *-u* (им. п.) и *-a* (род. и вин. п.)²¹. Таким образом, реконструируемая форма [*a-na 'i-bi-ra-]na* вполне корректна²².

Что касается мотивов, которые могли побудить ассирийского царя написать в Угарит, то, по мнению Лакенбашер, в условиях экономической блокады, организованной хеттами, Ассирия нуждалась в выходе к морю и Угарит мог предоставить его, особенно в условиях ослабления Хеттского царства²³.

Сомнения в правильности отождествления адресата письма с Ибирану VI связаны с традиционно низкими датировками его правления, ок. 1235–1225 или 1230–1220/10 гг. до н.э., с трудом допускающими его хронологическое пересечение с Салманасаром I (1263–1234), а также с фактом принадлежности письма к архиву Уртену, чиновника, бывшего современником последнего царя Угарита Аммурапи. Поскольку большинство остальных документов этого архива датируется временем самого Уртену, т.е., вероятно, концом XIII – началом XII в. до н.э., то и для RS 34.165 было бы логично ожидать столь же поздней датировки²⁴. Если принимать атрибуцию письма паре Салманасар I – Ибирану VI, то получится, что оно хранилось в частном архиве на протяжении жизни двух или трех поколений, что нетипично для архивных практик древнего Ближнего Востока. Это соображение подробно рассмотрено Дитрихом в его издании документа²⁵. Контраргументы ученого сводятся к следующему. В составе столь же позднего архива Рап'ану обнаружено знаменитое «Письмо генерала», RS 20.33. Судя по отраженным в нем событиям, оно хранилось в архиве до момента его гибели приблизительно 70–80 лет. Кроме того, в архиве Уртену найден фрагмент магиго-мифологического текста RS 92.2016, который, если верить колофону, был записан знаменитым писцом Илимилку, жившим в конце XIV в. до н.э. Это означает, что и RS 34.165 как дипломатическое письмо исключительной важности также могло храниться в архиве значительно более долгий срок, чем остальные рядовые документы в его составе. Что касается слишком короткого отрезка времени, на котором могли пересечься Ибирану VI и Салманасар I, то надо отметить, что хронология правлений угаритских царей XIII в. до н.э. носит весьма приблизительный характер и допускает различные модификации²⁶. На наш взгляд, ничто не исключает более продолжительного характера синхронизма Ибирану и Салманасара за счет повышения датировок первого из этих правителей.

Л. д'Альфонсо предполагает, что адресатом письма мог быть египетский царь Рамсес II и что в стк. 2 нужно восстанавливать его имя: [*a-na 're-a-ma-še-ša ma-a-i^da-ma-]na* «Риамашеша, возлюбленный Амона»²⁷. С таким восстановлением, по мнению д'Альфонсо, удачно согласуется развернутая амарнская формула приветствия в стк. 3–10 (см. ниже), которая использовалась в переписке равных правителей высокого ранга. Она выглядела бы уместно в письме ассирийского царя фараону. Между тем ее присутствие в переписке с Угаритом, который был хеттским вассалом, выглядит скорее аномалией. На неизбежно возникающий вопрос о причине нахождения документа ассиро-египетской корреспонденции в архивах Угарита д'Альфонсо отвечает, что

²¹ См. список таких слов в Liverani 1963.

²² Dietrich 2003, 118.

²³ Lackenbacher 1982, 155.

²⁴ Caubet 2003, 19. Ср. также допущения, что письмо могло быть адресовано Аммурапи (Sassmannshausen 1995, 151).

²⁵ Dietrich 2003, 134–136.

²⁶ Так, например, предложенная И. Зингером дата воцарения Ибирану (ок. 1235 г. до н.э.) основана на его атрибуции RS 34.165 Тукульти-Нинурте I (Singer 1999, 683). При этом сам автор отмечает, что новые данные о последующих царствованиях Никмадду III и Аммурапи говорят в пользу повышения датировок Ибирану (ibid., n. 262).

²⁷ D'Alfonso 2006, 304, n. 4. Об исходной египетской форме этого имени см. Edel 1994, 361.

письмо могло быть скопировано или перехвачено в ходе пересылки через Угарит²⁸. Исследователь не ссылается на одну важную параллель, которая представляется здесь уместной. В составе того же архива Уртену в Угарите обнаружено письмо царя Каркемиша Ини-Тешшуба в Вавилон, RS0u XXIII 39²⁹. Таким образом, корреспонденция высокого международного уровня, не связанная непосредственно с правителем Угарита и его канцелярией, действительно могла архивироваться в Угарите³⁰. Несмотря на ряд достоинств, гипотеза д'Альфонсо имеет один существенный недостаток: предлагаемое им восстановление занимает слишком много места (15 знаков вместо ожидаемых 9).

Также нужно отметить две точки зрения, согласно которым две первые строки письма в принципе не содержали информации об авторе и адресате.

С. Лакенбашер, автор первой обработки документа, допускала, что имена царей не были выписаны и что автор ограничился только их титулами. Соответственно *-na* после лакуны в начале стк. 2 — это не конечный слог в имени царя Угарита Ибириану, а часть предлога *ana* 'к'³¹.

По мнению М. Банья, RS 34.165 — всего лишь часть, причем не начальная, а средняя, более пространного послания, состоявшего из двух или более таблиц³². Объемистая приветственная формула в начале сохранившейся таблицы — это на самом деле цитата из одного из писем, которыми обменивались между собой хеттский и ассирийский царь накануне битвы при Нихрии. Баньяй думает, что причиной хетто-ассирийского конфликта, описываемого в документе, стало то, что ассирийцы вошли в контакт с бывшим царем Хатти Урхи-Тешшубом, смещенным с престола отцом Тудхалии IV Хаттусили III, и повели с ним дела как с равноправным партнером («братом»). Это нашло выражение, в частности, в использовании в переписке с ним приветственной формулы по амарнскому образцу (см. ниже). Эти факты стали известны хеттам и были предъявлены ими в качестве обвинения ассирийской стороне.

Что касается Урхи-Тешшуба, то после отстранения от власти он, как известно, был посажен в качестве удельного правителя в сирийской стране Нухашше. Баньяй считает, что основной территорией под властью Урхи-Тешшуба была область в этой стране, известная как Зулаба, и именно в качестве царя Зулабы Урхи-Тешшуб упомянут в RS 34.165 (лиц. ст. 44, см. ниже).

Таким образом, в рамках гипотезы Банья начальные две строки вообще irrelevantны для установления авторства данного письма. Исходя из свидетельств других источников, Баньяй исключает Салманасара в качестве возможного автора послания и делает выбор в пользу Тукульти-Нинурты.

Дитрих восстанавливает в конце стк. 2 глагольную форму *qí-bí-ma* «скажи!», однако в угаритском и среднеассирийском эпистолярном корпусе основная орфография этой формы предполагает использование знака VI³³.

²⁸ D'Alfonso 2006, 304, n. 4.

²⁹ Lackenbacher, Malbran-Labat 2016, 78–79.

³⁰ О причинах появления в архивах Угарита письма Ини-Тешшуба вавилонскому царю Шагараки-Шуриашу см. Cohen, Torrecilla 2022, 45. По мнению авторов, это была копия оригинала, отправленного в Вавилон. В письме рассказывалось о событиях, которые привели к военному походу хеттов и их союзников, в том числе Угарита, против сугийских племен на Среднем Евфрате в ответ на их агрессивные действия против вавилонских подданных. По сути, письмо явилось своего рода рескриптом, на основе которого проводилась мобилизация сирийских вассалов Хатти.

³¹ Lackenbacher 1982, 149. Эту точку зрения разделяет Ж. Фрè (Freu 2003, 107; 2007, 273). По мнению М. Ямады, такое чтение строки представляется невероятным, так как сохранившийся знак NA располагается почти посередине строки (Yamada 2011, 202, n. 20).

³² Bányai 2011.

³³ Huehnergard 1989, 181; Cancik-Kirschbaum 1996, 54–55.

(3–10) Этот раздел письма содержит формулы вежливости. В первой части (3–5) отправитель извещает адресата о своем благополучии, во второй (6–10) желает благополучия адресату. Это делается с помощью стандартных формул, широко засвидетельствованных в межгосударственной переписке позднебронзового века. Известен как краткий, так и развернутый вариант этих формул. Развернутый вариант предусматривал упоминания не только отправителя и адресата, но и их семей, войск и подданных. Поскольку впервые такие приветственные обороты встретились в амарнской корреспонденции XIV в. до н.э., то они получили наименование развернутой амарнской формулы приветствия. Следует отметить, что часть, где отправитель сообщал о своем благополучии, и часть, содержащая благопожелания адресату, необязательно были полностью симметричны: допускались небольшие расхождения (ср. EA 1), иногда отправитель сокращал сообщение о себе до лаконичного «со мной (всё) благополучно» (*ana yāši šulmu*) (ср. EA 21). Расхождения между двумя частями, вероятно, были и в RS 34.165. Однако повреждения таблички не позволяют с надежностью восстановить эту часть текста. В нашем чтении мы следуем реконструкции М. Дитриха. Оба издателя считают, что формулы вежливости указывают на более высокий ранг отправителя³⁴.

Вместе с тем обращают на себя внимание два обстоятельства. Ассирийский царь не использует титула «великий царь»³⁵. И он также называет угаритского правителя своим «братом» (лиц. ст. 6). На этом факте особо останавливается Бányai: по его мнению, такое обращение шло вразрез с установившимися нормами межгосударственных отношений. Угаритский царь являлся вассалом хеттского монарха, и последний обращался к нему как к «сыну». Правитель Ассирии, находясь на той же ступени международной иерархии, что и царь Хатти, должен был титуловать своего угаритского контрагента также «сыном». Пренебрежение этим правилом выглядит странно, и Бányai приходит к выводу, что начальные десять строк письма вообще не имеют отношения к приветствиям в адрес угаритского получателя письма³⁶. В свою очередь, К. Мора на основе приветственных формул и обращений допускает, что RS 34.165 было составлено не при ассирийском дворе и, таким образом, его авторство не принадлежало кому-то из царей Ассирии³⁷.

Не соглашаясь с такими трактовками, мы должны тем не менее признать, что указанные обстоятельства действительно представляют определенную проблему, исчерпывающего решения которой пока не предложено. Можно упомянуть точку зрения Ливерани и некоторых других исследователей, согласно которой ассирийский царь хотел польстить своему адресату, угаритскому правителю, а также, возможно, другим хеттским вассалам. Такой подход позволял с наибольшей вероятностью добиться пропагандистских целей, которые преследовал автор, посылая свое письмо³⁸.

(6) *šul*[-*mu*] — следует отметить нестандартное начертание знака ŠUL в этой строке: первый элемент выглядит как PA, а не как Winkelhaken плюс удвоенный вертикальный клин, ср. этот же знак в стк. 10³⁹. Дитрих никак не отмечает и не комментирует этот факт в своем издании.

(9) 'KI.BAL'.BAD.M[ĒŠ] — опечатка в издании Дитриха⁴⁰.

³⁴ Lackenbacher 1982, 149; Dietrich 2003, 119.

³⁵ Претензии на этот титул ассирийские правители заявили еще в правление Ададнерари I (1295–1264), ср. KBo 23.102 по Beckman 1996, 138. Другая интерпретация этого документа, с датировкой скорее временем Салманасара, представлена в Mora, Giorgeri 2004, 184–187.

³⁶ Bányai 2010, 12–13.

³⁷ Mora 2005, 247–248.

³⁸ Liverani 1990, 171. Ср. Mora 2005, 247.

³⁹ В наибольшей степени данное начертание соответствует третьему средневавилонскому варианту этого знака в справочнике Р. Лабата (Labat 1976, 208). Однако оно отличается и от него.

⁴⁰ Dietrich 2003, 112.

(12, 21) Необычное написание имени хеттского царя, с гласным *u* во втором слоге (¹*tu-ud-hu-li-ia*), которое не встречается в хеттском корпусе, находит параллель еще в одном документе из угаритского архива, RS 19.81 (стк. 1, 8), представляющем собой указ этого царя об урегулировании территориального спора между Угаритом и Сиянну⁴¹.

(13) Лакенбашер восстанавливает в лакуне *a-na tu[h-hi-ia ma-a]*, относя в переводе предложную группу *ana muhhiya* к предложению в предыдущей строке: «Тудхалия, царь страны Хатти, написал мне следующее»⁴². Дитрих справедливо критикует это восстановление как сомнительное с точки зрения эпиграфики и синтаксиса⁴³.

В поврежденном месте на конце строки названо лицо, ставшее объектом ассирийской агрессии. Лакенбашер воздержалась от восстановления лакуны, приведя в примечании возможные варианты⁴⁴. Одному из этих вариантов, предложенному Ж.-М. Дюраном, *tamkārī* «тамкары» (общ.-косв. п. мн. ч.), следует в своем переводе А. Харрак⁴⁵. В. ван Зольдт читал [*dumu-k*]in²-*ri*⁴⁶. И. Зингер предположил, что в конце строки стояло имя Эхли-шарри, который упоминается в КВо 4.14 (iv 71), хеттском тексте, так же, как и RS 34.165, сообщаящем о битве при Нихрии⁴⁷. Это предположение подтвердилось в результате коллации оригинала, выполненной Дитрихом⁴⁸. Эхли-шарри КВо 4.14 и RS 34.165 был отождествлен Зингером с царем страны Исува Эхли-Шаррумой, известным по письму IBoT 1.34 и некоторым другим документам⁴⁹. Исува находилась на хетто-ассирийском пограничье, и упоминание в RS 34.165 царя этой страны хорошо вписывается в общеисторический контекст документа.

(15) Дитрих предлагает контекстный перевод дискурсивного слова *umma* в начале строки: ‘nun denn’, ‘теперь же’⁵⁰. *Umma* не обладает наречным значением, функция этого слова состоит только во введении прямой речи⁵¹. Видимо, подразумевается что-то вроде: «Теперь же (я говорю): “Приди, сразимся!”». Согласно этой интерпретации Дитриха, с такими словами к автору письма, вероятно, Салманасару, обратился хеттский царь Тудхалия. Однако нельзя исключать и того, что эта прямая речь вкладывалась Тудхалией в уста ассирийского правителя: «Почему ты одолел и взял моего

⁴¹ Nougayrol 1956, 291, pl. LXXXVIII; Lackenbacher 1982, 142, n. 4; Dietrich 2003, 120.

⁴² Lackenbacher 1982, 142, 145.

⁴³ Dietrich 2003, 121. Также стоит отметить, что в исторической части своей статьи (с. 132) Дитрих представил описываемые в лиц. ст. 12–14 события так, что это Салманасар обвинял Тудхалию в подчинении ассирийского вассала Эхли-шарри, хотя его перевод предполагал ровно обратный смысл. В статье 2004 г. Дитрих исправил эту неточность: для того, чтобы обвинения в стк. 13 принадлежали Салманасару, нужно восстанавливать в лакуне в середине строки дополнительную частицу *mā*: *a-na ug[u-hi-ia² nak-ra-ta² ma-a²]*, однако для этого нет места (Dietrich 2004, 42).

⁴⁴ Lackenbacher 1982, 145, n. 22. Аналогичным образом от заполнения лакуны отказывается Д. Швеммер (Schwemer 2006, 255).

⁴⁵ Harrak 1987, 140.

⁴⁶ Van Soldt 1991a, 868. Возможно, не слишком удачное чтение с учетом того, что это слово должно находиться в позиции прямого дополнения, в то время как падежная форма соответствует генитиву, ср. форму им. п., *lú-dumu-kin-ru*, ниже в письме.

⁴⁷ Singer 1985, 114–116, 118 (особ. примеч. 84). С точки зрения Зингера, неверный вассал, которому хеттский царь, автор КВо 4.14, адресовал этот текст, и есть Эхли-шарри. Издание КВо 4.14 см. в Stefanini 1965; Fuscagni 2014.

⁴⁸ Dietrich 2003, 121.

⁴⁹ Для ряда исследователей, придерживающихся поздней датировки RS 34.165, возникает необходимость разводить личности царя Исувы Эхли-Шаррумы из IBoT 1.34 (начало правления Салманасара) и хеттского вассала Эхли-шарри из RS 34.165 и КВо 4.14. Так, Ж. Фрё вынужден считать второго внуком первого, к этому решению присоединяется и М. Ямада (Freu 2007, 280–281; Yamada 2011, 202, n. 23). С нашей точки зрения, во всех трех документах речь идет об одном и том же лице.

⁵⁰ Dietrich 2003, 113.

⁵¹ ANw. 1413; CAD U/W 101.

клятвенника Эхли-шарри (со словами: «Приди, сразимся!»)⁵². Лакенбашер переводит начало строки: «Eh bien, (battons-nous)», «Что ж, (сразимся)». Д. Швеммер полагает, что *umma* вводит новое предложение из речи хеттского царя⁵³.

Lū nindahhiṣ трактуется Дитрихом как прекативная форма, состоящая из частицы *lū* и претерита Gt глагола *mahāṣu* ‘бить, ударять’⁵⁴. Такой прекатив известен по староассирийским текстам⁵⁵, но не засвидетельствован в среднеассирийском диалекте, влияние которого ожидалось бы в письме⁵⁶. Проблему представляет также удвоение на письме второго корневого согласного: в таком виде форма соответствует либо претериту Gtn, либо презенсу Gt. Для Gtn Дитрих предполагает значение длительного действия (очевидно, «будем воевать»⁵⁷). Однако с учетом того, что в стк. 16 употреблено существительное *mithuṣu*, морфологически связанное с породой Gt глагола *mahāṣu*, предпочтение нужно отдать первой интерпретации.

(16) У Лакенбашер представлено два понимания наречной клаузы *lā kīam-ma*: «Такому не бывать» (очевидно, подчинению хеттского вассала?) и «Это не так, что я пришел сразиться с тобой»⁵⁸. А. Харрак переводит вопросительным предложением: «Разве не так?»⁵⁹. В трактовке Дитриха *lā kīam-ma* несет условное значение: «(Если) не так (т.е. ассирийский царь не примет вызов), то я приду к тебе». Недостатком этой безусловно привлекательной интерпретации является то, что претеритной форме *allikakku* ‘я пришел к тебе’ приписывается несвойственное претериту когортативное значение⁶⁰. Перевод Дитриха следует более ранним предложениям М. Ливерани, который утверждал, что первый издатель неправильно понял это место в письме⁶¹.

В конце строки после *ana mithuṣi* нет места для еще одного слова. Лакенбашер рассматривает *ana mithuṣi* как часть предшествующего предложения: «Я пришел сразиться с тобой». Дитрих считает, что предложная группа *ana mithuṣi* представляет собой самостоятельное именное предложение, и ссылается на параллель из Эпоса Тукульти-Нинурты: *is-saq-ru-ma qu-rad*⁶² *a-šur a-na mi-it-hu-ši i-pá-an-ni tu-ú-ta* (v 43) «Вскричали воины Ашшура: “К бою!”, лицом встречая смерть»⁶².

(18) Ливерани и Дитрих вновь, как и в стк. 16, интерпретируют претеритные формы глагола *alāku* ‘идти’ как модальные⁶³. В рамках их интерпретации ассирийский царь принимает брошенный ему вызов. Переводы прошедшим временем у Лакенбашер, Харрака и Швеммера создают противоположную картину: ассирийский царь удивляется агрессивным действиям хеттского визави («Почему ты пошел на меня?»), которые никак не были им спровоцированы («Разве я пошел на тебя?»)⁶⁴.

(20) *addekki* – претерит Gtn глагола *dekū* ‘созывать, призывать, мобилизовывать’, Gtn выражает в данном случае дистрибутивный характер действия⁶⁵.

⁵² Такой вариант допускает в примечаниях Лакенбашер, см. Lackenbacher 1982, 147, n. 23.

⁵³ Schwemer 2006, 255.

⁵⁴ Dietrich 2003, 121.

⁵⁵ Дитрих ссылается на GAG 3 131–132 (§ 81 с, g). См. также Kouwenberg 2017, 633–634.

⁵⁶ De Ridder 2018, 453–454.

⁵⁷ Cp. CAD M/1 72 (‘to fight repeatedly’).

⁵⁸ Lackenbacher 1982, 146–147, n. 23.

⁵⁹ Harrak 1987, 140.

⁶⁰ Dietrich 2003, 121. Возможно, в данном случае было бы уместнее говорить о перформативном оттенке претерита? Известно, что именно претерит служил в аккадском языке для выражения перформативов (Arkhipov *et al.* 2021, 236). При таком понимании форма *allikakku* не констатирует обычное действие ‘идти’, а служит эквивалентом объявления войны, аналогичным (древне)русскому «Иду на вы!».

⁶¹ Liverani 1990, 170.

⁶² Dietrich 2003, 121–122. Цитата из эпоса по Machinist 1978, 120–121. Cp. CAD P 99.

⁶³ Liverani 1990, 170; Dietrich 2003, 113, 121.

⁶⁴ Lackenbacher 1982, 145; Harrak 1987, 140; Schwemer 2006, 255.

⁶⁵ CAD D 123–124; Kouwenberg 2010, 416.

Têdi — согласно Лакенбашер, Харраку и Швемеру, речь идет о городе Таиду, столице Ханигальбата XIII в. до н.э.⁶⁶ Лакенбашер допускала, что первый знак мог читаться как ТА: *ta-e-di*. Ван Зольдт и Дитрих однозначно утверждают, что это ТЕ. Формы с гласным *e* или *i*, *Têdu/Tîdu*, встречаются главным образом в новоассирийских текстах⁶⁷. Собственно среднеассирийские тексты такой орфографии не знают⁶⁸. В литературе предлагалось отождествлять Таиду с Телль-Браком, Телль-Хамидией и рядом других городищ Верхней Месопотамии⁶⁹. Наиболее вероятной представляется локализация в Телль-Хамидии⁷⁰. Дитрих отмечает, что, судя по тексту письма, город Теду выполнял функцию пограничной крепости между ассирийскими и хеттскими владениями.

Ana Têdi ina lā kašādi — д'Альфонсо делает субъектом этого инфинитивного оборота хеттов и переводит: «(Я созвал свое пешее и колесничное войско,) чтобы (хетты) не смогли достичь города Таиде»⁷¹. Это решение представляется необоснованным, так как инфинитивные конструкции с *ina* имеют временное, а не целевое значение.

(21) Союз *и* на границе придаточного и главного предложений — характерная черта периферийных аккадских диалектов второй половины II тыс. до н.э.⁷² То же самое в лиц. ст. 28, об. ст. 17.

Hattāyūu — нисба в полном написании⁷³, в отличие от остальных мест в письме Тудхалия определяется здесь не как царь Хатти (лиц. ст. 12, 27, 36, об. ст. 5, 7, 26, 32), а как хеттский царь. У Лакенбашер — *le roi hittite*, у Швемера — *der König des hethitischen Landes*⁷⁴.

В конце строки ван Зольдт предлагал читать: *ša-na-a* вместо *ša-ni-a*, как читала Лакенбашер, а затем Дитрих. На прорисовке Дитриха четко виден знак NI.

(22–23) Существительное *šulmu* здесь, а также в лиц. ст. 29, употреблено, в отличие от вводной части письма, в значении 'мир'⁷⁵. Под табличками вражды и мира, очевидно, подразумеваются ультиматум с угрозами напасть, с одной стороны, и мирные предложения, с другой.

(23) *na-a-ši* — неожиданное *plene* в стативе 3 л. ед.ч.

(25) *iltanammû* — презенс Gtn глагола *šemû* 'слышать' с дуративным значением в плане прошедшего. Фонетическая форма слова имеет признаки среднеассирийского диалекта.

(26) *lû-dumu-kin-ru* — *mār šipru*, изначально сопряженное сочетание (*mār šipri*), превратившееся в одно слово с единым показателем словоизменения на конце. Также в лиц. ст. 28.

Šarmûni illikûni — глагольный гендиадис, в котором первый глагол (*šarāmu* 'прилагать усилия к чему-то, стараться, стремиться'⁷⁶) имеет форму статива, а второй — претерита (*alāku* 'идти'). Дитрих понимает вентив таким образом, что ассирийские воины подходят к Салманасару. У Лакенбашер, Харрака и Швемера они порываются выступить против врага.

(27) *idaggal* — презенс, выражающий значение длительного действия в прошлом⁷⁷.

(31) Начинается изложение клятвенных обещаний хеттского царя. Клятва выражается с помощью вводимых союзом *šumma* условных предложений без аподосиса.

⁶⁶ Lackenbacher 1982, 147, 150; Harrak 1987, 185; Schwemer 2006, 255.

⁶⁷ Kessler 1980, 92–94.

⁶⁸ Cancik-Kirschbaum, Hess 2016, 142–143.

⁶⁹ Belmonte Marín 2001, 283; Bryce 2005, 258; Cancik-Kirschbaum, Hess 2016, 143.

⁷⁰ Wäfler 2007.

⁷¹ D'Alfonso 2006, 305, n. 7.

⁷² Ср., например, Wilhelm 1970, 52–54; Huehnergard 1989, 242. Г. Вильхельм считает, что истоки этого явления надо искать в западносемитском *waw apodoseos*.

⁷³ De Ridder 2018, 172–173.

⁷⁴ Lackenbacher 1982, 147; Schwemer 2006, 255.

⁷⁵ CAD Š/3 247.

⁷⁶ CAD § 101.

⁷⁷ Dietrich 2003, 123.

Положительное обещание выражается с помощью *šumma lā*, отрицательное — с помощью простого *šumma*⁷⁸. Наиболее близкая к аккадскому оригиналу передача у д'Альфонсо: «(Да умру я), если буду воевать с царем страны Ашшур, моим братом и т.д.»⁷⁹

Выбор божеств, поминаемых хеттским царем в начале речи, не случаен: Адад — покровитель дивинации и справедливых решений, Шамаш — бог справедливости и правосудия⁸⁰. Д'Альфонсо отмечает, что присутствие этих двух богов, бога Солнца и бога Грома, в текстах межгосударственных договоров характерно для хеттской правовой традиции⁸¹. Лакенбашер считает, что хеттский царь клялся Солнечной богиней города Аринны, и соответствующим образом переводит эту строку⁸². Однако нужно учитывать, что письмо представляет собой рассказ с ассирийской точки зрения.

(33) Д'Альфонсо считает, что лакуна в конце строки содержала больше материала: LÚ.MEŠ *tu-un-na-bi-tù* [ša KUR x x x] «беглецы [из страны NN]»⁸³. Здесь и далее, об. ст. 29, гласный *i* в слове 'беглец' не синкопируется⁸⁴.

(34) *uttarrašumme* — Дитрих характеризует эту форму как презенс, выражающий множественность действия, однако не комментирует ее породу⁸⁵. Формально ее можно определить как Dt от *tāru*, однако Dt является пассивом к D, т.е. имеет значение 'быть возвращенным', которое явно не подходит в данном контексте. Возможно, глагол следует понимать как Dtn *utta<na>rra*.

Вслед за Лакенбашер и д'Альфонсо мы отказываемся от восстановления исхода строки. Дитрих читает '*a-na*'-[*ku*'] *a[s-ba-tu]* с переводом: «(войска, которые) я схватил». Это восстановление несовместимо с интерпретацией д'Альфонсо стк. 36, которая представляется нам предпочтительной.

(35) Лакенбашер и д'Альфонсо читают в конце строки *in-na-bi-tù-ma ù* [...] ⁸⁶. На автографии Дитриха виден лишь поврежденный знак MA, дальнейший текст утерян.

(36) Мы следуем восстановлению Лакенбашер и д'Альфонсо в конце строки. Они основаны на описаниях процедуры выдачи беглых людей, многократно встречающихся в хеттских текстах. Предложение в стк. 34—37 д'Альфонсо реконструирует и переводит следующим образом: «(Пусть я умру), если не схвачу и не доставлю к царю страны Ашшур войска [...], которые бежали перед царем страны Ашшур и вошли в страну Хатти»⁸⁷.

(37) Лакенбашер и д'Альфонсо оставляют финал строки без реконструкции. В прорисовке Дитриха хорошо виден предпоследний знак AN. Восстановления утраченной части строки у Дитриха опираются на данные об. ст. 15, но при этом оказываются неточны: вместо [*lu-ú i-du-ú*] следует восстанавливать [*lu-ú i-de*]⁸⁸.

(39) По мнению ван Зольдта, здесь хеттский царь переходит с торжественного языка клятв на язык образов и излагает басню о льве и лисице. Примечательно, что никто из исследователей, писавших о RS 34.165, не заметил этих интересных предложений ученого⁸⁹. Идея ван Зольдта представляется удачной в свете других фактов использования животной образности в хеттской межгосударственной корреспонденции.

⁷⁸ GAG 3 293 (§ 185g).

⁷⁹ D'Alfonso 2006, 306.

⁸⁰ Dietrich 2003, 123.

⁸¹ D'Alfonso 2006, 306.

⁸² Lackenbacher 1982, 147.

⁸³ D'Alfonso 2006, 305.

⁸⁴ См. подробнее Kouwenberg 2004, 358—359.

⁸⁵ Dietrich 2003, 124.

⁸⁶ Lackenbacher 1982, 143; d'Alfonso 2006, 305.

⁸⁷ Lackenbacher 1982, 143, n. 12; d'Alfonso 2006, 305—306.

⁸⁸ Dietrich 2003, 114, 124.

⁸⁹ Вильфред ван Зольдт сетовал на это автору в личной беседе, состоявшейся в июне 2009 г. в Москве. В новейшей литературе есть только два кратких упоминания предложений ван Зольдта, см. Mora, Giorgieri 2004, 71 и Cohen 2017, 546, n. 24.

Особенный интерес представляет документ хетто-ассирийской царской переписки КВо 1.14, в котором хеттский правитель сравнивает себя со львом, а своих противников – с лисицей⁹⁰.

Дитрих предполагает, что в лакуне на конце строки было ḫ^1 [nēš^u ahāmeš]. Вместе с глаголом в начале следующей строки фраза означала: «Лев и лев убивают друг друга». Под этим подразумевается конфликт двух царей, Тудхалии и Салманасара⁹¹.

(40) Лакенбашер и ван Зольдт читают первое слово *du-uk-ku*. Лакенбашер трактует его как инфинитив породы D глагола *dekū*, ‘побуждать, подстрекать’⁹². Для ван Зольдта *du-uk-ku* – это, по-видимому, статив 3 л. мн.ч. м.р. породы D от глагола *dākum* ‘убивать’, т.е. «убиты»⁹³. Такая идентификация формы представляет собой очевидную проблему⁹⁴, и ван Зольдт сопровождает свой перевод вопросительным знаком. Проблему позволяет снять новое чтение, предложенное Дитрихом. По его мнению, первый знак является лигатурой *i+du*, таким образом, перед нами обычная презентная форма породы G *idukkū* ‘они убивают’.

Лакенбашер и Дитрих читают в конце сохранившейся части строки *gú-dù-a* ‘враг’. Дитрих полагает, что далее шла глосса к этой шумерографической записи: *gú-dù-a :z[e-i-ru]*. На основе коллации оригинала ван Зольдт утверждает, что последовательность *GÚ-DÛ* на самом деле представляет собой знак *KA₅*, являющийся частью слова *ka₅-a* ‘лисица’. Далее, по мнению ученого, следовала аккадская глосса: *ka₅-a :š[e-li-bu]*⁹⁵. Глоссирование шумерограмм встречается еще один раз ниже в тексте, см. об. ст. 30.

(41) *iššenâh* – презенс Gtn глагола *šāhu* ‘смеяться’, с нерегулярной огласовкой. Такое отождествление формы предложила еще Лакенбашер, оставив ее, однако, без перевода. В качестве параллели исследовательница указала на текст RS 16.270 из до-сое о разводе угаритского царя Аммистамру II, где глагол употреблен в переносном, возможно, эвфемистическом значении, отсылающем к адюльтеру⁹⁶. Вряд ли подобный смысл мог присутствовать в рассматриваемом отрывке письма. По трактовке Дитриха, смеяться будет враг, очевидно, тому, что его недруги – ассирийский и хеттский царь – уничтожают друг друга⁹⁷. Удачной представляется и версия ван Зольдта, помещающего глагол в контекст басни: два льва(?)⁹⁸ убивают друг друга или дерутся, а лиса смеется и говорит, что собирается кого-то или что-то съесть (добычу львов?). Поскольку контекст сильно поврежден, сделать какие-либо определенные выводы о смысле басни не представляется возможным. Можно лишь осторожно предположить, что если в ней действительно фигурировали два сражающихся льва, то их уместно отождествить с Тудхалией и Салманасаром. Уподобление царя льву – это устойчивый топос в государственной идеологии Хеттского царства. Что касается третьего персонажа, лисы, то возникает вопрос, нельзя ли сопоставить его с хеттским вассалом Эхли-шарри, из-за которого произошел описанный в письме конфликт. Или это мог

⁹⁰ Giorgieri 2001; Mora, Giorgieri 2004, 63, 66, 71. Авторы считают КВо 1.14 письмом Тудхалии IV Салманасару, в том числе на основе сходств с RS 34.165. О животных образах в других дипломатических письмах см. Hoffner 2009, 77 с дальнейшей литературой.

⁹¹ Dietrich 2003, 124.

⁹² Lackenbacher 1991, 94.

⁹³ Van Soldt 1991a, 868.

⁹⁴ Для этого глагола породы D практически не засвидетельствована, см. ANw. 152; CAD D 42.

⁹⁵ Van Soldt 1991a, 868.

⁹⁶ Lackenbacher 1982, 147, n. 27; 2002, 119, n. 362.

⁹⁷ Дитрих усматривает здесь у глагола неиндикативное, потенциальное значение: «Тогда враг стал бы [...] сильно смеяться» (Dietrich 2003, 115, 125). Вопрос о том, кто имеется в виду под врагом, не ставится.

⁹⁸ Здесь мы совмещаем трактовки Дитриха и ван Зольдта. Ван Зольдт не предлагал никаких восстановлений в конце стк. 39. Дитрих допускает, что в лакуне мог быть не повтор слова *nēšū* ‘лев’, а название какого-то другого, менее значительного животного (Dietrich 2003, 124).

быть какой-то самостоятельный, более могущественный правитель? Приблизительный смысл иносказательного послания, которое Тудхалия хотел передать ассирийскому царю своей басней, был, возможно, таким: «Не следует нам, великим царям, ссориться, выставляя себя на посмешище внешнему миру, который воспользуется ситуацией к своей выгоде».

(42) *a-RIB/KAL* — Лакенбашер и Дитрих делают выбор в пользу формы *arīb* ‘я возместил, дал замену’ от глагола *riābu*⁹⁹. Лакенбашер при этом ссылается на Эпос Тукульти-Нинурты, где встречается такая же форма в составе выражения *ul arīb gimilla* «я не отомстил» (слова, обращенные ассирийским царем к его вавилонскому противнику)¹⁰⁰. Ван Зольдт видит здесь презенс глагола *akālu* ‘есть’, *akkal* ‘я съем’¹⁰¹. По логике реконструкции ван Зольдта, эти слова произносит лиса, наблюдающая схватку львов или льва с каким-то другим животным. У глагола нет прямого дополнения в предложении, но, возможно, подразумевается добыча, из-за которой дерутся львы (ср. шумерскую басню, в которой лиса хитростью отнимает добычу у незадачливых волков¹⁰²).

(44) Зулаба — город в Сирии, возможно, тождественный современной Сальбе (Salba, 35°20' с.ш., 36°25' в.д.)¹⁰³. Ни Лакенбашер, ни Дитрих никак не комментируют упоминание правителя этой местности в письме.

Попытку отождествить его личность недавно предпринял М. Баньйай¹⁰⁴. С его точки зрения, царь страны Зулаба — не кто иной, как Урхи-Тешшуб, хеттский государь, правивший под именем Мурсили III и позднее свергнутый с престола собственным дядей Хаттусили III, отцом Тудхалии IV. Как говорилось выше, после свержения Урхи-Тешшуб был посажен удельным князем в Сирии. В качестве конкретного места хеттские источники называют страны Нухашше и Нийю. При отождествлении с современной Сальбой Зулаба оказывается в границах этих земель. Далее, в хетто-египетской переписке Рамсеса II и Хаттусили III активно обсуждается судьба Урхи-Тешшуба: хеттская сторона подозревала, что после своего бегства из Сирии Урхи-Тешшуб укрылся во владениях фараона. В ходе этих обсуждений также упоминается царь Нийи и царь Зулабы. Баньйай полагает, что все три обозначения взаимозаменяемы и относятся к одному и тому же лицу, Урхи-Тешшубу. Еще одним аргументом в пользу отождествления Урхи-Тешшуба как царя Зулабы является наличие у Рамсеса II жены, происходившей из этой страны. Как считает Баньйай, фараон мог жениться на царевне такого происхождения только в том случае, если это была дочь великого царя, каковым в прошлом безусловно являлся Урхи-Тешшуб. Что же касается письма RS 34.165, то на момент его составления, полагает Баньйай, Урхи-Тешшуб был уже мертв, о чем говорит выражение *pagru ša šar māt Zula[pa]*, «тело царя страны Зулаба». Смерть Урхи-Тешшуба Баньйай приписывает Тудхалии IV. По его предположению, Тудхалия обещал царю Ассирии в рассматриваемом отрывке письма устроить торжественные похороны своему покойному кузену, что должно было стать жестом примирения с хеттской стороны, так как ассирийцы находились с Урхи-Тешшубом в союзе¹⁰⁵. Изложенная реконструкция представляет немалый интерес, однако в ее

⁹⁹ Lackenbacher 1982, 143, n. 16; Dietrich 2003, 114–115.

¹⁰⁰ Цитата из эпоса по Machinist 1978, 88–89.

¹⁰¹ Van Soldt 1991a, 868.

¹⁰² Sövegjártó 2021, 97–98.

¹⁰³ Belmonte Marín 2001, 359.

¹⁰⁴ Bányai 2010.

¹⁰⁵ Для полноты картины стоит также кратко осветить другую часть построений исследователя, касающихся истории битвы при Нихрии. Помимо RS 34.165 Баньйай также опирается на несколько других источников: это письма из Дур-Катлимму, и в особенности хеттское письмо КВо 18.48, которое, по его мнению, было написано накануне сражения. По совокупности всех данных у него возникает следующая картина. Царь Исуву Эхли-шарри, связанный с Урхи-Тешшубом узами родства, предпринял атаку на хеттский Эмар. Атака преследовала цель

основе лежат сильно поврежденные источники и целый ряд смелых допущений при их толковании¹⁰⁶.

(45) По мнению Швемера, цитата из письма хеттского царя завершалась в последней строке лицевой стороны¹⁰⁷. На это могут указывать слова в двух первых строках оборотной стороны таблицы: «Когда царь страны Хатти прислал [мне] это слово».

Оборотная сторона

(1) *ki-i* — по мнению Дитриха, это не временной союз, а предлог, управляющий именной группой *amāta annīta*: «В соответствии с этим словом царь страны Хатти написал мне»¹⁰⁸. Его аргумент состоит в том, что в остальных случаях в письме союз имеет форму *kīmē*. Однако управление этого предлога аккузативом представляется странным, поэтому мы следуем Лакенбашер, Харраку и Швемеру, которые переводят здесь: «После того как ...» или «Когда ...». Возможно, необходимо эмендировать *ki-i* > *ki-i<-me-e>*.

Также внимания заслуживает вопросительное прочтение *kī*¹⁰⁹. Возникающий при этом перевод, «Как царь страны Хатти написал мне такие слова и укрепил город Нихрию?», можно было бы интерпретировать как риторический вопрос.

(2) [*udannin*] — «он укрепил». Дитрих рассматривает возможность и другого заполнения лакуны: *ilammi* «он окружал», презентная форма глагола *law/mū* «окружать», передающая значение длительного или множественного действия в прошлом¹¹⁰. От выбора глагола в лакуне зависит смысл всего отрывка: в первом случае хеттские силы контролируют город, во втором только пытаются его захватить. В свете стк. 11, в которой ассирийский царь упрекает хеттского противника в том, что тот укрепил Нихрию, первый вариант выглядит предпочтительным.

(2, 4, 6, 7, 9, 11, 12, 21) *Nihriya* — город в Верхней Месопотамии, вокруг которого разворачиваются основные события второй части письма. В литературе о RS 34.165 рассматривались различные локализации этого поселения¹¹¹. Лакенбашер предполагала, что его следует искать в четырехугольнике Диярбакыр—Сиверек—Урфа—Мардин¹¹² на одном из древних караванных путей. Дитрих ссылаясь на две стандартные локализации: в районе Диярбакара или далее, на запад, близ Урфы¹¹³. Важным для исторической интерпретации письма стало отождествление Нихрии со страной Наири¹¹⁴. Оно позволило И. Зингеру связать описываемые в тексте события с походами ассирийского царя Тукульти-Нинурты I против Наири в начале его правления. Концепцию Зингера

пробиться в Сирию, к владениям родственника Эхли-шарри, вероятно, при содействии ассирийцев. В текстах из Эмара она отразилась как нападение «царя воинов Хурри». Ассирийский царь Тукульти-Нинурта (= царь Аккада из КВо 18.48) признал Урхи-Тешшуба «братом» и легитимным царем Хатти. Всё это было расценено хеттской стороной как прямой вызов. Урхи-Тешшуб был убит, и хетты вступили в прямую конфронтацию с Ассирией, ход которой и описан в RS 34.165 (Bányai 2010, 7–11). Принять эту версию событий не представляется возможным.

¹⁰⁶ Аналогичную, но более резкую оценку см. в Stipich 2014, 341.

¹⁰⁷ Schwemer 2006, 255.

¹⁰⁸ Dietrich 2003, 126.

¹⁰⁹ CAD K 320. Мы признательны И.С. Архипову, который обратил наше внимание на такую возможность.

¹¹⁰ Dietrich 2003, 126.

¹¹¹ Подробнее см. в del Monte, Tischler 1978, 281; Nashef 1982, 205–206; del Monte 1992, 111; Belmonte Marín 2001, 209; Cancik-Kirschbaum, Hess 2016, 103.

¹¹² Lackenbacher 1982, 151–152.

¹¹³ Dietrich 2003, 126.

¹¹⁴ Singer 1985, 106 с опорой на более ранние предположения Ю. Леви и Б.Б. Пиотровского, которые также упоминала Лакенбашер. По Зингеру, Нихрию следует искать не в верхней долине Хабур или Балиха, а в верховьях Тигра, к северу или северо-востоку от Диярбакара.

подверг критике А. Харрак¹¹⁵. Подробно тезис о нетождественности Нихрии и Наири обосновал в своей недавней статье Дж. Миллер¹¹⁶. Со своей стороны, он предложил связывать Нихрию с теллем Казане-Хёюк в 50 км от Шанлыурфы или Харрана в верховьях Балиха. Допустимыми также остаются другие локализации в пределах долины Балиха: Телгоран или Турна и Лидар-Хёюк¹¹⁷. Особняком стоит точка зрения А.А. Немировского о существовании двух Нихрий одновременно, одной на северо-западе Верхней Месопотамии и второй — к северу от Верхнего Тигра¹¹⁸.

(4) *ilabbi* — форма представляет определенную проблему, так как допускает разные толкования. С одной стороны, это может быть презенс 3 л. ед.ч. от глагола *law/mû* ‘окружать’ в его ассирийском варианте с переходом *w > b*¹¹⁹. Такой анализ формы неудачен в свете данных стк. 12, где тот же глагол записан как *alammi*, т.е. в среднеавионском варианте. С другой стороны, форма может быть понята как презенс редкого глагола *labû* ‘выть, стонать, кричать’. Лакенбашер выбирает именно его, отмечая, что он встречается в Эпосе Тукульти-Нинурты: «[E]t Nihriya grondait», «И Нихрия рычала»¹²⁰. Аналогичным образом поступают Дитрих и Швемер: «Nun hat Nihrija gestöhnt / Und Nihrija ächzte», «Тогда (или: и) Нихрия застонала». Харрак делает выбор в пользу глагола *law/mû* ‘окружать’, полагая, однако, что он представлен здесь формой презенса породы N в дефективном написании. Его перевод: «Нихрия была окружена»¹²¹.

Чтение знаков в конце строки также проблематично. Вертикальный клин может быть как числительным ‘один’, так и детерминативом перед личным именем. Стоит учесть, что числительное ‘один’ пишется в тексте с фонетическим комплементом, *-en* или *-et*¹²². После числительного следует знак LÚ. Он может быть частью имени или названия должности. Дитрих выбирает первый вариант и восстанавливает *1 lû-nim[gir é-gal-lim]* «один дворцовый глашатай (царя страны Хатти)»¹²³. Помимо проблематичной записи числительного ‘один’, у этого чтения есть еще один недостаток. Употребленная ниже в стк. 30 шумерограмма NIMGIR снабжена глоссой. Было бы странно, если бы она не была отгlossирована при первом употреблении в тексте, в рассматриваемой строке¹²⁴. Поэтому необходимо либо восстанавливать вместо *é-gal-im* или между *lû-nimgir* и (*ša*) *é-gal-im* глоссу *:na-gi-ru*¹²⁵, либо искать другое заполнение лакуны. Одно из альтернативных решений принадлежит Швемеру: с его точки зрения, знак LÚ следует понимать как гетерографическую запись анатолийского или хурритского имени собственного, Цити или Таххе соответственно¹²⁶. Вертикальный клин перед LÚ в таком случае выступал в роли детерминатива личного

¹¹⁵ Harrak 1987, 244–245, 261.

¹¹⁶ Miller 2012.

¹¹⁷ Miller 2012, 359.

¹¹⁸ Nemirovsky 2008, 6, n. 14.

¹¹⁹ См. de Ridder 2018, 113–114, где высказывается точка зрения, что этот феномен носил графический, а не фонетический характер. Лакенбашер указывает, что в письме присутствуют еще ассирийские формы, однако весь текст целиком нельзя охарактеризовать как среднеассирийский (Lackenbacher 1982, 147, n. 28). Аналогичного мнения придерживается де Риддер, не включающий письмо в корпус своего исследования («The letter is most certainly not written in MA dialect»; de Ridder 2018, 27).

¹²⁰ Lackenbacher 1982, 147, n. 28.

¹²¹ Harrak 1987, 141, n. 15.

¹²² Lackenbacher 1982, 144, n. 18; Dietrich 2003, 126.

¹²³ О функциях глашатаев, в том числе военных, см. Sassmannshausen 1995.

¹²⁴ Это соображение было подсказано нам А.Ф. Успенским.

¹²⁵ Такое восстановление потребует слишком много места.

¹²⁶ Об имени Цити в хеттских текстах, в том числе в логографической записи, см. Laroche 1966, 212.

имени, а следующий далее знак GAL был частью названия должности, второй элемент которого скрыт в лакуне: ‘главный, начальник (над) [...]’¹²⁷.

(9) *ina kitti-ma* – Лакенбашер и Швимер полагают, что этим выражением передается правовой аспект отношений хеттского и ассирийского царя на момент нового обмена письмами, это состояние мира и невражды, откуда их перевод – *légalement, rechtmässig*¹²⁸. Другие исследователи отдают предпочтение переводу «поистине, в самом деле, действительно»¹²⁹.

(13) *lūšeṣṣû* (< *lū+ušeṣṣû*) – Дитрих трактует эту форму как стяжение пожелательной частицы *lū* и презенса породы Š глагола (*w*)*aṣû* ‘выходить’, со значением утвердительного высказывания о будущем: «они точно заставят выйти»¹³⁰.

(14) *qa-at-šu* – морфографемная запись¹³¹. Как отмечает д’Альфонсо, использование знаков серий VŠ и ŠV для отражения аккадского /s/ является признаком текстов, связанных с хеттской писцовой традицией¹³². Ср. ниже такие формы, как *aššaddirūni* (стк. 16), *attašah* (стк. 21), *šadir* (стк. 27, 32, 34).

В конце строки Лакенбашер и Дитрих транслитерировали [*it*]-*ta-ši*, однако на прорисовке Дитриха отчетливо видно *it-t[a-ši]*.

(16) *a'-ša'-ad-di-ru-ni* – Лакенбашер транслитерировала эту форму иначе, *i-ša-ad-di-ru-ni*, полагая, что ее субъектом является царь Ассирии. По ее мнению, в стк. 15–16 были опущены слова, которые составляли суть обещаний хеттского царя («вывести войска из Нихрии» или просто «сделать это») и которые необходимо добавлять в переводе по смыслу. Ее вариант: «Я клянусь, что не сделаю этого, пока царь Ассирии находится в боевом порядке»¹³³. Этот же смысл присутствует и в переводах Харрака и Ливерани¹³⁴. Швимер же переводит: «Я определил, что (не предприму ничего враждебного), с тех пор как царь страны Ашшур выставил (свои войска в боевом порядке)!»¹³⁵. Со своей стороны Дитрих предлагает другое чтение и другое понимание строки. Глагол *s/šadāru* стоит в 1 л. ед.ч., и его субъектом является хеттский царь. Действие, обозначаемое глаголом, и составляет содержание клятвы хеттского царя: «Я клянусь, что не отступлюсь от царя страны Ашшур (как от союзника. – Б. А.)». Проблематичность этого решения связана с отсутствием у глагола *s/šadāru* засвидетельствованных форм породы N, которая, судя по удвоению первого согласного корня, представлена в рассматриваемом отрывке¹³⁶. Дитрих предполагает для нее рефлексивно-ингрессивное значение ‘вставать в один ряд, присоединяться’. По поводу предлога *ultu*, обычно употребляющегося в пространственном и временном значениях, но не по отношению к людям, Дитрих считает, что он заменяет более полное выражение *ultu pāni*, ср. об. ст. 38.

(18) *ina kittika* – согласно Лакенбашер, Швимеру и д’Альфонсо, выражение следует переводить «по моему (правовому) обычаю»¹³⁷. Для Харрака *kittum* в данном кон-

¹²⁷ Schwemer 2006, 255, п. 21. Лакенбашер, как и Дитрих после нее, предполагала, что речь идет о некоем чиновнике, название должности которого начиналось со знака MA или GAL (Lackenbacher 1991, 92, п. 28).

¹²⁸ Lackenbacher 1982, 148, п. 29; Schwemer 2006, 255. Ср. такие значения *kittu*, как ‘справедливость, правосудие, правильные процедуры’ и ‘договор’ (CAD K 470–471).

¹²⁹ Harrak 1987, 141; Dietrich 2003, 115.

¹³⁰ Dietrich 2003, 127.

¹³¹ Huehnergard 2011, 173.

¹³² D’Alfonso 2006, 307, п. 15. На эти формы обратила внимание еще Лакенбашер (Lackenbacher 1982, 143, п. 8).

¹³³ Lackenbacher 1982, 148, п. 30.

¹³⁴ Liverani 1990, 171.

¹³⁵ Schwemer 2006, 255–256.

¹³⁶ Dietrich 2003, 127–128. Ср. CAD S 11.

¹³⁷ Lackenbacher 1982, 148; Schwemer 2006, 256; d’Alfonso 2006, 307.

тексте означает «честь»¹³⁸. Надо отметить, что в прорисовке Дитриха отсутствует знак КА на конце строки, однако он четко виден на фотографии, приведенной в издании Лакенбашер.

(19–20) *luput* — импер. 2 л. ед.ч. м.р. глагола *lapātu*, для которого Лакенбашер рассматривает два возможных значения в данном контексте: «прикасаться» как обозначение торжественного жеста, совершаемого при заключении договора, и «записывать»¹³⁹. Выбор второго варианта означал бы, что ассирийский царь предложил Туд-халии составить собственный вариант (перевод?) договора в соответствии с хеттской традицией. Лакенбашер, а вслед за ней и другие переводчики, предпочитают первую возможность.

В целом же смысл этого отрывка в том, что ассирийская сторона потребовала от хеттов обновить клятву, так как их действия в Нихрии шли вразрез с их прежними обещаниями¹⁴⁰.

Ul imangur iurpa ana pāni Šamaš ana lapāti — нестандартный синтаксис с расположением инфинитивного оборота после глагольного сказуемого.

(22) *Šurra* — город в Верхней Месопотамии. В специальной литературе предлагается отождествление с современным Савуром в треугольнике Хабур, у подножия гор Кашйари¹⁴¹. Другие локализации признаются менее вероятными¹⁴². Описанные далее в тексте боевые действия разворачиваются недалеко от Шурры, так что более справедливо говорить о битве при Шурре, чем о битве при Нихрии, или же о битве при Нихрии и Шурре, как это делает Ж. Фрë¹⁴³.

al-ta-kán^{an} — ср. похожий орфографический прием в письме царя Ханигальба-та XIII в. до н.э. IBoT 1.34 лиц. ст. 5, *a-kán^{an}*.

(22, 23) *HE-DI* / *BAD* — Лакенбашер отказывалась от интерпретации этой последовательности знаков. Дитрих читает ее как *BAD* (= *dūru*) ‘стена, крепость’¹⁴⁴. Однако надо признать, что ни один из двух прорисованных им знаков, даже с учетом того, что на табличке они были растянуты писцом, не похож на те варианты этого знака, которые предлагают стандартные справочники по клинописному письму¹⁴⁵. Швемер считает, что первый знак последовательности *HE-DI* соответствует показателю мн.ч. *HI-A*, а второй является его фонетическим комплементом: *HE-di* = *ma-di. mādi* — сопряженная форма прилагательного, ‘многочисленный’, употребленного в значении существительного. Перевод Швемера гласит: «мои основные силы», «основные силы царя страны Хатти»¹⁴⁶. Ван Зольдт читает проблемную последовательность как *hé-ti*, что представляет собой инфинитив или действительное причастие от глагола *hiāju* ‘наблюдать, проверять’. Его перевод: «Тогда я отвел мои войска от Нихрии и расположил наблюдательные посты моих войск в Шурре, расстояние в 120 двойных часов оставалось, чтобы заметить войска царя Хатти»¹⁴⁷.

(23) *1 me-at 20 a-ša be-ri* — слово *bēru* может обозначать расстояние (‘миля’ или 10 км) и отрезок времени (‘двойной час’)¹⁴⁸. Если здесь имеется в виду именно это сло-

¹³⁸ Harrak 1987, 141.

¹³⁹ CAD L 86.

¹⁴⁰ Dietrich 2003, 132.

¹⁴¹ Kessler 1980, 57–66; Lackenbacher 1982, 150–151; Harrak 1987, 185; Belmonte Marín 2001, 279; Dietrich 2003, 128; Cancik-Kirschbaum, Hess 2016, 141.

¹⁴² Так, Лакенбашер отводит отождествление с Шуррой в стране Тумме и с Шуру из анналов ассирийских царей I тыс. до н.э.

¹⁴³ Ср, например, Freu 2006, 131.

¹⁴⁴ Dietrich 2003, 128.

¹⁴⁵ Labat 1976, 164; Borger 2004, 647.

¹⁴⁶ Schwemer 2006, 256, n. 23.

¹⁴⁷ Van Soldt 1991a, 868.

¹⁴⁸ CAD B 208.

во, то расстояние, очевидно, сильно преувеличено, а цифра 120 носит символический характер¹⁴⁹. Судя по переводу Дитриха (120 Feld(einheiten) Zwischenraum), он считает, что *be-ri* — это форма предлога *biri* ‘между’ или существительного *birû* ‘межа, пограничный участок’. Мерой длины в этом выражении он считает только *a-šà*, которое определяется им вслед за В. Майером как эквивалент 240 м¹⁵⁰. В таком случае ассирийское и хеттское войско находились друг от друга на расстоянии 28,8 км¹⁵¹.

(24) *ir-te-ia-ah* — Лакенбашер, а также Харрак и Швемер вслед за ней, читали вместо этой формы в начале строки *ir-te-da-ni-im*, перфект 3 л. мн.ч. ж.р. глагола *redû* ‘следовать, гнать’¹⁵². По мнению Лакенбашер, субъектом глагола было существительное, скрывавшееся за идеограммой НЁ-DI. Общий смысл этих переводов состоял в том, что войска ассирийского царя прошли 120 *беру*, преследуя или отгоняя хеттскую армию. Ван Зольдт, а позднее независимо от него Дитрих предложили чтение *ir-te-ia-ah*¹⁵³. Оба автора толкуют его как нормальную ассирийскую форму глагола *riāhu* ‘оставаться’ (перфект, 3 л. ед.ч.)¹⁵⁴. В понимании ван Зольдта речь идет о том, что между ассирийскими дозорами и тем местом, где можно было заметить (to spot) хеттские войска, пролегалo расстояние в 120 двойных часов («миль»). По Дитриху, расстояние в 120 *a-šà* разделяло ассирийский и хеттский лагери.

(26) *ik-ta-ʿal-da* — чтение Дитриха вместо предложенного Лакенбашер *ik-ta-ša-da* с неясной трактовкой (немотивированный контекстом претерит Gtn)¹⁵⁵.

(27) *hamdāti* — существительное мн.ч.ж.р., в сочетании с *šapāru* означает ‘писать уклончиво, увертливо, писать отговорки’¹⁵⁶. Лакенбашер понимает это так, что хеттский царь пытается выиграть, затянуть время («il ne cesse de t’envoyer des (paroles) dilatoires»)¹⁵⁷. По Дитриху, Тудхалия стремится усыпить бдительность ассирийского противника, с тем чтобы захватить его врасплох неожиданным ударом¹⁵⁸.

В отличие от Лакенбашер Дитрих читает в конце строки энклитическую частицу *-ma: il-ta-nap-pa-ʿra-ma*¹.

(28) *lū putqudāta* — стативный прекатив 2 л. ед.ч. м.р. от породы Gt глагола *paqādu* ‘быть осторожным’¹⁵⁹. Лакенбашер, однако, переводит: «Aie confiance! / Верь, доверяй (мне)!», что вряд ли оправданно¹⁶⁰. Точно такая же форма встречается в письме Суппилулиумы I угаритскому царю Никмадду II (RS 17.132 лиц. ст. 6)¹⁶¹.

(29) *alteme* — отметим отсутствие субьюнктива у глагольного сказуемого в придаточном предложении времени.

(30) *ki-kal×bad-meš* — в то время как Лакенбашер и Харрак переводят это выражение просто ‘лагерь’¹⁶², Дитрих придает особое значение показателю мн.ч. С его точки зрения, обнесенный стеной (*bād* в стк. 22) военный лагерь ассирийцев состоял из

¹⁴⁹ Lackenbacher 1982, 148, n. 32; Schwemer 2006, 256, n. 24.

¹⁵⁰ Ср., однако, контексты в CAD E 251, в которых слову *A.šà* = *eglu* приписывается значение двойной мили.

¹⁵¹ Dietrich 2003, 129, n. 85.

¹⁵² Lackenbacher 1982, 144, 148, n. 32; Harrak 1987, 142; Schwemer 2006, 256.

¹⁵³ Van Soldt 1991a, 868; Dietrich 2003, 129.

¹⁵⁴ Со ссылкой на GAG § 104h. Ср., однако, de Ridder 2018, 390 и CAD R 77–78, где формы с глайдом отсутствуют.

¹⁵⁵ Lackenbacher 1982, 144; Dietrich 2003, 116, 129.

¹⁵⁶ По Дитриху, возможна деривация от отглагольного прилагательного *hamdu* ‘скрытый’ (CAD H 66; ANw. 317) или от существительного *himittu* ‘увеливание’ (CAD H 191) с изменением гласного основы.

¹⁵⁷ Lackenbacher 1982, 148.

¹⁵⁸ Dietrich 2003, 129.

¹⁵⁹ CAD P 127, 441.

¹⁶⁰ Lackenbacher 1982, 148.

¹⁶¹ Nougayrol 1956, 35, pl. XVI.

¹⁶² Lackenbacher 1982, 148; Harrak 1987, 142.

нескольких частей, возможно, соответствовавших различным отрядам или родам войск ассирийской армии. Эта идея находит дополнительное подтверждение в дальнейшем тексте: в стк. 33–36 мы видим, что ассирийский царь уже выехал на битву, а пехотинцы и колесничие только покидают лагеря (*uṣ-ma[-an-na-a-t]i*). Это наводит Дитриха на мысль, что шумерограмма *ki-kal-bad* (или *ka-raš*) имеет в письме фонетическое чтение не *karāšu*, а *uṣmannu*¹⁶³.

(31) *s[a-ri-]ia-na-te-ku-nu* — форма мн.ч. существительного *siriam* ‘(кожаные) доспехи (с металлическими пластинами)’, определенная притяжательным местоименным суффиксом¹⁶⁴.

(32) *ru-u[k-b]a* — императив с огласовкой *u* — редкое явление для глагола *rakābu* ‘ехать верхом, садиться’¹⁶⁵. Кроме того, судя по прорисовке Дитриха, в лакуне мог бы поместиться еще один знак. Поэтому стоит рассмотреть еще один вариант чтения этого места: *ru-u[k-kī-b]a*, императив породы D 2 л. мн.ч. Порода D могла быть употреблена в значении множественности объекта или субъекта¹⁶⁶.

(32, 34) *il-lak-kà* — Дитрих допускает, что в данном случае, равно как и в форме *it-ta-ḡat-lak¹-ku* в стк. 39, необычное удвоение согласного может указывать на ударный характер предшествующего гласного¹⁶⁷.

(33) *ḡa-na-ku li¹-ta-na-a* — Лакенбашер допускала чтение *a[-na-ku ku-]dā-na-a*¹⁶⁸, очевидно, с переводом: «я запряг мула в мою колесницу». Швимер предлагал восстанавливать *[e]-dā-na-a*: «я сам один запряг мою колесницу»¹⁶⁹. Дитрих утверждает, что начальные знаки строки не утрачены полностью и их можно прочитать указанным образом. *Lītānā*, с его точки зрения, — это наречие образа действия от прилагательного *lītānū* ‘победный, победоносный’¹⁷⁰.

(34–36) Дитрих принимает все восстановления, предложенные Лакенбашер для этих строк, с одним исключением. В начале стк. 36 вместо *[il²-li²-ku²-n]i²* восстанавливается другой глагол движения *[it²-te²-ṣū²]*, представляющий собой параллель к форме *atteṣi* в стк. 33¹⁷¹.

(36) *[it²-te²-ṣū² x-]x i-na pa¹-n[i-i]a* — по мысли Дитриха, два не поддающихся восстановлению знака на этом отрезке текста представляли собой имя возникшего, который управлял колесницей ассирийского царя¹⁷². Знак PA выглядит как UGU, поэтому нельзя исключить чтения *i-na ugu-h[i-i]a*.

(37) *īterub* — глагол должен относиться к ассирийскому царю, который говорит о себе от первого лица, поэтому ожидалась бы форма *ēterub*¹⁷³.

Переводы Лакенбашер, Харрака и Швимера предполагают, что слово *rabā* является прилагательным и определяет существительное *dīkta* ‘битва, резня’ (вин. п.)¹⁷⁴. Однако такая трактовка подразумевает грамматическую ошибку: ожидалась бы форма не мужского, а женского рода, *rabīta*. Дитрих рассматривает *rabā* как наречие (in groβem Ausmaβ)¹⁷⁵, однако оно не засвидетельствовано словарями.

¹⁶³ Dietrich 2003, 130.

¹⁶⁴ CAD S 313.

¹⁶⁵ CAD R 83.

¹⁶⁶ Идея такого чтения принадлежит Ф.Э. Леконцеву.

¹⁶⁷ Dietrich 2003, 130.

¹⁶⁸ Lackenbacher 1982, 145, n. 20.

¹⁶⁹ Schwemer 2006, 256, n. 25.

¹⁷⁰ Dietrich 2003, 130.

¹⁷¹ Dietrich 2003, 116.

¹⁷² Dietrich 2003, 130.

¹⁷³ Lackenbacher 1982, 149, n. 34; Schwemer 2006, 256, n. 26.

¹⁷⁴ Lackenbacher 1982, 149; Harrak 1987, 142; Schwemer 2006, 256.

¹⁷⁵ Dietrich 2003, 117, 131, n. 95.

(38) Дитрих считает, что в начале строки необходимо восстанавливать [lú-nimgir é-gal] ‘дворцовый глашатай’, который, согласно его реконструкции текста, был посажен хеттским царем в Нихрию вместе с гарнизоном, см. об. ст. 5–6¹⁷⁶. О недостатках такого решения см. выше.

(39, 40) Восстановление Дитриха в начале строки контекстно убедительно, но не является единственно возможным. Нельзя исключать, что в лакуне говорилось о войске, перед которым бежал враг: *ul-tu pa-ni-ia*, [ù *ul-tu qu-ra-d*]i-ia «передо мной и моими воинами».

Ittābikū ittatlakkū — сочетание этих двух перфектных форм (порода N *abāku* со значением ‘быть выведенным’ и порода Gt *alāku* ‘идти’) является, по мнению Дитриха, гендиадисом со значением ‘отойти, отступить’¹⁷⁷. Дитрих справедливо переводит второй глагол как ‘уходить’, однако в нашем переводе мы добавляем смысловой оттенок начала движения («стали отходить») в соответствии с предложением Н. Кауэнберга об ингессиве как базовом значении породы Gt у глаголов движения¹⁷⁸.

(41сл.) Дитрих полагает, что в оставшихся строках шло описание преследования ассирийскими войсками своего противника.

Нелокализованный фрагмент

(4') [...] *erín-meš ša mi-na*[-...] — можно с осторожностью предположить, что в конце стоит слово *mīnu* ‘счет, число’¹⁷⁹, а всё словосочетание, определяющее *erín-meš*, означает «которые не имели счета, были бесчисленны».

ЯЗЫК RS 34.165: КРАТКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Выше отмечалось, что с лингвистической точки зрения письмо RS 34.165 нельзя охарактеризовать как среднеассирийское. Это странно с учетом того, что авторство традиционно приписывается ассирийскому царю. Видимо, в связи с этим в историографии высказывались предположения, что отправитель мог воспользоваться услугами писцов, воспитанных не в месопотамской, ассирийской, а в местной, сирийской, традиции¹⁸⁰. Так, например, Лакенбашер и Ф. Хауинк тен Кате предполагали, что RS 34.165 было послано в Угарит из Сирии¹⁸¹. Д’Альфонсо исключал из числа возможных мест написания документа Хатти и Каркемиш, однако при этом сама возможность создания текста где-то в зоне хеттского культурного влияния рассматривалась исследователем как вполне вероятная¹⁸².

К ассирийским чертам письма можно отнести следующие:

— формы без вавилонской гармонии гласных: *talqe* (лиц. ст. 14), *iltanammi* (лиц. ст. 25), *alteme* (об. ст. 17, 29), *ētapas* (фраг. 3’);

¹⁷⁶ Dietrich 2003, 131.

¹⁷⁷ Dietrich 2003, 131.

¹⁷⁸ Kouwenberg 2005, 80–84.

¹⁷⁹ CAD M/2 96.

¹⁸⁰ Следует заметить, что Сирия в данном случае понимается расширительно, включая территории не только к западу, но и к востоку от Евфрата, т.е. земли, которые ранее, до ассирийских завоеваний, входили в состав таких государств, как Митанни/Ханигальбат, Исува, Алзи (ср. оценку Лакенбашер в следующем примечании). На наш взгляд, обращение ассирийского царя к услугам выходцев из восточной части указанного ареала выглядит более правдоподобным: у нас нет надежных сведений о том, что в ходе своих военных кампаний Салманасар переправился на правый берег Евфрата (чем подчас пренебрегают в современной историографии, ср. Weeden 2022, 596).

¹⁸¹ Lackenbacher 1982, 152 (письмо характеризуется как *un document mitannien*); Houwink ten Cate 2007, 203.

¹⁸² D’Alfonso 2006, 307.

- формы глаголов *mediae infirmae*: *irēah* (об. ст. 24);
- форма статива 1 л. мн.ч.: *nakrāni* (лиц. ст. 39);
- пожелательные формы: *lūšeššû* (об. ст. 13);
- личное местоимение 1 л. мн.ч. *nēni* (лиц. ст. 38, 43).

Также в письме есть ряд черт, которые характерны не только для среднеассирийского, но и для других диалектов второй половины II тыс. до н.э., включая среднеавилонский и разнообразные периферийные идиомы:

- переход *št > lt* и *šd > ld*: *taltapra* (лиц. ст. 11), *iltapra* (лиц. ст. 12, 22), *altapraššu* (лиц. ст. 17), *iltanammû* (лиц. ст. 25), *ultu* (лиц. ст. 43, об. ст. 12, 16, 21, 24, 35, 38), *altapar* (об. ст. 7), *altaṭar* (об. ст. 18), *ultēbilaššu* (об. ст. 18), *altakan* (об. ст. 22), *iktalda* (об. ст. 26), *iltanappara* (об. ст. 27), *alteme* (об. ст. 29), *altasi* (об. ст. 30);
- наализация: *imangur* (об. ст. 19).

В то же время некоторые формы письма характерны именно для среднеавилонского диалекта и невозможны в среднеассирийском:

- *amāte* (вместо *abāte*) (лиц. ст. 25, об. ст. 17), *amāta* (вместо *abāta*) (об. ст. 1);
- *alammi* (вместо *alabbi*) (об. ст. 12);
- *īterbū* (вместо *ētarbū*) (лиц. ст. 36), *īterub* (вместо *ētarab*) (об. ст. 37);
- наличие отрицания *ul* (об. ст. 19)¹⁸³.

Выше также отмечались орфографические особенности, сближающие документ с хеттской письменной традицией. С учетом того, что ассиримы спорадически встречаются в текстах, написанных на различных сиро-анатолийских идиомах позднего бронзового века (Угарит, Эмар, Библ, Сидон, Хаттуса)¹⁸⁴, RS 34.165 целесообразнее рассматривать как документ, возникший вне ассирийских писцовых центров. Это может означать, что письмо было составлено Салманасаром по горячим следам победы при Нихрии, когда его западный поход еще продолжался и сам он действительно находился на верхнемесопотамских или сирийских территориях, как это уже предполагалось в историографии.

Вместе с тем это давнее наблюдение нуждается в одном уточнении. Вряд ли могла сложиться ситуация, при которой ассирийский царь оказался на чужой территории без сопровождения квалифицированных писцов, способных составить любую необходимую документацию. Само содержание RS 34.165 склоняет к тому, чтобы усомниться в таком сценарии: хеттский и ассирийский правители, находясь в походных условиях, активно обмениваются посланиями на протяжении всего описываемого в документе времени. Кроме того, данные среднеассирийских текстов свидетельствуют о разветвленном бюрократическом аппарате, включая писцов, постоянно готовом выполнить все поручения царя¹⁸⁵. Значит, привлечение к составлению RS 34.165 писца не из числа придворных бюрократов, носителей ассирийской традиции, было связано не с отсутствием нужных специалистов в военном лагере ассирийцев, а с какими-то другими обстоятельствами. Понять их, наверное, можно, обратившись к вопросу о целях составления самого письма. Как указывали многие

¹⁸³ Вопрос с вопросительным словом *ammīne* ‘почему’ представляется более сложным. Его стандартная среднеассирийская форма — *ana’īne* с типичным переходом в интервокальной позиции *m > ’*. В RS 34.165 она не представлена, вместо нее фиксируются: *am-mi-ni-e* (лиц. ст. 17, 38, об. ст. 8), *am-mi-ni-ma* (об. ст. 10). Однако эти формы, а также точно такие же формы в новоассирийском диалекте, который, что важно, не знает *ana’īne*, могут рассматриваться как продолжение староассирийского *ammīnim*. Они возникли из промежуточного варианта, в котором второй гласный предлога *ana* элидировался (*ana mīne > *an-mīne > am-mīne*) и появившееся в результате удвоение *m* препятствовало переходу *m > ’* (de Ridder 2018, 280).

¹⁸⁴ Например, Seminara 1998, 240, 299; Vita 2021, 1238 (Эмар); Huehnergard 1989, 276–280 (Угарит); Lackenbacher, Malbran-Labat 2016, 101 (Библ); Arnaud 1999–2000, 165, n. 153; 2001 (Сидон, где ассирийское влияние было особенно сильным); Beckman 2021 (Хаттуса).

¹⁸⁵ Jakob 2003, 235–261.

исследователи, комментировавшие RS 34.165, ассирийский царь стремился поколебать лояльность угаритского правителя по отношению к хеттам или даже переманить его на свою сторону¹⁸⁶. Для достижения максимального эффекта отправитель должен был облечь свое послание в наиболее понятную для адресата форму, т.е. писать на том изводе аккадского языка, который хорошо знали в Сирии и самом Угарите¹⁸⁷. Угаритскому царю должно было льстить, что к нему обращаются как к суверенному, равному государю, используя привычные для него обороты и термины. Безусловно, на ответственную роль составителя такого послания лучше всего подходил писец, хорошо ориентировавшийся в особенностях местного делопроизводства и стиля.

Литература / References

- Arkhipov, I., Kalinin, M., Loesov, S. 2021: A Historical Overview of the Akkadian Morphosyntax. In: J.-P. Vita (ed.), *History of the Akkadian Language*. Vol. 1: *Linguistic Background and Early Periods*. (Handbuch der Orientalistik, I/152/1). Leiden–Boston, 228–365.
- Arnaud, D. 1999–2000: Une bêche-de-mer antique. La langue des marchands à Tyr à la fin du XIIIe siècle. *Aula Orientalis* 17–18, 143–166.
- Arnaud, D. 2001: Le jargon épistolaire de Sidon à la fin de l'âge du Bronze récent. In: M. Yon, D. Arnaud (éds.), *Études ougaritiques* I. *Travaux 1985–1995*. (Ras Shamra – Ugarit, XIV). Paris, 291–322.
- Bányai, M. 2010: Ist Urḫi-Tešup der König von Zulapa? *Anatolica* 36, 1–16.
- Bányai, M. 2011: Die Niḫrīya-Schlacht – vorher und danach. *Anatolica* 37, 207–237.
- Beckman, G. 1996: *Hittite Diplomatic Texts*. (Society of Biblical Literature Writings from the Ancient World, 7). Atlanta.
- Beckman, G. 2021: Akkadian and the Hittites. In: J.-P. Vita (ed.), *History of the Akkadian Language*. Vol. 2: *The Second and First Millennia BCE. Afterlife*. (Handbuch der Orientalistik, I/152/2). Leiden–Boston, 1266–1292.
- Belmonte Marín, J.A. 2001: *Die Orts- und Gewässernamen der Texte aus Syrien im 2. Jt. v. Chr.* (Répertoire géographique des textes cunéiformes, 12/2). Wiesbaden.
- Bloch, Y. 2012: *Studies in Middle Assyrian Chronology and Its Implications for the History of the Ancient Near East in the 13th Century B.C.E.* PhD thesis. Jerusalem.
- Borger, R. 2004: *Mesopotamisches Zeichenlexikon*. (Alter Orient und Altes Testament, 305). Münster.
- Bryce, T. 2003: *Letters of the Great Kings of the Ancient Near East. The Royal Correspondence of the Late Bronze Age*. London–New York.
- Bryce, T. 2005: *The Kingdom of the Hittites. New Edition*. Oxford.
- Cancik-Kirschbaum, E. 1996: *Die mittellassyrischen Briefe aus Tall Šēḫ Ḥamad*. (Berichte der Ausgrabung Tall Šēḫ Ḥamad / Dūr-Katlimmu, 4/1). Berlin.
- Cancik-Kirschbaum, E. 2008: Assur und Hatti – zwischen Allianz und Konflikt. In: G. Wilhelm (ed.), *Ḫattuša – Boğazköy. Das Hethiterreich im Spannungsfeld des Alten Orients*. (Colloquien der Deutschen Orient-Gesellschaft, 6). Wiesbaden, 205–222.
- Cancik-Kirschbaum, E., Hess, C. 2016: *Toponyme der mittellassyrischen Texte: Der Westen des mittellassyrischen Reiches*. (Materialien zu Toponymie und Topographie. Obermesopotamien im 2. Jt. v.Chr., I/2). Anthony.
- Caubet, A. 2003: The Case of Ugarit and Carchemish: A Contrast. In: W.G. Dever, S. Gitin (eds.), *Symbiosis, Symbolism, and the Power of the Past. Canaan, Ancient Israel, and Their Neighbors from the Late Bronze Age through Roman Palaestina. Proceedings of the Centennial Symposium, W.F. Albright Institute of Archaeological Research and American Schools of Oriental Research Jerusalem, May 29–31, 2000*. Winona Lake, 17–21.
- Cohen, Y. 2017: Heads and Tails? In: A. Baruchi-Unna, T. Forti, Sh. Ahituv, I. Eph'al, J.H. Tigay (eds.), *“Now It Happened in Those Days”*. *Studies in Biblical, Assyrian, and Other Ancient Near*

¹⁸⁶ Например, Dietrich 2003, 133; Bryce 2005, 317; Weeden 2022, 596. Ср. также Harrak 1987, 186.

¹⁸⁷ Как предполагалось в литературе, нельзя исключать, что аналогичные письма были направлены другим хеттским вассалам (Dietrich 2003, 133).

- Eastern Historiography Presented to Mordechai Cogan on His 75th Birthday*. Vol. II. Winona Lake, 539–552.
- Cohen, Y., Torrecilla, E. 2022: The Campaign against the Suteans and the Project in The Land of Mukiš: A Consideration of Letters RSO 23 28–36, and 39 from the House of Urtenu in Ugarit. In: Y. Cohen, A. Gilan, L. Cerquelligni, B. Sheyahatovitch (eds.), “*Carrying a Torch to Distant Mountains*”. *The IOS Annual*. Vol. 21. Leiden–Boston, 29–49.
- D’Alfonso, L. 2006: Die hethitische Vertragstradition in Syrien (14.–12. Jh. v. Chr.). In: M. Witte, K. Schmid, D. Prechel, J. Chr. Gertz (Hrsg.), *Die deuteronomistischen Geschichtswerke. Redaktions- und religionsgeschichtliche Perspektiven zur „Deuteronomismus“-Diskussion in Tora und Vorderen Propheten*. (Beihefte zur Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft, 365). Berlin, 303–329.
- Del Monte, G.F. 1992: *Die Orts- und Gewässernamen der hethitischen Texte. Supplement*. (Répertoire géographique des textes cunéiformes, 6/2). Wiesbaden.
- Del Monte, G.F., Tischler, J. 1978: *Die Orts- und Gewässernamen der hethitischen Texte*. (Répertoire géographique des textes cunéiformes, 6). Wiesbaden.
- Dietrich, M. 2003: Salmanassar I. von Assyrien, Ibirānu (VI.) von Ugarit und Tudḫaliya IV. von Ḫatti. RS 34.165 und die Schlacht von Niḫrija zwischen den Hethitern und Assyriern. *Ugarit-Forschungen* 35, 103–139.
- Dietrich, M. 2004: Salmanassar I. von Assyrien, Ibirānu (VI.) von Ugarit und Tudḫaliya IV. von Ḫatti. Ein Korrekturnachtrag. *Ugarit-Forschungen* 36, 41–42.
- Edel, E. 1994: *Die ägyptisch-hethitische Korrespondenz aus Boghazköi in babylonischer and hethitischer Sprache*. Bd. II: *Kommentar*. (Abhandlungen der Rheinisch-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, 77). Opladen.
- Fales, M. 2011: Transition: Assyrians at the Euphrates between the 13th and the 12th Century BC. In: K. Strobel (ed.), *Empires after Empire: Anatolia, Syria and Assyria after Suppiluliuma II (ca. 1200–800/700 B.C.)*. (Eothen, 17). Florence, 9–59.
- Freu, J. 2003: De la confrontation à l’entente cordiale: Les relations assyro-hittites à la fin de l’âge du Bronze (ca. 1250–1180 av. J.C.). In: G. Beckman, R. Beal, G. McMahon (eds.), *Hittite Studies in Honor of Harry H. Hoffner Jr. on the Occasion of His 65th Birthday*. Winona Lake, 101–118.
- Freu, J. 2006: *Histoire politique du royaume d’Ugarit*. Paris.
- Freu, J. 2007: La bataille de Niḫrija, RS 34.165, KBo 4.14 et la correspondance assyro-hittite. In: D. Groddek, M. Zorman (eds.), *Tabularia Hethaeorum. Hethitologische Beiträge Silvin Košak zum 65. Geburtstag*. (Dresdner Beiträge zur Hethitologie, 25). Wiesbaden, 271–292.
- Freu, J., Mazoyer, M. 2009: *Le déclin et la chute du Nouvel empire Hittite: Les Hittites et leur histoire*. Paris.
- Fuscagni, F. 2014: Vertrag mit einem unbekannten Herrscher (CTH 123). URL: https://www.hethport.uni-wuerzburg.de/txhet_svh/intro.php?xst=CTH%20123&prgr=&lg=DE&ed=F.%20Fuscagni; дата обращения: 16.11.2023.
- Giorgieri, M. 2001: Der Löwe und der Fuchs in dem Brief KBo 1.14. *Orientalia* 70, 89–96.
- Giorgieri, M. 2011: Das Verhältnis Assyriens zum Hethiterreich. In: J. Renger (Hrsg.), *Assur – Gott, Stadt und Land. 5. Internationales Colloquium der Deutschen Orient-Gesellschaft 18.–21. Februar 2004 in Berlin*. (Colloquien der Deutschen Orient-Gesellschaft, 5). Wiesbaden, 169–190.
- Hagenbuchner, A. 1989: *Die Korrespondenz der Hethiter*. 1. Teil: *Die Briefe unter ihren kulturellen, sprachlichen und thematischen Gesichtspunkten*. (Texte der Hethiter, 15). Heidelberg.
- Harrak, A. 1987: *Assyria and Hanigalbat. A Historical Reconstruction of Bilateral Relations from the Middle of the Fourteenth to the End of the Twelfth Centuries B.C.* (Texte und Studien zur Orientalistik, 4). Hildesheim–Zürich–New York.
- Harrak, A. 1998: Sources épigraphiques concernant les rapports entre assyriens et hittites à l’âge du Bronze Récent. In: *XXXIVème Rencontre assyriologique internationale / XXXIV. Uluslararası Assirioloji Kongres / XXXIV International Assyriology Congress*. 6–10/VII/1987 İstanbul. Ankara, 239–252.
- Hoffner, H.A., Jr. 2009: *Letters from the Hittite Kingdom*. (Writings from the Ancient World / Society of Biblical Literature, 15). Atlanta.
- Houwink ten Cate, Ph.H.J. 2007: The Hittite Usage of the Concepts of ‘Great Kingship’, the Mutual Guarantee of Royal Succession, the Personal Unswerving Loyalty of the Vassal to his Lord and the ‘Chain of Command’ in Vassal Treaties from the 13th B.C.E. In: C. Wilcke (Hrsg.), *Das geistige Erfassen der Welt im Alten Orient. Beiträge zu Sprache, Religion, Kultur und Gesellschaft*. Wiesbaden, 191–207.
- Huehnergard, J. 1989: *The Akkadian of Ugarit*. (Harvard Semitic Studies, 34). Atlanta.

- Huehnergard, J. 2011: *A Grammar of Akkadian. Third Edition.* (Harvard Semitic Studies, 45). Atlanta.
- Jakob, S. 2003: *Mittelassyrische Verwaltung und Sozialstruktur. Untersuchungen.* (Cuneiform Monographs, 29). Leiden–Boston.
- Jeffers, J. 2017: The Non-Intercalated Lunar Calendar of the Middle Assyrian Period. *Journal of Cuneiform Studies* 69, 151–191.
- Kessler, K. 1980: *Untersuchungen zur historischen Topographie Nordmesopotamiens nach keilschriftlichen Quellen des 1. Jahrtausends v. Chr.* (Tübinger Atlas des Vorderen Orients, B/26). Wiesbaden.
- Klengel, H. 1999: *Geschichte des hethitischen Reiches.* (Handbuch der Orientalistik, I/34). Leiden–Boston–Köln.
- Kouwenberg, N.J.C. 2004: The Assyrian Light on the History of the N-Stem. In: J.G. Dercksen (ed.), *Assyrian and Beyond. Studies Presented to Mogens Trolle Larsen.* (Publications de l'Institut historique-archéologique néerlandais de Stamboul, 100). Leiden, 333–352.
- Kouwenberg, N.J.C. 2005: Reflections on the Gt-Stem in Akkadian. *Zeitschrift für Assyriologie und vorderasiatische Archäologie* 95, 77–103.
- Kouwenberg, N.J.C. 2010: *The Akkadian Verb and Its Semitic Background.* (Languages of Ancient Near East, 4). Winona Lake.
- Kouwenberg, N.J.C. 2017: *A Grammar of Old Assyrian.* (Handbuch der Orientalistik, I/118). Leiden–Boston.
- Labat, R. 1976: *Manuel d'épigraphie akkadienne (Signes, Syllabaire, Idéogrammes).* Paris.
- Lackenbacher, S. 1982: Nouveaux documents d'Ugarit I. – Une lettre royale. *Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale* 76, 141–156.
- Lackenbacher, S. 1991: RS 34.165. Lettre du roi (d'Assyrie?) au roi (d'Ougarit?) relatant les manœuvres diplomatiques et militaires aboutissant à la victoire de son expéditeur sur le roi hittite Tudhaliya (IV). In: P. Bordreuil, D. Arnaud, D. André-Salvini, S. Lackenbacher, F. Malbran-Labat, D. Pardee (éd.), *Ras Shamra – Ougarit VII: Une bibliothèque au sud de la ville. Les textes de la 34e campagne (1973).* Paris, 90–100.
- Lackenbacher, S. 2002: *Textes akkadiens d'Ugarit.* (Littératures anciennes du Proche-Orient, 20). Paris.
- Lackenbacher, S., Malbran-Labat, F. 2016: *Lettres en akkadien de la «Maison d'Urtēnu», fouilles de 1994.* (Ras Shamra – Ougarit, XXIII). Leuven–Paris–Bristol (CT).
- Laroche, E. 1966: *Les noms des Hittites.* (Études linguistiques, 4). Paris.
- Liverani, M. 1963: Antecedenti del diptotismo arabo nei testi accadici di Ugarit. *Rivista degli studi orientali* 38, 131–160.
- Liverani, M. 1990: *Prestige and Interest. International Relations in the Near East ca. 1600–1100 B.C.* (History of the Ancient Near East / Studies, 1). Padova.
- Llop-Radua, J. 2015: Foreign Kings in the Middle Assyrian Archival Documentation. In: B.S. Düring (ed.), *Understanding Hegemonic Practices of the Early Assyrian Empire. Essays Dedicated to Frans Wiggermann.* (Publications de l'Institut historique-archéologique néerlandais de Stamboul, 125). Leiden, 243–273.
- Machinist, P. 1978: *The Epic of Tukulti-Ninurta I. A Study in Middle Assyrian Literature.* PhD thesis. Yale.
- Malbran-Labat, F. 2008: Catalogue raisonné des textes akkadiens de la «Maison d'Urtēnu». In: C. Roche (éd.), *D'Ougarit à Jérusalem. Recueil d'études épigraphiques et archéologiques offert à Pierre Bordreuil.* Paris, 21–38.
- Martino, S. de 2016: *Da Kussara a Karkemish, storia del regno ittita.* Firenze.
- Miller, J. 2012: The Location of Niḥriya and Its Disassociation from Na'iri. In: H.D. Baker, K. Kaniuth, A. Otto (eds.), *Stories of Long Ago. Festschrift für Michael D. Roaf.* (Alter Orient und Altes Testament, 397). Münster, 349–372.
- Mora, C. 2005: Il conflitto tra Ittiti e Assiri e le molteplici interpretazioni di un evento non narrato. In: F. Pecchioli Daddi, M.C. Guidotti (eds.), *Narrare gli eventi. Atti del convegno degli orientalisti italiani in margine alla mostra «La battaglia di Qadesh».* (Studia Asiana, 3). Roma, 245–256.
- Mora, C., Giorgieri, M. 2004: *Le lettere tra i re ittiti e i re assiri ritrovate a Ḫattuša.* (History of the Ancient Near East / Monographs, VII). Padova.
- Nemirovsky, A.A. 2003: [Synchronisms of the Epoch of Hattusili III and the “Shorter” Chronology of the Near Eastern LBA]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 2, 3–15.
Немировский, А.А. Синхронизмы эпохи Хаттусилиса III и «короткая» хронология поздне-бронзового века. *ВДИ* 2, 3–15.
- Nemirovsky, A.A. 2008: [Hittite-Assyrian Relations in the Late 13th and Early 12th c. BC]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 2, 3–24.

- Немировский, А.А. К истории хетто-ассирийских отношений в конце XIII — начале XII в. до н.э. *ВДИ* 2, 3—24.
- Nemirovsky, A.A., Alexandrov, B.E. 2007: «*Na Solntse, otsa moego, ya polagayus'*»: *IBoT I 34 i istoriya Verkhney Mesopotamii v XIII v. do n.e.* [“*In the Sun, My Father, I Trust*”: *IBoT I 34 and the History of the Upper Mesopotamia in the 13th Century B.C.E.*]. Moscow.
- Немировский, А.А., Александров, Б.Е. «*На Солнце, отца моего, я полагаюсь*»: *IBoT I 34 u istoriya Verkhney Mesopotamii v XIII v. do n.e.* М.
- Nougayrol, J. 1956: *Le palais royal d'Ugarit. IV: Textes accadiens des archives sud (Archives internationales)*. Paris.
- Orlamünde, J. 2001: Zur Datierung und historischen Interpretation des hethitischen Orakelprotokolls KUB 5.1+. In: G. Wilhelm (Hrsg.), *Akten des IV. Internationalen Kongresses für Hethitologie, Würzburg, 4.—8. Oktober 1999*. (Studien zu den Boğazköy-Texten, 45). Wiesbaden, 511—523.
- Radner, K. 1998: Der Gott Salmānu („Šulmānu“) und seine Beziehung zur Stadt Dūr-Katlimmu. *Welt des Orients* 29, 33—51.
- Reculeau, H. 2022: Assyria in the Late Bronze Age. In: K. Radner, N. Moeller (eds.), *The Oxford History of the Ancient Near East. Vol. III: From the Hyksos to the Late Second Millennium BC*. Oxford, 707—800.
- Ridder, J.J. de 2018: *Descriptive Grammar of Middle Assyrian*. (Leipziger Altorientalistische Studien, 8). Wiesbaden.
- Sassmannhausen, L. 1995: Funktion und Stellung der Herolde (NIGIR / nāgīru) im Alten Orient. *Baghdader Mitteilungen* 26, 85—194.
- Schaeffer-Forrer, C.F.A. 1978: Épaves d'une bibliothèque d'Ugarit. *Ugaritica* 7, 399—405, pl. I—LVIII.
- Schwemer, D. 2006: Briefe aus den Archiven von Ugarit. Briefe in akkadischer Sprache. In: B. Janowski, G. Wilhelm (Hrsg.), *Texte aus der Umwelt des Alten Testaments. Neue Folge. Bd. 3: Briefe*. Gütersloh, 249—264.
- Seminara, S. 1998: *L'accadico di Emar*. (Materiale per il vocabolario sumerico, 6). Roma.
- Singer, I. 1985: The Battle of Niḫriya and the End of the Hittite Empire. *Zeitschrift für Assyriologie und vorderasiatische Archäologie* 75, 100—121.
- Singer, I. 1999: A Political History of Ugarit. In: W.G.E. Watson, N. Wyatt (eds.), *Handbook of Ugaritic Studies*. (Handbuch der Orientalistik, I/39). Leiden—Boston—Köln, 604—733.
- Sövegjártó, S. 2021: The Fox in Ancient Mesopotamia: From Physical Characteristics to Anthropomorphized Literary Figure. In: L. Recht, Chr. Tsouparopoulou (eds.), *Fierce Lions, Angry Mice and Fat-tailed Sheep: Animal Encounters in the Ancient Near East*. Cambridge, 95—102.
- Stefanini, R. 1965: KBo IV 14 = VAT 13049. *Atti Accademia Nazionale dei Lincei. Serie 8*, 20/1—2, 40—79.
- Stipich, B. 2014: Zulapi — eine Grossmacht im spätbronzezeitlichen Syrien? In: Z. Csabai (ed.), *Studies in Economic and Social History of the Ancient Near East in Memory of Péter Vargyas*. (Ancient Near Eastern and Mediterranean Studies, 2). Budapest, 337—353.
- Thames, J.T. 2023: International Politics and Local Change at Emar in the Late Bronze Age. *Journal of Ancient Near Eastern History* 10, 23—52.
- Van Soldt, W. 1991a: Review of Harrak 1987. *Bibliotheca orientalis* 48/5—6, 865—870.
- Van Soldt, W. 1991b: *Studies in the Akkadian of Ugarit: Dating and Grammar*. (Alter Orient und Altes Testament, 40). Neukirchen-Vluyn.
- Vita, J.-P. 2002: Warfare and Army at Emar. *Altorientalische Forschungen* 29, 113—127.
- Vita, J.-P. 2021: Akkadian in Syria and Canaan. In: J.-P. Vita (ed.), *History of the Akkadian Language. Vol. 2: The Second and First Millennia BCE. Afterlife*. (Handbuch der Orientalistik, I/152/2). Leiden—Boston, 1213—1265.
- Wäfler, M. 2007: Tall al-Ḥamīdiya: Ta'īdu. *Hefte des Archäologischen Seminars der Universität Bern* 20, 33—58.
- Weeden, M. 2022: The Hittite Empire. In: K. Radner, N. Moeller (eds.), *The Oxford History of the Ancient Near East. Vol. III: From the Hyksos to the Late Second Millennium BC*. Oxford, 529—622.
- Wilhelm, G. 1970: *Untersuchungen zum Hurro-Akkadischen von Nuzi*. (Alter Orient und Altes Testament, 9). Kevelaer—Neukirchen-Vluyn.
- Wilhelm, G., Boese, J. 1979: Aššur-dān I., Ninurta-apil-Ekur und die mittelasyrische Chronologie. *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes* 71, 19—38.
- Yamada, M. 2011: The Second Military Conflict between 'Assyria' and 'Hatti' in the Reign of Tukulti-Ninurta I. *Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale* 105, 199—220.

-
- Yon, M. 1995: La Maison d'Ourtenou dans le quartier sud d'Ougarit (fouilles 1994). In: *Académie des inscriptions et belles-lettres. Comptes rendus des séances de l'année 1995, avril–juin*. Paris, 427–443.
- Yon, M. 2006: *The Royal City of Ugarit on the Tell of Ras Shamra*. Winona Lake.
- Zaccagnini, C. 1990: The Forms of Alliance and Subjugation in the Near East of the Late Bronze Age. In: L. Canfora, M. Liverani, C. Zaccagnini (eds.), *I trattati nel mondo antico. Forma, ideologia, funzione*. Roma, 37–79.

Boris E. Alexandrov,

Lomonosov Moscow State University;
HSE University,
Moscow, Russia

E-mail: boris_alexandrov@icloud.com

ORCID: 0000-0001-7295-0628

Acknowledgements: Russian Science Foundation,
project no. 18-18-00503

Б.Е. Александров,

к.и.н., доцент кафедры истории древнего мира
исторического факультета МГУ
имени М.В. Ломоносова;

доцент Института классического Востока
и античности НИУ ВШЭ,
Москва, Россия

УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ
В «ВЕСТНИКЕ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ» В 2023 ГОДУ

	№	Стр.
<i>Pérez González J.</i> (Girona, Spain), <i>Lario Devesa A.</i> , <i>Remesal Rodríguez J.</i> (Barcelona, Spain) — Amphora Traceability in the Roman West: Recognition of Patterns of Commercial Connectivity in the Roman Empire through the Application of Network Science to Amphoric Epigraphy.....	2	313
<i>Yakubovich I.</i> (Marburg, Germany) — “Daiva Inscription” of Xerxes: Historical Account, Ideological Statement, or Propaganda?.....	1	5
<i>Ауров О.В.</i> (Москва) — Territorium: Сюжет из истории муниципального строя в городах Испании V–VII вв.	2	340
<i>Бессонов И.А.</i> (Москва) — Древнееврейские пророчества о восстановлении династии Давида: фольклорная и литературная традиция и ее отражение в библейской литературе.....	4	796
<i>Богданов И.В.</i> (Санкт-Петербург) — «Конец вечности» как теологическая категория в египетской эсхатологии.....	2	257
<i>Богданов И.В.</i> (Санкт-Петербург) — Аспекты теологической категории бессмертия в позднеегипетской религии.....	3	515
<i>Богданов И.В.</i> (Санкт-Петербург) — О судьбе двух рельефов Древнего царства из раскопок Селима Хасана в Саккара.....	4	763
<i>Дедюлькин А.В.</i> (Ростов-на-Дону), <i>Смирнов С.В.</i> (Москва) — Шлем Диодота Трифона: опыт нумизматического и археологического исследования.....	3	539
<i>Дурново М.В.</i> (Москва) — Самопродажа ad actum gerendum в классическом римском праве.....	3	593
<i>Дымская Д.Д.</i> (Санкт-Петербург) — Катилина и лозунг tabulae novae.....	4	836
<i>Елисеева Л.Г.</i> (Москва) — «Параграфы» мотивировочной части в почетных декретах Ольвии, Истрии, Одесса и Аполлонии Понтийской.....	1	54
<i>Иванова А.В.</i> (Москва) — Источники импортов восточного происхождения в святилище Геры на Самосе.....	4	813
<i>Кириллова М.Н.</i> (Москва) — <i>Disciplina Etrusca</i> и формирование римского ортогонального межевания.....	1	94
<i>Криволапов Г.Л.</i> (Москва) — Цезарь, Каппадокия и Малая Армения.....	3	576
<i>Любимова О.В.</i> (Москва) — Политическая позиция Гая Атея Капитона, плебейского трибуна 55 г. до н.э.....	3	556
<i>Меркин Д.Б.</i> (Москва) — Стела из Асклепиона на о. Кос как свидетельство трансформации религиозного праздника в Дидимах и «пропаганды» культа Аполлона.....	4	823
<i>Напольских В.В.</i> (Москва/Екатеринбург) — Иордан и его «Гетика» в труде Родриго Хименеса де Рады «De rebus Hispaniae».....	4	850
<i>Немировский А.А.</i> (Москва) — Об одной неопубликованной ассирийской печати (ММА 1999.325.90).....	4	778
<i>Никольский Б.М.</i> (Москва) — Папирус <i>P. Оху. 2180</i> и текст «Царя Эдипа» Софокла. Часть II. Ошибочные чтения.....	1	27
<i>Нуруллин Р.М.</i> (Москва) — Слова Сидури: к вопросу об искусстве аккадского стихосложения.....	2	274
<i>Суриков И.Е.</i> (Москва) — Существовал ли ранний историк Симонид Кеосский?.....	2	298

<i>Трейстер М.Ю.</i> (Бонн, Германия) — Двусторонние стеклянные геммы из сарматских погребений Нижнего Поволжья.....	1	72
--	---	----

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Абрамзон М.Г.</i> (Москва/Магнитогорск) — Клад тетрадрахм митридатского времени из Херсонеса.....	3	606
<i>Абрамзон М.Г.</i> (Москва/Магнитогорск), <i>Захаров Е.В.</i> (Москва), <i>Никитин А.Б.</i> (Санкт-Петербург), <i>Смирнов С.В.</i> (Москва) — Античные монеты из коллекции Н.К. Минко (Государственный исторический музей Южного Урала). Часть I. Азия и Египет.....	1	114
<i>Абрамзон М.Г.</i> (Москва/Магнитогорск), <i>Панкратова Е.Г.</i> (Санкт-Петербург), <i>Петрова Е.В.</i> (Челябинск), <i>Трейстер М.Ю.</i> (Бонн, Германия) — Античные и византийские монеты из коллекции Н.К. Минко (Государственный исторический музей Южного Урала). Ч. II. Боспор, поздняя Римская империя, Византия.....	2	367
<i>Иванчик А.И.</i> (Москва/Бордо, Франция) — Новая надпись с поселения Каменная батарея на Азиатском Боспоре.....	3	620
<i>Копылов В.П.</i> (Ростов-на-Дону), <i>Шелов-Коведяев Ф.В.</i> (Москва) — Мерное клеймо из раскопок Елизаветовского (Елизаветинского) городища на Дону.....	2	391
<i>Чепель Е.Ю.</i> (Москва), <i>Шаврин Я.А.</i> (Санкт-Петербург) — Греческие папирусы из собрания Музея истории Пермского университета (<i>P. Perm.</i>).....	1	134

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

<i>Ladynin I.A.</i> (Moscow) — An Egyptian Sculptors' Model of the Late Period in the Pushkin State Museum of Fine Arts, Moscow (ГМИИ I, 1a 4127).....	4	868
<i>Крол А.А., Малых С.Е., Костюкевич Ю.И.</i> (Москва) — Керамика из археологического комплекса Хор-Дауд (Египет) в собрании ГМИИ им. А.С. Пушкина: новые данные.....	3	632
<i>Ладынин И.А.</i> (Москва) — Маски священных соколов с изображением царя из египетского собрания ГМИИ имени А.С. Пушкина.....	1	164
<i>Макеева Н.В.</i> (Санкт-Петербург), <i>Анохина Е.А.</i> (Москва) — Два остракона с гимном Нильскому разливу в древнеегипетском собрании ГМИИ им. А.С. Пушкина.....	2	402

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Демидчик А.Е.</i> (Санкт-Петербург/Новосибирск), <i>Макеева Н.В.</i> (Санкт-Петербург) — Вклад ленинградской школы египтологии в мировую науку о Древнем Востоке.....	4	877
<i>Колышницына Н.В., Ланцов С.Б.</i> (Симферополь) — Заграничные командировки выпускников Императорского Санкт-Петербургского историко-филологического института.....	4	902
<i>Ладынин И.А.</i> (Москва) — Проблемы периодизации и принципы выделения этапов истории древности в отечественной науке XX–XXI веков. Часть I.....	2	421
<i>Ладынин И.А.</i> (Москва) — Проблемы периодизации и принципы выделения этапов истории древности в отечественной науке XX–XXI вв. Часть 2.....	3	657
<i>Скворцов А.М.</i> (Челябинск) — «Сейчас предстоит или возродить ... или окончательно его погубить»: введение и скорая отмена латинского языка в советских школах (конец 1940-х — первая половина 1950-х годов).....	1	185

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Барышников А.Е.</i> (Нижний Новгород) — Иногда она возвращается: очередной виток дискуссии о романизации? (По поводу книги О. Belvedere, J. Bergemann. Imperium Romanum: Romanization between Colonization and Globalization. Palermo, 2021).....	2	453
<i>Короленков А.В.</i> (Москва) — J. A. Rosenblitt. Rome after Sulla. London—New York, 2019.....	1	202
<i>Короленков А.В.</i> (Москва) — J. Gerrish. Sallust's Histories and Triumviral Historiography: Confronting the End of History. London—New York, 2019.....	4	929

<i>Метель О.В.</i> (Омск) — Современный взгляд на «Советскую Древность», или Размышления о монографии С. Г. Карпюка ««Советская Древность»: история науки и общества в 1930–1960-е годы». Москва, 2021.....	3	700
<i>Никишин В.О.</i> (Москва)— J. McNamara, V. E. Pagán (eds.). Tacitus' Wonders: Empire and Paradox in Ancient Rome. London—New York, 2022.....	2	461
<i>Никольский И.М.</i> (Москва) — P. Roche. Dracontius' Orestes. London, 2022.....	4	950
<i>Подосинов А.В.</i> (Москва/Петрозаводск) — R. Gagné. Cosmography and the Idea of Hyperborea in Ancient Greece. A Philology of Worlds. Cambridge, 2021.....	1	207
<i>Синицын А.А.</i> (Санкт-Петербург), <i>Суриков И.Е.</i> (Москва) — C. Baron (ed.). The Herodotus Encyclopedia. Vol. I—III. Hoboken (NJ), 2021.....	3	690
<i>Суриков И.Е.</i> (Москва) — A. O. Boulton. Democracy and Empire: The Athenian Invasion of Sicily, 415–413 BCE. Lanham, 2021.....	4	942
<i>Тункина И.В.</i> (Санкт-Петербург) — Г.М. Николаенко, Т.Н. Смекалова, Э.А. Терехин, А.Е. Пасуманский. Атлас ближней хоры Херсонеса Таврического. Т. I. Санкт-Петербург, 2020; Г.М. Николаенко, Т.Н. Смекалова, Э.А. Терехин, Е.Н. Воскресенская, В.В. Лебединский, А.Е. Пасуманский. Атлас ближней хоры Херсонеса Таврического. Т. II. Санкт-Петербург, 2022.....	4	934
<i>Хрусталёв В.К.</i> (Санкт-Петербург/Псков) — C. Criste. 'Voluntas auditorum'. Forensische Rollenbilder und emotionale Performanzen in den spätrepublikanischen 'quaestiones'. Heidelberg, 2018.....	2	446
<i>Хрусталёв В.К.</i> (Санкт-Петербург/Псков) — А. М. Сморгков. Валерий Максим. Девять книг достопамятных деяний и высказываний. Перевод с латинского, комментарии, вступительная статья и приложения. Москва, 2020.....	3	683

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Андреева Е.Н., Кириллова М.Н., Соломатина Е.И.</i> (Москва) — Симпозиум «Историк и текст — XI» и круглый стол «Цивилизации древнего Ближнего Востока и античности: историческая динамика общего и особенного» (Москва, 30 июня — 1 июля; 12–13 декабря 2022 г.).....	4	956
<i>Антонец Е.В.</i> (Москва) — XXII коллоквиум Международного комитета по латинской палеографии (Прага, 14–16 сентября 2022 г.).....	3	710
<i>Бугаева Н.В.</i> (Москва) — Научная конференция памяти заслуженного профессора Московского университета Ии Леонидовны Маяк (1922–2018) (Москва, 30 сентября — 1 октября 2022 г.).....	1	219
<i>Габелко О.Л.</i> (Москва) — XIII Всероссийская конференция «Миусские античные посиделки» (Москва, 31 марта — 1 апреля 2023 г.).....	4	964
<i>Гвоздева Т.Б.</i> (Москва) — Всероссийская научная конференция «Эллинская агонистика — от античности до наших дней» (Москва, 4 июня 2022 г.).....	3	707
<i>Горончаровский В.А., Климов О.Ю.</i> (Санкт-Петербург) — Секция «Античный мир и Северное Причерноморье» II Петербургского исторического форума (Санкт-Петербург, 10–16 октября 2022 г.).....	2	481
<i>Карпюк С.Г.</i> (Москва), <i>Скворцов А.М.</i> (Санкт-Петербург) — Научная конференция «Советская древность — VIII. Древняя история и историки древности не нашего века» (Санкт-Петербург, 24–25 ноября 2022 г.).....	2	487
<i>Климов О.Ю., Кулишова О.В., Пантелеев А.Д., Жестоканов С.М.</i> (Санкт-Петербург) — XXIV Жебелёвские чтения в Санкт-Петербургском государственном университете (Санкт-Петербург, 26–28 октября 2022 г.).....	1	224
<i>Кузнецова Е.В., Монахов С.Ю., Растегаева М.Н., Чурекова Н.Б.</i> (Саратов) — VII Всероссийская научная конференция «Слово и артефакт: междисциплинарные подходы к изучению античной истории» (Саратов, 14–17 октября 2021 г.).....	2	470

Солопов А.И. (Москва) — Всероссийская научная конференция «Классическая филология в контексте мировой культуры — XV. Научные чтения, посвященные 100-летию юбилею профессора Азы Алибековны Тахо-Годи» (Москва, 9–10 декабря 2022 г.).....	3	715
--	---	-----

Шадрина Н.А., Рунг Э.В., Венедиктова Е.А. (Казань) — Проблемы истории древних империй на международном научном симпозиуме «На плечах гигантов: Петр Великий и имперский опыт России в контексте мировой истории» (Казань, 26–28 сентября 2022 г.).....	1	216
--	---	-----

PERSONALIA

К юбилею Владимира Дмитриевича Кузнецова.....	3	720
К 90-летию Григория Максимовича Бонгард-Левина.....	3	722
Арутюнян А.Ж. (Ереван, Армения) — Яков Амазаспович Манандян: к 150-летию патриарха армянской историографии.....	4	969

Курт Арнольд Раафлауб (1941–2023).....	4	973
Юлий Беркович Циркин (1935–2022).....	1	232
Монахов С.Ю. (Саратов) — Владимир Иванович Кац (1937–2023).....	1	237
Смирнова Л.О., Лурье П.Б. (Санкт-Петербург) — Александр Борисович Никитин (1956–2022).....	1	234

ПРИЛОЖЕНИЕ

RS 34.165 Письмо о битве при Нихрии. Вступительная статья, перевод с аккадского и комментарий Б.Е. Александрова (Москва).....	4	975
Коптское мученичество Стефана (P. Duke. inv. 438). Предисловие, перевод с коптского и комментарии А.А. Войтенко (Москва).....	1	240
Максим Тирский. О божестве Сократа (Or. VIII–IX). Предисловие, перевод и комментарии Г.С. Беликова (Москва).....	2	490
Песнь о Зимри-Лиме. Вступительная статья, перевод с аккадского и комментарий И.С. Архипова и А.Ф. Успенского (Москва).....	3	725

ADDENDA ET CORRIGENDA

Балахванцев А.С., Лявданский А.К. (Москва) — Balakhvantsev, A.S., Kogan, L.E., Lyavdanskyy, A.K., Tunkina, I.V. 2022: An Unpublished North West Semitic Inscription from the Collection of the Russian Archaeological Institute in Constantinople. <i>Vestnik drevney istorii</i> [Journal of Ancient History] 82/4, 911–940.....	1	248
---	---	-----

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ	–	<i>Вестник древней истории</i> . Москва
ЖМНП	–	<i>Журнал Министерства народного просвещения</i> . Санкт-Петербург, 1834–1917
ГА РК	–	Государственный архив Республики Крым, Симферополь, Россия
ПСЗ	–	<i>Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е: с 1649 по 12 декабря 1825 г.; Собрание 2-е: с 12 декабря 1825 года по 28 февраля 1881 года; Собрание 3-е: с 1-го марта 1881 г.</i> Санкт-Петербург, 1830–1916
ЦГИА СПб	–	Центральный государственный исторический архив, Санкт-Петербург, Россия
Augustinus-Lexicon	–	Mayer, C. (Hrsg.), <i>Augustinus-Lexikon</i> . Vol. 1: <i>Aaron – Conuersio</i> . Basel, 1986–1994
АНw.	–	Soden, W. von. <i>Akkadisches Handwörterbuch</i> . Wiesbaden, 1965–1981
ARM	–	<i>Archives royales de Mari</i> . Paris, 1941–
BE	–	<i>Bulletin épigraphique</i> . (Suppl. <i>Revue des études grecques</i>). Paris
BMC Ionia	–	Head, B.V. <i>Catalogue of the Greek Coins of Ionia</i> . (A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum, XIV). London, 1892
CAD	–	<i>The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago</i> . Chicago, 1956–2010
CG	–	<i>Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire</i> . Le Caire
CTH	–	Košak, S., Müller, G.G.W., Görke, S., Steitler, Ch. <i>Catalog der Texte der Hethiter</i> . URL: https://www.hethport.uni-wuerzburg.de/CTH/
DGE	–	Schwyzler, E. <i>Dialectorum Graecarum exempla epigraphica potiora</i> . Leipzig, 1923
EA	–	Knudtzon, J.A. <i>Die El-Amarna-Tafeln</i> . Leipzig, 1907–1915
Ekkehard	–	Waitz, G. <i>Ekkehardi Chronicon Universale – Ekkehardi Uraugiensis Chronica</i> . (Monumenta Germaniae historica. Scriptorum, VI). Hannover, 1844
GAG ₃	–	Soden, W. von. <i>Grundriss der akkadischen Grammatik</i> . 3. Aufl. Rom, 1995
GobPers	–	<i>Gobellini Personae Cosmodromium hoc est Chronicon Universale complectens res ecclesiae et reipublicae ab orbe condito usque ad annum Christi 1418</i> . Frankfurt, 1599
IBoT	–	<i>İstanbul Arkeoloji müzelerinde bulunan Boğazköy tabletleri [Boğazköy Tablets in the Archaeological Museums of Istanbul]</i> . İstanbul, 1944–
I.Cos Paton	–	Paton, W.R., Hicks, E.L. (eds.). <i>The Inscriptions of Cos</i> . Oxford, 1891
I.Cret.	–	Guarducci, M. (ed.). <i>Inscriptiones Creticae</i> . Vol. I: <i>Tituli Cretae mediae praeter Gortynios</i> . Vol. II: <i>Tituli Cretae occidentalis</i> . Roma, 1935–1939
I.Didyma	–	Rehm, A. <i>Didyma</i> . 2. Teil. <i>Die Inschriften</i> . Herausgegeben von Richard Harder. Berlin, 1958
IG	–	<i>Inscriptiones Graecae</i> . Berolini
IGCH	–	Thompson, M., Mørkholm, O., Kraay, C.M. <i>An Inventory of Greek Coin Hoards</i> . New York, 1973
I.Magnesia	–	Kern, O. <i>Die Inschriften von Magnesia am Maeander</i> . Berlin, 1900
I.Olympia	–	Dittenberger, W., Purgold, K. <i>Die Inschriften von Olympia</i> . Berlin, 1896
IOSPE	–	Latyshev, B. et. al. (ed.), <i>Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae</i> . Ed. 1. Vol. I, II, IV. Petropoli, 1885–1901. Ed. 2. Vol. I. Petropoli, 1916. Ed. 3. Vol. I, III, V. Digital ed., 2015–2017. URL: https://iospe.kcl.ac.uk/index.html
I.Cos Segre	–	Segre, M. <i>Iscrizioni di Cos</i> . Vol. I–III. Rome, 1993

-
- Isid. Hist. — Попова, А.М., Тюленев, В.М. Исидор Севильский. История готов, вандалов и свевов. В сб.: И.В. Кривушин (ред.), *Формы исторического сознания от поздней античности до эпохи Возрождения (Исследования и тексты)*. Иваново, 2000
- KBo — *Keilschrifttexte aus Boghazköi*. Leipzig—Berlin, 1916—2019
- Michel Recueil — Michel, Ch. *Recueil d'inscriptions grecques*. Bruxelles, 1897—1900
- Milet I — Wiegand, Th., Knackfuss, H., Friedrich, C. (Hrsg.). *Milet. Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchungen seit dem Jahre 1899*. Bd. I/2. *Das Rathaus von Milet*. Berlin, 1908
- Milet VI 3 — Herrmann, P., Günther, W., Ehrhardt, N. *Inschriften von Milet*. Teil 3. *Inschriften n. 1020—1580*. Berlin—New York, 2006
- OGIS — Dittenberger, W. *Orientis Graeci inscriptiones selectae*. Vol. I—II. Lipsiae, 1903—1905
- PM III.1 — Porter, B., Moss, R.B., Malek, J. (eds.). *Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs and Paintings*. Vol. III. *Memphis*. Pt. 1. *Abû Rawâsh to Abûsîr*. 2nd ed. Oxford, 1974
- PM III.2 — Porter, B., Moss, R.L.B., Malek, J. (eds.). *Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs and Paintings*. Vol. III. *Memphis*. Pt. 2. *Saqqâra to Dahshûr*. 2nd ed. Oxford, 1981
- PM V — Porter, B., Moss, R.L.B. (eds.). *Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs and Paintings*. Vol. V. *Upper Egypt: Sites (Deir Rîfa to Aswân, excluding Thebes and the temples of Abydos, Dendera, Esna, Edfu, Kôm Ombo and Philae)*. Oxford, 1937
- PN — Ranke, H. *Die ägyptischen Personennamen*. Bd. I. *Verzeichnis der Namen*. Glückstadt, 1935; Bd. II. *Einleitung; Form und Inhalt der Namen; Geschichte der Namen; Vergleiche mit anderen Namen; Nachträge und Zusätze zu Band I; Umschreibungslisten*. Glückstadt—Hamburg—New York, 1952
- Proc. Bell.Goth — Кондратьев, С.П. *Прокопий Кесарийский. Война с готами. О постройках*. Москва, 1996
- RA — *Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale*. Paris
- RIMA — Grayson, A.K. *The Royal Inscriptions of Mesopotamia, Assyrian Periods*. Vol. I—III. Toronto, 1987—1996
- RINAP — *Royal Inscriptions of the Neo-Assyrian Period*. URL: <http://oracc.museum.upenn.edu/rinap/index.html>
- RS — Ras Shamra, inventory number of texts from the Ras-Shamra (Ugarit excavations)
- SEG — *Supplementum epigraphicum Graecum*. Leiden—Boston
- Syll.³ — Dittenberger, W., von Giertringen, H., Freiherr, Fr. (Hrsg.). *Sylloge Inscriptionum Graecarum*. Hildesheim—Zürich—New York, 1982
- Tit. Calymnii — Segre, M. *Tituli Calymnii*. (Annuario della Scuola Archeologica di Atene e delle Missioni Italiane in Oriente, 22—23; nuova serie VI—VII, 1944—1945). Bergamo, 1952
- Wb. — Erman, A., Grapow, H. (Hrsg.), *Wörterbuch der ägyptischen Sprache*. Bd. I—V. 4. Aufl. Berlin, 1982

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Богданов И. В.</i> (Санкт-Петербург) — О судьбе двух рельефов Древнего царства из раскопок Селима Хасана в Саккара	763
<i>Немировский А. А.</i> (Москва) — Об одной неопубликованной ассирийской печати (ММА 1999.325.90)	778
<i>Бессонов И. А.</i> (Москва) — Древнееврейские пророчества о восстановлении династии Давида: фольклорная и литературная традиция и ее отражение в библейской литературе	796
<i>Иванова А. В.</i> (Москва) — Источники импортов восточного происхождения в святилище Геры на Самосе	813
<i>Меркин Д. Б.</i> (Москва) — Стела из Асклепиона на о. Кос как свидетельство трансформации религиозного праздника в Дидимах и «пропаганды» культа Аполлона	823
<i>Дымская Д. Д.</i> (Санкт-Петербург) — Катилина и лозунг <i>tabulae novae</i>	836
<i>Напольских В. В.</i> (Москва/Екатеринбург) — Иордан и его «Гетика» в труде Родриго Хименеса де Рады « <i>De rebus Hispaniae</i> »	850

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

<i>Ladynin I. A.</i> (Moscow) — An Egyptian Sculptors' Model of the Late Period in the Pushkin State Museum of Fine Arts, Moscow (ГМИИ I, la 4127)	868
--	-----

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Демидчик А. Е.</i> (Санкт-Петербург/ Новосибирск), <i>Макеева Н. В.</i> (Санкт-Петербург) — Вклад ленинградской школы египтологии в мировую науку о Древнем Востоке	877
<i>Колышницyna Н. В.</i> , <i>Ланцов С. Б.</i> (Симферополь) — Заграничные командировки выпускников Императорского историко-филологического института	902

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Короленков А. В.</i> (Москва) — J. G e r r i s h. <i>Sallust's Histories and Triumviral Historiography: Confronting the End of History</i> . London—New York, 2019	929
<i>Тункина И. В.</i> (Санкт-Петербург) — Г. М. Николаенко, Т. Н. Смекалова, Э. А. Терехин, А. Е. Пасуманский. Атлас ближней хоры Херсонеса Таврического. Т. I. Санкт-Петербург, 2020; Г. М. Николаенко, Т. Н. Смекалова, Э. А. Терехин, Е. Н. Воскресенская, В. В. Лебединский, А. Е. Пасуманский. Атлас ближней хоры Херсонеса Таврического. Т. II. Санкт-Петербург, 2022	934
<i>Суриков И. Е.</i> (Москва) — A. O. B o u l t o n. <i>Democracy and Empire: The Athenian Invasion of Sicily, 415—413 BCE</i> . Lanham, 2021	942
<i>Никольский И. М.</i> (Москва) — P. R o s c h e. <i>Dracontius' Orestes</i> . London, 2022	950

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Андреева Е. Н.</i> , <i>Кириллова М. Н.</i> , <i>Соломатина Е. И.</i> (Москва) — Симпозиум «Историк и текст—XI» и круглый стол «Цивилизации древнего Ближнего Востока и античности: историческая динамика общего и особенного» (Москва, 30 июня — 1 июля; 12—13 декабря 2022 г.)	956
<i>Габелко О. Л.</i> (Москва) — XIII Всероссийская конференция «Миусские античные посиделки» (Москва, 31 марта — 1 апреля 2023 г.)	964

PERSONALIA

<i>Арутюнян А. Ж.</i> (Ереван, Армения) — Яков Амазаспович Манандян: к 150-летию патриарха армянской историографии	969
Курт Арнольд Раафлауб (1941–2023).....	973

ПРИЛОЖЕНИЕ

RS 34.165. Письмо о битве при Нихрии. Вступительная статья, перевод с аккадского и комментарий <i>Б. Е. Александрова</i> (Москва)	975
---	-----

CONTENTS

<i>I. V. Bogdanov</i> (Saint Petersburg) – On the Fate of Two Old Kingdom Reliefs from the Saqqara Excavations of Selim Hassan	763
<i>A. A. Nemirovskiy</i> (Moscow) – About an Unpublished Assyrian Cylinder Seal (MMA 1999.325.90).....	778
<i>I. A. Bessonov</i> (Moscow) – Hebrew Prophecies about the Future Restoration of the Davidic Dynasty: A Folklore and Literary Tradition and Its Representation in Biblical Literature ..	796
<i>A. V. Ivanova</i> (Moscow) – The Sources of Oriental Imports at the Samian Sanctuary of Hera..	813
<i>D. B. Merkin</i> (Moscow) – The Marble Stele from Asklepeion of Cos as a Testimony of the Transformation of the Religious Festival in Didyma and the “Propaganda” of Apollo’s Cult	823
<i>D. D. Dymkaya</i> (Saint Petersburg) – Catiline and the <i>tabulae novae</i> Slogan	836
<i>V. V. Napolskikh</i> (Moscow/Ekaterinburg) – Jordanes and His <i>Getica</i> in Rodrigo Jimenez de Rada’s <i>De Rebus Hispaniae</i>	850

IN WORLD MUSEUMS

<i>I. A. Ladynin</i> (Moscow) – An Egyptian Sculptors’ Model of the Late Period in the Pushkin State Museum of Fine Arts, Moscow (ГМИИ I, 1a 4127)	868
--	-----

PAGES OF HISTORIOGRAPHY

<i>A. E. Demidchik</i> (Saint Petersburg/Novosibirsk), <i>N. V. Makeeva</i> (Saint Petersburg) – The Contribution of the Leningrad School of Egyptology to the Study of the Ancient East	877
<i>N. V. Kolyshnitsyna</i> , <i>S. B. Lantsov</i> (Simferopol) – Abroad Journeys of Graduates of the Imperial Historical and Philological Institute in Saint Petersburg	902

CRITICAL AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS

<i>A. V. Korolenkov</i> (Moscow) – J. Gerrish. Sallust’s <i>Histories</i> and Triumviral Historiography: Confronting the End of History. London–New York, 2019.....	929
<i>I. V. Tunkina</i> (Saint Petersburg) – G. M. Nikolaenko, T. N. Smekalova, E. A. Terekhin, A. E. Pasumansky. Atlas of the Near Chora of Taurian Chersonesos. Vol. I. Saint Petersburg, 2020; G. M. Nikolaenko, T. N. Smekalova, E. A. Terekhin, E. N. Voskresenskaya, V. V. Lebedinsky, A. E. Pasumansky. Atlas of the Near Chora of Taurian Chersonesos. Vol. II. Saint Petersburg, 2022.....	934
<i>I. E. Surikov</i> (Moscow) – A. O. Boulton. Democracy and Empire: The Athenian Invasion of Sicily, 415–413 BCE. Lanham, 2021	942
<i>I. M. Nikolsky</i> (Moscow) – P. Roche. Dracontius’ Orestes. London, 2022	950

NEWS AND EVENTS

<i>E. N. Andreeva</i> , <i>M. N. Kirillova</i> , <i>E. I. Solomatina</i> (Moscow) – “Historian and Text – XI” Symposium and “Civilizations of the Ancient Near East and Antiquity: Dynamics of Common and Particular” Round Table (Moscow, June 30 – July 1; December 12–13, 2022).....	956
<i>O. L. Gabelko</i> (Moscow) – All-Russian Conference “Mius Classical Table-talk XIII” (Moscow, March 31 – April 1, 2023)	964

PERSONALIA

<i>H.Zh. Harutyunyan</i> (Yerevan, Armenia) – Hakob Hamazaspovich Manandyan: On the 150 th Anniversary of the Patriarch of Armenian Historiography	969
Kurt Arnold Raaflaub (1941–2023)	973

SUPPLEMENT

RS 34.165. The Letter about the Battle of Nihriya. Introduction, Translation from Akkadian and Commentary by <i>B.E. Alexandrov</i> (Moscow)	975
---	-----